

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

Я. А. КОМЕНСКАГО.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

«НАША НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА»

на

1875 годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Янъ Амосъ Коменскій, великій славянскій мыслитель-педагогъ, принадлежитъ къ гениальнѣйшимъ представителямъ педагогическаго міра. *Чехъ* по происхожденію, горячій патріотъ, страдалецъ и безпріютный странникъ на землѣ, онъ отдалъ жизнь свою благу человѣчества, которое онъ видѣлъ въ разумномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Обнимая въ своей системѣ глубочайшія основы воспитанія и обученія, Коменскій является величайшимъ педагогомъ *всѣхъ временъ*. «Амосъ Коменскій (пишетъ одинъ изъ нашихъ педагогическихъ писателей, трудамъ котораго русская публика обязана первымъ знакомствомъ съ идеями гениальнаго педагога-мыслителя) есть истинный родоначальникъ и основатель современной педагогической науки, составляющей славу и гордость нашихъ дней. Славянская мысль въ лицѣ Коменскаго тоже сдѣлала для педагогики, что въ лицѣ Коперника (также Славянина) она совершила для астрономіи». Въ этомъ смыслѣ Коменскій есть истинный «Коперникъ педагогическаго Космоса».

Другой изъ нашихъ педагоговъ пишетъ: «*Эллинъ Платонъ и славянинъ Коменскій* — вотъ двѣ основныя педагогическія эпохи, которыя дѣйствительно внесли въ міръ новыя педагогическія начала».

Такой взглядъ не преувеличенъ и раздѣляется даже нѣмецкими учеными педагогами, не охотно признающими чужой авторитетъ въ той области, которую они считаютъ исключительно своимъ достояніемъ.

Такъ, извѣстный историкъ *Раумеръ* признаетъ Коменскаго «универсальнымъ педагогическимъ гениемъ» и говоритъ, что глубокія основы воспитанія и обученія у Коменскаго развиты и выражены имъ въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, что въ этомъ отношеніи вся послѣдующая педагогія получила лишь очень незначительныя и второстепенныя приращенія. «Вліяніе Коменскаго, на позднѣйшихъ педагоговъ, пишетъ Раумеръ, неизмѣримо. Конечно, часто бываетъ трудно рѣшить, знали ли они Коменскаго или же сами нашли тѣ же начала. У Руссо, Базедова и Песталлоцци мы найдемъ много такого, что уже *раньше сказалъ Коменскій*». «Педагогическій идеалъ Коменскаго такъ совершенъ и полонъ, что, по мнѣнію Раумера, всѣ новѣйшія усовершенствованія воспитанія еще далеко не осуществляютъ его». Того же мнѣнія о Коменскомъ *К. Шмитъ*. къ этому прибавимъ, что сличая, напр., «Основныя начала воспитывающаго обученія» Дистервега съ трудами Коменскаго, мы въ послѣднихъ находимъ *дословно* выраженными тѣ положенія, открытіе которыхъ принято усвоивать нѣмецкому гению.

Болѣе двухъ вѣковъ прошло со времени Коменскаго, и только въ послѣднее время начали цѣнить его заслуги въ исторіи науки о воспитаніи. Это явленіе понятно относительно нѣмцевъ: они такъ долго пользовались славой педагогическихъ учителей всего міра, такъ привыкли чтить своихъ Франка, Базедова, Песталлоцци *отцами* современной педагогіи,—что не въ ихъ интересѣ признать *первенство* въ этой области *славянскаго* гения и, такимъ образомъ, своихъ «отцовъ и учителей» разжаловать въ дѣтей и учениковъ. Но по отношенію къ славянскому міру—столь продолжительное забвеніе роднаго гениальнаго мужа непонятно и можетъ быть объяснено развѣ свойственною славянской расѣ беззаботностью, отчасти недостаткомъ вниманія къ своему историческому прошлому. Какъ бы то ни было, 200 лѣтъ нужно было пройти,—чтобы міръ педагогическій снова озаренъ былъ сіяніемъ гениальной мысли изъ далекаго прошлаго. Празднованіе 200-лѣтія Коменскаго точно всѣхъ пробудило. Не только Чехи постарались издать труды роднаго своего педагога, но и Нѣмцы потщились

перевести его «Великую Дидактику» и торжественно признали историческое значеніе ея автора въ исторіи педагогіи. Съ этого же времени и у насъ начинается извѣстность Коменскаго *), до того времени даже и по имени у насъ почти неизвѣстнаго.

Одною, впрочемъ, изъ причинъ поздняго знакомства нашего съ Коменскимъ слѣдуетъ признать *рѣдкость* его сочиненій, а равно и то, что они писаны на *латинскомъ языкѣ*, недоступномъ для большинства.

Между тѣмъ, *идеи Коменскаго* и теперь, черезъ 200 лѣтъ, свѣжи, новы и глубоки. Читатели «Семьи и Школы» уже знакомы съ ними, и знаютъ, какою проникнуты онѣ гуманностью, задушевною теплотою и вмѣстѣ глубиною, основательностью и практичностью.

Предпринявъ изданіе «Великой Дидактики», редакціи намѣрена дать читателямъ *особую обстоятельную статью* о жизни и трудахъ ея великаго автора; теперь же ограничивается сообщеніемъ лишь немногихъ существенныхъ свѣдѣній объ авторѣ и замѣчаній объ издаваемомъ его твореніи.

Коменскій родился въ Моравіи, 28 марта 1592 г.,—значить, болѣе 280 лѣтъ назадъ. Онъ вышелъ изъ народа; отецъ его былъ простой мельникъ, принадлежавшій къ общинѣ Моравскихъ Братьевъ. Еще ребенкомъ Янъ уже потерялъ родителей и о немъ нѣкому было заботиться. На 16-мъ году онъ только началъ ходить въ школу и учиться латыни. Школы того времени были въ крайнемъ упадкѣ, всюду только и царилъ латынь и схоластика. Коменскій вынесъ на себѣ не только всю тяжесть невзгодъ ранняго сиротства, но и всѣ истязанія схоластической школы, которую онъ позднѣе такъ безпощадно бичевалъ. Воспоминаніе о потерянномъ школьномъ времени вызывало у него слезы. «Ахъ, какъ часто,—говоритъ онъ,—послѣ того, какъ захотѣлось мнѣ узнать лучшее, воспоминаніе о моей утраченной юно-

*) 200-лѣтній юбилей Коменскаго у насъ праздновался въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго «Славянскаго Комитета», гдѣ г. Мировпольскій говорилъ рѣчь о Коменскомъ и его значеніи въ педагогіи. Рѣчь эта была напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1870 г., за мѣсяцы сентябрь и октябрь.

сти тѣснило грудь мою и выжимало у меня слезы изъ глазъ, какъ часто восклицалъ я въ порывѣ скорби словами поэта:

„О если бы Юпитеръ возвратилъ мнѣ утраченные годы!“

Напрасная скорбь! Протекшіе дни невозвратимы. Одно остается, одно лишь возможно: дать совѣтъ потомству,—совѣтъ, который я въ силахъ дать, и разъясненіемъ способа, которымъ наши учителя ввели насъ въ заблужденіе, показать путь, которымъ можно избѣжать ошибокъ». Вотъ гдѣ *субъективная*, такъ-сказать, причина, вызвавшая Коменскаго на служеніе образованію, воспитанію, школѣ. Испытавъ самъ всю горечь воспоминаній объ утраченномъ времени, всю мучительность убивающаго жизнь схоластическаго ученія, Коменскій посвятилъ жизнь свою задачѣ—избавить другихъ отъ этихъ страданій, утратъ, отъ этой горечи позднихъ и бесполезныхъ сожалѣній.

Другая, болѣе сильная и глубокая, *объективная* основа его задачъ, дѣятельности и стремленій, это — пламенная любовь къ своей родинѣ и вѣра, что только разумное воспитаніе и обученіе могутъ создать лучшую будущность угнетенному народу и возродить его. Эта задача стала его миссіонерскимъ посланничествомъ, и она-то стяжала безсмертіе Коменскому.

Но *гдѣ* же и *какъ* могъ получить Коменскій всю широту развитія, глубину идей и замѣчательную для того времени эрудицію, бывъ покинутъ сиротою и отданный на жертву схоластики?—Здѣсь-то и сказалась геніальная натура великаго человѣка. Онъ скоро понялъ всю пустоту старой школы, всю безцѣльность схоластики; мощный духъ его рвался дальше; ему видѣлась за этою школою и образованіемъ—*другая* школа, иной умственный трудъ; передъ нимъ раскрывались необъятныя задачи мысли, знанія, подвиговъ на пользу человѣчества. Онъ успѣшно прошелъ курсъ старой школы; но ему не сидѣлось дома. Слухи о великихъ людяхъ его времени манили его впередъ: онъ отправился *странствовать*. Это путешествіе было истинною школою для великаго ума. Коменскій шелъ *учиться* и работалъ вездѣ съ страстною энергіей и замѣчательнымъ успѣхомъ. Онъ обошелъ *всю Европу*, слушалъ всѣхъ знаменитостей того времени, всѣхъ представителей европейской мысли, между которыми были замѣчательные люди,

и когда возвратился на родину,—онъ уже обладалъ такими познаніями, опытомъ и даже извѣстностію, что ему прямо поручили управленіе школами цѣлаго округа (Фульвенцаго). Отсюда начинается полная жизни и страстнаго увлеченія кипучая дѣятельность Коменскаго на родинѣ и затѣмъ его страдальческая жизнь. Едва успѣлъ онъ поставить забитую школу на ноги, какъ страшный погромъ отечества (послѣ несчастной Бѣлогорской битвы 1620 г.) разбилъ всѣ его труды. Но у него оставалась семья—жена, двое нѣжно любимыхъ малютокъ и драгоценная для того времени библіотека, въ которой было много его собственныхъ рукописей,—плодъ долгихъ работъ и многолѣтнихъ практическихъ занятій; онъ не терялъ духа и продолжалъ трудиться. Но вотъ новая страшная гроза,—и все его счастье, всѣ его надежды исчезли въ испанскомъ разгромѣ Фульнека (1621 г.) Коменскій потерялъ все: жену, малютокъ, библіотеку, свои рукописи... Одинокій и безпріютный, среди развалинъ своего счастья и разгрома горячо любимой родины, стоялъ великій человѣкъ. Съ этихъ поръ Коменскій уже не имѣлъ постоянного пріюта и до конца жизни оставался странникомъ. Сначала онъ нашелъ себѣ пріютъ у славнаго Карла Жеротинскаго, извѣстнаго покровителя Моравскихъ братьевъ (Янъ Коменскій былъ ихъ послѣднимъ епископомъ); но скоро враги проникли въ это убѣжище; тѣснимыя и преслѣдуемые отвсюду братья, съ Амосомъ во главѣ, разбрелись по лѣсамъ, скрываясь въ пещерахъ, рискуя заплатить головой за вѣрность вѣрѣ и родинѣ, пока, наконецъ, публичнымъ декретомъ не были осуждены на совершенное изгнаніе за то, что никто изъ патріотовъ не рѣшился измѣнить своимъ убѣжденіямъ.

Не будемъ слѣдить за подробностями страннической жизни Коменскаго:—это дѣло его обстоятельной біографіи; скажемъ только, что всѣ преслѣдованія и самое изгнаніе не убили въ немъ энергіи, самоотверженнаго служенія на пользу человечества. Онъ неутомимо работалъ теоретически и практически—преимущественно въ области педагогіи,—устроить школы, распространять разумныя воззрѣнія на воспитаніе и обученіе, составлялъ учебники, руководства, и въ тоже время обрабатывалъ дидактику, какъ науку, выводя ее изъ глубочайшихъ психологическихъ началъ.

Писалъ Коменскій *чрезвычайно много*. Паломникъ, специально собиравшій свѣденія о литературныхъ трудахъ Каменскаго, насчитываетъ въ своемъ каталогѣ трудовъ славянскаго педагога *девяносто два* сочиненія. Многія изъ нихъ теперь утрачены; но названія ихъ свидѣлствуютъ объ обширности и всесторонности познаній и работъ Коменскаго. Онъ писалъ о богословіи, о политикѣ, исторіи; занимался философіей, физикой, математикой и обрабатывалъ, по идеѣ своей «пансофіи», педагогическую энциклопедію наукъ. Его собственно педагогическіе труды, изданные въ 1657 г., представляютъ громадный томъ in folio, мелкой печати, заключающій въ себѣ болѣе 1000 листовъ, въ 4-хъ частяхъ. Изданіе это, теперь очень рѣдкое и даже драгоценное, вышло въ свѣтъ по опредѣленію амстердамскаго сената, посвящено Амстердаму и было редактировано самимъ авторомъ. Общее заглавіе его: «I. A. Comenii opera omnia didactica»; въ немъ, между другими твореніями, заключается и знаменитая «Великая Дидактика» Коменскаго, которую мы теперь представляемъ нашимъ читателямъ. Написана она была въ 1628 г., слѣдовательно—около *двухсотъ пятидесяти лѣтъ* тому назадъ; въ свѣтъ явилась она сперва на чешскомъ языкѣ, потомъ авторъ перевелъ ее на литературный языкъ того времени—латинскій. Чешскій подлинникъ, кажется, утраченъ теперь.

Кромѣ «Великой Дидактики», между современниками Коменскаго особенно славою пользовалась его «Отверзтая дверь языковъ» (Janua linguarum reserata) и «Orbis pictus». «Janua» выдержала безчисленное множество изданій и была переведена вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ на 12 европейскихъ языковъ и даже проникла на востокъ; а «Orbis pictus» и до сихъ поръ еще переводится и существуетъ за границей, служа прототипомъ нашихъ «наглядныхъ» книгъ для дѣтскаго чтенія. Одинъ изъ современныхъ педагоговъ, оцѣнивая историческое значеніе Коменскаго, дѣлаетъ сравненіе знаменитыхъ подарковъ *трехъ* европейскихъ расъ дѣтскому міру. Романская раса подарила *Телемака*, англо-саксонская—*Робинзона*, славянская—«Orbis pictus».—*Телемакъ* это метода воспитанія привилегированныхъ *сословій*, прозаическая, *разсудительная*, въ основѣ которой лежитъ разсудочная идея *дома*. *Робинзонъ*—это метода воспитанія смысленности, развитія умственныхъ и мускуль-

ныхъ сизъ, въ основѣ которой та же *разсудительность* и идея *нужды*. Оба произведенія сотканы изъ *резонанса*, первое—изъ моральныхъ, второе—изъ житейскихъ. «*Orbis pictus*» Коменскаго отличается отъ обоихъ, какъ отличается жизнь отъ общихъ правилъ, какъ отличается полный духъ человѣчности отъ односторонняго духа какой-либо специальности. Развитие человеческой личности не есть для Коменскаго тѣнь *приключеній* (каковы приключенія Телемака и Робинзона), но радостное, свѣтлое возрастаніе духа, питающагося созерцаніемъ «необъятнаго, вѣчно прекраснаго Божьяго міра». Это сравненіе показываетъ съ очевидностью, что славянскій геній Коменскаго есть та творческая сила, которая положила глубокія основы для истинно-гуманнаго просвѣщенія и воспитанія человечества.

Очень понятно и естественно, что Коменскій являлся своимъ современникамъ чѣмъ-то необычайнымъ, удивительнымъ. Такъ одинъ изъ современныхъ Коменскому писателей, Ад. Вейнгемейеръ пишетъ: «*Hic vir (Comenius) dono quodam providentiae qenitus est, in quo totas vires suas experitur didactica.*».

Ученый Petrus Golia (1641 г.) писалъ брату своему профессору восточныхъ языковъ въ Лейденѣ, что переводя «*Janua Linguarum*», на арабскій языкъ, онъ внушилъ такую любовь къ этой книгѣ ученымъ магометанамъ, что тѣ сами принялись за переводъ ея на восточные языки.

Адольфъ Тассій писалъ также: «*Fervet jam per omnes Europae angulos pansophicum et melioris didacticae (Comenii) Studium.*» *Bayl*, французскій писатель прошлаго вѣка писалъ о «*Janua*»: *Quand Comenius n'auroit publié que ce livre-là, il se serait immortalisé.* И если эта слава временно находилась въ забвеніи, то много виною была здѣсь грозная и мрачная эпоха 30-лѣтней войны: не одна педагогія понесла утраты въ буряхъ и кровопролитіи ожесточенной борьбы, громившей всю Европу...

Всемирная слава Коменскаго не уничтожила однако въ немъ врожденной скромности и даже недовѣрія къ своимъ трудамъ. Онъ радовался, что его повсюду призываютъ власти для устройства школъ на новыхъ началахъ и ревностно трудился въ этомъ дѣлѣ; но онъ удивлялся тому, что даже ранніе его труды принимаются съ увлеченіемъ всѣми. Такъ, онъ пишетъ io «*Janua lin-*

guarium: «Случилось то, чего я не воображалъ: это дѣтское сочиненіе (puerile istud opusculum) принято было съ всеобщимъ одобреніемъ. Меня отъ души поздравляли съ новымъ изобрѣтеніемъ ученые различныхъ націй; моя книга была переведена на 12 европейскихъ языковъ, я самъ видѣлъ эти переводы, — именно на латинскій, греческій, чешскій, польскій, нѣмецкій, шведскій, голландскій, англійскій, французскій, испанскій, италіанскій и венгерскій; а изъ азіатскихъ — на арабскій, турецкій, персидскій и даже монгольскій, который понимаетъ вся Остъ-Индія». Не довѣряя общимъ похваламъ, Коменскій до конца дней своихъ трудился и исправлять свои работы.

Много еще невыгодъ и потерь испыталъ страдалецъ и безпріютный труженникъ въ своей жизни, особенно тяжела была для него потеря рукописи его сравнительнаго латинско-чешскаго и чешско-латинскаго словаря, на составленіе котораго онъ употребилъ 20 лѣтъ и который погибъ въ шведскомъ разгромѣ Лешны, гдѣ сгорѣли и матеріалы для его «пансофіи». Но мощная и энергичная натура Коменскаго не терпѣла бездѣйствія, и онъ писалъ, училъ, старался водворить между людьми миръ и правду, пока на 80 году своей жизни, 15 ноября 1671 г., смерть не прекратила его жизни.

Исторія оставила намъ скромный и величественный образъ великаго генія славянской мысли. Коменскій отличался глубокою и задушевною религіозностію, въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ. Онъ былъ полонъ всепрощающей любви; онъ никого и никогда не проклиналъ и не осуждалъ; чистая, довѣрчивая душа его не знала обмана, и хотя многіе его обманывали и пользовались его простотою (за что онъ и платился), но онъ не переставалъ вѣрить въ человѣка и въ добро. Въ страшныхъ испытаніяхъ жизни, Коменскій сохранилъ себя и не отдался ни озлобленію, или враждѣ, ни постыдному равнодушію и апатіи, — онъ остался до конца вѣренъ своему высокому призванію. Одинокій, загнанный далеко отъ родины, все потерявшій, онъ жилъ мыслью, что послужить возрожденію отечества своими трудами. Сердце его было полно добромъ и желаніе добра всему человечеству, даже врагамъ своимъ, не покидало его. Несчастія не надломили великой души, но они отразились на ней къ концу жизни великаго страдальца усиленіемъ религіозности, которая стала переходить даже въ мисти-

цизмъ, столь не свойственный ясному уму и свѣтлой мысли его раньше. Но несчастія его по истинѣ были безпримѣрны и великая душа его болѣла и страдала за себя и за всѣхъ; онъ вперялъ взоръ въ будущее и старался разгадать его тайны; онъ жилъ чаяніемъ возврата счастья своей родины, и очень естественно, что настроеніе его мало-по-малу принимало характеръ созерцательный. Но онъ никогда не былъ фанатикомъ, суевѣромъ или ханжой; высокочестная и благородная натура его была всегда искренна и правдива.

По отзывамъ современниковъ, Коменскій былъ высокаго роста, красивой и величавой наружности, съ длинною бородою, высокимъ челомъ, съ добрымъ, но скрывающимъ тихую печаль взглядомъ; въ обращеніи онъ былъ мягокъ, серьезенъ и въ тоже время чрезвычайно привлекателенъ.

Обращаясь къ переводу «Великой Дидактики» Коменскаго, мы должны сказать, что этотъ трудъ справедливо считается лучшимъ выраженіемъ его педагогическаго генія. «Великая Дидактика» написана была Коменскимъ въ самую цвѣтущую пору его возраста (35-ти лѣтъ); когда его мощный духъ еще не былъ смятъ бурями невзгодъ, когда онъ былъ чуждъ и того мистическаго элемента, который сталъ появляться въ немъ къ концу его жизни. Въ этомъ трудѣ видѣнъ широкій размахъ мысли глубокой и вполне свѣжей, которую не сгузила практика жизни и ограниченныя ея условія. Вполнѣ сознавая новостъ и самобытность своего труда, онъ вступаетъ въ борьбу съ старымъ порядкомъ дѣлъ, съ преданіями и предрасудками; но онъ полонъ вѣры въ свою миссію, въ истину своихъ убѣжденій, а потому смѣло и рѣшительно обѣщаетъ лучшую будущность школъ и воспитанію въ своихъ трудахъ; не испытавъ бурь, онъ смѣло плыветъ на полныхъ парусахъ, не лавируя, не обходя трудностей, но давая свободный ходъ теченію своихъ мыслей. Въ этомъ трудѣ зерно всего, что создано было имъ въ области дидактики въ послѣдующее время.

Правда, что современное Коменскому невысокое состояніе наукъ было важнымъ для него препятствіемъ и положило даже отпечатокъ на его трудъ: нѣкоторыя изъ его научныхъ данныхъ и объясненій природы—нынѣ уже *несостоятельны*; но это не уменьшаетъ важности и глубокой истинности его *педагогическихъ идей*. Съ другой стороны, читатели замѣтятъ, особенно въ первыхъ главахъ «Дидак-

тики», весьма сильный *религиозный элементъ*, который также составляетъ характеристическую черту не только лично Коменскаго, но и той *эпохи*, въ которую онъ жилъ. Редакція не нашла возможнымъ и не считала себя вправѣ производить *кастрацію* великаго созданія, пригонять его къ нашей эпохѣ, «исправлять и очищать» его по какимъ-бы-то-ни-было тенденціознымъ взглядамъ. Мы *переводимъ*, а не сочиняемъ; задача же перевода—не исправленіе, а возможно точное и вѣрное воспроизведеніе *подлиннаго текста*. И каждому изъ читателей, безъ всякихъ напоминаній и объясненій понятно, что *250 лѣтъ* тому назадъ наука и жизнь во многомъ не походили на современную жизнь и науку.

Для болѣе яснаго и опредѣленнаго выраженія нашего взгляда на дѣло и отношеніе къ предпринятому труду, считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о значеніи педагогическихъ трудовъ Коменскаго, высказанное однимъ изъ современныхъ нашихъ педагогическихъ писателей, и которое мы вполнѣ раздѣляемъ. «Чтобы вполнѣ оцѣнить важность педагогическихъ идей Коменскаго, не должно забывать, что онъ явился болѣе, чѣмъ за два вѣка назадъ, а между тѣмъ многія изъ этихъ идей и теперь *новы*. Правда, многое теперь кажется для насъ очень *простымъ*, но вѣдь простымъ кажется всякое великое открытіе, когда его сдѣлають. Что можетъ быть проще закона тяготѣнія или силы пара? однако открытіе столь *простыхъ* вещей произвело эпоху въ человѣчествѣ: таковы же великія «простыя» педагогическія идеи Коменскаго. Въ отвѣтъ тѣмъ, кто назвалъ бы открытіе этихъ идей дѣломъ легкимъ и простымъ, Коменскій могъ сказать то же, что онъ влагаетъ въ уста Колумбу, съумѣвшему *просто* поставить яйцо на кончикѣ носка, и что потомъ всякій брался сдѣлать: «Potestis, quia posse vidistis: *cui autem ante te nemo?*» Всѣ великія истины наукъ о мірѣ и о человѣкѣ не изобрѣтаются и не *сочиняются* человекомъ, всѣ онѣ лежатъ *въ глубинѣ природы*, какъ неизмѣнныя ея законы, — человѣку остается только извлечь ихъ. Но это извлеченіе есть великій трудъ, требующій мощнаго, проницательнаго ума; выполнить его въ состояніи только великіе основатели человѣческаго знанія: Амось Коменскій по праву занимаетъ мѣсто въ сонмѣ этихъ благодѣтелей человѣчества. Онъ не только открылъ и указалъ золотоносную руду, но и извлекъ ее, самъ обработалъ, показалъ ея

примѣненіе, пустилъ во всеобщее обращеніе и тѣмъ увеличилъ сумму благъ человѣческаго существованія. Какъ *оригинальный и глубокий* педагогическій мыслитель, Коменскій навсегда останется въ педагогическомъ путеводномъ звѣздѣ, указывающею другимъ труженикамъ науки истинный путь. Читая и перечитывая педагогическіе труды Коменскаго, невольно проникаешься къ нему глубокимъ уваженіемъ и испытываешь на себѣ обаятельное вліяніе его великаго ума; идеи его такъ глубоки, что вызываютъ въ читателѣ цѣлый рядъ *новыхъ* идей, которыя до того времени не приходили читающему въ голову: таково свойство всѣхъ великихъ мыслителей. Подобно тому, какъ огниво, ударяясь о камень, вызываетъ заключающуюся въ немъ искру; такъ прикосновеніе мыслящаго ума къ великимъ идеямъ оригинальныхъ мыслителей вызываетъ рядъ истинъ, которыя до того лежали въ немъ, не будучи сознаны.

«Есть обычай,—разумность его общепризнана,—что люди, посвящающіе себя специально извѣстной наукѣ, желая сдѣлаться изъ учениковъ мастерами, изучаютъ кого-либо изъ древнѣйшихъ корифеевъ ея, положившаго впервые истинную *основу* наукѣ и, такимъ образомъ, создавшаго ей будущность и развитіе. Такъ, математики изучаютъ *Евклида*, философы—*Платона* и *Канта*, астрономы имѣютъ своихъ *Ньютона* и *Лапласа*, ботаники—*Линнея* и т. д. Для педагоговъ такимъ же свѣтиломъ, по нашему убѣжденію, можетъ и долженъ служить *Амосъ Коменскій*. Двухвѣковое пространство, отдѣляющее насъ отъ него, не уменьшило и не коснулось его значенія, какъ мыслителя-педагога, *глубокаго, оригинальнаго, самобытнаго*; эти черты служатъ признаками истинно-великихъ умовъ во всѣхъ сферахъ науки. Правда, нѣкоторыя изъ его мнѣній для нашего времени *не пригодны*, иное *отжило* свой вѣкъ; но развѣ труды Ньютона и Лапласа, представителей точнѣйшей изъ наукъ, для нашего времени безусловно истинны не только въ основахъ, но и въ частностяхъ? Извѣстно также, что система Линнея для нашего времени потеряла свое значеніе; а между тѣмъ, кто же станетъ отрицать всю научную важность его трудовъ и кто изъ «мастеровъ» ботаники не изучалъ Линнея? Такъ точно и въ Коменскомъ—мы цѣнимъ не подробности, не мелочи, не дополнительные построенія, но *основы, глубокія начала, методъ и духъ* его педагогическаго, живыя и цѣнныя—и для насъ, и для всѣхъ временъ.

«Изученіе трудовъ Коменскаго, по нашему убѣжденію, вполне можетъ сообщить мысли тѣхъ, кто изучаетъ его, здравый критическій взглядъ на дѣло, основательность, самостоятельность и глубину въ пониманіи основъ педагогической науки. Изученіе его, кромѣ того, можетъ всякому доставить минуты самаго высокаго и чистаго наслажденія. Какая простота и ясность выраженія, какая теплая и задушенная сердечность, любовь и преданность великому дѣлу, наконецъ, какая высокая гуманность проникають всё его труды! Изучая Коменскаго, мы научаемся не только знать, но и *любить* великую педагогическую миссію, научаемся самоотверженно служить на пользу образованія народнаго. Наконецъ, изучая Коменскаго, мы научимся у него и той благородной *скромности*, которая составляетъ типическую черту нашего педагога-славянина и характеризуетъ истинно-глубокую натуру его. То обстоятельство, что два вѣка раздѣляютъ насъ съ Коменскимъ,—служить не во вредъ для насъ, а въ пользу. Онъ является для насъ *вполнѣ человекомъ науки, чуждымъ тенденціозности, увлеченій дня* и духа партій, раздѣляющихъ и тревожно-волнующихъ современный намъ педагогическій міръ. Онъ шелъ прямо къ цѣли и видѣлъ передъ собою только истинное благо человѣка и его естественное развитіе». *).

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что о Коменскомъ писано было не мало; приводимъ наиболѣе важные труды: *Bayle* Dict. histor. et crit. art. Comenius.—*D. Crons*, Alte und neue Bruderhistorie, 2 Aufl., 1772.—*Müller*, Bekenntnisse merkwürdiger Männer, 2 Bnd.—*Pillet* въ «Biographie universelle». IX. Paris. 1813.—*Zipser* въ «Ersch und Gruber's Allg. Encyclopädie, 18 Th. 1829.—*Schwarz*, Erziehungslehre, 2 Aufl. 1829.—*Raumer*, Gesch. d. Pädag. 2 Aufl. 1847, II Th.—*Lautbecher*, I. A. Comenius Lehrkunst. Leipz. 1853.—*Dickhoff*, въ Herzog's Real Encyclop. 3 Bnd. 1855.—*Gindely*, Ueb. des I. A. Comenius Leben und Wirksamkeit in der Fremde. Wien. 1855 (Сообщеніе историко-философскому отдѣленію императорской академіи наукъ).—*Ziegler*, Programm des Gymnasiums zu Lissa vom J. 1855.—*Ludwig*, Grundsätze und Lehren vorzüglichen Pädagogen 1863.—*K. Schmid*, Gesch. d. Pädagog. Gothe. 1863.—*G. Vauk*, въ Encyclop. des gesamt. Erzieh. u. Unterrichtswesens v. K. Schmid.—Фр. *Палацкій*, «Жизнь Я. А. Коменскаго». На русскомъ языкѣ, кромѣ перевода статьи Палацкаго, известны: «А. Коменій, педагогъ XVII вѣка» (по Раумеру и Людвигу) въ журналѣ *Воспитаніе*.—*Куликова*. «I. A. Коменскій, педагогъ XVII вѣка, въ Журналь Мин. Нар. Пр. 1870 г. (по Люну и Витштоку); *Модзалевскаго*, Исторія воспитанія и обученія Сиб. 1866 г. ч. II, стр. 374—398; въ журналѣ *Учитель* 1870 г. «Коменскій и его «Didactica Magna». Наконецъ рядъ статей г. Маропольскаго въ «Нашей Начальной Школѣ» подъ рубрикою «Народная школа по идеямъ Коменскаго» и того-же автора три статьи въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1870 г., подъ заглавіемъ «Я. А. Коменскій и его значеніе въ педагогіи».

Представляя великій трудъ Коменскаго, впервые, въ полномъ переводѣ, мы думаемъ оказать дѣйствительную услугу и нашей педагогикѣ, и нашей школѣ. Что касается самого перевода, то онъ представляетъ значительныя трудности. Языкъ Коменскаго весьма оригиналенъ; обилёнъ неожиданными сближеніями, сравненіями, множествомъ своеобразныхъ оборотовъ, и вообще трудно поддается вѣрной дословной передачѣ въ переводѣ; тѣмъ не менѣе, редакція сдѣлаетъ все, чтобы читатели «Нашей Нач. Школы» имѣли передъ собою *дѣйствительно сочиненіе Коменскаго*, переданное съ возможною *вѣрностію*, если уже нельзя будетъ передать всѣхъ достоинствъ и красоты своеобразнаго языка Коменскаго, порою возвышающагося до восторженной поэзіи, порою нисходящаго до обыденной, почти вульгарной рѣчи.

Къ переводу будетъ приложенъ точный снимокъ съ замѣчательной гравюры 1657 г., находящейся въ Амстердамскомъ изданіи дидактическихъ сочиненій Коменскаго, съ его *портретомъ*, который, по сравненію, оказывается *лучшимъ* изъ гдѣ-либо изданныхъ портретовъ Коменскаго. Кромѣ того, на заглавномъ листѣ «Великой Дидактики» читатели найдутъ копію съ символическаго знака, изображеннаго на томъ же изданіи 1657 г., съ надписью: «*Omnia sponte fluant; absit violentia rebus*». Это основная мысль педагогическихъ воззрѣній Коменскаго, которую онъ избралъ девизомъ для своихъ дидактическихъ трудовъ: «*Во всемъ свобода и ни въ чемъ насилія*». Принципъ *свободнаго развитія*, или, что тоже, *воспитанія—сообразнаго съ природою человека*, есть высшее начало и вмѣстѣ исходный пунктъ не только «Дидактики», но и всѣхъ педагогическихъ трудовъ Коменскаго.

Въ заключеніе, редакція считаетъ своимъ долгомъ публично выразить искреннѣйшую признательность администраціи Императорской Публичной Библіотеки, предупредительно давшей возможность намъ пользоваться рѣдкимъ и драгоцѣннымъ нынѣ изданіемъ 1657 г. «*J. Comenii opera omnia didactica*». Заявленіе это для насъ тѣмъ пріятнѣе сдѣлать, что Императорская Публичная Библіотека не только въ этомъ, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ, всегда съ готовностью и живѣйшимъ участіемъ оказываетъ содѣйствіе спеціальнымъ работамъ во всѣхъ областяхъ научнаго знанія.

Заключимъ нашу рѣчь выраженіемъ искренняго желанія, чтобы великій трудъ славянскаго мыслителя-педагога нашелъ себѣ сочувственный привѣтъ въ средѣ нашихъ педагоговъ и оказалъ услугу въ улучшеніи не только практики нашего учебно-воспитательнаго дѣла, но особенно—выработкѣ самобытной національной педагогической системы.

Редація.

С.-Петербургъ.
1874 г. Декабрь.

ШЛА АМОСА КОМЕНСКАГО

ВЪЗНИКА ДИДАКТИКА,

СОДЕРЖАЩАЯ ВСЕОБЩЕЕ ИСКУССТВО ВЪЗНАЧУ ИЛИ

ИЛИ

вѣрный, испытанный способъ учрежденія во всѣхъ общинахъ,
городахъ и селахъ каждаго христіанскаго государства,
такихъ школъ, гдѣ бы все юношество обоего пола,
никого не исключая, просвѣщалось науками,
совершенствовалось въ нравахъ, навывало
благочестію, дабы такимъ образомъ
все могли достигнуть зрѣлости
и научиться всему, что не-
обходимо для этой и для
будущей жизни,

ОВСТОЯТЕЛЬНО, ЛЕГКО, ПРОЧНО,

гдѣ для всего, что предлагается,

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА извлекаются изъ самаго существа
дѣла;

ЧАСТНЫЯ ИСТИНЫ объясняются соотвѣтственными при-
мѣрами изъ механическихъ искусствъ;

ПОРЯДОКЪ ЗАНЯТІЙ распределяется по годамъ, мѣ-
сяцамъ, днямъ, часамъ, и

ПУТЬ указывается легкій и вѣрный для благополучнаго
достиженія успѣха.

Да будетъ путеводною звѣздою и «рулемъ» нашей Дидактики: изысканіе и открытіе такого способа, слѣдуя которому учителя меньше бы учили, учащіеся же большому научились; въ школахъ было бы менѣе страха, одурѣнія (*Nausea* *) и бесполезной работы, а больше прилежанія, радости и прочнаго успѣха; христіанскія общества менѣе страдали бы отъ мрака, смятенія и разлада, заключали бы болѣе свѣта, порядка, мира и спокойствія.

«Боже, ущедри ны, и благослови ны: просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны. Да познаемъ на земли путь Твой, во всѣхъ народахъ спасеніе Твое» (Псал. LXVII, 2).

*) *Nausea*—собственно морская болѣзнь, производящая тошноту и круженіе; выраженіе это соответствуетъ ранѣе употребленному образу «ргога и иррѣ», Коменскій очень часто, употребивъ извѣстное сравненіе, продолжительное время удерживаетъ однажды употребленный образъ и примѣняетъ его съ различными сторонами. Приѣмъ этотъ будетъ встрѣчаться и далѣе; онъ составляетъ типичную особенность языка Коменскаго, и нерѣдко крайне затрудняетъ переводъ.

ПРИВѢТЪ ЧИТАТЕЛЮ.

1. Дидактика предлагаетъ правила искусства обученія. Недавно нѣкоторые отличные мужи, тронутые тяжестью сизифовой *) школьной работы, предприняли трудъ отыскать эти правила; только предпріятіе ихъ, равно и успѣхъ, были не-одинаковы.

2. Нѣкоторые хотѣли составить только руководства для легчайшаго обученія тому или другому языку; другіе отыскивали кратчайшіе пути, посредствомъ которыхъ ученикъ могъ бы скорѣе овладѣть тою или другою наукою или искусствомъ; третьи придумывали еще что-нибудь; но почти всѣ старались достигнуть предположенной цѣли путемъ внѣшнихъ наблюденій, приобрѣтенныхъ при болѣе поверхностной работѣ, или, какъ говорится, приобрѣтенныхъ *a posteriori*.

3. Мы осмѣлеваемся обѣщать Великую Дидактику, т. е. всеобщее искусство всѣхъ учить всему, — и притомъ учить *наапрное*, такъ чтобы ученіе не могло оставаться безъ успѣха; далѣе, учить *скоро*, безъ отягощенія учащихся и учащихся, вызывая въ тѣхъ и другихъ не скуку, но скорѣе высшее наслажденіе; наконецъ, учить *основательно*, не касаясь только поверхности или формы, но раскрывая существо предмета, всѣхъ приводя къ истинной наукѣ, добрымъ нравамъ и внутреннему

*) *Сизифъ*, по греческимъ преданіямъ, былъ основателемъ и царемъ гор. Эфира, инослѣдствіи называвшагося Коринѳомъ. За преступленія и злодѣйства, по древнимъ сказаніямъ, въ Тартаръ долженъ былъ въ наказаніе вкатывать огромный камень на крутую гору, съ которой камень всякій разъ скатывался. Почему выраженіемъ «Сизифова работа» обыкновенно характеризуютъ трудную и въ то же время вполнѣ безплодную работу.

благочестію. Наконецъ, мы выведемъ все это научно (a priori), т. е. изъ существенной, неизмѣняющейся природы вещей, какъ изъ живаго источника, который постоянно производитъ изъ себя ручейки, впослѣдствіи опять соединяющіеся въ *одинаго* потокъ,—и такимъ образомъ, мы установимъ всеобщее искусство для образованія всеобъемлющихъ школъ.

4. Велико обѣщаемое нами и чрезвычайно желательно; но я хорошо предвижу, что обѣщанія мои для многихъ покажутся скорѣе мечтой, чѣмъ рѣчью о дѣлѣ несомнѣнно вѣрномъ. Однако пусть каждый, кто бы онъ ни былъ, воздержится съ своими сужденіями до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, что лежитъ въ основаніи дѣла; тогда же всякій будетъ имѣть право не только судить, но и осудить его. Ибо я не стремлюсь и не желаю увлечь кого-нибудь своимъ мнѣніемъ, для того, чтобы онъ заявилъ свое одобреніе дѣлу, не разслѣдовавъ его точнымъ образомъ; напротивъ, я убѣдительно прошу, умоляю, заклиная, чтобы каждый наблюдатель, самъ по себѣ приступая къ работѣ, опирался на собственныя, изощренныя, чувства (которые не должны быть затемнены какими-нибудь предубѣжденіями).

5. Дѣло это дѣйствительно очень важно; и такъ какъ оно составляетъ предметъ общаго желанія, то и должно быть взвѣшено общимъ обсужденіемъ и ревностно осуществляемо совокупнымъ трудомъ всѣхъ, ибо оно распространяется на общее благо человѣческаго рода. Какую бѣольшую и лучшую услугу можемъ мы оказать государству, какъ не обучивъ и не просвѣтивъ юношество, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ и при господствующихъ нравахъ, благодаря которымъ оно такъ упало, что—говоря словами *Цицерона*—необходимо общими силами обуздывать его и удерживать. *Филиппъ Меланхтонъ* говоритъ: «Правильное образованіе юношества будетъ поважнѣе, чѣмъ завоеваніе Трои». На это же намекаетъ и слово *Григорія Назіанзина* *). «Образовать человѣка, самое измѣнчивое и многообразное изъ всѣхъ живыхъ существъ, есть искусство искусствъ».

6. И такъ, передать «искусство искусствъ» есть дѣло

*) *Григорій Назіанзинъ*, одинъ изъ отцовъ церкви, жилъ въ V-мъ столѣтіи и извѣстенъ блестящимъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ защищалъ церковь отъ Аріанъ и Аполлинаристовъ.

чрезвычайно трудное и требуетъ тщательнаго обсужденія и соображеній не *одного* человѣка, но многихъ, такъ какъ никто отдѣльно не обладаетъ такою силою зрѣнія, чтобы значительная часть наблюдаемаго не могла ускользнуть отъ его проницательнаго взора.

7. По этому-то я вправѣ просить моихъ читателей, даже умоляю ихъ всѣхъ, ради блага всего человѣчества,—*во первыхъ*, чтобы они не считали за легкомысленный поступокъ, если кто-нибудь вознамѣрится не только попытать свои силы въ столь великомъ дѣлѣ, но даже обѣщать и успѣхъ, такъ какъ это исключительно дѣлается съ полезною цѣлью; *во вторыхъ*, чтобы они не отчаивались, если первый опытъ не дастъ немедленно благопріятнаго результата, пока не будетъ доведено до полнаго окончанія то дѣло, за которое мы столь горячо принимаемся. Такъ какъ необходимо, чтобы сначала проросли сѣмена, а потомъ уже растеніе постепенно достигало развитія. И какъ бы работа наша ни была несовершенна и далека отъ предполагаемой цѣли; но само дѣло покажетъ, что ступень, на которой оно остановилось, есть болѣе высокая и болѣе близкая къ цѣли, чѣмъ та, какой достигали до сихъ поръ. Наконецъ, прошу читателей, чтобы они принесли съ собою такое вниманіе, такую же ревность, и не только такую же независимость сужденія, но и такую же проницательность, какія приличествуютъ дѣламъ высшей важности. Считаю обязанностью показать вкратцѣ поводъ къ своей предпріятію, затѣмъ съ возможной простотою указать на главныя особенности новаго открытія, и наконецъ, съ полнымъ упованіемъ передать первое — безпристрастію, второе — дальнѣйшему обсужденію всѣхъ справедливо судящихъ.

8. «Искусство учить и учиться» на той ступени совершенства, которой оно въ настоящее время, повидимому, стремится достигнуть, было большею частью неизвѣстно въ предшествующія столѣтія, а потому и школьное дѣло и школы были преисполнены гнета и трудностей, задержекъ и мечтаній, заблужденій и промаховъ, такъ что только немногіе, одаренные отъ природы отличнѣйшими способностями, могли достигать болѣе солиднаго образованія.

9. Но посреди этого сумрака, Богъ съ недавнихъ поръ начинастъ предпосылать зарождающемуся новому вѣку какъ-

бы проблески утренней зари, возставивши въ Германіи нѣко-рыхъ доблестныхъ мужей, которые—преисполнившись отвращенія къ безпорядкамъ, порождаемымъ въ школахъ дурною методою, приложили старанія изыскать и обсудить болѣе легкій и короткій путь обученія языкамъ и наукамъ. Судя по изданнымъ ими дидактическимъ трудамъ и опытамъ, одни за другими и одни передъ другими стремятся они къ болѣшимъ успѣхамъ.

10. При этомъ я вспоминаю *Ратиха, Любина, Гельвига, Риттера, Бодена, Глаума, Фогеля, Вольфштинна* *), и того, кто

*) Изъ названныхъ писателей одни имѣютъ большее, другіе—меньшее значеніе; послѣдніе же трое почти вовсе неизвѣстны. Наиболее замѣчательнъ *Вольфгангъ Ратихъ*, род. въ 1571 г., въ Вильстерѣ, въ Голштиніи. Сначала онъ, живя въ Амстердамѣ, велъ переговоры съ принцомъ Морицомъ Оранскимъ, которому онъ предлагалъ свою новоизобрѣтенную методу обученія. Потерпѣвъ неудачу, Ратихъ представилъ въ 1612 г. «нѣмецкому государству» на франкфуртскихъ выборахъ «меморію», въ которой онъ нападаетъ на тогдашнюю методу и общается замѣнить ея лучшею. Между прочимъ, онъ предлагаетъ ввести во всѣхъ факультетахъ употребленіе нѣмецкаго языка. Поддерживаемый въ своемъ предпріятіи многими князьями, онъ былъ вызванъ, въ 1614 г., въ Аугсбургъ для преобразованія школы; вскорѣ потомъ—въ Веймаръ, въ 1618 въ Кѣбень, въ 1620 въ Магдебургъ, а въ 1622 г. въ Рудольштатъ, хотя ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ онъ не могъ достигнуть значительныхъ результатовъ и прочнаго положенія. Чрезъ посредство своей покровительницы, графини Анны-Софіи фонъ-Шварцбургъ, ему удалось представить свою методу извѣстному канцлеру Оксенштерну. Великій государственный мужъ, выслушавъ Ратиха, замѣтилъ, что онъ удачно раскрылъ недостатки школъ, но предложилъ недостаточныя средства для ихъ исправленія. Отзывъ этотъ вѣрно опредѣляетъ сущность Ратиховой методы, которая въ свое время вызывала удивленіе, хотя ее немногіе знали, такъ какъ Ратихъ ревниво охранялъ свои открытія. Это секретничанье и усиленные старанія продать свое открытіе за высокую сумму какому нибудь королю—привели къ тому, что Ратихъ не добился никакого пракческаго упражненія въ 1635 г. *Ейльгардъ Любинъ* преподавалъ въ серединѣ XVII столѣтія съ Кирхманомъ, Лаурембергомъ и др. пѣтику въ Ростоцкомъ университетѣ, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ поэзіи, докторомъ и профессоромъ богословія. Онъ родился въ Вестерштедтѣ, въ графствѣ Ольденбургъ, въ 1565 г. Любинъ отличался въ краснорѣчій и математикѣ, ухеръ ректоромъ 1 июня 1621 г. Коменскій упоминаетъ (Введеніе § 17) его «Руководство къ обученію», вѣроятно, ему извѣстное, хотя въ «Лексиконѣ» Юхера (II 2554) это руководство не упомянуто въ числѣ его другихъ сочиненій. *Христавъ Хеловинъ* или *Хельвинкусъ*, докторъ и профессоръ, а также профессоръ греческаго и восточныхъ языковъ въ Гисенѣ; родился въ Шпрендлингенѣ (Вел. Герц. Гессенъ, Оффенбахскій округъ) въ 1581 г., говорилъ на еврейскомъ языкѣ—какъ на своемъ родномъ, занимался также и медициной, слылъ за хорошаго грамматика

въ особенности заслуживаетъ вниманія, — *Иоанна Валентина Андреа*, который въ своихъ драгоценныхъ твореніяхъ превосходно обнаружилъ болѣзни, какъ церкви и государства, такъ и школы, причемъ указывалъ и на врачебныя мѣры противъ зла *). Но и Франція приняла участіе въ этомъ трудѣ, **) послѣ того какъ Жанъ-Сесиль Фрей ***) издалъ въ 1629 г., въ Парижѣ, искусно написанную дидактику подъ заглавіемъ:

и хронолога, старался составить новую дидактику. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые должны были дать отзывъ ландграфу Людовику Дармштатскому о Ратиховой методѣ, которую превозносили до небесъ. Срв. *Раумера*, «Исторію Педагогики» II, 12 и слѣд. *Франциска Риттера*. Иохеръ даетъ это имя одному проповѣднику и математику, который состоялъ приходскимъ священникомъ въ Штёкельбергѣ, въ Пфальцѣ, и писалъ именно математическія сочиненія. Маргофъ называетъ его *Риддеромъ* и сообщаетъ, что онъ написалъ «исторію преподаванія», сочинялъ книги и составлялъ библіотеку (*Polyhistor* I, 1, 16, 69). *Иоаннъ Боденъ* (*Bodinus*), знаменитый тулузскій докторъ правъ, состоявшій по назначенію Генриха III прокуроромъ въ Лаонѣ, гдѣ и умеръ, въ 1596 г., отъ чумы. Изъ своихъ многочисленныхъ сочиненій онъ велѣлъ часть сжечь передъ своею смертію. Маргофъ приводитъ его въ ряду историческихъ писателей и говоритъ (*Polyh.* III, 4, 3), что долженъ былъ бы поставить на первомъ мѣстѣ. Осуждаетъ его только за его отступленія отъ Аристотеля. «*Methodus Historiarum*» Бодена много разъ перепечатывалось. *Фогель*. Иохеръ приводитъ многихъ съ этимъ именемъ; вѣроятно, Коменскій упоминаетъ о *Езекилѣ Фогелѣ* Геттингенскомъ, жившемъ около 1621 г. и написавшемъ «*Ephemerides linguae Latinae*», въ которыхъ онъ вызывался вполне обучить мальчика въ теченіе *одного года*, при ежедневныхъ двухчасовыхъ занятіяхъ (за исключеніемъ праздничныхъ дней). У Маргофа встрѣчается *Валентинъ Гейнрихъ Фоглеръ*, который написалъ сочиненія о способностяхъ и о тогдашней испорченности занятій. *Глаумъ* и *Вольфштрингъ* совсѣмъ неизвѣстны. Приведенное перечисленіе писателей, до Коменскаго потрудившихся въ области дидактики, свидѣтельствуетъ, что онъ хорошо знакомъ былъ съ педагогическою современною ему литературой.

*) Иоаннъ Валентинъ Андреа родился въ 1586 г., въ Герренбургѣ (въ Виртембергѣ, въ Шварцвальдскомъ округѣ) и былъ значительнымъ духовнымъ лицомъ мизамской страны. Онъ боролся противъ механическаго употребленія латыни въ низшихъ ученыхъ школахъ и катихизиса въ народныхъ школахъ. Умеръ въ 1654 г., въ санѣ бобенгаузенскаго прелата.

**) Собственно: «Начала катить этотъ камень» — *volvere saxum hoc coepit*, — выраженіе, очевидно, образное.

***) Яно Саесиліо Фрей—врачъ, родился въ Кайзерштулѣ на Рейнѣ (Баденѣ), занимался преимущественно философіею, преподавалъ ее въ Парижѣ, впоследствии обратился къ врачебному искусству, получилъ степень доктора-медицины и умеръ 1 августа 1631 г., въ Парижѣ, отъ чумы. Онъ писалъ философскія и другія книги, изъ числа которыхъ особеннаго упоминанія заслуживаетъ его статья «Особенные приемы въ свободной рѣчи и въ декламации».

«Новый путь къ божественнымъ наукамъ, искусствамъ, языкамъ и краснорѣчію».

11. Какъ часто мнѣ ни приходилось раскрывать эти сочиненія, я всегда испытывалъ невыразимое удовольствіе, которое въ значительной степени умѣряло мою скорбь объ упадкѣ отечества и въ высшей степени разстроенномъ состояніи всей Германіи. Ибо я началъ надѣяться, что провидѣніе Высочайшаго Существа, конечно, ненапрасно такъ устроило, что упадокъ старыхъ школъ и основаніе новыхъ, по новымъ идеямъ, совпали въ одно и тоже время. Безъ сомнѣнія, кто имѣетъ намѣреніе возводить новое зданіе, тотъ заботится напередъ разравнять мѣсто подъ постройку, предварительно устранивъ менѣе удобныя и готовые развалиться устарѣвшія постройки.

12. Эта мысль возбудила во мнѣ радостную увѣренность, умѣряемую искреннимъ удовольствіемъ; но затѣмъ я чувствовалъ, какъ она снова пропадала, при мысли о томъ, что я не въ состояніи буду изложить съ основанія столь значительное дѣло.

13. Когда послѣ того пробудилось во мнѣ желаніе—изучить подробнѣе нѣкоторыя частности, а отъ нѣкоторыхъ людей получить также и указанія,—я обращался къ одному къ другому, къ третьему изъ таковыхъ съ письмами, но безуспѣшно; отчасти потому, что нѣкоторые слишкомъ ревниво оберегали свои открытія; отчасти же потому, что мои письма не доходили по адресу и возвращались ко мнѣ безъ отвѣта.

14. Но одинъ изъ нихъ (славнѣйшій I. В. А. *) дружески отвѣчалъ, что онъ вручаетъ намъ «факель», и такимъ образомъ вдохновилъ насъ—сдѣлать попытку. Какъ-бы побуждаемый этимъ, мой умъ началъ чаще обсуживать это дѣло, пока я, уступая страстному желанію преуспѣянія народа, не принялся за дѣло съ самаго основанія.

15. Такимъ образомъ, оставивъ проторенную другими колею, чужія изобрѣтенія, размышленія, соображенія, совѣты, я взялъ на себя трудъ изслѣдовать самое дѣло совершенно съизнова, и рассмотреть искусство обученія (или *Discentia*,—

*) По начальнымъ буквамъ не трудно узнать Іоанна Валентина Андреэ, котораго Коменскій чтилъ и котораго разсужденіе «Объ употребленіи искусства обученія» онъ даже предпосылаетъ своей «Дидактикѣ» въ изданіи «Opera Omnia Didactica».

говоря выраженіемъ Тертуліана), въ его причинахъ, принципахъ, методахъ и цѣляхъ.

16. Такимъ путемъ возникъ мой настоящій трудъ, который, надѣюсь, представляетъ дѣло въ болѣе подробномъ изложеніи, сравнительно съ тѣми, которыя появлялись до сихъ поръ; я написалъ его сначала на моемъ родномъ языкѣ, (по-чешски), на пользу моему родному народу; но вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ достоуважаемыхъ людей, перевелъ его на латинскій языкъ, для того, чтобы трудъ мой, если это окажется возможнымъ, принесъ всеобщую пользу.

17. Любовь насъ обязываетъ (какъ говоритъ Любенъ въ своей Дидактикѣ), не скрывать отъ человѣчества того, что Богъ открылъ на пользу человѣчества, но дѣлать все достояніемъ всего міра; такъ какъ, продолжаетъ онъ далѣе, природа истинно добрыхъ людей влечетъ *omnes* къ взаимному соучастию, и тѣмъ большее число соучастниковъ приходитъ въ общеніе, тѣмъ болѣе удовлетворяется это стремленіе.

18. Законъ гуманности (*lex humanitatis*) также возвѣщаетъ, что если кто знаетъ нѣчто соотвѣтственное обстоятельствамъ на пользу угнетенныхъ, тотъ не можетъ отказываться подать эту помощь, въ особенности же когда дѣло идетъ не объ одномъ лицѣ, но о многихъ; и не только нѣсколькихъ людей, но цѣлыхъ городовъ, провинцій, государствъ и даже всего человѣческаго рода, какъ въ дѣлѣ воспитанія юношества.

19. Если бы при всемъ томъ нашелся такой педантъ, который высказалъ бы мнѣніе, что занятіе школьными дѣлами чуждо призванію богослова *), то пусть знаетъ онъ, что я отъ основаній и до мелочей, въ глубинѣ души, обсудилъ этотъ вопросъ; но пришелъ къ тому убѣжденію, что не могу поступить иначе, какъ только твердо и не колеблясь приступить къ изложенію того, что божественное вдохновеніе вложило въ меня, и тѣмъ исполняя волю моего Бога.

20. Васъ прошу, христіанскія сердца, дозвоьте мнѣ съ вами бесѣдовать со всею откровенностью. Кто меня знаетъ ближе, тому не безызвѣстно, что я человѣкъ безъ претензій на великія способности и почти безъ научнаго образованія; что я однако скорблю объ утратахъ жизни и полонъ жела-

*) Коменскій, былъ послѣднимъ епископомъ «Моравскихъ Братьевъ» и извѣстенъ былъ богословскими трудами.

нѣмъ пополнить пробѣлы, своими-ли, или же (что вездѣ можетъ случиться съ помощью Божіей) открытіями другихъ людей.

21. Если поэтому въ трудѣ моемъ найдется что-либо правильное, то это не мое, но Того, Которому и «изъ устъ младенцевъ совершается хвала», Который остается всегда вѣрнымъ себѣ,—истиннымъ, благимъ, Который просящимъ даетъ, стучащему отворяетъ, ищущему предлагаетъ (Лук. II) и полученныя благодѣянія Котораго я охотно переношу на другихъ. Мой Христосъ знаетъ, что мое сердце незлобиво и не вѣдаетъ никакого различія между «учить» и «учиться», между «назидать» и «назидаться», быть-ли учителемъ учителей (если мнѣ отчасти это будетъ прилично), или ученикомъ учащихся (лишь бы была надежда на успѣхъ).

22. Итакъ, что Господь далъ мнѣ замѣтить, вотъ — я излагаю все это открыто, чтобы подѣлиться со всѣми.

23. Кто откроетъ что-либо лучшее, тотъ пусть сдѣлаетъ лучше; дабы за пренебреженіе дарованнымъ талантомъ не быть обвиненнымъ въ преступленіи предъ Господомъ, Который хочетъ, чтобы дарованія употреблялись на пользу и чтобы одинъ талантъ, данный каждому по его силамъ, пріобрѣталъ другой талантъ.

„Всегда было, есть и будетъ свойственно человѣку искать великое:
Съ Богомъ начатый трудъ не останется безплоднымъ“.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЪ „ДИДАКТИКИ“ (Тезисы).

- I. Человѣкъ есть высшее, свободное, совершеннѣйшее созданіе.
- II. Последняя цѣль человѣка въ этой жизни.
- III. Настоящая жизнь есть только приготовленіе къ будущей.
- IV. Три степени приговленія къ вѣчности: *самопознаніе, самоуправленіе и стремленіе* къ Богу.
- V. Сѣмена знанія, нравственности и религіи — врождены намъ.
- VI. Всякій человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе.
- VII. Образованіе человѣка наиболѣе удобно совершается и должно совершаться въ раннемъ возрастѣ.
- VIII. Для совокупнаго образованія юношества необходимы школы.
- IX. Всѣ дѣти обоего пола должны посѣщать школы.
- X. Обученіе въ школахъ должно быть общее.
- XI. Доселѣ не было совершенныхъ школъ.
- XII. Школы могутъ быть преобразованы къ лучшему.
- XIII. Основаніе, для преобразованія школъ есть точный порядокъ во всемъ.
- XIV. Точный порядокъ школы должно заимствовать у природы.
- XV. Основанія долгой жизни (начала психо-физической гігіены).
- XVI. Общія условія ученія и преподаванія, или—какимъ образомъ должно учить и учиться съ *несомнѣнно-вѣрнымъ* успѣхомъ?
- XVII. Основанія *легкости* въ ученія и преподаванія.
- XVIII. Основанія *прочности* въ обученіи и ученія.
- XIX. Основные правила выгодной *скорости* въ обученіи.
- XX. Метода наукъ.
- XXI. Метода искусствъ.
- XXII. Метода языковъ.
- XXIII. Метода нравственнаго воспитанія.
- XXIV. Метода наученія благочестію.
- XXV. Для полнаго преобразованія школъ на истинныхъ началахъ христіанства необходимо—или совсѣмъ удалить изъ нихъ произведенія языческой литературы, или обращаться съ ними гораздо осторожнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.
- XXVI. О школьной дисциплинѣ.

II

- XXVII. Школа — какъ мастерская гуманности, въ ея четверичномъ дѣленіи по степенямъ возраста и успѣхамъ учащихся.
- XXVIII. Идея материнской школы.
- XXIX. Идея народной школы.
- XXX. Очеркъ латинской школы.
- XXXI. Объ академіи, путешествіяхъ и пр.
- XXXII. Объ общей, совершенной организаціи школъ.
- XXXIII. О необходимыхъ условіяхъ для практическаго примѣненія этой универсальной методы.
-

ДИДАКТИКА.

ГЛАВА I.

Человѣкъ есть высшее, свободнѣйшее и совершеннѣйшее созданіе.

1. Когда Питтакъ *) возвѣстилъ нѣкогда свое «*γνώθι σε αὐτόν*» (познай самого себя), то изрѣченіе это съ такимъ одобреніемъ принято было мудрыми людьми, что они, желая возвысить его предъ народомъ, утверждали, будто оно ниспослано съ неба, и начертали его золотыми буквами на храмѣ Аполлона Дельфійскаго, куда стекалось множество людей. Это было умно и справедливо измышлено, но правдоподобно, что вполнѣ ясно стало только для насъ.

2. Изрѣченіе это—не то ли же самое слово, которое прозвучало намъ съ неба въ писаніи: «*Если ты познаешь Меня, о человекъ, ты познаешь самого себя, — Меня—источникъ вѣчности, мудрости и блага; себя — Мое созданіе, Мой образъ, Мою радость*».

3. Ибо Я опредѣлилъ тебя быть Моимъ соучастникомъ въ вѣчности; тебѣ на пользу сотворилъ Я небо, землю и все, что въ нихъ содержится; въ тебѣ одномъ Я соединилъ все, что другимъ существамъ даровалъ только отдѣльно: *сущность (essentiam), жизнь, чувство, разумъ*. Тебя поставилъ я надъ твореніемъ рукъ Моихъ; все покорилъ подъ ноги твои: овецъ, воловъ и дикихъ животныхъ, птицъ небесныхъ и рыбъ

*) Питтакъ—одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, которымъ приписывали нѣкоторыя мудрыя изрѣченія (гномы). Въ числѣ этихъ мудрецовъ считались философы (Фалесъ) и законодатели (Солонъ); они считаются родоначальниками гражданской и умышленной жизни древнихъ Грековъ.

морскихъ: такъ славою и честію вѣнчалъ Я тебя». (Псал. 8). Наконецъ, чтобъ не было тебѣ ни въ чемъ недостатка, Я далъ тебѣ Самого Себя въ ипостасномъ союзѣ, соединивъ въ немъ Мое существо съ человѣческимъ, что не совершилось ни съ однимъ созданіемъ видимымъ и невидимымъ. Ибо какое созданіе, на небѣ, или на землѣ, можетъ похвалиться, что Богъ явился въ его плоти и показалъ Себя ангеломъ (I Тим. III, 16), чтобъ они не только видѣли и созерцали Того, Кого желали видѣть (I Петр. I, 12), но чтобъ они поклонялись и служили явившемуся во плоти Богу, какъ Сыну Божію и человѣческому (Евр. I, 6; Іоан. I, 52; Матѣ. IV, 11). Итакъ, познай, что ты совершеннѣйшій предѣлъ Моего созданія, чудесный микрокосмъ (Epitome), Божій намѣстникъ (vicarium) на землѣ, вѣнецъ славы Моей.

4. О, если бы все это было начертано не только на входахъ храмовъ, на заглавіяхъ книгъ, и не только примѣчалось на языкахъ, въ ушахъ и очахъ всѣхъ людей, но было запечатлѣно *въ сердцахъ* ихъ! Къ достиженію этого должны стремиться всѣ, кто призванъ къ образованію людей, дабы каждый приучался жить, памятуя объ этомъ достоинствѣ и своемъ превосходствѣ, и чтобы люди направляли всѣ силы для достиженія столь высокой цѣли.

ГЛАВА II.

Послѣдняя цѣль человѣка—за предѣлами земной жизни.

1. Разумъ учитъ насъ, что столь совершенное созданіе должно имѣть высшую и предъ всѣми другими созданіями совершеннѣйшую цѣль; итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, будучи соединенъ съ Богомъ, источникомъ всякаго совершенства, славы и блаженства, вмѣстѣ съ Нимъ вѣчно будетъ наслаждаться безпредѣльною славою и блаженствомъ.

2. Хотя это достаточно ясно видно и изъ священнаго писанія, и мы вполне увѣрены, что это есть истина, но не будетъ потерю труда, если мы хотя мимоходомъ рассмотримъ, какими путями Богъ въ этой жизни выразилъ намъ нашу высшую цѣль и блаженство.

3. Это прежде всего выказывается въ самомъ *твореніи*. Ибо не угодно было Богу, чтобы человѣкъ, подобно другимъ созданіямъ, просто существовалъ; но—по предварительномъ торжественномъ совѣтѣ, какъ бы своими перстами сотворилъ ему тѣло, душу же вдохнулъ въ него отъ Себя.

4. Устройство природы нашей показываетъ, что мы не удовлетворяемся тѣмъ, что въ этой жизни принадлежить намъ. Ибо мы ведемъ здѣсь троякаго рода жизнь: *растительную, животную и интеллектуальную* или *духовную*; и изъ нихъ первая не можетъ существовать внѣ тѣла; вторая—распространяется на предметы посредствомъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и движеній; третья же—можетъ существовать и отдѣльно, какъ это видимъ на ангелахъ. А такъ какъ извѣстно, что въ человѣкѣ эта высочайшая степень жизни сильно помрачается и задерживается первыми ея степенями, то необходимо слѣдуетъ допустить будущую жизнь, гдѣ человѣкъ достигнетъ своего полнаго развитія.

5. Все, что мы въ этой жизни дѣлаемъ и испытываемъ, показываетъ намъ, что здѣсь мы не достигаемъ своей послѣдней цѣли; но все, что есть въ насъ, какъ и мы сами, стремится куда-то дальше. Все то, чѣмъ мы существуемъ и что мы дѣлаемъ, думаемъ, говоримъ, предпринимаемъ, изслѣдуемъ, приобретаемъ,—все это есть какъ бы нѣкоторая лѣствица, по которой мы, подвигаясь все далѣе и далѣе, непрерывно восходимъ къ верхнимъ ступенямъ, хотя никогда не достигаемъ самой высшей. Ибо въ началѣ (*principio*) человѣкъ есть *ничто*, такъ же какъ и отъ вѣчности онъ былъ *ничто*; потомъ въ материнской утробѣ получаетъ онъ свое начало изъ сѣмени отца. И такъ, что такое человѣкъ въ самомъ началѣ? *Безформенная и неразумная масса*. Потомъ она принимаетъ очертаніе какого то *тѣльца*, еще не обладающаго ни чувствомъ, ни движеніемъ. Затѣмъ начинаетъ онъ двигаться; силою природы выходитъ на свѣтъ, и мало-помалу въ немъ раскрываются: зрѣніе, слухъ и другія чувства. Позже обнаруживается въ немъ и *внутреннее чувство*, онъ начинаетъ воспринимать то, что видитъ, слышитъ и ощущаетъ. На послѣдокъ проявляется разумъ, опредѣляющій различія вещей, и наконецъ, руководителемъ человѣка является, *воля*, стремящаяся къ однимъ вещамъ и отвращающаяся отъ другихъ.

6. Но и въ каждомъ изъ этихъ моментовъ развитія чело-
вѣка есть также строгая постепенность. Ибо и познаніе
вещей раскрывается постепенно, какъ изъ глубокаго мрака
ночи разливаются сіяніе утренней зари, и непрерывно, во
все продолженіе жизни, прибавляется все болѣе и болѣе
свѣта (развѣ уже кто совершенно обратится въ животное
(omnino brutescat), и такъ до самой смерти. Такимъ же обра-
зомъ съ самаго начала наши дѣйствія скудны, слабы, грубы
и весьма безпорядочны; но потомъ мало-по-малу, вмѣстѣ съ
силами тѣла, развиваются также и лучшія душевныя каче-
ства, такъ что въ продолженіи цѣлой жизни (если только въ
теченіе ея не овладѣсть кѣмъ крайнее тупоуміе и заживо его
не похоронить), мы не имѣемъ недостатка въ предметахъ
дѣятельности, предпріятій и усилія; *и все это въ души бла-
городной безконечно стремится выше, не имѣя границъ. Ибо въ
настоящей нашей жизни не найти никогда предѣла желаніямъ
и стремленіямъ челоука.*

7. Куда бы кто ни обратился, всюду опытъ говорить тоже
самое. Если бы кто-нибудь отдался пріобрѣтенію *силы и
богатства*, то онъ не нашель бы возможности удовлетворить
въ этомъ отношеніи свою жажду, если бы онъ даже обла-
далъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ это показываетъ намъ примѣръ
Александра Македонскаго. Если кѣмъ овладѣла страсть къ
почестямъ, тотъ не нашель бы покоя, хотя бы ему покло-
нялся цѣлый свѣтъ. Если бы кто предался *сладострастію*, то
хотя бы потоки наслажденій (delitiarum flumina) пресыщали всѣ
его чувства, скорѣе послѣднія притупились бы, но похоть то
къ одному, то къ другому наслажденію все возрастала бы.
Если бы кто направилъ свой умъ на изученіе *мудрости*,—то
онъ также не нашель бы конечнаго предѣла своему стрем-
ленію; ибо чѣмъ болѣе кто получаетъ познаній, тѣмъ болѣе
сознаетъ онъ, сколь многого ему еще недостаетъ. Справед-
ливо говорить Соломонъ, что не насытится око зрѣніемъ, не
наполнится ухо слышаніемъ. (Эклез. I, 8).

8. Но что и смерть не проводитъ предѣльной черты для
нашего бытія,—тому научаютъ примѣры умирающихъ. Ибо
кто хорошо провелъ *здѣсь* свою жизнь, тотъ радуется, что
ему предстоитъ перейти въ лучшую; тѣ же, кто сильно при-
вязался къ настоящей жизни, при сознаніи необходимости

оставить ее и перейти въ иную жизнь, начинаютъ трепетать и, на сколько еще возможно, стараются примириться съ Богомъ и съ людьми. При этомъ хотя тѣло, подавленное страданіями, изнемогаетъ, чувства помрачаются и самая жизнь угасаетъ; но духъ живѣе чѣмъ когда-либо совершаетъ свои отправленія, какъ это видно изъ распоряженій умирающаго о себѣ, о своемъ семействѣ и имуществѣ, объ общественныхъ дѣлахъ и проч., что совершается благочестиво, серьезно, осмыслительно, такъ что кто видитъ умирающимъ благочестиваго и мудраго человѣка, тому кажется, будто предъ нимъ исчезаетъ прахъ земли; а кто слушаетъ умирающаго, тому кажется, будто онъ слышитъ ангела, и каждый долженъ признать, что предъ нимъ не кто другой, какъ пришлецъ, который видя, что его хижина готова рушиться, старается найти выходъ. Это сознавали даже язычники, и потому-то Римляне, говоря словами Феста, называли смерть *Abitio* (что значитъ *отходъ*) а Греки, вмѣсто словъ *умереть*, *лишиться* жизни — часто употребляли слово *ἀφίεσθαι*, что также значитъ отходить (*abire*). Почему?— Не иначе, какъ вслѣдствіе сознанія, что со смертію совершается *переходъ* въ иное мѣсто.

9. Еще болѣе это должно быть очевидно намъ, христіанамъ, послѣ того какъ Христосъ, сынъ Бога живаго, посланный съ неба, чтобы возстановить въ насъ утраченный образъ Божій, показалъ намъ это своимъ примѣромъ. Ибо зачатъ бывъ, Онъ въ рожденіи явилъ себя свѣту, жилъ между людьми, потомъ бывъ умерщвленъ, воскресъ, вознесся на небо и смерть не овладѣла Имъ. Но Онъ названъ и есть Предтеча нашъ (Евр. VI, 20), Перворожденный между братьями (Римл. VIII, 2), Глава членовъ своихъ (Ефес. I, 22), Первообразъ всѣхъ, которые созданы по образу Божію. Итакъ, если Онъ былъ здѣсь не только затѣмъ, чтобы быть; но для того чтобы свершивъ путь, возвратиться въ вѣчныя обители; то и мы, Его соучастники, не должны остаться здѣсь, но должны перейти въ иную страну.

10. Итакъ, для каждого изъ насъ приготовлено три жизненные пристанища: *доно матери, земля, небо*. Изъ перваго во второе мы переходимъ путемъ рожденія; изъ второго въ третье—путемъ смерти и воскресенія; изъ третьяго же перехода нѣтъ никуда во вѣки. Въ первомъ пристанищѣ мы полу-

чаемъ только *жизнь* (бытіе), съ первичными зачатками движенія и ощущенія; въ второмъ—*жизнь, движенія и чувства, съ зачатками познанія*; въ третьемъ—*совершенную полноту всего*.

11. Первая жизнь есть приготовительная (praeparatoria) для второй, вторая для третьей, третья заключается въ самой себѣ, безъ конца. Переходъ отъ первой формы жизни ко второй и отъ второй къ третьей тѣсенъ и болѣзненъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ оставляются прежнія оболочки или скорлупки (тамъ—дѣтскій *послѣдъ*, а здѣсь—масса самого тѣла), подобно тому какъ изъ разбитаго яйца вылупляется цыпленокъ. Слѣдовательно, оба эти пристанища представляются на подобіе мастерскихъ, изъ которыхъ въ первой создается тѣло для употребленія въ послѣдующей жизни, во второй—разумная душа для жизни вѣчной; третье же пристанище заключается въ себѣ совершенство и полноту обоихъ первыхъ.

12. Такъ и Израильтяне (если позволительно примѣнить здѣсь и этотъ образъ): родились въ Египтѣ, оттуда же сквозь горныя тѣсины и Чермное море проникли въ пустыню, построили хижины, научились познавать законъ, сражались съ различными врагами; и только перейдя Иорданъ, достигли земли Ханаанской, «текущей молокомъ и медомъ» и были признаны ея наслѣдниками.

ГЛАВА III.

Настоящая жизнь есть приготовленіе къ вѣчной.

1. Что настоящая жизнь, представляющая стремленіе куда-то, не есть жизнь (говоря точно), но только введеніе къ вѣчно-продолжающейся жизни, это ясно, во первыхъ, изъ *насъ самихъ*, потомъ изъ разсмотрѣнія *видимаго міра* и наконецъ, изъ *священнаго писанія*.

2. Если мы взглянемъ *на самихъ себя*, то увидимъ, что все въ насъ развивается постепенно, такъ что предшествующее всегда пролагаетъ путь послѣдующему. Напримѣръ, хотя наша первая жизнь въ утробѣ матери,—гдѣ имѣть цѣль свою? Не въ себѣ ли самой? Нимало: эта жизнь нужна для того только, чтобы удобнѣе образовалось тѣльце, какъ мѣстопробываніе и орудіе души, чтобы стало пригоднѣе для послѣдующей жизни, которою мы наслаждаемся подъ солнцемъ. Какъ скоро

это (образованіе тѣла) окончится, мы являемся на свѣтъ; ибо ничего болѣе не совершается съ нами въ томъ мракѣ. Слѣдовательно, подобнымъ же образомъ и настоящая жизнь подъ солнцемъ есть ни что иное, какъ подготовленіе къ вѣчности, т.-е., чтобы душа, съ помощью тѣла, здѣсь приобрѣла себѣ то, что ей будетъ полезно для будущей жизни. Какъ только это совершится, мы переселяемся отсюда, ибо то, что помимо сего здѣсь совершается, не соотвѣтствуетъ жизни будущей. Нѣкоторые впрочемъ и здѣсь являются неподготовленными, или вѣрнѣе обреченными на гибель, подобно тому какъ по различнымъ случайностямъ извергаются изъ чрева матери недоношенные плоды, и извергаются не для жизни, а для смерти; что въ обоихъ случаяхъ совершается хотя и съ попусценіемъ Бога; но все же по винѣ людей.

3. Самый *видимый міръ*, какую бы часть его мы ни разсматривали, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ сотворенъ не для иной какой цѣли, какъ только для того, чтобы служить

размноженію	}	человѣческаго рода.
питанію и		
дѣятельности		

Ибо если Богу угодно было сотворить всѣхъ людей не въ одно и тоже мгновеніе, какъ это совершилось съ ангелами, но сперва создать одного мужчину и одну женщину, при чемъ Онъ даровалъ имъ силы и далъ благословеніе размножаться чрезъ рожденіе; то было необходимо дать имъ и соотвѣтственное время для постепеннаго размноженія; такимъ образомъ и были даны имъ многія тысячи лѣтъ. А чтобы время это не было мрачно, слѣпо и глухо, Онъ разверзъ небеса съ солнцемъ, луною и звѣздами, и повелѣлъ, чтобы по ихъ движенію измѣрялись часы, дни, мѣсяцы и годы. И далѣе, такъ какъ человѣкъ имѣлъ быть созданъ тѣлеснымъ существомъ, имѣющимъ нужду въ мѣстѣ для жительства, въ воздушномъ пространствѣ—для дыханія и движенія, въ пищѣ—для пропитанія, въ одеждѣ—для покрытія себя, то Онъ разостлалъ подъ нимъ твердый покровъ—землю, а кругомъ ея разлилъ эфиръ, оросилъ землю водами, повелѣвъ произрасти многоразличнымъ растеніямъ и явиться животнымъ не ради одной только нужды, но и для удовольствія. И такъ какъ Онъ сотворилъ человѣка по образу и подобию Своему и надѣлилъ

его душою, то чтобы и духу не было недостатка въ соотвѣтственной пищѣ, Онъ распредѣлилъ отдѣльныя созданія въ разнообразныя роды, для того чтобы видимый міръ являлся глазамъ человѣка, какъ ярко освѣщенное зеркало могущества, мудрости и благодати Божіей, чтобы созерцаніе міра внушало ему благоговѣніе къ Создателю, побуждало бы къ познанію Его и вызывало-бъ въ человѣкѣ любовь къ Нему, равно какъ и скрытая въ безднѣ вѣчности, прочность (*soliditas*), красота и прелесть, которыя повсюду пробиваются наружу во всемъ видимомъ, и вызываютъ, чтобы ихъ осязали, созерцали и пользовались ими. Итакъ, вся природа есть ни что иное, какъ нашъ *разсадникъ* (*seminarium nostrum*), наша *питательница*, наша *школа*. Слѣдовательно есть (и должно быть) нѣчто большее куда мы, выпущенные изъ этой школы, переходимъ, какъ бы въ академію, и притомъ вѣчную. Разумъ насъ убѣждаетъ, что это такъ; но еще очевиднѣе это изъ божественныхъ изрѣченій.

4. У Осіи Богъ говоритъ (Ос. II, 21, 22), что «небо для земли, земля для пшеницы, вина и масла, а все это для человѣка.» Итакъ, все здѣсь ради самого человѣка, даже самое время. Ибо міру не будетъ дано времени больше, чѣмъ сколько потребно для полноты числа избранныхъ (Откр. VI, 11). Когда это исполнится, прейдуть небо и земля, и мѣсто ихъ не отыщется (Откр. XX, 7). Ибо явятся новое небо и новая земля, въ которыхъ обитаетъ правда (Откр. XXI, 1, 2, Петр. III, 13). Наконецъ, названія которыя писаніе даетъ этой жизни, указываютъ на то, что оно есть только мѣсто подготовленія къ вѣчности. Ибо жизнь называется: *путь*, *странствіе*, *врата*, *дверь*, *ожиданіе*; мы же именуемся *путниками*, *чужестранцами*, *пришлецами*, *гостями*, *искателями «инога града» непреходящаго*» (1 Моис. XLVII, 9. Псалт. XXXIX, 13. Іова VII, 12. Луки XII, 34).

5. Всему этому научаетъ насъ самое дѣло и условія существованія всего человѣчества, какъ они представляются взорамъ всѣхъ людей. Ибо кто изъ рожденныхъ, родившись— не исчезъ снова, хотя всѣ мы назначены для вѣчности? Если-же мы избраны для вѣчности, то необходимо въ нее только и можетъ совершиться нашъ переходъ. Потому говоритъ

(*) Въ первоначальномъ текстѣ (Евр. XIII, 14): *οὐ γὰρ ἐχομεν ὡδε μένουσαι πάλιν, ἀλλὰ τὴν μέλλουσαν ἐπιζητούμεν.*

Христось: «Будьте готовы, ибо не знаете часа, въ который придетъ Сынъ человѣческій (Матѣ, XXIV (44). По этой же причинѣ (что мы знаемъ также изъ писанія) Богъ отзываетъ отсюда, нѣкоторыхъ людей въ самомъ раннемъ возрастѣ, такъ какъ видить, что они уже готовы для вѣчности, какъ Энохъ (1 Моис. V, 24. Премудр. IV, 14). Почему Богъ такъ долготерпѣливъ къ злымъ? Истинно потому, что Онъ не хочетъ, чтобы кто нибудь погибъ неприготовленнымъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію (2 Петр. III, 9). Если же кто продолжаетъ употреблять во зло долготерпѣніе Бога, то Онъ повелѣваетъ смерти поразить его.

6. Итакъ, насколько вѣрно то, что пребываніе во чревѣ матери есть только подготовленіе для жизни тѣлесной; настолько же вѣрно и то, что тѣлесная жизнь есть подготовленіе къ жизни будущей, которая заключить въ себѣ настоящую и продолжить ее въ вѣчность. Счастливы тотъ, кто выносить изъ чрева матери хорошо устроенные члены; но въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто уноситъ отсюда душу, воспитанную въ добрѣ.

ГЛАВА IV.

Три степени подготовленія къ вѣчности: самопознаніе (и познаніе всего окружающаго), самообладаніе и стремленіе къ Богу.

1. Итакъ ясно, что послѣдняя цѣль человѣка есть вѣчное блаженство съ Богомъ; но въ подчиненіи высшей цѣли стоять служебныя задачи этой преходящей жизни, которыя выясняются изъ словъ божественнаго совѣта, изреченныхъ Богомъ предъ сотвореніемъ человѣка: «Сотворимъ человѣка, сказала Онъ, по образу Нашему и по подобію, и да владычествуетъ онъ надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями, и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ.» (Моис. I, 26).

2. Отсюда ясно, что человѣкъ для того былъ поставленъ между видимыми существами, чтобы онъ былъ:

I, Разумнымъ созданіемъ;

II., Владыкою сотвореннаго и

III., Изображеніемъ и радостью своего Создателя. Эти три условія такъ соединены между собою, что между ними не

можетъ быть допущено никакой границы, такъ какъ на нихъ утверждено основаніе настоящей и будущей жизни.

3. Быть *разумнымъ существомъ* значить, быть *испытателемъ, наименователемъ и исчислителемъ* всѣхъ вещей, это значить: *знать*, т. е., умѣть называть предметы и уразумѣть, что заключаетъ въ себѣ міръ всеобщаго (1 Моис. II, 19), или, какъ раскрываетъ Соломонъ (Премудр. VII 17 и слѣд.), «Познать устройство міра, и силу стихій; начало, конецъ и средину временъ; смѣны поворотовъ солнца и перемѣны временъ года; круги годовъ и положеніе звѣздъ; природу животныхъ, души звѣрей, силы вѣтровъ и помышленія человѣка; различія растений и свойства корней, — однимъ словомъ все сокровенное и явное. Сюда принадлежать также и ремесленные познанія, и искусство рѣчи; дабы ничто не оставалось человѣку неизвѣстнымъ въ какой-нибудь вещи, великой или малой (Сир. V, 18). Ибо онъ только тогда и будетъ дѣйствительно въ состояніи сохранить за собою названіе (*titulum*) *разумнаго* живого существа, когда будетъ разумѣть смыслъ (*ratio*) всякой вещи.

4. Быть *владыкою надъ созданіями*—значить, каждой вещи указывать надлежащую цѣль и приспособлять ее на пользу для себя; среди міра созданій всюду поступать царственно, т. е., вести себя съ полнымъ достоинствомъ и свято (ибо человѣкъ признаетъ надъ собою владыкою только одного Создателя, и Ему одному поклоняется; ангеловъ, какъ своихъ сослужителей, онъ признаетъ равными себѣ, всѣ же другія существа признаетъ стоящими далеко ниже себя), хранить усвоенное ему достоинство, не предаваться безусловно одному созданію, ни даже собственной своей плоти; но всѣ предметы свободно употреблять для своихъ услугъ; и не упускать изъ виду, гдѣ, когда, какимъ образомъ и на сколько должно подчиняться тѣлу; гдѣ, когда, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ одна вещь должна благотворно вліять на другую. Словомъ, умѣть благоразумно управлять всѣми движеніями и дѣйствіями, какъ своими, такъ и чужими.

5. Наконецъ быть *образомъ Божиимъ*—значить, живо изображать совершенство своего первообраза, (*archetypi*) какъ сказано: «Будьте святы, какъ и Я святъ, вашъ Богъ» (Лев. XIX, 2).

6. Отсюда слѣдуетъ, что человѣку вродено отъ природы,

чтобъ онъ 1) былъ *сѣдущъ во всѣхъ вещахъ*; 2) былъ *господиномъ* ихъ и *владыкою* надъ самимъ собою, и 3) *относилъ* бы себя и все къ Богу, источнику всего сущаго. Если выразить это кратко, въ общепринятой рѣчи, то получимъ:

I. *Знаніе (или образованіе),*

II. *Добродѣтель (или добрыя нравы),*

III. *Религію (или благочестіе).*

Подъ именемъ *знанія* мы разумѣемъ познаніе всѣхъ предметовъ, искусствъ и языковъ; подъ именемъ *нравовъ*—не только наружныя приличія, но внутреннюю и внѣшнюю основу побужденій; подъ *религіознымъ настроеніемъ*—то внутреннее богопочтеніе, посредствомъ котораго духъ человѣка сознательно вступаетъ въ связь съ высшимъ Существомъ.

7. Въ этихъ трехъ дѣятельностяхъ заключается все превосходство человѣка, ибо они единственныя основанія настоящей и будущей жизни; все остальное (здоровье, сила, красота, богатство, почести, дружба, благосостояніе и долгая жизнь)—ни что иное, какъ придача и внѣшнее украшеніе жизни, кому это пошлетъ Господь;—или излишній блескъ, бесполезная тяжесть, вредное препятствіе, если кто страстно погонится за ними, черезъ мѣру передается имъ и, забывъ о высшемъ, всецѣло покорится имъ.

8. Разъясню это примѣрами. *Часы* (солнечные или автоматическіе) представляютъ прекрасное и самое необходимое орудіе для опредѣленія времени; существо ихъ въ правильной саразмѣрности всѣхъ частей, устроенныхъ художникомъ. Присоединяемые къ часамъ футляры, фигуры, изображенія, золотыя украшенія суть вещи придаточныя (*accessoriae res*), которыя придаютъ нѣчто внѣшнему виду часовъ, но отнюдь не ихъ достоинству. Еслибъ кто-нибудь пожелалъ предпочтительно имѣть болѣе красивую, чѣмъ добротную вещь подобнаго рода, люди посмѣялись бы надъ дѣтствомъ (*puerilitas*) человѣка, опустившаго изъ виду существенное и полезное. Такимъ же образомъ достоинство лошади заключается въ ея силѣ, соединенной съ мужествомъ, быстротою и легкостью управленія, по желанію всадника. Хвостъ, красиво развѣвающійся или собранный въ узелъ, густая, вздымающаяся грива, позолоченныя возжи, фригійскій чепракъ привѣски на лбу и на груди могутъ служить украшеніемъ; однако того, кто вздумалъ бы по нимъ опредѣлять достоинства лошади, всякій наз-

валъ бы безумнымъ. Наконецъ, хорошее состояніе нашего здоровья заключается въ правильномъ пищевареніи и въ хорошемъ внутреннемъ настроеніи; мягко спать, роскошно одѣваться, сладко ѣсть,—все это ничего не приноситъ здоровья, а скорѣе вредитъ ему; кто больше заботится о лакомствахъ, чѣмъ о полезной питательной пищѣ, тотъ поступаетъ безумно. Но безконечно гибельнѣе безразсудство человѣка, который, желая быть «человѣкомъ», болѣе заботится объ украшеніяхъ человѣка, чѣмъ о его сущности. Потому то Мудрый называетъ безумными и нечестивыми тѣхъ, которые считаютъ нашу жизнь забавою или прибыльною торговлею, и говорятъ, что отъ нихъ далеко и Божія хвала, и благословеніе Его (Премудр. XV; 12. 19)

9. Да пребудетъ всегда истина: Сколько будетъ приложено труда въ этой жизни на пріобрѣтеніе образованія, добродѣтели и благочестія, на столько приблизимъ мы себя къ нашей послѣдней цѣли. Итакъ, помянутыя нами три задачи должны быть *дѣломъ* (*εργον*) нашей жизни: все же остальное есть нѣчто побочное, препятствіе, суета.

ГЛАВА V.

Сѣмена знанія, добродѣтели и религіи врождены намъ отъ природы.

1. Подъ *природою* разумѣемъ мы здѣсь не привитую къ намъ чрезъ грѣхопаденіе, испорченность (вслѣдствіе чего мы называемся, «по природѣ, дѣтymi гнѣва»), но первичное и основное состояніе, въ которое мы должны быть возвращены снова, какъ къ своему началу. Въ этомъ смыслѣ говоритъ *Людвигъ Вивесъ* *) (Lib. I. «De Concordia et Disc»): «Что такое Христіа-

*) *Людвигъ Вивесъ*, родился въ 1492 г. въ Валенсіи (Испанія), преподавалъ humaniora, въ особенности въ Лесенѣ, былъ вызванъ Генрихомъ VIII-мъ въ Англію, чтобы преподавать науки принцессѣ Маріи, потомъ поселился въ Брюгѣ, гдѣ и умеръ 6 Мая 1540 г. *Вивесъ*, *Будей* и *Эразмъ* считались въ свое время триумвирами научнаго міра; про Вивеса же говорили, что онъ по силѣ размышленія стоялъ выше всѣхъ людей своего времени, хотя тоже многими говорилось про Эразма. Изъ числа многочисленныхъ сочиненій Вивеса слѣдующія касаются педагогики: «*De ratione studii puerilis epistolae*» II (можно найти въ *Crenii consiliis et methodis instituendorum*),—«*De tradendis disciplinis s. de institutione christiana*»,—«*Vatellitium animi s. symbola Principum institutione potissimum destinata*».

нинъ, какъ не человѣкъ, возвращенный своей природѣ, и какъ бы рожденіемъ восстановленный тамъ, откуда исторгнулъ его врагъ?» Въ томъ же смыслѣ можетъ быть понято и то, что пишетъ Сенека: «Это мудрость — обратиться къ природѣ, и восстановить себя тамъ, откуда всеобщее заблужденіе (то-есть, паденіе рода человѣческаго, въ лицѣ первыхъ людей) изгнало насъ». Также и это: «Человѣкъ не добръ, но онъ образуется въ добраго, чтобы, помня свое происхожденіе, старался уподобиться Богу. Никто не осмѣливается подняться порочнымъ на ту высоту, съ которой спустился (Epistol. 93).

2. Подъ *голосомъ природы мы разумѣмъ всеобщее Божіе провидѣніе, или непрерывное вліяніе (influxus) божественной благодати, производящей все во всѣхъ*,—именно, въ каждомъ созданіи то, къ чему оно назначено. Ибо божественной мудрости свойственно ничего не творить напрасно, т. е., безъ опредѣленнаго назначенія, или безъ средствъ, соотвѣтствующихъ предположенной цѣли. Слѣдовательно то, что есть, существуетъ для чего-нибудь; а чтобы сущее могло достигнуть своей цѣли, оно снабжено извѣстными, необходимыми органами, вспомогательными средствами, и даже нѣкоторымъ стремленіемъ; дабы ничто насильственно и противъ воли не было направляемо къ своей цѣли; но стремилось къ ней скоро и съ удовольствіемъ, слѣдуя инстинкту самой природы, такъ что если задержать это стремленіе, то явится страданіе и даже смерть живаго существа. Итакъ, достовѣрно, что человѣкъ рожденъ и созданъ способнымъ для *пониманія вещей, для нравственной гармоніи, ради всеобъемлющей любви Божіей* (что онъ къ этому назначенъ, это мы уже видѣли), столь же несомнѣнно и то, что въ немъ лежатъ корни этихъ стремленій, подобно тому, какъ всякое дерево имѣетъ свои развѣтвленные корни.

3. Но для того, чтобы всѣмъ стало еще яснѣе значеніе словъ Премудраго: *мудрость положила вѣчныя основы въ человѣкѣ*,—мы рассмотримъ, какія основы *мудрости, добродѣтели и религіи* вложены въ насъ, дабы познать, какой удивительный органъ мудрости—человѣкъ.

4. (1) Что *каждый человѣкъ рождается способнымъ къ достиженію познанія вещей*, это ясно, во-первыхъ изъ того, что онъ есть *образъ Божій*. Если изображеніе сдѣлано тщательно, то оно необходимо воспроизводитъ черты первообраза, или

же оново все не есть изображеніе. Такъ какъ изъ числа прочихъ свойствъ Божіихъ, особенно проявляется *всеподобіе*, то необходимо должно нѣчто подобное проявляться и въ человѣкѣ. И почему же нѣтъ? *Человѣкъ стоитъ посреди Божьихъ твореній, обладая свѣтлымъ духомъ, который можно сравнить съ висящимъ въ комнатѣ зеркальнымъ шаромъ, принимающимъ въ себя изображенія всѣхъ вещей, — всѣхъ, говорю я, кругомъ находящихся.* Ибо нашъ духъ схватываетъ не только близлежащее, но приближаетъ къ себѣ и отдаленное (какъ въ пространствѣ, такъ и во времени); онъ поднимается на крутизны, отыскиваетъ сокровенное, разоблачаетъ скрытое и пытается изслѣдовать непостижимое, — въ своихъ стремленіяхъ онъ неограниченъ и безконеченъ. Если бы человѣку дано было жить тысячу лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ постоянно чему-нибудь научался, постигая одно изъ другого; всегда, однако, онъ сохранилъ бы силу, воспріимлющую познаваемые предметы. Духъ человѣка обладаетъ такою ненасытимою силою воспріимчивости, что въ стремленіи къ познанію онъ представляется какъ бы бездною. Наше *тѣльце* ограничено весьма тѣсными предѣлами: *голосъ* распространяется очень не далеко; *зрѣніе* ограничивается высотой небснаго свода, *духу* же ни на небѣ, ни за предѣлами его не можетъ быть назначено границъ: онъ возвышается надъ небесами, устремляется въ глубину пропастей ада, и будь они въ тысячу разъ еще отдаленнѣе, онъ и тогда проникнулъ бы въ нихъ съ непостижимою быстротою. И мы станемъ отрицать, что ему все доступно? И мы отвергнемъ, что онъ достаточно воспріимчивъ, чтобы объять все?

5. *Философы называли человѣка микрокосмомъ, малымъ міромъ (μικροκομος, Universi Epitome), ибо онъ въ сжатомъ видѣ объемлетъ все, что во вселенной (Macrocosmum) является раскинувшимся вдаль и вширь; что это такъ, будетъ показано въ другомъ мѣстѣ.* Итакъ, духъ человѣка, вступающаго въ міръ, весьма удобно сравнивается съ сѣменемъ или зерномъ. Хотя въ послѣднемъ въ дѣйствительности еще не заключается наружной формы растенія или дерева, однако въ немъ на самомъ дѣлѣ заключено растеніе или дерево; убѣдиться въ этомъ легко, — стоитъ бросить сѣмя въ землю, и оно распуститъ подъ собою корешки, надъ собою дастъ побѣги, которые впоследствии, по врожденной силѣ, обратятся въ сучья и вѣтви, по

кроются листьями и украсятся цвѣтами и плодами. Итакъ, *ничто не можетъ быть внесено въ человека извнѣ; но то, что онъ заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ, именно это должно развиваться, раскрываться и каждое опредѣляться тѣмъ, что оно есть.* Посему то, какъ извѣстно, Пинеогоръ обыкновенно говаривалъ, что человѣку такъ естественно все знать, что если бы семилѣтняго мальчика стали разумно спрашивать о вопросахъ даже всей философіи, то онъ могъ бы на все дать точный отвѣтъ; потому что одинъ свѣтъ разума есть уже достаточная форма и норма для всѣхъ вещей; только теперь, послѣ грѣхопаденія, разумъ самъ себя помрачая и затемняя, не вѣдаетъ самоиспытанія: тѣ же, кто долженъ бы помочь ему, еще болѣе его запутываютъ.

6. Кромѣ того, *живущей въ насъ разумной душѣ даны органы, какъ бы лазутчики и наблюдатели, съ помощью которыхъ разумъ изслѣдуетъ все, что находится внѣ его,—это зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе,* такъ что изъ всего созданнаго ничто не можетъ быть скрыто отъ разума. И такъ какъ въ видимомъ мірѣ ничего нѣтъ такого, что нельзя было бы видѣть, слышать, обонять, вкушать и осязать, различать по существу и по качеству (*quid et quale sit*); то слѣдовательно, ничего нѣтъ въ мірѣ и такого, что не могъ бы познать человѣкъ, одаренный чувствами и разумомъ.

7. *Человѣку врождена также жажда познанія и способность не только выносить работу, но даже стремленіе къ ней.* Это обнаруживается уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, и сопровождаетъ насъ въ теченіе всей жизни. Ибо въ комъ нѣтъ сильнаго желанія постоянно видѣть, слышать, дѣлать что-нибудь новое? Кому не доставило бы удовольствія каждый день отправляться куда-нибудь, съ кѣмъ-нибудь бѣсѣдовать, разузнавать и самому что-нибудь рассказывать? Короче; глаза, уши, осязаніе, самый умъ, постоянно требуя пищи для себя, непрерывно стремятся во внѣ, и для живой природы нѣтъ ничего болѣе невыносимаго, какъ праздность и бездѣятельность. Отъ чего далѣе и невѣжественные люди удивляются ученымъ мужамъ? Не служить ли это признакомъ того, что и они испытываютъ вліяніе нѣкотораго естественнаго стремленія, которое они охотно и сами бы раздѣлили, если бы могли надѣяться, быть соучастниками другихъ? Не имѣя же такой на-

дежды, они вздыхаютъ и только удивляются тѣмъ, кого видятъ выше себя.

8. Примѣры *автодидактовъ* (самоучекъ) доказываютъ самымъ нагляднымъ образомъ, что человѣкъ, руководимый природою, можетъ во все проникнуть самъ собою. Ибо многіе изъ тѣхъ, которые были сами себѣ учителями, или которымъ (какъ говоритъ Бернгардъ) учителями были дубы и буки (то-есть прогулки и размышленія въ лѣсу), дальше ушли въ своихъ занятіяхъ, чѣмъ другіе при тягостномъ преподаваніи школьныхъ учителей. Не научаетъ ли насъ это, что человѣку дѣйствительно все присуще? То-есть. даны ему и фонарь, и свѣча, и масло, и огниво со всѣмъ приборомъ, равно извѣстно ему и самое добываніе огня: сѣумѣлъ бы только онъ высѣчь достаточно искръ, раздуть огонь и зажечь свѣтильникъ, и тогда разомъ увидѣлъ бы дивныя сокровища премудрости Божіей какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ великомъ мірѣ (гдѣ все распредѣлено по числу, мѣрѣ и вѣсу) въ привлекательнѣйшей картинѣ. Теперь же, пока въ немъ не возжженъ внутренній свѣтъ, кругомъ человѣка носятъ свѣтильники чужихъ мнѣній, что иначе и быть не можетъ, какъ оно есть; именно, это похоже на то, какъ если бы вокругъ кого-нибудь, заключеннаго въ мрачной темницѣ, носили факелы: лучи ихъ пробивались бы сквозь щели, но полный свѣтъ не проникалъ бы внутрь. Справедливо говорить Сенека: *«Въ насъ посвящены сѣмена всѣхъ наукъ, Богъ же и учитель изводитъ способности изъ тайника ихъ.»*

9. Тому же научаютъ насъ и *предметы, которымъ уподобляется духъ нашъ*. Ибо земля (съ которою свящ. писаніе часто сравниваетъ наше сердце) не воспринимаетъ ли сѣмена всякаго рода? Развѣ она не украшаетъ одинъ и тотъ же садъ всякаго рода травами, цвѣтами и овощами? Безъ сомнѣнія, если только садовнику не будетъ нехватать искусства и трудолюбія. И чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ пріятнѣе зрѣлище для глазъ, тѣмъ привлекательнѣе ароматъ для обонянія, тѣмъ сильнѣе услажденіе для сердца. *Аристотель* уподобляетъ духъ человѣка отполированной доскѣ (*tabulae rasaе*), на которой ничто не написано, на которой однако все можно написать. *) Итакъ, подобно тому, какъ на чистой доскѣ пишець

*) Здѣсь, по видимому, есть противорѣчіе. Раньше Коменскій говоритъ, что намъ *вложены* сѣмена знаній, добра и религіи, значить онѣ въ насъ суще-

можетъ написать, а живописецъ нарисовать, что имъ угодно, если только они свѣдущи въ своемъ искусствѣ; одинаково легко возможно начертать все въ человѣческомъ духѣ тому, кто свѣдущъ въ искусствѣ обученія. И если это не бываетъ такъ, то навѣрное не доска въ томъ виновата (за исключеніемъ случая, если она неровна), но неумѣніе писца или рисовальщика. Разница здѣсь только та, что на доскѣ могутъ быть проводимы линіи, насколько позволятъ предѣлы доски; въ духѣ же сколь бы ни вписывать и впечатлѣвать, никогда нельзя найти предѣла, ибо человѣческій духъ (какъ раньше упомянуто) безконеченъ.

10. Мѣтко также сравненіе нашего *мозга*, — мастерской мысли, — съ *воскомъ*, въ который втискивается печать, или изъ котораго лѣпятъ фигуры. Ибо, какъ воскъ, принимающій всякую форму, допускаетъ во всякомъ родѣ формовку и передѣлку, такъ точно и мозгъ, отпечатлѣвая въ себѣ изображенія всѣхъ вещей, принимаетъ въ себя все, что находится въ цѣломъ мірѣ. *) Этимъ самымъ въ то же время вполне хорошо обозна-

ствуютъ раньше всякаго воспитанія, составляя какъ бы примитивное *содержаніе* духа; а здѣсь К. согласенъ съ мнѣніемъ, что душа есть *tabula rasa*, чистый, неисписанный листъ бумаги, на которомъ еще ничего нѣтъ, но на которомъ все можно написать. Въ послѣднемъ взглядѣ человѣческая природа является безъ всякаго прирожденного матеріала для развитія. Но противорѣчіе это лишь кажущееся. Во первыхъ, по мысли Коменскаго, намъ прирождены не *готовыя понятія*, не опредѣленные идеи и развитыя склонности, а лишь *сѣмена* ихъ, слѣдовательно, врождены *чистая возможность развитія* — не болѣе, это и есть *tabula rasa* (см. далѣе глава VI); во вторыхъ, когда Коменскій говоритъ, что въ душѣ возможно *все* начертать, то здѣсь онъ, очевидно, предполагаетъ: *все* изъ того, *сѣмена* или *возможность* чего прирождены человѣку, — иначе: что *свойственно природѣ человѣка*, съ ея естественными основаніями и задатками. Здѣсь примѣнимъ его девизъ: *Omnia sponte fluant, absit violentia rebus*.

*) Вудлярноо сравненіе это въ сущности нельзя признать ни удачнымъ, ни вѣрнымъ; но то, что яснымъ кажется для нашего времени, при современномъ состояніи науки о душѣ, конечно, было лишь предметомъ гадательныхъ гипотезъ и сравненій 200 лѣтъ тому назадъ. По смыслу рѣчи видно, что приводимое сравненіе было ходячимъ и общезвѣстнымъ во времена Коменскаго, вотъ по чему онъ и обращается къ нему въ своихъ разъясненіяхъ. Тѣмъ не менѣе сравненіе это даетъ Коменскому поводъ высказать столь глубокой и вѣрный взглядъ на психическій процессъ возникновенія умственныхъ образовъ въ нашей душѣ, на воспріятія впечатлѣній и значеніе ихъ въ нашемъ умственномъ развитіи, что тѣже взгляды, какъ открытія, излагались позднѣе представителями современной психологін. Такъ *слѣды* (Spuren) *впечатлѣній*, на которыя опирается вся Бенедиктанская теорія психическаго развитія человѣка, суть не что иное, какъ *опи-*

чается, что такое мысль и что такое наше знаніе. Все, что поражаетъ мое зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе,—все это дѣйствуетъ на меня какъ печать, посредствомъ которой изображеніе вещи отпечатлѣвается въ мозгѣ; притомъ въ такой степени, что если даже вещь удалится отъ глазъ, ушей, носа, руки, образъ ея остается во мнѣ; и не можетъ не оставаться, исключая развѣ случая, когда по недостатку вниманія вызвано слабое впечатлѣніе. Напримѣръ, если я видѣлъ какого-нибудь человѣка, или говорилъ съ нимъ; если въ путешествіи созерцалъ гору, рѣку, поле, лѣсъ, городъ и проч.; если я слышалъ громъ, музыку, какія-либо рѣчи; если я со вниманіемъ прочиталъ что-либо у извѣстнаго писателя и проч.; все это отпечатлѣвается въ мозгу такъ, что часто оживаетъ предо мною въ воспоминаніи, даже какъ будто стоитъ предъ моими глазами, звучитъ въ моихъ ушахъ, дѣйствуетъ на вкусъ и осязаніе; и хотя мозгъ одни впечатлѣнія отчетливѣе воспринимаетъ сравнительно съ другими, либо яснѣе представляетъ ихъ себѣ, или продолжительнѣе удерживаетъ, но такъ или иначе, однако онъ все воспринимаетъ, представляетъ и удерживаетъ.

II. Здѣсь мы имѣемъ поразительную картину премудрости Божіей, которая могла предусмотрѣть, что столь небольшая часть мозга будетъ достаточна для воспріятія тысячи тысячъ различныхъ образовъ, ибо все, что каждый изъ насъ (особенно изъ писателей) въ теченіе столькихъ лѣтъ видѣлъ, слышалъ, испытывалъ, читалъ, пріобрѣлъ опытомъ или умозрѣніемъ, и что каждый по требованію обстоятельствъ можетъ припомнить,—все это, очевидно, заключается въ мозгу. Подлинно, образы тѣхъ вещей, которыя мы хотя однажды видѣли, о которыхъ слышали или читали и проч.,—которыхъ существуетъ тысячи и тысячи тысячъ и число которыхъ все увеличивается, такъ какъ мы каждый день почерпаемъ новыя свѣдѣнія изъ того, что видимъ, слышимъ, читаемъ, испытываемъ и проч.;—всѣ эти образы однако же воспринимаются. Какъ неисповѣдима эта премудрость всемогущества Божія! Соломонъ восхищается рѣками, которыя всѣ текутъ въ море и все-таки не переполняютъ

чанки (impressiones) Коменскаго, вслѣдствіе которыхъ и являются у насъ умственные образы предметовъ или представленія (*imagines, imagineule, Simulachra*).

его (Экклез. I, 7); какъ же не удивляться безднѣ нашей памяти, которая все исчерпываетъ и все возвращаетъ, но никогда не наполняется и никогда не истощается? Итакъ, нашъ духъ по истинѣ больше міра, въ томъ смыслѣ, что заключающее по необходимости больше заключаемаго.

12. Наконецъ *глазъ*, какъ *зеркало* *), весьма точно передаетъ впечатлѣнія нашему духу: если, къ нему поднесутъ вещь, какой бы формы или цвѣта ни было, тотчасъ въ немъ образуется вполне сходное изображеніе,—исключая развѣ случая, когда предметъ представляется въ темнотѣ, или сзади, или въ несоразмѣрно большемъ разстояніи, или когда впечатлѣніе остановлено, или нарушено спокойствіе, — въ такомъ случаѣ надо сознаться, отраженіе не удастся. Но я говорю о томъ впечатлѣніи, которое совершается при свѣтѣ и при обстановкѣ, соответствующей предмету въ его естественномъ состояніи. И какъ нѣтъ никакой необходимости принуждать глазъ, чтобъ онъ открывался и созерцалъ вещи,—ибо онъ и самъ по себѣ (какъ бы отъ природы страстно стремясь къ свѣту) испытываетъ потребность наслаждаться созерцаніемъ, стремится ко всему (только бы не обременили его одновременно излишествомъ предметовъ), и никогда не можетъ насытиться созерцаніемъ: такъ точно и духъ нашъ жаждетъ познанія вещей; постоянно стремится и исполненъ желанія изслѣдовать все окружающее его; все воспринимаетъ, даже съ жадностію, неутомимо и всюду, если только онъ не будетъ разомъ подавленъ множествомъ впечатлѣній, но будетъ воспринимать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ одно за другимъ.

13. (II) Что *гармонія нравовъ* (*Morum harmonia*) естественно—присуща человѣку, это усматривали даже язычники, которые не вѣдали другаго, даннаго отъ Бога свѣта, ниспосланнаго свыше вѣрнаго путеводителя къ вѣчной жизни, и въ тщетныхъ попыткахъ принимали эти искорки **) за свои свѣтильники. Такъ *Цицеронъ* говорить ***): «Нашимъ способностямъ

*) Въ текстѣ—*Oculus aut speculum* Лейтбехеръ переводитъ: «глазъ или зеркало»; но Бэгеръ справедливо замѣчаетъ, что такой переводъ ошибоченъ, и что здѣсь, очевидно, по недосмотру стоитъ *aut* вмѣсто *ut*.

**) «Искорки»,—т.-е., врожденные человѣку *сѣмена*, зародыши нравственнаго развитія.

***) *Cic. Tuscul. lib. III, cap. 1, 3.*

врождены сѣмена добродѣтели, и если бы они могли всѣ вырости, сама природа привела бы насъ къ счастливой жизни». (Это ужъ черезъ чуръ!)» Но теперь вступая въ жизнь и увлекаемые ею, мы постоянно находимся посреди всякой испорченности, такъ что кажется, будто мы всасываемъ въ себя заблужденія съ молокомъ матери». Но что дѣйствительно справедливо то, что сѣмена добродѣтелей прирождены чловѣку, это очевидно изъ слѣдующихъ двухъ доводовъ: во-первыхъ, *каждый чловѣкъ наслаждается гармоніей*; во вторыхъ, *и самъ онъ есть* ни что иное какъ *гармонія*, въ себѣ и внѣ себя *).

14. (а) *Что въ гармоніи чловѣка находитъ наслаждение и страстно стремится къ ней, это несомнѣнно*. Ибо кто не испытывалъ пріятнаго ощущенія при видѣ хорошо сложенного чловѣка, красивой лошади, прекрасной статуи, привлекательной картины? Но отъ чего это происходитъ, какъ не отъ того, что соразмѣрность цвѣтовъ и красокъ вызываетъ пріятное чувство? Это услажденіе глазъ вполне естественно. Я спрашиваю далѣе: *кого не увлекаетъ музыка*? А это почему? Конечно, потому что гармонія тоновъ производитъ пріятное созвучіе. Отъ чего всѣмъ нравятся хорошо приготовленные *яства*? Безъ сомнѣнія потому, что надлежащее смѣшеніе различныхъ питательныхъ матеріаловъ пріятно щекочетъ небо. Кто не чувствовалъ удовольствія отъ умѣренной *теплоты*, отъ умѣреннаго *холода*; отъ надлежащаго положенія и умѣреннаго *движенія* членовъ тѣла? Почему все это бываетъ, какъ не отъ того, что въ природѣ все, что соблюдаетъ надлежашую мѣру, пріятно и полезно, а все неумѣренное—враждебно и вредно? Отъ чего также самыя добродѣтели восхищаютъ насъ въ другихъ (ибо и неучастники добродѣтелей удивляются добродѣтельнымъ, хотя и не подражаютъ имъ, считая невозможнымъ побѣдить въ себѣ дурныя навыки), а не въ насъ только самихъ?—Мы слѣпы, если не признаемъ, что всѣ мы носимъ въ себѣ корни гармоніи (*harmoniae radices*).

*) Употребляемое здѣсь Коменскимъ слово *harmonia* выражаетъ согласіе, единство, но не звуковое созвучіе; для обозначенія послѣдняго онъ употребляетъ (§ 14) слово *consonantia*. Гармонія въ психическомъ смыслѣ—это внутренняя соразмѣрность силъ и ихъ отправленій, дѣятельностей и стремленій, это равновѣсіе психическаго и физическаго элементовъ въ чловѣкѣ, это единство и цѣлость природы и развитія.

15. (b) Но и сама *человѣкъ* есть не иное что, какъ *гармонія*, сколько въ отношеніи тѣла, столько и относительно души. Ибо какъ вся вселенная (*major Mundus*) представляетъ подобіе огромнѣйшаго часоваго механизма, столь искусно составленнаго изъ громаднаго числа колесъ и колоколовъ, что, для безпрерывности движенія и согласованія, всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, захватываютъ одно другое: такъ и *человѣкъ* (малый міръ) есть гармонія. Ибо съ какимъ удивительнымъ искусствомъ все приспособлено въ немъ для тѣла: во-первыхъ, это вѣчно движущееся *сердце*, источникъ жизни и дѣйствій, отъ котораго получаютъ прочіе члены движеніе и мѣру движенія; *гиря* же, производящая движеніе, это *мозгъ*, который посредствомъ нервовъ, подобно шнурамъ, притягиваетъ и отпускаетъ прочія колеса (члены). Разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ отправленій *человѣка*—это самое симметрическое отношеніе движеній.

16. Въ душевныхъ же движеніяхъ главное колесо — *воля*; двигающія гири — *желанія* и *чувства*, которыя и даютъ волѣ направленіе въ ту или другую сторону. Регуляторъ, открывающій и прекращающій движеніе, это — *разумъ*, который соразмѣряетъ и устанавливаетъ, въ чемъ, гдѣ и на сколько слѣдуетъ замедлять или ускорять ходъ. Прочія движенія души подобны меньшимъ колесамъ, слѣдующимъ за главнымъ колесомъ. Если по этому желанія и чувствованія будутъ имѣть соразмѣрную тяжесть, и регуляторъ—разумъ будетъ правильно открывать и закрывать движеніе, то не можетъ быть, чтобы не явилась гармонія и согласіе добродѣтелей, то-есть, соразмѣрность активныхъ и пассивныхъ состояній.

17. Итакъ вотъ, въ самомъ дѣлѣ, *человѣкъ* есть ни что иное, какъ *гармонія*. И какъ о часовомъ механизмѣ, или о какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ, сдѣланномъ рукою опытнаго мастера, въ случаѣ если они испортятся или разстроятся, мы не тотчасъ говоримъ, что они болѣе не годятся для употребленія (они вѣдь могутъ быть вновь поправлены и вывѣрены): такъ точно нельзя думать и о *человѣкѣ*, хотя и испорченномъ грѣхопаденіемъ, чтобы онъ, по благодати Божіей и съ помощью вѣрныхъ средствъ, не могъ быть возстановленъ.

18. (III.) Что корни *религій* присущи *человѣку* отъ природы, это можно видѣть изъ того, что онъ есть образъ Божій. Ибо образъ имѣетъ въ себѣ сродство съ изображаемымъ; подобное же радуется подобному, (*simile simili gaudet*); а законъ

всѣхъ вещей одинаково непреложень (Сир. 13, 18). И такъ какъ человѣкъ ничего не имѣетъ, что было бы подобно ему, кромѣ Того, по образу котораго человѣкъ сотворень, то и слѣдуетъ, что нѣтъ ничего, что наиболѣе увлекало бы его желанія, кромѣ того источника, изъ котораго онъ самъ произошелъ; только бы познаніе это было достаточно отчетливо.

19. Это видно также и изъ примѣра язычниковъ, которые, не бывъ научены словомъ Божиимъ, слѣдуя единственно скрытому инстинкту природы, познали божество, поклонялись ему и призывали его, хотя они и ошибались въ существѣ и смыслѣ поклоненія. «Всѣ люди имѣютъ понятіе о богахъ и всѣ предоставляютъ высшее мѣсто извѣстному божественному существу», говоритъ Аристотель *). А Сенека пишетъ: «Почитаніе боговъ заключается, во-первыхъ, въ вѣрѣ въ боговъ,—во-вторыхъ, въ усвоеніи имъ величія и милосердія, безъ котораго не мыслимо ни какое величіе, — наконецъ, въ признаніи, что они управляютъ міромъ, всѣмъ располагаютъ, какъ своею державою, и заботятся о сохраненіи человѣческаго рода» **). Какъ близко это къ тому, что говорилъ апостоль (Евр. XI, 6): «Безъ вѣры невозможно угодить Богу, ибо надобно, чтобы приходящій къ Богу вѣровалъ, что Онъ есть и ищущимъ Его воздастъ».

20. *Платонъ* же говоритъ (въ *Тимеѣ*): «Богъ есть высшее благо, превыше всякаго существа и всякой природы, къ которому все стремится». Это — (что Богъ есть высшее благо, къ которому все стремится) до того несомнѣнно, что *Цицеронъ* могъ сказать: «Первая учительница благочестія есть природа» ***). А *Лактанцій* пишетъ: «Такъ какъ мы сотворены съ назначеніемъ оказывать создавшему насъ Богу истинное и справедливое послушаніе, то намъ остается только искать Его, слѣдовать Ему.» Чрезъ эту связь благочестія мы соединены и связаны съ Богомъ, и даже сама религія имѣетъ отъ того названіе.

21. Хотя слѣдуетъ признать, что естественное стремленіе къ Богу, какъ къ высшему благу, до такой степени извратилось и сбилось на ложный путь, что никто не въ состояніи

*) Arist. De cælo I, cap. 3.

**) Senec. Epist. 96.

***) Cicer. De natura Deorum. 1.

собственною силою попасть на него снова; однако это стремление въ людяхъ, которыхъ Богъ снова освѣщалъ Своимъ словомъ и духомъ, возбуждалось и столь продолжительно, что Давидъ могъ взывать къ Богу: «Кто кромѣ Тебя для меня на небѣ? Съ Тобою ничего не хочу на землѣ. Изнемогаетъ плоть моя и сердце мое: Богъ твердыня сердца моего и часть моя во вѣкъ. (Псал. LXXII, 25, 26).

22. Итакъ, когда мы обсуждаемъ средства противъ порчи, пусть никто не отчаивается; — ибо самъ Богъ содѣйствуетъ уничтоженію ея духомъ и силою установленныхъ для того средствъ. Подобно тому, какъ Навуходоносору, когда отъ него былъ отнятъ человѣческій разумъ и дано было ему сердце животнаго, все же оставлена была надежда, что къ нему возвратятся его человѣческій духъ, даже его царское достоинство, какъ скоро онъ призналъ бы власть Небесъ (Дан. 4, 23); точно также и намъ, изверженнымъ изъ рая деревьямъ, сохранены корни, которые, если на нихъ падетъ дождь и солнечное сіяніе Божьей милости, снова дадутъ свѣжіе отпрыски. Развѣ Богъ, тотчасъ послѣ грѣхопаденія и возвѣщеннаго изгнанія (наказаніе смерти), не насадилъ въ сердцахъ (общаціемъ благословеннаго сѣмени) новыхъ отпрысковъ своего милосердія? Развѣ Онъ не послалъ своего Сына, черезъ котораго возрождается падшее?

23. Постыдно и оскорбительно, даже неблагодарно было бы съ нашей стороны, если бы мы постоянно толковали о порчѣ, а умалчивали о помилованіи! То, что древній Адамъ могъ внести въ насъ, неужели новый Адамъ—Христосъ не можетъ это уничтожить? Потому истинно говорить апостолъ отъ своего имени и отъ имени возрожденныхъ: «Я все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ (Филип. IV, 13)». Если возможно, чтобы черенокъ, привитый на иву, терновникъ или на какое-либо другое лѣсное деревцо, пускалъ листья и приносилъ плоды; то тѣмъ болѣе это возможно, когда прививка произведена на собственномъ корнѣ. Это видно изъ приведенныхъ доводовъ апостола (Римл. 24); кромѣ того: если Богъ изъ камней можетъ воздвигнуть дѣтей Аврааму (Матѣ. III, 9), то неужели не возможетъ Онъ пробудить ко всякому добруму дѣлу тѣхъ, которые съ первыхъ дней творенія были созданы Его дѣтьми, чрезъ Христа были вновь усыновлены и возродились чрезъ духъ благодати?

24. Ахъ, не будемъ недоступны для благодати, которую въ изобиліи готовъ излить на насъ Богъ! Ибо если мы, вѣрою насажденные во Христѣ, и *одаренные благодатию усыновленія*, мы—говорю, будемъ отрицать, что вмѣстѣ съ нашимъ сѣменемъ мы предназначены для царства Божія: то какъ могъ сказать Христосъ о дѣтяхъ, что ихъ царствіе небесное? Или, какъ Онъ могъ указать на нихъ, возвѣщая: «Истинно говорю вамъ, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное (Матѣ. XVIII, 3)? Какъ могъ апостоль называть дѣтей-христіанъ (если даже только одинъ изъ родителей былъ вѣрующій) святыми, и отвергать даже, чтобъ они были нечисты (1 Коринѣ. 7, 14)? Даже о тѣхъ, которые въ дѣйствительности были замѣшаны въ самыхъ тяжкихъ порокахъ, апостоль дерзаетъ утверждать: «И такими были нѣкоторые изъ васъ; но вы омылись, освятились, оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего (1 Коринѣ. VI, 11). Итакъ, если мы говоримъ, что христіанскія дѣти (не потомство древняго Адама, но возрожденіе новаго, дѣти Бога, братцы и сестрицы (*fraterculus et sororculus*) Христа, желающіе получить образованіе, будутъ способны воспринять сѣмя для вѣчности, кому покажется это невозможнымъ? Неужели намъ, не ищущимъ плода на дикой маслинѣ, но приходящимъ на помощь привитымъ къ дереву жизни вѣтвямъ, дабы они дали свойственный имъ плодъ?

25. Итакъ, истинно, что для человѣка всего естественнѣе, а чрезъ благодать Духа Святаго и легче, быть мудрымъ, нравственнымъ и святымъ, чему не въ силахъ воспрепятствовать отвнѣ привитая развращенность. «Ибо каждая вещь легко возвращается къ своей первичной природѣ. А это и есть то, о чемъ говоритъ священное писаніе: Мудрость, легко созерцается любящими ее, и обрѣтается ищущими ее; она даже упреждаетъ желающихъ познать ее. Съ ранняго утра ищущій ее не утомится; ибо найдетъ ее сидящую у дверей своихъ. (Премудр. VI, 12—14). Тоже высказывается и въ извѣстномъ изреченіи Венузійскаго поэта *):

Нѣтъ никого столь дикаго, кого нельзя было бы укротить,
Если только ухо его будетъ готово встрѣтить образованіе.

*) *Гораций*, какъ извѣстно, родился въ Венузіи, Самнитскомъ городѣ, въ Апуліи, почему и называется Венузійскимъ.

Г Л А В А VI.

Человѣкъ, чтобъ быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе.

1. Природа, какъ мы видѣли, одаряетъ человѣка сѣменами познанія, нравственности и религіи, но самого познанія добродѣтели и религіи она не даетъ; эти послѣднія *приобрѣтаются* посредствомъ молитвы, ученія, упражненія. Потому не дурно нѣкто опредѣлилъ человѣка, сказавъ что онъ есть животное, предназначенное для ученія (*Animal disciplinabile*), то есть, что онъ не можетъ стать человѣкомъ иначе, какъ только получивъ образованіе.

2. Если мы станемъ разсматривать *познаніе* вещей, то увидимъ, что только Богу свойственно все знать безъ начала, безъ продолженія, безъ конца, единымъ и чистымъ воззрѣніемъ; человѣку и ангелу это не могло быть даровано, ибо безконечность и вѣчность, или что то же, божественность имъ не свойственна. Для ангеловъ и человѣка довольно и того преимущества, что они получили остроту ума, которымъ они изслѣдуютъ творенія божіи и тѣмъ *приобрѣтаютъ* себѣ сокровище познанія. Потому объ ангелахъ извѣстно, что они познаютъ такъ посредствомъ созерцанія (1 Петр. I, 12, Ефес. III, 10; 1 Царствъ XXII, 20; Іовъ I, 6), а потому познаніе ихъ также какъ и наше опытное (*experimentalis*).

3. Итакъ никто пусть не думаетъ, что человѣкъ можетъ быть истинно (*verè*) человѣкомъ, хотя бы его никто не научилъ, какъ слѣдуетъ поступать человѣку, т. е. хотя бы онъ и не былъ наставленъ въ томъ, что образуетъ человѣка. Это видно изъ примѣра тѣхъ созданий, которыя хотя и назначены на пользу человѣку, но не иначе выполняютъ дѣль свою, какъ бывъ предварительно приспособлены къ тому нашими руками. Напр., *камни* должны служить для возведенія домовъ, башенъ, стѣнъ, колонъ и проч.; однако они не иначе могутъ идти въ дѣло, какъ бывъ отломаны, отесаны и сложены нашими руками. Такъ же точно служащія для украшенія людей *перлы* и *драгоцѣнные камни* должны быть людьми же добыты, очищены и отполированы; *металлы*, служащія для роскошнаго употре-

бленія въ нашей жизни, должны быть вырыты, растоплены, отдѣлены отъ шлака, разнообразно перелиты и перекованы; безъ этого они для насъ менѣе полезны, чѣмъ простая грязь земли. Отъ *растеній* мы получаемъ пищу, питье, врачебныя средства; однако и травы, и клѣбныя растенія предварительно употребленія нужно посадить, выполоть, скосить, вымолотить, смолоть; деревья должны быть посажены, подрѣзываемы, прививаемы; плоды необходимо собирать высушивать и проч. Но если что-либо изъ всего этого должно быть употреблено какъ врачебное средство, или какъ строительный матеріалъ, то оно требуетъ еще болѣе тщательной предварительной обработки. *Животныя*, особенно тѣ, которыя оказываютъ намъ пользу своею жизнью или движеніемъ, повидимому, сами достигаютъ своей цѣли; однако если желаютъ исполнѣ воспользоваться ихъ возможнымъ трудомъ, то и здѣсь необходимо предварительное приученіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите: лошадь отъ природы способна для войны, быкъ—для упряжи, оселъ—для несенія тяжести, собака — для охраненія дома и для охоты, соколъ и ястребъ—для ловли птицъ, и проч.; но если ихъ не приучать упражненіемъ къ свойственному имъ отправленію, то они будутъ мало пригодны для дѣла.

4. *Человѣкъ по организму своему приспособленъ къ работѣ; однако мы видимъ, что ему прирождена только одна способность къ труду: и сидѣть, и стоять, и ходить, и осязать научается онъ мало по малу. Итакъ, откуда же нашъ духъ получилъ бы возможность стать совершеннымъ чрезъ себя и отъ себя (per se et à se), безъ всякой предварительной подготовки, когда общій законъ для всего сотвореннаго начинать отъ ничтожнаго *) и только постепенно развиваться, какъ по существу, такъ и по дѣятельности. Ибо, и объ ангелахъ, которые по совершенству болѣе всего подходятъ къ Богу, достовѣрно извѣстно что они не все знаютъ, но, какъ мы недавно указали, только постепенно приближаются къ познанію дивной премудрости божіей.*

5. *Ясно также, что для человѣка еще до грѣхопаденія была*

*) Собственно: *á nihilo initium sumere* «брать начало изъ ничего», но по связи текста и смыслу рѣчи, Коменскій, очевидно, этимъ выраженіемъ характеризуетъ субъективную простоту и несложность природныхъ задатковъ человѣка для развитія.

открыта въ раю школа, въ которой онъ постоянно преусиивалъ. Ибо хотя первые люди по сотвореніи и обладали способностію ходить и разумѣвать, но, какъ видно изъ разговора, который имѣла Ева со змѣемъ, имъ не доставало познанія вещей, которое возникло во всемъ объемѣ изъ опыта; такъ какъ Ева, еслибъ она была болѣе опытна, не упустила бы изъ виду столь простой вещи что змію вовсе не свойственна способность рѣчи, и поняла бы, что тутъ слѣдовательно скрывается обманъ. Но теперь, въ состояніи поврежденія человѣческаго, гораздо болѣе имѣеть значенія необходимость учиться тому, что необходимо знать; тѣмъ болѣе, что мы приносимъ съ собою въ дѣйствительности чистый духъ, какъ гладкую доску (*nudam mentem, ut tabulam rasam*), не вѣдая еще какъ и что слѣдуетъ дѣлать, какъ говорить, какъ познавать, но все это съ основанія (*è fundamento*) должно быть возбуждено. Для насъ это несравненно труднѣе, чѣмъ это было при первоначальномъ состояніи совершенства; для насъ не только вещи затемнены, но даже спутаны и языки (такъ что вмѣсто одного языка надо изучать уже нѣсколько, если кто желаетъ ради науки обращаться съ различными лицами, какъ живыми, такъ и мертвыми); даже родной языкъ требуетъ уже истолкованія; наконецъ ничто не родилось вмѣстѣ съ нами.

6. Существуютъ примѣры, что люди, которые въ раннемъ дѣтствѣ были похищены дикими звѣрями и ими воспитывались, знали ничуть не больше неразумныхъ созданій, и ничѣмъ ни языкомъ, ни руками, ни ногами не отличались бы отъ звѣрей, если бы позже имъ не случилось обращаться немного между людьми. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Около 1540 года изъ одного Гессенскаго селенія, расположеннаго въ лѣсу, пропалъ, по недосмотру родителей, трехлѣтній мальчикъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ замѣтили крестьяне, что вмѣстѣ съ волками прибѣжало живое существо, по виду отличное отъ нихъ, четвероногое, но по лицу похожее на человѣка. Когда слухъ объ этомъ распространился, префектъ мѣстечка, поручилъ крестьянамъ высмотрѣть нельзя ли какъ захватить это существо живымъ. Его дѣйствительно поймали и отвели сначала къ префекту, а потомъ даже въ Кассель къ ландграфу. Когда это существо привели въ княжескій замокъ, то оно убѣжало, спряталось подъ скамью, откуда выглядывало съ сердитымъ видомъ и подняло отвратительный вой. Князь

приказаль воспитывать это существо въ обществѣ людей. Спустя нѣкоторое время, дикое существо начало постепенно укрощаться, потомъ становится на заднія ноги, ходить на двухъ ногахъ, затѣмъ разсуждать и становится человѣкомъ. Впослѣдствіи узнали отъ него, что насколько можетъ припомнить, онъ былъ утащенъ, выкормленъ волками и затѣмъ обыкновенно выходилъ вмѣстѣ съ ними на добычу. Эту исторію описываетъ Дрессеръ въ своей книгѣ «О старой и новой дисциплинѣ» *); также и *Камерарій* упоминаетъ объ ней, приводя подобный же случай **). *Гулярцій* же (въ сочиненіи Диковинки нашего вѣка) пишетъ, что въ 1563 г. во Франціи случилось нѣсколькимъ дворянамъ отправиться на охоту; они убили двѣнадцать волковъ, а потомъ поймали въ силки мальчика, лѣтъ семи, голаго, съ желтой кожей и курчавыми волосами на головѣ. У этого мальчика вмѣсто ногтей были когти какъ у орла; онъ не говорилъ, но безпорядочно рычалъ. Его привезли въ ближайшій городокъ и съ трудомъ надѣли на него цѣпи, чему онъ всѣми силами сопротивлялся; но, послѣ нѣсколькихъ дней голода, онъ укротился, началъ дѣлаться ручнымъ а по истеченіи семи мѣсяцевъ сталъ говорить. Его показывали по городамъ, что принесло немалую выгоду его хозяевамъ. Впослѣдствіи одна бѣдная женщина признала его за своего ребенка». ***). Итакъ справедливо писалъ Платонъ (въ VI-й книгѣ своего сочиненія «о законахъ»), что человѣкъ есть самое скромное и богоподобное существо, если надлежащее воспитаніе вселило въ него кротость; безъ воспитанія же или съ воспитаніемъ ложнымъ онъ становится самымъ неукротимымъ существомъ изъ всѣхъ, какія только производитъ земля.

7. *Вообще же образованіе (cultura) необходимо для каждого* Въ этомъ легко убѣдиться, если разсмотрѣть даже различныя состоянія (status) человѣка. Ибо кто станетъ отрицать, что обученіе необходимо для людей—умственно *ограниченныхъ* въ видахъ уничтоженія природной ихъ тупости? Но и *хорошо одаренные* способностями въ дѣйствительности также и даже болѣе нуждаются въ обученіи, потому что острый проникаемый умъ, не направляемый на полезное, сталъ бы занимать бесполезнымъ, страннымъ и даже вреднымъ. Потому

*) *Dresserus, De nova et antiqua disciplina.*

**) *Camerarius Lib. I, cap. 7b.*

***) *Gulartus «Mirabilia nostri seculi».*

что, какъ поле (не бывъ обработано и засѣяно), чѣмъ плодороднѣе тѣмъ больше даетъ урожай шиповника и чертополоха; такъ и отличнѣйшій талантъ будетъ полонъ самыхъ причудливыхъ мыслей (*curiosarum cogitationum*), если въ него не будутъ вложены сѣмена мудрости и добродѣтели. Если въ работающую мельницу не подсыпать зерна, т. е., необработаннаго вещества, мельница изотретъ свои жернова и будетъ только бесполезно поднимать пыль, производя въ то же время шумъ и трескъ, повреждая и ломая составныя части своего механизма: такъ точно дѣятельный умъ, при недостаткѣ серьезныхъ предметовъ для своей дѣятельности, направляется на пустыя, причудливыя и вредныя вещи и становится причиною своей гибели.

8. Но что такое *богачи*, когда имъ не достаетъ мудрости, какъ не свиньи откормленные отрубями? Что такое *бѣдные* безъ пониманія вещей, какъ не нагруженные кладью ослы? Что такое *красивый* но не обученный юноша, какъ не раскрашенный красивыми перьями попугай, или какъ нѣкто сказалъ, золотыя ножны, въ которые вложенъ свинцовый мечъ?

9. *Тѣмъ, которые такъ или иначе поставлены впередъ*, царямъ, князьямъ, государственнымъ сановникамъ, церковнымъ пастырямъ и ученымъ столь же необходимо прежде всего посвятить себя мудрости, какъ необходимо имѣть проводнику глаза, толмачу-языкъ, трубѣ-звукъ, мечу-лезвее. Равнымъ образомъ и подданные должны быть просвѣщены чтобы они благоразумно умѣли повиноваться мудрымъ приказаніямъ, не по принужденію или по ослиной покорности, но свободно изъ любви къ порядку. Ибо не бранью, не заключеніемъ въ тюрьму, не палочными ударами, но съ помощью разума надлежитъ руководить разумное созданіе. Если бы это было не такъ, то это было бы поруганіемъ Бога, который на нихъ напечатлѣлъ свой образъ; и дѣла человѣческія преисполнились бы насилія и безпокойства.

10. Итакъ, остается несомнѣннымъ, что всѣ родившіеся людьми нуждаются въ обученіи; ибо такъ какъ они люди, то и должны быть людьми, а не дикими звѣрями, неразумными животными, или бессмысленными чурбанами. Отсюда слѣдуетъ, что одинъ превзойдетъ другого настолько, насколько онъ будетъ дѣятельнѣе упражняться. Пусть заключится эта глава

словами мудреца: «Презиращій мудрость и наставленіе несчастенъ, и суетна надежда ихъ (т. е., цѣль ихъ стремлений), и трудныхъ безплодны, и дѣла ихъ бесполезны (Премудр. 3, 11).

ГЛАВА VII.

Образованіе человѣка совершается очень легко въ первую пору жизни. а потому въ эту пору оно только можетъ совершаться успѣшно.

1. Изъ сказаннаго очевидно, что въ условіяхъ развитія человѣка и дерева есть нѣкоторое сходство. Ибо какъ плодоносное дерево (яблоня, груша, слива, виноградная лоза) хотя и можетъ вырасти само по себѣ и чрезъ себя, но въ дикомъ видѣ приносить дикіе плоды; дерево же, которое должно производить плоды сладкіе и нѣжные, необходимо должно быть посажено, привито, орошаемо и обрѣзываемо рукою опытнаго садовника. Такимъ образомъ и человѣкъ хотя самъ по себѣ развивается до человѣческаго образа (*figura*) (какъ и всякое животное до своего вида); но возвыситься на степень разумнаго, мудраго, нравственнаго и благочестиваго существа онъ можетъ не иначе, какъ получивъ прививку зародышей или сѣмянъ мудрости, нравственности и благочестія. Теперь слѣдуетъ изложить, что *эта прививка должна имѣть мѣсто, пока деревья еще совершенно молоды.*

2. На сколько касается это человѣка, можно представить шесть основаній. Вопервыхъ, *неизвѣстность настоящей жизни*, о которой мы только то и знаемъ, что мы рано или поздно должны ее оставить, но не знаемъ гдѣ и когда. Быть же унесеннымъ смертію, не будучи подготовленнымъ, есть дѣло слишкомъ большой опасности, такъ какъ оно уже не можетъ быть исправлено. Настоящая жизнь для того именно и дана, чтобы въ теченіи ея человѣкъ или приобрѣлъ, или потерялъ на вѣки милость Бога. Ибо подобно тому, какъ человѣческое тѣло образуется уже въ утробѣ матери и если кто не принесъ съ собою оттуда какого-либо изъ своихъ членовъ, то въ теченіе уже всей жизни онъ остается безъ него; такъ же точно, пока мы живемъ въ тѣлѣ, душа наша образуется для познанія Бога и союза съ нимъ, при чемъ если бы кто-нибудь не достигъ этого здѣсь, по выходѣ изъ тѣла, ему уже не было бы на то ни времени, ни мѣста. Слѣдовательно, такъ какъ здѣсь

дѣло идетъ о предметѣ столь великой важности, то надо употребить величайшую поспѣшность, дабы смерть не предупредила его.

3. Но если бы даже насъ не преслѣдовала угрожающая смерть, и мы были бы увѣрены въ жизни на возможно долгое время, то и тогда образованіе естественно должно было бы рано начинаться, по той причинѣ, что *жизнь должна быть проведена не въ ученьѣ, но въ дѣйствіи*. Итакъ, прежде всего должно изучить то, что относится къ дѣятельности въ жизни, чтобы намъ не пришлось оставить ее прежде чѣмъ научимся дѣйствовать. Да если бы кому-нибудь постоянно учащемуся было дано прожить и вѣчность, то вѣдь безконечно разнообразіе вещей, которыя Творецъ даровалъ намъ для созерцанія, такъ что получивъ даже несторово долголѣтіе (*Nestorea vita*), онъ все же обратился бы къ тому, что наиболѣе полезно для жизни,—изслѣдуя повсюду разсыпанныя сокровища премудрости божіей и приготовляя изъ нихъ себѣ средства для счастливой жизни. Итакъ, *для разсмотрѣнія вещей слѣдуетъ заблаговременно открывать человеку чувства, такъ какъ ему въ теченіе всей жизни необходимо многое познавать, изслѣдовать и воспроизводить*.

4. *Всѣмъ органическимъ созданіямъ свойственно то явленіе, что пока они нѣжны, то очень легко сгибаются и принимаютъ форму, въ окрѣпшемъ же состояніи они не податливы*. Мягкій воскъ принимаетъ всякую форму и поддается передѣлкѣ; затвердѣвшій же легче крошится. Молодое *дерево* можно такъ или иначе садить, пересаживать, обрѣзывать, сгибать; выросшее же дерево—никакимъ образомъ. Свѣже снесенныя *яйца* при высиживаніи скоро согрѣваются и даютъ цыплятъ, отъ старыхъ же тщетно ожидать ихъ. Если лошадиный барышникъ хочетъ приучить *лошадь*, хлѣбопашецъ—*вола*, охотникъ—*собаку* или *ястреба* къ соотвѣтственнымъ каждому отправленіямъ (подобно тому, какъ вожакъ приучаетъ плясать *медвѣдя*, иные приучаютъ говорить *сороку*, *ворона* или *попугая*), то они выбираютъ для этого *молодыхъ* животныхъ;—если взять старыхъ, то труды будутъ напрасны.

5. Очевидно, что тоже вполне относится и къ человеку: *мозгъ* его (о которомъ мы выше сказали, что онъ, воспринимая съ помощью чувствъ дѣйствующія на нихъ образы предметовъ, уподобляется воску) въ дѣтскомъ возрастѣ особенно

влаженъ и мягокъ, и жадно воспринимаетъ всѣ встрѣчающіеся ему образы; затѣмъ мало по малу онъ твердѣетъ, такъ что, какъ опытъ показываетъ, уже съ трудомъ воспринимаетъ впечатлѣнія. Сюда относится изрѣченіе Цицерона, что «дѣти очень скоро воспринимаютъ безчисленные предметы». Такимъ образомъ руки человѣка и другіе органы его только въ дѣтскіе годы, когда нервы еще мягки, могутъ быть образуемы для искусствъ и работъ. Если кто хочетъ сдѣлаться хорошимъ писцомъ, живописцемъ, портнымъ, кузнецомъ, столяромъ, музыкантомъ и проч., тотъ долженъ посвятить себя своему занятію еще съ юныхъ лѣтъ, пока сила воображенія свѣжа, пальцы послушны, доступны искусству; иначе никогда не достигнемъ цѣли. Равнымъ образомъ, если кто хочетъ внѣдрить въ кого-либо корни благочестія, то нужно дѣлать это въ ранніе годы; если мы хотимъ воспитать въ комъ-нибудь хороший тонъ и обращеніе, то должны начать дѣло еще въ нѣжномъ возрастѣ; кто въ изученіи философіи хочетъ сдѣлать большіе успѣхи, у того уже въ ранніе годы должны быть для всего открыты чувства, пока еще горитъ одушевленіе, паритъ фантазія, прочно удерживаетъ память. «Постыдная и смѣшная вещь старикъ на школьной скамьѣ», говоритъ Сенека;—юноша долженъ готовить себя, а старость пользоваться. *)

6. (4.) *Для того, чтобы человекъ могъ развиваться до гуманности, Богъ даровалъ ему годы юности, въ которыя онъ, не способный къ другимъ вещамъ, наиболее способенъ къ образованію.* Ибо если лошадь, быкъ, слонъ и всѣ большіе звѣри вырастаютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, человѣкъ достигаетъ того же развитія едва черезъ 20—30 лѣтъ. Если бы кто подумалъ что это простая случайность, или зависитъ отъ другихъ неизвѣстно какихъ причинъ, то здѣсь выказалась бы только ограниченность сужденія. Ибо если Богъ по отношенію ко всѣмъ другимъ вещамъ опредѣлилъ каждой свою долю, то неужели онъ допустилъ бы для одного человѣка, господина творенія, чтобы время ускользало отъ него безъ всякой пользы? Или стали бы мы смотрѣть на человѣка какъ тѣмъ болѣе одареннаго отъ природы, чѣмъ легче природа въ медленной дѣятельности совершала бы образованіе его? Не затрудняется же она заканчивать развитіе болѣе колоссальныхъ тѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ! Такимъ образомъ намъ не остается объ-

*) Seneca, Epist. 36.

ясненія, кромѣ того, что Творецъ удостоилъ по опредѣленному плану, выказать намъ свое благоволеніе, замѣдливъ періодъ юности, чтобы болѣе было времени для упражненія въ познаніяхъ и наукахъ, сдѣлавши насъ непригодными на это время для хозяйственныхъ и политическихъ дѣлъ, дабы въ остальное время нашей жизни (и даже для вѣчности) мы были тѣмъ искуснѣе.

7. (5.) *Только то въ человѣкѣ прочно и надежно что всосалось въ природу его въ его первую пору жизни*, какъ это вытекаетъ изъ тѣхъ же примѣровъ. Сосудъ сохраняетъ запахъ вещества, которымъ онъ былъ наполненъ, пока не разобьется. Какъ молодое *дерево* распространяетъ сучья вверхъ, внизъ и въ стороны, такъ сохраняетъ оно ихъ сотню лѣтъ, пока не будетъ изрублено. *Шерсть* такъ крѣпко сохраняетъ краску, которою окрашена, съ самаго начала, что ее нельзя перекрасить. Однажды согнутое *дерево* для колеса скорѣе разлетится въ тысячу кусковъ, чѣмъ возвратится къ прежней прямой. Такъ и въ *человѣкѣ* *первыя впечатлѣнія вѣдряются до такой степени прочно, что измѣненіе ихъ равнялось бы чуду, потому то весьма рекомендуется въ первую же пору жизни сообщать истинныя основы мудрости.*

8. Наконецъ (6) также *чрезвычайно опасно, если здоровыя правила жизни не будутъ вѣдряемы* *человѣку уже съ молокомъ матери.* Такъ какъ *человѣческій духъ*, какъ только *внѣшнія чувства* начнутъ отправлять свою дѣятельность, не можетъ оставаться въ неподвижномъ состояніи, то въ случаѣ если не занять его полезными вещами, онъ займется чѣмъ-либо пустѣйшимъ, и подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ извращеннаго вѣка—пойдетъ и на вредное дѣло; отучить отъ этого въ послѣдствіи, если совершенно невозможно, то очень трудно, какъ это доказано выше. Потому-то міръ полонъ проступковъ и свѣтскія власти, и служители церкви не въ состояніи устранить ихъ, между тѣмъ какъ устраненіе зла, при самомъ началѣ появленія его, не представило бы особеннаго труда.

9. Итакъ, если каждому близко къ сердцу благосостояніе его потомства, а представителямъ свѣткой и духовной власти столь же близко къ сердцу благополучное теченіе *человѣческихъ дѣлъ* и преуспѣяніе *человѣческаго рода*, то пусть они поспѣшатъ своевременно принять мѣры, чтобъ надлежаще культивировать «небесныя растенія», поливать ихъ и благо-

разумно подготовлять къ успѣшному прогрессивному движенію для достиженія научныхъ познаній, добрыхъ нравовъ и благочестія.

Г Л А В А VIII.

Юношеству необходимо давать общее образованіе, и для этого нужны школы.

1. Показавши, что христіанское юношество это «райское растеньице» не можетъ выростать на подобіе дикорастущаго лѣса, но требуетъ заботливаго попеченія, рассмотримъ далѣе на комъ лежать эти попеченія? Согласно природѣ, эта обязанность непременно лежитъ на родителяхъ. Такъ какъ они дали дѣтямъ жизнь, то они же должны приготовить ихъ для разумной, добродѣтельной и благочестивой жизни. Что эта обязанность имѣла для Авраама значеніе священнаго закона, это показываетъ самъ Богъ, когда онъ говоритъ: «Я избралъ его для того, чтобъ онъ заповѣдалъ сынамъ своимъ и дому своему послѣ себя ходить путемъ Господнимъ, творя правду и судъ» (1 Моис. XVIII, 19). Этого вообще Господь требуетъ отъ родителей, говоря: «Внушай слова Мои дѣтямъ твоимъ и говори объ нихъ, сидя въ домѣ твоёмъ и идя дорогою, ложась и вставая» (5 Моис. VI, 7). А чрезъ апостола онъ говоритъ: «Отцы не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ» (Ефес. 6, 4).

2. Но такъ какъ люди и условія человѣческой жизни столь разнообразны, что рѣдко можно найти такихъ людей, которые бы знали, или умѣли, или при ихъ занятіяхъ имѣли возможность посвятить себя обученію своихъ дѣтей, то по умному совѣту, давно уже установилось, что дѣти многихъ семействъ поручаются одновременно для образованія особо избираемымъ личностямъ, отличающимся познаніями и строгостью нравовъ. Такихъ образователей юношества обыкновенно называютъ *школьными наставниками, учителями, преподавателями, профессорами*; а мѣста, назначенныя для ихъ обыкновенныхъ занятій, называютъ *школами, аудиторіями, коллегіями, гимназіями, академіями, и т. п.*

3. Первая школа открыта была вскорѣ послѣ потопа при патриархѣ *Симѣ*, какъ свидѣтельствуеъ *Іосифъ*; онъ же говоритъ что потомъ школа эта стала называться *еврейскою*. Въ *Халдѣ*, въ особенности же въ Вавилонѣ, существовали по-сѣщаемыя многими школы, въ которыхъ, наряду съ другими предметами, преподавалась и астрономія, какъ это всякому извѣстно; въ послѣдствіи этой наукѣ халдѣевъ (во времена *Навуходоносора*) обучались *Даніиль* и его сподвижники (*Дан.* I, 20); тоже было и въ Египтѣ, гдѣ получили образованіе *Мойсей* (*Дѣянія апост.* VII, 22). По велѣнію Бога въ израильскомъ народѣ были повсемѣстно открыты школы, называемыя *синагогами*, въ которыхъ левиты истолковывали законъ; и эти школы существовали даже до временъ Христа, проповѣдію котораго, а также и его учениковъ, онѣ были прославлены. Обычай устраивать школы перешелъ отъ Египтянъ къ Грекамъ, а отъ нихъ къ Римлянамъ; отъ Римлянъ же этотъ похвальный обычай открывать школы распространился по всѣмъ государствамъ, въ особенности же чрезъ распространеніе христіанской религіи, благодаря заботливости благочестивыхъ государей и епископовъ. О *Карлѣ Великомъ* повѣствуетъ исторія, что онъ, какъ только покорялъ какую-нибудь языческую страну, тотчасъ посылалъ туда епископовъ и ученыхъ и основывалъ тамъ церкви и школы, чему послѣдовали также и другіе христіанскіе государи, короли, князья и городскія власти; и школы такъ быстро возростали въ числѣ, что ихъ теперь трудно перечислить.

4. Чрезвычайно важно для всякаго христіанскаго государства, чтобъ этотъ благочестивый обычай не только удержался, но получилъ бы возможно большее распространеніе, чтобы непременно во всякомъ благоустроенномъ обществѣ людей (будетъ ли оно называться городомъ, мѣстечкомъ, селомъ) была открываема школа какъ заведеніе для общаго образованія юношества. Ибо этого требуетъ:

5. Вопервыхъ, *похвальный порядокъ вещей*. Ибо если какой-нибудь отецъ семейства не можетъ, по неимѣнію времени, доставить себѣ всего что ему нужно для его хозяйства, но обращается за содѣйствіемъ къ другимъ производителямъ, то почему же и здѣсь не быть тому же? Если кому нужна мука, онъ обращается къ мельнику; если мясо, — то къ мяснику; если вино, — то къ виноторговцу; если платье, — то къ порт-

ному; если обувь, — то къ сапожнику; если домъ, — полевыя орудія, ключи, и т. п., то къ столяру, плотнику, каретнику, каменщику, кузнецу и т. п. Да, у насъ есть *храмы* для наставленія взрослыхъ въ религіи, есть *преторіи* и *куріи* (судебныя мѣста), для разбирательства судебныхъ процессовъ, для созыва народа и для объявленій ему законовъ; — почему же намъ не имѣть также и для юношества *школы*? Даже свиней и коровъ пасутъ не всѣ крестьяне сами, но сообщая нанимаютъ для того пастуха, который служить имъ всѣмъ одинаково, а сами при меньшемъ раздробленіи дѣлъ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ исполняютъ свои остальные занятія. Именно это *въ высшей степени прекрасное сбереженіе въ трудѣ, когда кто-нибудь производитъ одно дѣло, не развлекаясь другимъ*; такимъ образомъ одному возможно служить многимъ, а многимъ возможно служить каждому отдѣльному лицу съ большею пользою. *)

6. Повторныхъ, этого требуетъ и *необходимость*. Такъ какъ родители довольно рѣдко обладаютъ необходимой сноровкой для обученія своихъ дѣтей или же не имѣютъ достаточно на то времени, то было бы цѣлесообразно, чтобы были люди, чувствуя въ себѣ жизненное призваніе къ этому дѣлу, посвящали бы себя исключительно ему одному, и чтобы такимъ образомъ удовлетворялась забота о цѣлой общинѣ.

7. Далѣе, хотя бываютъ и такіе родители, которымъ ничто не воспрепятствовало бы посвятить себя образованію своихъ дѣтей, но все *полезнѣе обучать юношество совокупно въ большихъ массахъ*; безъ всякаго сомнѣнія, успѣхъ и пріятность работы будетъ больше, когда одинъ ученикъ будетъ получать отъ другихъ образцы и побужденіе. Ибо совершенно естественно и легко исполнять то, что дѣлаютъ другіе; ходить туда, куда другіе идутъ, слѣдовать за тѣми, кто идетъ впереди и предшествовать идущимъ зади.

«Радостно прыгая, несется въ чистое поле конь

«Когда впереди и зади его бодро бѣжитъ все стадо».

Въ особенности же дѣтскій возрастъ руководится и упра-

*) Въ этихъ словахъ великій мыслитель съ очевидною ясностію и вполне наглядно раскрываетъ столь важное въ народной экономіи ученіе о *раздѣленіи труда*, которое гораздо позднѣе вошло въ труды великихъ представителей экономической науки.

вляется вообще больше примѣромъ, чѣмъ правилами. Если хотятъ сдѣлать что-нибудь понятнымъ одними предписаніями, то внѣдряется немногое; если же покажутъ, какъ другіе дѣлаютъ, то и безъ приказаній явится подражаніе.

8. Далѣе, *природа повсюду представляется намъ образцомъ; въ ней же то, что обильно должно произойти, производится въ одномъ и томъ же опредѣленномъ мѣстѣ*. Такимъ образомъ, массами производятся: дерево въ лѣсу, трава—на поляхъ, рыбы—въ водѣ, металлы—въ нѣдрахъ земли и т. п. И при томъ такъ, что лѣсъ, производящій сосны, кедры или дубы, заключаетъ въ себѣ преимущественно эти породы, между тѣмъ какъ другія породы въ тѣхъ же лѣсахъ произрастаютъ не въ одинаковой мѣрѣ; и почва, производящая золото, не производитъ одинаковымъ образомъ другіе металлы. Но то, что мы хотимъ высказать, еще болѣе выражается въ *нашемъ тѣлѣ*, въ которомъ каждый отдѣльный членъ необходимо получаетъ свою долю изъ воспринятой пищи; однако не каждой части передается ея порція въ неперевавленномъ видѣ, дабы каждая часть сама для себя приготовляла и приспособляла данную ей пищу, но имѣются особые органы, назначенные, подобно мастерскимъ, для того, чтобы они на пользу всего тѣла принимали въ себя пищу, въ возвышенной температурѣ переваривали ее, и наконецъ, въ видѣ приготовленнаго для питанія вещества, распредѣляли между остальными членами тѣла. Такъ *желудокъ* приготовляетъ пищевую кашицу, *печень* — кровь, *сердце*—жизненный духъ (*spiritum vitale*), мозгъ—одушевленный духъ (*animalem spir.* *). Послѣ же переработки, эти вещества проникаютъ во всѣ части тѣла и такимъ образомъ поддерживаютъ его жизнь. И такъ, *мастерскія* поддерживаютъ и развиваютъ ремесла, *церкви* страхъ божій, *судебныя мѣста* правосудіе, — развѣ не должны подобнымъ же образомъ и *школы* охранять, очищать и увеличивать свѣтъ мудрости, расширяя ее во всѣ части организма челоѣческаго общества?

9. Наконецъ, тоже самое замѣчаемъ мы и на *произведеніяхъ искусства*, предполагая разумное ихъ производство. Съ увѣ-

*) Приведенная здѣсь изложеніе отправленій различныхъ органовъ нашего тѣла очевидно не совпадаетъ съ данными современной фیزیологіи; но мы уже замѣтили, что скудость научныхъ свѣдѣній за 200 лѣтъ назадъ неизбежно отразилась и на великомъ трудѣ Коменскаго. Такихъ мѣстъ, впрочемъ, не много.

ренностию проходить садовникъ по лѣсамъ и кустарникамъ, и если гдѣ-нибудь нападетъ онъ на дичекъ, пригодный для разведенія, то пересаживаютъ его не на томъ же мѣстѣ, но выкапываютъ и пересаживаютъ въ свой плодовый садъ (Роматіумъ) и заботится о немъ вмѣстѣ съ сотнею другихъ подобныхъ растений. Такимъ же образомъ тотъ, кто занимается размноженіемъ рыбы для употребленія ея въ пищу, устраиваетъ *рыбные пруды* (Piscinae) и предоставляетъ имъ тамъ свободно метать икру. И чѣмъ больше плодовый садъ, тѣмъ успѣшнѣе произрастаютъ деревья; чѣмъ больше прудъ, тѣмъ удобнѣе развиваться будутъ рыбы. *Какъ для рыбы надлежитъ устраивать садки, а для плодовыхъ деревьевъ заводятъ плодовые сады, такъ и для юношества должно открывать школы.*

ГЛАВА IX.

Въ школахъ должно обучаться все юношество обоого пола.

1. Не только дѣти богатыхъ и знатныхъ лицъ, но одинаково дѣти знатныхъ и не знатныхъ лицъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мальчики и дѣвочки, въ большихъ и малыхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ—должны быть посылаемы въ школы, какъ это будетъ доказано ниже.

2. Во первыхъ, *кто родился человекомъ, тотъ родился для той же главной цѣли—быть человекомъ*, т. е. быть разумнымъ существомъ, которое господствуетъ надъ тварями и на которомъ напечатлѣнъ образъ его Создателя. Итакъ, всѣ должны стремиться къ тому, чтобы, получивъ правильное наставленіе въ наукѣ, добродѣтели и религіи, всѣ могли полезно проводить настоящую жизнь и достойно готовить себя для будущей. *Что внѣшнее положеніе лица не имѣетъ предъ Богомъ никакого значенія*, объ этомъ онъ свидѣтельствовалъ неоднократно самъ. Если же мы станемъ допускать къ развитію ума только нѣкоторыхъ, а другихъ отстранять, то будемъ несправедливы не только къ соучастникамъ общей нашей природы, но и къ самому Богу, который желаетъ, чтобы Его познавали, любили и почитали всѣ, на комъ Онъ напечатлѣлъ Свой образъ. И это совершится тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе возженъ будетъ свѣтъ познанія. Ибо мы только то цѣнимъ, что понимаемъ.

3. Далѣ, мы не знаемъ, для какой цѣли божественное провидѣніе назначило того или другаго человека. Несомнѣнно однакоже, что Богъ иногда избиралъ превосходнѣйшія орудія славы своей изъ среды бѣднѣйшихъ, низшихъ и неизвѣстныхъ людей. Итакъ, будемъ подражать небесному солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю, дабы все, что можетъ жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, все бы жило, зеленѣло, цвѣло и плодоносило.

4. Тотъ фактъ, что некоторыя дѣти отъ природы являются бездарными и тупыми, не можетъ служить этому препятствіемъ, ибо общее образованіе ума направлено къ устраненію тупости и исправленію этого недостатка. И чѣмъ кто-либо тупѣе и скуднѣе природными способностями, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ помощи, дабы хотя въ возможной степени освободиться отъ животной тупости и неразумія. Нельзя и найти столь несчастныя способности, чтобы образованіе рѣшительно не привело ихъ ни къ какому улучшенію. Подобно тому, какъ дырявый сосудъ—хотя и не удерживаетъ въ себѣ воды, но отъ частаго выполаскиванія чистится; такъ и тупоумные, ограниченные отъ природы люди, если и не успѣютъ въ приобрѣтеніи познаній, то настолько могутъ облагородиться въ своихъ нравахъ, что научатся повиноваться правительственнымъ властямъ и представителямъ церкви. Изъ опыта же извѣстно, что когда люди, отъ природы вялой воспримчивости, обращались къ наукамъ, то настолько успѣвали въ нихъ, что превосходили и талантливыхъ. Это же высказываетъ и поэтъ словами: *неутомимый трудъ все превозмогаетъ*. И подобно тому, какъ многіе, отличаясь съ дѣтства здоровьемъ, потомъ хворали и истощались, другіе же, напротивъ, имѣя въ юности слабое и хворое тѣло, потомъ поправлялись и достигали полного здоровья,—такъ бываетъ и съ духовными способностями: многіе, рано развиваясь, скоро истощаются и впадаютъ въ тупоуміе, между тѣмъ какъ другіе сначала являются туповатыми, затѣмъ изошряются и достигаютъ прочнаго развитія. Подобное и въ плодовыхъ садахъ: мы любимъ имѣть въ нихъ не только такія деревья, которыя приносятъ ранніе плоды, но и такія, которыя созреваютъ въ среднюю и позднюю пору, ибо каждое въ свое время (какъ гдѣ-то говоритъ Сирахъ) получаетъ хвалу; это показываетъ, что нѣтъ вреда отъ того, что иное дерево приноситъ плодъ

и поздно. Почему же въ научномъ саду (in literario horto) будемъ терпѣть мы дарованія только одного рода,—скоро-спѣлыя и мимолетныя? Никто да не устраняется отъ школы, развѣ уже кому Богъ отказалъ въ смыслѣ и разумѣніи.

5. *Такъ же точно не можетъ быть приведено достаточныхъ оснований для того, чтобы вообще устранять женскій полъ* (о которомъ я здѣсь въ особенности упоминаю) *отъ изученія мудрости* (будетъ ли она передаваться на латинскомъ, или на родномъ языкѣ), ибо женщины, какъ и мужчины, созданы по образу и подобию Божію, одинаково съ ними онѣ соучастницы благодати и будущей жизни, одинаково одарены живымъ и воспріимчивымъ для мудрости умомъ (часто даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ); одинаково открытъ имъ доступъ къ высокимъ званіямъ, такъ какъ и самъ Богъ часто избиралъ женщинъ для управленія народовъ, для сообщенія весьма полезныхъ совѣтовъ царямъ и начальникамъ, для служенія врачебному искусству и для другихъ полезныхъ человѣческому роду дѣлъ; наконецъ, избирались онѣ и для пророческаго служенія, и для обличенія священниковъ и епископовъ. Итакъ, зачѣмъ же мы допускаемъ ихъ къ азбукѣ, а затѣмъ отъ книгъ отстраняемъ? Боимся ли мы ихъ легкомыслія? Но чѣмъ болѣе мы предаемся размышленію, тѣмъ меньше мѣста для легкомыслія, которое обыкновенно является отъ пустоты духа.

6) Впрочемъ, не всякую книжную дребедень (librorum farrago) должно предлагать имъ (равно какъ и юношеству другаго пола; слѣдуетъ сожалѣть, что этого до сихъ поръ не избѣгали болѣе предусмотрительно); но давать такія книги, изъ которыхъ онѣ могли бы всегда черпать вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ Бога и его твореній—также истинную добродѣтель и благочестіе.

7. Итакъ, пусть никто не противопоставляетъ мнѣ слово апостола: «не позволяю учить женѣ» (1 Тим. II, 12), или слова Ювенала изъ 6-й сатиры: «пусть жена, соединенная съ тобою узами супружества, не учится искусству говорить, или красно развивать короткую мысль въ закругленной рѣчи; не слѣдуетъ ей знать всѣ повѣствованія», или то, что говорить Ипполитъ у Еврипида: «я ненавижу ученую женщину; я никогда не потерплю въ моемъ домѣ такой, которая бы знала болѣе, чѣмъ сколько женщинѣ нужно знать. Ибо

сама Киприда (Венера) образованнымъ даровала большую хитрость.» Это, утверждаю, нисколько не противорѣчитъ нашему совѣту, ибо мы совѣтуемъ обучать женщинъ (какъ и мужчинъ) не для удовлетворенія пустаго любопытства, но для добродѣтели и общаго благосостоянія. Это въ особенности необходимо имъ знать и умѣть; а затѣмъ знать и то, что относится къ разумному веденію домашняго хозяйства и къ содѣйствию какъ собственному здоровью, такъ здоровью мужа, дѣтей и семьи.

8. Если бы кто-нибудь вздумалъ сказать: *что же будетъ, если ремесленники, носильщики, и даже женщины—станутъ учеными?* то я отвѣтилъ бы: будетъ то, что если правильно будетъ введено это всеобщее обученіе юношества, то никто не будетъ имѣть недостатка въ матеріалѣ для разумаго размышленія, выбора, соревнованія и труда. Лишь бы всѣ знали предѣлы дѣйствій и желаній житейскихъ, границы ихъ и свое мѣсто между другими людьми. Кромѣ того, посреди трудовъ и тягостей, всѣ будутъ улаживать себя созерцаніемъ словъ и дѣлъ Божіихъ и устранять праздность, опасную для плоти и крови, чтеніемъ библіи и другихъ хорошихъ книгъ. И, какъ я уже однажды сказалъ, всѣ должны учиться повсюду познавать Бога, всегда восхвалять Его, повсюду воспринимать и такимъ образомъ пріятнѣе проводить эту жизнь, полную невзгодъ, и съ желаніемъ и вѣрною надеждою взирать на будущую. Развѣ подобное состояніе церкви не осуществило бы для насъ здѣсь, на землѣ, тотъ рай, какой только можно вообразить себѣ подъ солнцемъ?

ГЛАВА X.

Обученіе въ школахъ должно быть общее.

1. Теперь предстоитъ показать, что *во школахъ необходимо учить всѣхъ всему*. Пусть, однако, не поймутъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что будто бы мы требуемъ отъ всѣхъ знанія *всѣхъ наукъ и искусствъ* (а тѣмъ болѣе знанія *полнаго и глубокаго*). Это было бы ни полезно по существу дѣла, ни возможно для кого-либо, по кратковременности нашей жизни. Ибо мы видимъ, что каждая наука простирается столь далеко

и глубоко (стоит только припомнить физику, арифметику, геометрію и тому подобныя науки, даже сельское хозяйство и уходъ за плодовыми деревьями и проч. занятія), что потребовалась бы цѣлая жизнь, даже при отличнѣйшихъ дарованіяхъ, еслибы вздумали изучать науку путемъ наблюденій и опытовъ, какъ это мы видимъ въ отношеніи арифметики на *Пифагорѣ*, въ отношеніи механики на *Архимедѣ*, въ отношеніи минералогіи и металлургіи на *Агриколѣ*, въ отношеніи риторики на *Лонголіусѣ* (который, чтобъ быть совершеннымъ Цицероніанцемъ, занимался только ею одною). *) Но необходимо, чтобъ всѣ учились разумѣть основанія, законы и цѣли всего, что есть и что совершается вокругъ; ибо люди посылаются въ свѣтъ, чтобы быть не только зрителями, но и дѣятелями. То-есть, нужно заботиться и стараться, чтобъ никому живущему въ свѣтѣ не встрѣчалось что-нибудь настолько неизвѣстное, чтобъ онъ не могъ имѣть о томъ никакого сужденія и чтобъ онъ не могъ искусно и безъ вредной ошибки приспособить его къ извѣстной цѣли.

2. Итакъ, вообще и безъ всякаго исключенія должно стремиться, чтобы въ школахъ, а чрезъ посредство школъ и во всей жизни: 1) *природныя дарованія развивались бы науками и искусствами*; 2) *даръ слова изоощрялся*; 3) *нравы образовывались бы для всего честнаго*; 4) *Богъ почитался бы искренно*.

3. Мудро сказалъ тотъ, кто сказалъ, что *«школы суть мастерскія гуманности»* (scholas esse humanitatis officinas), ибо

*) *Пифагорѣ*, знаменитый греческій философъ - математикъ, родившійся около 582 г. до Р. Х., жилъ съ 529 г. въ Кротонѣ и основалъ тамъ религіозно-политическое общество. Онъ первый отказался отъ употребительнаго до того времени названія *мудреца* (σοφός, σοφιστής) и назвалъ себя другомъ, искателемъ или любителемъ мудрости (φιλόσοφος). Отъ Пифагора не сохранилось до насъ никакихъ сочиненій, такъ что о его ученіи судятъ по извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ почти въ видѣ преданій о самомъ Пифагорѣ и его ученикахъ, «пифагорейцахъ». Кромѣ ученія о переселеніи душъ и аскетическаго направленія въ морали, Пифагору принадлежитъ основаніе математической философіи чиселъ. Имя Пифагора въ геометріи извѣстно по открытой имъ теоремѣ, которая носить имя Пифагоровой.

— *Архимедѣ*, знаменитый математикъ и физикъ древности, родился въ Сиракузахъ, въ 287 г. до Р. Х. Многія сохранившіяся творенія его даютъ возможность судить о его трудахъ и открытіяхъ. Извѣстно его выраженіе: «Da mihi pupetum, ubi stabo, coelum terramque movebo» (дайте мнѣ точку опоры, и я переверну вселенную); открытій Архимедомъ гидростатическій законъ носить

они должны стараться, чтобъ люди дѣйствительно становились *людьми*, т. е., (ссылаясь на прежде поставленныя дѣла) были: 1) *разумными созданіями*, 2) *владыками созданнаго*, 3) *созданіями—существующими въ радость своему Творцу*. Это совершится, если школы будутъ заботиться образовывать людей—*мудрыхъ духомъ, разсудительныхъ въ поступкахъ и благочестивыхъ сердцемъ*.

4. Эти три предмета надлежитъ поэтому вселять въ юношество во всѣхъ школахъ. Я хочу показать это, взявши основанія дѣла,

I) *изъ предметовъ, которые насъ здѣсь окружаютъ*;

II) *изъ насъ самихъ* и

III) *изъ Христа, Богочеловѣка (Θεανδρώτου), совершеннѣйшаго одрозца для нашего совершенства*.

5. Самые *предметы*, насколько мы ихъ можемъ наблюдать, могутъ быть раздѣлены на три категоріи, именно на предметы, которые предложены только для *наблюденія*: каковы, напр., небо, земля и что есть въ ней; потомъ на предметы, которымъ можно *подражать*, какъ-то чудесный повсюду порядокъ, который заповѣдуется человѣку осуществлять и въ его дѣйствіяхъ; и, наконецъ, на предметы для *наслажденія*, каковы—благость божія, разнообразныя его благодѣянія, здѣсь и въ вѣчности. Если человѣкъ долженъ достигнуть равенства со всѣмъ этимъ, то его должно научить *познавать* то, что представляется наблюденію его на этой удивительной сценѣ,—на

его имя. Его открытія въ области практической механики имѣютъ величайшее значеніе: довольно упомянуть только о водяномъ винтѣ или архимедовой улиткѣ, о безконечномъ винтѣ. Но болѣе всего онъ прославился тѣми открытіями, которыя во время второй Пунической войны примѣнялъ для защиты своего роднаго города противъ Римлянъ. На 75 году отъ роду, при окончательномъ покореніи Сиракузъ, онъ былъ убитъ, по преданію, сидя надъ вычисленіями.

— *Георгъ Агрикола*, родившійся въ 1490 г. въ Саксоніи, извѣстенъ какъ основатель новѣйшей минералогіи и металлургіи. Его химическія изслѣдованія земныхъ породъ считались неподражаемыми до XVIII столѣтія, а рациональное горное дѣло въ Германіи, основанное на одной теоріи, есть его твореніе.

— *Христофоръ Ломгольдъ*, родившійся въ Мехельнѣ въ 1488 или 1490 г., былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ классической литературы, жилъ въ Парижѣ, состоя совѣтникомъ парламента, и умеръ въ 1522 во время поѣздки въ Падую. Онъ старался до излишества подражать въ своихъ сочиненіяхъ, а именно въ рѣчахъ и писмахъ, стилистической манерѣ Цицерона, изученію твореній котораго онъ посвятилъ большую часть своей жизни.

учить *поступать* такъ, какъ онъ долженъ вести себя, и наконецъ научить *наслаждаться* тѣмъ, что ему (какъ другу—гостю въ своемъ домѣ) всеблагой Творецъ щедрою рукою предлагаетъ для наслажденія.

6. Если мы будемъ наблюдать *самихъ себя*, то также убѣдимся, что для всѣхъ одинаково необходимы: *образованіе, нравственность и благочестіе*, рассмотримъ ли мы существо души нашей, или цѣль нашего сотворенія, или вступленіе наше въ свѣтъ.

7. *Существо души* заключено въ единствѣ трехъ силъ, (отражающихъ на себѣ несотворенную Троицу),—способностей *познанія, воли и воспоминанія* *). *Познавательная способность* (разсудокъ) изслѣдуетъ различія вещей до всѣхъ малѣйшихъ даже мелочей. *Воля* проявляетъ себя въ желаніяхъ по отношенію къ вещамъ, а именно въ выборѣ полезныхъ и удаленіи вредныхъ. *Память* же сохраняетъ для будущаго употребленія то, что разсудокъ и воля когда-нибудь усвоили себѣ, и напоминаетъ душѣ о ея зависимости (отъ Бога) и о ея обязанностяхъ, въ каковомъ смыслѣ она называется *совѣстью*. Слѣдовательно, для того чтобы упомянутыя силы могли надлежащимъ образомъ исполнять свои отправленія, *человѣкъ долженъ быть хорошо наученъ тому, что просвѣтляетъ разсудокъ, направляетъ волю и пробуждаетъ совѣсть*,—дабы разсудокъ прозорливо проникалъ въ вещи, воля непогрѣшимо дѣлала выборъ, а совѣсть горячо стремилась къ Богу. А какъ всѣ эти силы (разсудокъ, воля и совѣсть) не могутъ быть разъединяемы, ибо онѣ составляютъ *одну* и ту же душу. то точно также не должны быть раздѣляемы и эти три украшенія души: *образованіе, добродѣтель и благочестіе*.

8. Если, далѣе, рассмотримъ, для чего мы рождены на свѣтъ, то намъ откроется вдвойнѣ—тройкая цѣль, именно: мы являемся въ свѣтъ, чтобы служить *Богу, созданіямъ и самимъ себѣ*, и чтобы *наслаждаться* тою радостью, которая имѣетъ свой источникъ въ *Богѣ, созданіяхъ и насъ самихъ*.

*) Тоже дѣленіе способностей было у Вэкона, и можно думать, что Коменскій допускалъ его подъ вліяніемъ этого мыслителя, которому онъ глубоко сочувствовалъ въ его научно-реформаторскихъ стремленіяхъ. Что же касается до выраженія о способностяхъ «*quae inereatam Trinitatem referunt*», то это очевидное наслѣдіе мистической теософіи.

9. Если мы захотимъ *служить* Богу, ближнему и самимъ себѣ, то должны имѣть въ отношеніи Бога *благочестіе*, въ отношеніи ближнихъ *нравственность*, а въ отношеніи самихъ себя *знаніе*. Между тѣмъ, все это между собою такъ тѣсно связано, что какъ человѣкъ для себя самаго не только долженъ быть разуменъ, но долженъ быть также нравственъ и благочестивъ; такъ для пользы ближняго должны ему служить не только добрые нравы, но также познанія и благочестіе, а для почитанія Бога должны ему содѣйствовать не только благочестіе, но также познанія и добрые нравы.

10. Если мы обратимся къ *блаженству*, для котораго Богъ назначилъ человѣка, то оно очевидно уже изъ сотворенія его, когда Богъ не только ввелъ человѣка въ разукрашенный уже всѣми благами міръ, но, кромѣ того, устроилъ еще рай для его наслажденія, и наконецъ опредѣлилъ сдѣлать человѣка соучастникомъ въ вѣчномъ блаженствѣ.

11. Подъ наслажденіемъ (*voluptas*) слѣдуетъ понимать удовольствіе тѣлесное (хотя и это послѣднее нельзя иначе представлять, какъ имѣющимъ происхожденіе отъ добродѣтели воздержанія, такъ какъ безъ жизненной свѣжести здоровья и безъ привлекательности пищи и сна это удовольствіе невымыслимо), но слѣдуетъ разумѣть радость душевную, которая истекаетъ или изъ окружающихъ насъ вещей, или изъ насъ самихъ, наконецъ бываетъ отъ Бога.

12. Наслажденіе, истекающее отъ *вещей*, есть то *удовольствіе созерцанія ихъ*, которое испытывается мудрымъ. Гдѣ бы и когда бы онъ ни находился, что бы ни представлялось ему для созерцанія, что бы онъ ни привлекалъ въ предѣлы своего наблюденія, всюду и вездѣ находить онъ предметы для столь сильнаго наслажденія, что часто, находясь отъ восторга какъ бы внѣ себя, онъ забываетъ даже о своемъ существованіи. Вполнѣ вѣрно то, что говоритъ Премудрый: «Въ обращеніи мудрости нѣтъ суровости, ни въ сожитіи съ нею скорби, но веселіе и радость (Премудр. VIII, 16). А одинъ благородный мудрецъ замѣчаетъ, что «нѣтъ ничего пріятнѣе въ жизни стремленія къ мудрости».

13. *Наслажденіе въ самомъ себѣ* есть то пріятнѣйшее удовольствіе, которымъ радуется человѣкъ, преданный добродѣтели изъ самой глубины добраго сердца, когда онъ находитъ себя готовымъ исполнить все, чего потребуетъ отъ него спра-

ведливость. Эта радость гораздо выше предыдущей, какъ говорится: «чистая совѣсть лучшая собесѣдница за столомъ».

14. *Наслажденіе въ Богѣ* есть высшая ступень радости въ этой жизни, если человѣкъ чувствуетъ, что Богъ вѣчно милостивъ къ нему, и если радостно упоенъ Его отеческою, неизмѣнною благодію, такъ что сердце какъ бы исчезаетъ въ любви къ Богу, и человѣкъ ничего высшаго ни дѣлаетъ, ни желаетъ и ни знаетъ, какъ исполнѣтъ предаться милосердію Божію и, пребывая въ немъ, находитъ себѣ удовлетвореніе и предвкушать наслажденіе будущей вѣчной жизни. Это тотъ миръ Божій, который превыше всякаго ума (Филип. IV, 7) и возвышеннѣе котораго ничего нельзя ни желать, ни вообразить. Итакъ, упомянутые три предмета—образованіе, добродѣтель и благочестіе—суть тѣ три источника, изъ которыхъ истекають всѣ потоки совершеннѣйшаго наслажденія.

15. Наконецъ, что эти три предмета должны быть въ каждомъ человѣкѣ, это (въ правило и образъ для всѣхъ) на самомъ себѣ представилъ и показалъ Богъ во плоти. Ибо Онъ преуспѣвалъ, какъ повѣствуетъ евангелистъ, не только въ возрастѣ, но и въ *премудрости* и въ *любви* у Бога и у человѣковъ (Лука II, 52). Вотъ счастливая троица тѣхъ качествъ, которыя служатъ намъ украшеніемъ! ибо что такое *мудрость*, какъ не познаніе всѣхъ вещей въ ихъ сущности? И что вызываетъ въ людяхъ милость и расположеніе, какъ не *мягкость нравовъ*? что доставляетъ намъ милость Божію, какъ не *страхъ Господень*, а именно глубокое, серьезное и пламенное благочестіе? Итакъ, да испытаемъ на себѣ то, что мы видимъ на Христѣ Иисусѣ, совершеннѣйшемъ идеалѣ всякаго совершенства, которому мы должны подражать.

16. Ибо Онъ самъ говорить: «научитесь отъ меня» (Матѣ. XI, 29). И такъ какъ Христосъ данъ былъ человѣческому роду—какъ просвѣщеннѣйшій учитель, какъ святѣйшій священникъ, какъ могущественнѣйшій царь; то и слѣдуетъ, что, уподобляясь по Христу, хрістіане должны образоваться и достигать того, чтобы всѣ были просвѣщенны по уму, святы по влеченію совѣсти и могущественны въ дѣяніяхъ (каждый въ своемъ призваніи). Итакъ, только тогда наши школы будутъ по истинѣ хрістіанскими, когда мы возможно болѣе уподобимся Христу.

17. Несчастный разладъ—когда названные три свойства

не соединены взаимно прочными узами. Злополучно обученіе, которое не ведетъ къ добрымъ нравамъ и благочестію. Ибо что такое научное образованіе безъ нравственныхъ правилъ? Кто преуспѣваетъ въ наукахъ, а въ нравахъ отстаетъ (изъ стари говорится), тотъ больше подается назадъ, чѣмъ идетъ впередъ. Что Соломонъ говоритъ о прекрасной, но пренебрегающей разумомъ женщинѣ, то относится также и къ ученому человѣку, дурно воспитанному: «что золотое кольцо въ носу у свиньи, то ученость для человѣка, отвратившагося отъ добродѣтели» (прит. Сол. XI, 22). И какъ драгоценные камни оправляемъ не въ свинецъ, а въ золото, и тогда оба ярче блестятъ; такъ и научныя знанія должны быть соединены не съ нравственною распушенностью, но съ добродѣтельною спокойностью, и тогда одни будутъ служить украшеніемъ для другихъ. Когда же къ обѣимъ присоединяется благочестіе, тогда только достигнется истинное совершенство. «Страхъ Господень есть начало и конецъ мудрости, но онъ есть также вершина и вѣнецъ знанія, ибо «Полнота премудрости—бояться Господа» (притч. Сол. I, Сирахъ I и друг.).

18. Въ итогѣ: такъ какъ отъ юношескаго возраста и наставленія, сообщаемого въ эту пору, зависитъ вся послѣдующая жизнь человѣка, то было бы прискорбно, если бы въ эту пору жизни не стали подготавливать умы *всѣхъ* людей для послѣдующей жизни. Ибо какъ въ утробѣ матери образуются тѣже члены у cadaго человѣка, и у cadaго всѣ, ноги, руки, языкъ и пр., но въ то же время не всѣ дѣлаются художниками, скороходами, писцами, ораторами; такъ и въ школѣ *всѣ* должны быть обучаемы всему, что свойственно «человѣку», хотя впоследствии одному принесетъ болѣе пользы одно, а другому другое *).

*) Въ переводѣ Лейтбехера этотъ пунктъ заключается словами: «онѣ (школы) суть учрежденія гуманности и преддверія неба». Въ латинскомъ текстѣ изданія 1657 г. «Opera Omnia Did.», которымъ мы руководимся, этихъ словъ не оказывается.

Г Л А В А XI.

Доселѣ не было школъ, которыя соотвѣтствовали бы своей цѣли.

1) Я покажусь слишкомъ дерзкимъ, рѣшаясь возвѣщать это такъ смѣло. Но я призываю тебя, читатель, къ самому дѣлу и дѣлаю тебя судьей; самъ же являюсь труженикомъ. Вполнѣ удовлетворяющею своей цѣли школою называю я такую школу, которая есть истинная *мастерская гуманности*, т. е. въ которой духъ учащагося погружается въ сіяніе мудрости, успѣшно стремится проникнуть все сокровенное и явное (какъ сказано въ премудр. VII, 17), гдѣ сердце и его стремленія достигаютъ полной гармоніи съ добродѣтелію, сердце привлекается божественною любовью и наполняется ею такъ, что уже здѣсь, подъ небомъ, всѣ тѣ, которые вручены христіанскимъ школамъ для назиданія въ истинной мудрости, приучаются вести небесную жизнь. Словомъ, гдѣ *есть обучаются всему* совершенно.

2. Но какая школа брала на себя до сихъ поръ трудъ—выполнить эту задачу въ совершенствѣ, не говоря уже о томъ, чтобы она этого достигла? Впрочемъ я не хотѣлъ бы казаться человѣкомъ, который преслѣдуетъ Платоновы идеи, и мечтаетъ о совершенствѣ, котораго нигдѣ не существуетъ и на которое никогда нельзя надѣяться въ этой жизни; я приведу другой доводъ въ пользу того, что школы должны быть именно таковы, но до сихъ поръ еще таковыми не были.

3. Лютеръ, въ своемъ увѣщаніи (отъ 1525 г.) къ городамъ имперіи открывать школы, высказываетъ между прочимъ желаніе: вопервыхъ, чтобы *во всѣхъ* городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были открываемы *школы* для обученія въ нихъ юношества обоюго пола (на сколько это необходимо, мы привели доводы выше, въ I-й главѣ), при этомъ чтобы и тѣ, которые занимаются сельскими работами или ремесломъ, также ежедневно ходили въ школу, хотя на два часа, и были бы обучаемы *полезнымъ свѣдѣніямъ, добрымъ нравамъ и страху Божію*. Въ вторыхъ, чтобы они были обучаемы по болѣе легкой методѣ, которая не только бы не отвращала отъ ученія, но какъ бы нѣкоторою приманкою привлекала къ нему и

(какъ онъ говоритъ) чтобъ мальчики находили въ школьныхъ занятіяхъ не меньшую радость, какъ если бы они проводили цѣлые дни въ дѣтскихъ играхъ, въ бѣготнѣ и шалостяхъ. Такъ говорилъ Лютеръ.

4. Дѣйствительно, это разумный совѣтъ, достойный столь великаго мужа! но кто не видитъ, что до сихъ поръ мы остаемся позади этого изрѣченія? гдѣ же эти *всеобщія* школы? гдѣ *привлекательная* метода?

5. Противное же мы видимъ повсюду. Въ маленькихъ общинахъ, мѣстечкахъ и селахъ школы и до сихъ поръ не основаны.

6. Гдѣ онѣ и открыты, тамъ существуютъ *не для всѣхъ* вообще, но только для извѣстныхъ лицъ, именно для болѣе богатыхъ; такъ какъ посѣщеніе школъ стоитъ дорого, то бѣдные допускаются туда только въ рѣдкихъ случаяхъ, развѣ съ помощью чьей-нибудь благотворительности. Но что между неимущими часто погибаютъ отличные таланты, къ великому вреду для церкви и государства, это—несомнѣнно.

7. Далѣе, при обученіи юношества употреблялась обыкновенно столь суровая метода, что на школы вообще смотрѣли, какъ на средства запугиванія мальчиковъ и какъ на застѣнокъ для талантовъ; большая часть учениковъ, подвергнувшись одурѣнію отъ наукъ и книгъ, *) спѣшили въ мастерскія ремесленниковъ, или обращались къ другимъ житейскимъ занятіямъ.

8. Тѣ же ученики, которые удерживались въ школѣ (по принужденію ли отъ родителей и опекуновъ, или увлекаемые надеждою достигнуть когда-нибудь съ помощью науки высокаго положенія въ свѣтѣ, или, наконецъ, по свободному влеченію природы къ этому благородному занятію) получали такое образованіе, которое не было ни достаточно серьезно, ни достаточно искусно, а чаще всего извращенно и ошибочно. Ибо то, что преимущественно слѣдовало бы внѣдрять

*) «Discipulorum pars, literarum et librorum *nausea contracta*»—собственно «бывъ поражена *морскою болѣзнію* отъ наукъ и книгъ»... Объ этомъ сравненіи мы уже говорили выше. Коменскій употребляетъ его по сходству дѣйствія морской болѣзни на *взрослыхъ* и старой учѣбы на *дѣтей*. Морская болѣзнь производитъ головокруженіе, тошноту, боль, общее болѣзненное давленіе на весь организмъ, упадокъ силъ и энергіи,—тоже самое дѣлало въ дѣтахъ старое ученіе.

въ умы,—то оставалось, по большей части, въ пренебреженіи: *страхъ Божій и добрыя нравы*. Объ этомъ послѣднемъ въ школахъ (даже и въ академіяхъ, которымъ свойственна бы высшая ступень человѣческаго развитія) такъ мало заботились, что изъ школы, вмѣсто кроткихъ овечекъ, обыкновенно выходили дикіе ослы, неукротимые и необузданные лошаки, а вмѣсто склоннаго къ добродѣтели нрава—выносили только прикрашенную отшлифовку внѣшности, грубую типическую наружность и дрессированные для свѣтской пустоты глаза, руки и ноги. Ибо во многія ли изъ этихъ головъ, утонченныя должимъ изученіемъ языковъ и наукъ, проникало что-нибудь въ голову въ такой степени, чтобъ они могли служить другимъ людямъ образцами умѣренности, цѣломудрія, смиренія, снисходительности, обдуманности, терпѣнія, самообладанія и т. п.? Отъ чего же это, какъ не отъ того, что о доброй жизни *въ школахъ даже не подымается и вопроса?* Это доказывается распушенностію дисциплины почти во всѣхъ школахъ, разнузданностію нравовъ во всѣхъ слояхъ общества; доказываютъ тоже и безконечныя жалобы, вздохи и слезы многихъ честныхъ людей. И еще станетъ кто-либо защищать настоящее состояніе школъ? нами овладѣла болѣзнь, переданная нами отъ нашихъ преподавателей, что мы, *отератившись отъ древа жизни, исключительно стремимся только къ древу познанія*. Школы, слѣдуя этому необычному стремленію, гнались до настоящей минуты только за знаніями.

9) Но и это самое какимъ путемъ желали достигнуть? съ какимъ успѣхомъ? Подлинно, надъ тѣмъ, что человѣческій умъ могъ бы обнять въ теченіе года, въ школахъ проводятъ пять, десять и болѣе лѣтъ. Что съ полною легкостію можно бы сообщить и внѣдрить въ умы, то насильственно втискивается, даже вколачивается и вбивается. Что могло бы быть представлено наглядно и ясно, то преподается темно, сбивчиво, запутанно, какъ бы посредствомъ чистыхъ загадокъ.

10) Я умолчу здѣсь уже о томъ, что едвали гдѣ умы питаются истинными зернами фактовъ; обыкновенно же они наполняются шелухой словъ (вѣтряною болтовнею попугаевъ), высѣвками и чадомъ мнѣній.

11. Возьмемъ изученіе хоть латинскаго языка—коснусь его здѣсь кстати для примѣра: (Bone Deus) Боже милостивый! какъ спутано, какъ затруднительно, какъ многословно произ-

водилось оно! По истинѣ, маркитанты, погонщики и мастеровые разнаго рода научаются какому-нибудь языку, совершенно отличному отъ ихъ роднаго, и усваиваютъ даже не одинъ языкъ, а два и три,—скорѣе, чѣмъ воспитанники нашихъ школъ, при полнѣйшемъ прилежаніи и съ крайнимъ напряженіемъ, изучаютъ одну латынь. И съ какимъ неравнымъ успѣхомъ! Первые уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ свободно болтаютъ на чужомъ языкѣ; послѣдніе же едва черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ, и то обыкновенно только съ помощью разныхъ пособій—грамматикъ и словарей, могутъ кое-что произнести по латыни, и то не безъ запинокъ и запканья. Отъ чего другого можетъ происходить эта крайне вредная потеря времени и труда, какъ не отъ дурной методы?

12. Вотъ что разумно писалъ объ этомъ знаменитый докторъ богословія Эйльгардъ *Любингъ*, профессоръ Ростокаго университета: «обыкновенный способъ обученія мальчиковъ въ школахъ кажется мнѣ такимъ, какъ если бы кто-нибудь получилъ порученіе—со всѣмъ прилежаніемъ и трудомъ придумать способъ или планъ, по которому какъ учителя, такъ и ученики могли бы научиться латыни только непомѣрнымъ трудомъ, съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ и съ необыкновенными мученіями, и то не иначе, какъ чрезъ очень долгій промежутокъ времени».

«Когда я объ этомъ вспоминаю, судорожно сжимается мое сердце,—
Я чувствую страхъ до глубины моего существа».

И нѣсколько послѣ: «Когда я чаще объ этомъ раздумывалъ,—не *однажды*, сознаюсь, приходило мнѣ на мысль, что эта метода была введена въ школы злымъ и завистливымъ гениемъ, врагомъ человѣческаго рода». Такъ говорилъ Любинъ, мнѣніе котораго изъ многихъ другихъ свидѣтелей я пожелалъ привести.

13. Впрочемъ, для чего намъ искать свидѣтелей? сколько изъ насъ могутъ служить таковыми! сколько вышло изъ школъ и академій едва осѣненными тѣнью истинной учености! Между многими тысячами я самъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ дѣтей, у которыхъ дорогая весна всей жизни, цвѣтушіе годы юности—погибли жалкимъ образомъ въ схоластическомъ педантствѣ. Ахъ, какъ часто, когда мнѣ

пришлось узнать лучшее, воспоминаніе о потерянномъ времени выжимало у меня стоны изъ груди, слезы изъ глазъ, скорбь изъ сердца! ахъ, какъ часто эта боль принуждала меня воскликнуть:

«О если бы возвратилъ мнѣ
Юпитеръ потерянные годы!»

14. Но тщетны эти мольбы: истекшій день не возвращается болѣе. Никто изъ насъ, чьи годы прошли, не помодѣетъ, чтобъ снова начать жизнь и вступить въ нее съ лучшею подготовкой; этому помочь уже нельзя. *Для насъ осталось только одно, одно только возможно: насколько мы въ силахъ, дать добрый совѣтъ подростающему поколѣнію, чтобы, показавши, какъ наши учителя впадали въ ошибки, открыть путь, какъ можно ихъ избѣгнуть.* Да совершится это во имя и при помощи Того, Кто одинъ можетъ сосчитать наши ошибки и исправить кривизну путей нашихъ (Экклез. I, 15).

ГЛАВА XII.

Преобразование школъ къ лучшему возможно.

1. Исцѣлять болѣзни, сдѣлавшіяся хроническими, считается труднымъ, ненадежнымъ и даже почти невозможнымъ. Но если бы нашелся кто-нибудь, кто обѣщалъ бы дѣйствительное средство, то неужели больной отвергнуть бы его? не пожелалъ ли бы онъ скорѣе привлечь къ себѣ руку помощи? особенно, если бы больной убѣдился, что врачъ руководится не случайнымъ предположеніемъ, но основательною причиною? Итакъ, мы должны разъяснить наше необыкновенное обѣщаніе, чтобы стало очевидно, во первыхъ, *что мы обѣщаемъ, а затѣмъ, на какомъ основаніи.*

2. *Мы обѣщаемъ такое устройство школъ, при которомъ:*

I. *Все юношество (развѣ кромѣ тѣхъ, кому Богъ отказалъ въ разумѣ) получало бы образованіе.*

II. *Всѣ научались бы всему, что можетъ сдѣлать человѣка мудрымъ, честнымъ и благочестивымъ.*

III. *Образованіе это, какъ подготовленіе къ жизни, закан-*

чивалось бы до поступления зрѣлаго возраста.

IV. *Обученіе совершалось бы безъ побоевъ, жестокости и принужденія, по возможности легко, пріятно и какъ-бы само собою.* (Какъ живое тѣло увеличивается въ объемѣ, не имѣя надобности въ искусственномъ растяженіи и вытягиваніи,—ибо, если только питаніе будетъ разумно и движеніе достаточно, тѣло само по себѣ будетъ постоянно и незамѣтно расти въ величинѣ и въ силѣ, — такъ, говорю, пища и упражненіе, предлагаемая разумнымъ образомъ душѣ человѣка естественно ведутъ его къ мудрости, добродѣтели и благочестію).

V. *Образованіе давалось бы не блестящее, но истинное, не поверхностное, но основательное;* т. е., человѣкъ, какъ одаренное разумомъ существо, долженъ быть пріучаемъ руководиться не постороннимъ, но собственнымъ разумомъ, не только вычитывать чужія мнѣнія о вещахъ изъ книгъ и учиться понимать ихъ, или воспринимать и воспроизводить ихъ—только съ помощью памяти, но и собственнымъ размышленіемъ проникать до корня вещей и этимъ путемъ уяснять себѣ ихъ истинную сущность и ихъ употребленіе. Тоже самое должно быть достигаемо и въ отношеніи чистоты нравовъ и благочестія.

VI. *Образованіе пріобрѣталось бы не съ трудомъ, а по возможности легко.* Совокупному обученію должны быть посвящены ежедневно только четыре часа, и притомъ такъ, что одного учителя будетъ одновременно достаточно для сотни учениковъ, при вдесятеро легчайшемъ трудѣ, чѣмъ какой теперь употребляется на каждого ученика отдѣльно.

3. Но кто повѣритъ этимъ обѣщаніямъ, прежде чѣмъ увидитъ примѣненіе ихъ на дѣлѣ? Извѣстно свойство человѣческой природы, что *прежде чѣмъ содѣлано какое нидудь особенное открытіе, люди не допускаютъ возможности его; послѣ же того, какъ открытіе содѣлано, они удивляются—какъ оно не появилось раньше.* Когда *Архимедъ* общалъ царю *Герону* сдвинуть въ море одною рукою такой величины корабль, который не могли сдвинуть съ мѣста сто человѣкъ, то надъ нимъ только посмѣялись; однако позже съ великимъ удивленіемъ должны были увидѣть осуществленіе этого обѣщанія.

4. *Колумба*, когда имъ высказано было предположеніе о существованіи острововъ на западѣ, не хотѣлъ слушать ни одинъ ко-

роль (за исключеніемъ Кастильскаго),—никто не хотѣлъ помочь ему осуществить попытку. Немногаго не доставало, что бы спутники его въ морскомъ путешествіи, какъ сообщаетъ исторія—приходившіе въ отчаяніе отъ бесплодности своихъ ожиданій, не сбросили Колумба въ море и съ пустыми руками не возвратились домой. А между тѣмъ этотъ, столь обширный «Новый Свѣтъ» все-таки открытъ, и теперь всѣ мы удивляемся, какъ онъ такъ долго могъ оставаться неизвѣстнымъ! Сюда же относится и одно комическое происшествіе, которое случилось съ тѣмъ же Колумбомъ: именно, когда испанцы, завидовавшіе ему, какъ итальянцу, въ славѣ столь великаго открытія, осаждали его за обѣдомъ насмѣшками и между прочимъ высказывали, что другая половина земли была открыта благодаря случаю, а не искусству, и что всякой другой могъ бы точно также открыть его,—онъ далъ имъ весьма тонкую задачу, а именно: «какъ можно куриное яйцо поставить на его носокъ безъ всякой поддержки»? послѣ того, какъ всѣ присутствовавшіе напрасно потрудились надъ этой задачей, Колумбъ стукнулъ легонько яйцо о тарелку и такимъ образомъ, вдавивъ немного его кончикъ, поставилъ яйцо. Тѣ разсмѣялись и говорили, что и они могли бы сдѣлать тоже самое. «Вы могли бы теперь, отвѣтилъ онъ, потому что видѣли возможность этого; но почему никто раньше меня не могъ этого сдѣлать?»

5. Я полагаю, что тоже самое было, когда *Иоганн Фаустъ*, изобрѣтатель искусства книгопечатанія, объявилъ, что имѣетъ средство, посредствомъ котораго одинъ человѣкъ въ недѣлю напишетъ болѣе книгъ, чѣмъ десять лучшихъ писцовъ въ теченіе одного года, и притомъ книги будутъ написаны чище, всѣ экземпляры одинаковы отъ начала до конца и что всѣ они будутъ непремѣнно безъ ошибокъ, если только подлинникъ будетъ соотвѣтственно вѣренъ, и проч. Кто повѣрилъ ему? Кому не показалось это загадкой или ничтожнымъ, бесполезнымъ хвастовствомъ? А между тѣмъ теперь каждый ребенокъ знаетъ, что это именно такъ.

6. Тоже случилось и съ *Бертольдомъ Шварцомъ*, изобрѣтателемъ мѣдныхъ огнестрѣльныхъ орудій, когда онъ обратился къ стрѣлявшимъ изъ лука съ слѣдующими словами: «Ваши луки, ваши метательныя машины, ваши пращи ничего не стоятъ. Я хочу дать вамъ орудіе, которое безъ примѣне-

нія силы руки, единственно съ помощью огня, не только должно выкидывать камни и ядра, но и поражать гораздо далѣе, вѣрнѣе попадать и сильнѣе дѣйствовать и разрушать». Кто къ подобнымъ рѣчамъ не отнесся бы тогда со смѣхомъ? Такъ бываетъ обыкновенно, потому что къ новому и необычному относятся—какъ къ чудесному и невѣроятному.

7. *Американскіе дикари* навѣрное не могли бы себѣ представить, чтобъ можно было—безъ словесной рѣчи, безъ посла, однимъ кусочкомъ бумаги—передавать другимъ ощущенія своего духа, возможность чего сознають у насъ и тупоумнѣйшіе. Такъ это—повсюду и со всѣми:

«Потомство находить смѣшнымъ то, что предкамъ казалось непобѣдимую трудностью».

8. Что съ моимъ настоящимъ предпріятіемъ случится тоже самое, это легко предвидѣть, да отчасти я уже и испытывалъ это. Многіе удивляются и гнѣваются за то, что находятся люди, которые упрекають школы, книги, способы обученія и обычные приемы въ несовершенствѣ—и осмѣливаются общать невѣдомое что-то, необыкновенное и превышающее всякое вѣроятіе.

9. Хотя мнѣ и было бы легче апеллировать къ успѣху моего утвержденія, какъ ко правдивѣйшему будущему свидѣтелю; но такъ какъ я пишу это не для необразованнаго народа, но для разумныхъ людей, то я долженъ представить доказательства того, что *все юношество можетъ быть обучаемо знаніямъ, правамъ и благочестію—безъ всякихъ тѣхъ трудностей и огорченій, которыя, вслѣдствіе—употребляемой до сихъ поръ методы, приходится испытывать учащимъ и учащимся..*

10. Единственное, но тѣмъ не менѣе достаточное основаніе для этого утвержденія есть слѣдующее: *Каждое существо не только легко направляется туда, куда влечетъ его природа,—сплывши съ некоторымъ удовольствіемъ туда само, и даже испытываетъ страданіе, когда что-нибудь его удерживаетъ.*

11. Ибо извѣстно, что *птица* научается летать, *рыба* плавать, *дикій зверь* бѣгать—безъ особаго понужденія; они дѣлають это *сами*, какъ только почувствуютъ, что органы, предназначенные для этихъ отправленій, достаточно окрѣпли. *Воду* нечего принуждать течь съ горы внизъ, *огонь*—горѣть,

—если имѣется горючій матеріалъ и притокъ воздуха,—круглый *камень*—катится съ покатости, а квадратный стоять на мѣстѣ; *глазъ и зеркало* также сами воспринимаютъ предметы при свѣтѣ; *сымя* не требуетъ принужденія, чтобъ развиваться въ почвѣ подъ вліяніемъ влаги и теплоты. Все стремится само собою исполнить то, къ чему оно имѣетъ природную способность, и если только получить поддержку, хотя бы самую незначительную, все приходитъ въ дѣятельность.

12. Если же (какъ мы это видѣли въ V главѣ) сѣмена знанія, добрыхъ нравовъ и благочестія находятся отъ природы въ каждомъ человѣкѣ (за исключеніемъ развѣ уродовъ), то отсюда необходимо слѣдуетъ, что для развитія ихъ нужно только самое легкое побужденіе и искусное руководство.

13. Но, скажутъ мнѣ: «*Не изъ всякаго дерева можетъ быть вырѣзанъ Меркурій*».—Я отвѣчу: *Но изъ всякаго человѣка можетъ быть содѣланъ человѣкъ*,—если будетъ удалена причина порчи.

14. «Тѣмъ не менѣе, замѣтитъ кто-нибудь, наши внутреннія силы *ослаблены первымъ грѣхопаденіемъ*». Я отвѣчу: *Но не уничтожены* совсѣмъ; хотя тѣлесныя наши силы и ослаблены, мы все-таки знаемъ, какъ привести ихъ къ здоровью посредствомъ ходьбы, бѣганья, упражненій въ искусствахъ и работахъ. Ибо хотя первые люди, при сотвореніи, получили способность ходить, говорить, рассуждать; но мы не можемъ ходить, говорить и мыслить, если не будемъ этому научены; изъ этого однако не слѣдуетъ, что всему этому нельзя научиться иначе, какъ въ сбивчивомъ, труднodosущномъ и невѣрномъ видѣ. Ибо если мы научаемся безъ столь огромныхъ затрудненій тому, что относится до *тѣла*, именно: пить, ѣсть, ходить, скакать, совершать разныя работы, то почему же не можемъ мы точно также научиться и тому, что относится до *духа*? Только бы не было недостатка въ надлежащемъ указаніи. Къ этому я еще нѣчто прибавлю. Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ берейторъ научаетъ *лошадь* бѣгать рысью, скакать, поворачиваться, по знаку хлыста дѣлать различныя движенія. Искусный фигляръ научаетъ *медвѣдя* танцовать, *зайца* бить въ бубны, *собаку* пахать, ходить на заднихъ лапахъ, гадать и т. п. Слабоумная старуха научаетъ своего *попугая*, *сороку* или *ворону* подражать человѣческимъ звукамъ и мелодіямъ и т. п., и все это совершается въ короткое время и безъ есте-

ственного влеченія къ этимъ занятіямъ животныхъ. *Ужели послѣ этого нельзя съ меньшимъ трудомъ научить человека тому, къ чему его природа—не то что склонна или ведетъ, но тянетъ и влечетъ?* Надо стыдиться серьезно утверждать подобныя вещи, чтобъ дрессировщики звѣрей не осмѣяли насъ самымъ жестокимъ образомъ.

15. *«Но самая трудность дѣла обученія, замѣтить еще кто-нибудь, такова, что не всякій уразумѣетъ его».* Я отвѣчу: какая же это трудность? Есть ли, спрашиваю я, какое нибудь тѣло въ природѣ съ такимъ смутнымъ цвѣтомъ, чтобъ зеркало не могло передать его изображенія, если только это тѣло освящено надлежащимъ образомъ? Существуетъ ли что нибудь, что не могло бы быть передано на картинѣ, предполагая, что живописецъ умѣетъ рисовать красками? Есть ли хоть одно сѣмя или одинъ корень, который бы земля не могла принять и своею теплотою не могла бы содѣйствовать его проростанію? Только бы зналъ сѣятель, гдѣ, когда и какъ каждое сѣмя или корень слѣдуетъ посадить или зарыть. Къ этому я прибавлю еще: нѣтъ на свѣтѣ ни одного утеса или башни такой высоты, на которую кто нибудь не могъ бы взобраться, если только у него есть ноги; слѣдуетъ лишь устроить надлежащимъ образомъ лѣстницу, или образовать удобныя, высѣченныя въ скалѣ въ надлежащемъ направленіи и разстояніи ступени, а для предохраненія отъ опасности—свалиться съ нихъ, придѣлать къ нимъ перила. Если же столь немногіе достигаютъ высотъ науки, хотя многіе принимаются за это съ бодрымъ, любознательнымъ духомъ, тѣ же, которые приходятъ къ цѣли, достигаютъ ея только съ трудомъ, съ одышкой, съ утомленіемъ и головокруженіемъ; то это происходитъ не отъ того, чтобъ человѣческому духу была присуща нѣкоторая неспособность къ достиженію знанія, но отъ того, что ступени, ведущія къ наукѣ, дурно устроены, испорчены, а иныхъ и совсѣмъ не достаетъ, т. е. потому, что *метода запутана*. Но что съ помощью правильно расположенныхъ, крѣпкихъ и прочныхъ ступеней всякій человѣкъ можетъ добраться до всякой высоты,—это достовѣрно.

16. Далѣе говорятъ: *«Бываютъ такіа тупоумныя головы, что нѣтъ никакой возможности вложить въ нихъ что-нибудь».* Я отвѣчаю: Едва ли можно найти зеркало, которое до такой степени было бы загрязнено, что ни въ какой мѣрѣ не могло

бы передавать изображеній; едвали доска можетъ быть на столько шероховата, чтобы на ней нельзя было что-нибудь какъ-нибудь написать. Между тѣмъ, если зеркало загрязнилось отъ пыли или пятенъ, то должно прежде вытереть его; доску, если она шероховата, выстругать: тогда они опять будутъ пригодны для дѣла. Равнымъ образомъ, если и юношество разумно будетъ приготовляемо и направляемо къ образованію, то оно навѣрное будетъ взаимно изощряться и усовершеншаться, такъ что наконецъ *все* воспримутъ *все*. (Я неизмѣнно остаюсь при моемъ убѣжденіи, ибо основаніе остается неизмѣннымъ). Безъ сомнѣнія, при этомъ окажется то различіе, что болѣе медленныя головы сознаютъ, что они достигли лишь нѣкотораго пониманія вещей, однако сознаютъ; болѣе же талантливыя, по любознательности переходя отъ одного предмета къ другимъ, глубже и глубже будутъ проникать въ предметы и соберутъ новыя, въ высшей степени полезныя наблюденія о вещахъ. Наконецъ, *бываютъ, конечно, натуры, столь же мало пригодныя для развитія, какъ сучковатое дерево для рѣзбы; однако мое утвержденіе остается вѣрнымъ относительно среднихъ способностей (de ingeniiis mediocribus), развитіе которыхъ (по милости Божіей) всегда плодотворно.* Впрочемъ, столь слабо одаренныя натуры встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ люди, отъ природы лишеныя нѣкоторыхъ членовъ. Ибо несомнѣнно, что слѣпота, глухота, увѣчья, слабость—въ рѣдкихъ случаяхъ прирождены людямъ, но являются по нашей винѣ: такъ же и чудовищная тупость мозга.

17. Могутъ еще возразить: *Многимъ не достаѣтъ* не способности къ ученію, но *охоты; а заставлятъ учиться этихъ учръямцевъ и неприятно, и бесполезно.* Отвѣтъ: гдѣ—то написано, что у одного философа было двое учениковъ, одинъ непонятливый, другой легкомысленный, и что онъ ихъ обоихъ прогналъ; ибо одинъ изъ нихъ и очень хотѣлъ учиться, но не могъ, другой и могъ, но не хотѣлъ. Но справедливо ли это, если сами учителя—причина отвращенія учениковъ отъ наукъ? Аристотель справедливо говоритъ, что *любознательность прирождена человеку.* Что это именно такъ, мы показали въ предыдущихъ (V и XI) главахъ. Но иногда нѣжное баловство родителей портить это естественное стремленіе въ дѣтяхъ; иногда легкомысленное товарищество привлекаетъ ихъ къ пустымъ вещамъ; иногда сами дѣти увлекаются городскими и

придворными обычаями, или внѣшностью—и тѣмъ отдаляются отъ свойственной человѣку духовной дѣятельности; отъ этого происходитъ, что нѣтъ въ нихъ никакихъ стремленій къ неизвѣстному и они не могутъ легко сосредоточиваться. (Ибо какъ языкъ, привыкшій къ *одному* какому нибудь вкусу, не хорошо различаетъ другой; такъ точно и духъ, если онъ уже занятъ какимъ-нибудь однимъ предметомъ, не легко направляетъ свое вниманіе на другой). Въ такихъ людяхъ слѣдуетъ сначала устранить привитую имъ извнѣ тупость, привести природу къ ея первоначальной свѣжести,—и любознательность (*sciendi appetitus*) навѣрно снова возвратится. Но многіе ли изъ тѣхъ, которые взялись за образовываніе юношества, думаютъ о томъ, что сначала они должны подготовить его для того образованія, которое намѣреваются сообщить ему? *Токарь*, прежде чѣмъ выточивать какую-нибудь вещь изъ дерева, придаетъ ему приблизительную форму съ помощью топора; *кузнецъ*, прежде чѣмъ ковать желѣзо, предварительно раскаляетъ его; *ткачъ*, прежде чѣмъ пряхъ, дѣлать основу и ткать, сначала очищаетъ, промываетъ и расчесываетъ шерсть; *сапожникъ* сперва приготавливаетъ кожу, натягиваетъ ее на колодку и очищаетъ, прежде чѣмъ шить изъ нея сапоги: но думаетъ ли кто о томъ, чтобъ подобнымъ же образомъ и *учитель*, прежде чѣмъ образовывать ученика путемъ наставленій, сначала пробуждалъ въ немъ стремленіе къ образованію, развивалъ въ немъ воспріимчивость и готовность слѣдовать за учителемъ по пути изученія науки? Почти каждый учитель, какимъ встрѣтитъ ученика, такимъ и обрабатываетъ: онъ то вытачиваетъ его, то куетъ, то расчесываетъ и ткетъ, то приспособляетъ къ своимъ моделямъ, то полируетъ его и желаетъ придать ему блескъ *), и если это немедленно не удастся по желанію (а какъ это можетъ удасться, спра-

*) Оригинальная образность этого мѣста, очевидно, стоитъ въ связи съ вышеприведенными примѣрами подготовки матеріала при механическихъ производствахъ—кузнеца, ткача, столяра, сапожника, и заключаетъ въ себѣ ту мысль, что для успѣха обученія также необходима предварительная подготовка натуры дитяти; учителя же, забывая или не желая выполнить это требованіе, поступаютъ насильственно и произвольно, дѣлая дѣтей безотвѣтными предметами своихъ экспериментовъ, осуждая на безуспѣшность свой трудъ и обращая самое ученіе въ истязаніе для дѣтей. Мы не сочли себя вправѣ замѣнить это мѣсто парафразомъ, дорожа вѣрностью перевода подлиннику.

шиваю я?), то онъ дѣлается недоволенъ, сердится, шумить. И можно ли удивляться, что есть люди, которые всѣми силами устраниются и бѣгутъ отъ подобной методы? Скорѣе надо удивляться, если кто-нибудь можетъ выдержать ее.

18. Здѣсь представляется случай замѣтить кое-что о *различіи способностей*,—именно, что однѣ натуры бываютъ *остры* другія *тупы*, третьи—*мягки* и *сговорчивы*, четвертыя—*упрямы* и *непокорны*; однѣ сами по себѣ *стремятся къ наукамъ*, между тѣмъ какъ другія *находятъ больше удовольствія въ ремесахъ*. И изъ этого тройко-двойнаго рода способностей возлникаетъ шесть способовъ обращенія съ природными дарованіями юношества.

19. Впервыхъ, что касается натуръ съ *острыми умами*, *любопытными*, *способными къ образованію* и сравнительно съ другими *болѣе склонными къ занятіямъ собственно науками*, то имъ нужно только предлагать пищу мудрости; развиваются же онѣ подобно благороднымъ растеніямъ. Надобно только предусмотрительно не позволять имъ слишкомъ торопиться, дабы черезъ то раньше времени имъ не ослабѣть и не истощиться.

20. Другія натуры *остроумны*, но *медленны*, хотя и *послушны*. Эти нуждаются только въ поощреніи.

21. Втретьихъ, есть натуры *остроумныя* и *любопытныя*, но при этомъ *дерзкія* и *непокорныя*. Учениковъ такого рода обыкновенно ненавидятъ въ школахъ и считаютъ ихъ отпѣтыми, а между тѣмъ изъ нихъ обыкновенно и выходятъ великіе люди, если только съ ними обращаются надлежащимъ образомъ. Примѣръ подобнаго рода представляетъ исторія въ *Θεμιστοκλѣ*, великомъ Аѣинскомъ полководцѣ, который еще юношей имѣлъ непокорный нравъ (такъ что учитель его сказалъ ему: «Мальчикъ! Посредственности изъ тебя не выйдетъ, но будешь ты или великимъ благомъ для государства, или великимъ зломъ»). Когда впослѣдствіи кто-то удивлялся перемѣнѣ его нрава, то онъ выразился такъ: «Дикіе жеребцы бываютъ лучшими конями, если съ ними поступаютъ надлежащимъ образомъ». Тоже самое можно видѣть и на *Буцефалѣ* Александра Великаго. Когда Александръ увидѣлъ, что отецъ его Филиппъ призналъ негоднымъ этого дикаго коня, который не терпѣлъ на себѣ всадника, то сказалъ: «Какую прекрасную лошадь портятъ люди, не умѣющіе воспользоваться ею

по своей неловкости!» И принявшись за нее съ удивительным искусствомъ, безъ побоевъ—онъ приобрѣлъ надъ нею полную власть, такъ что она не только тогда, но и впослѣдствіи позволяла ѣздить на себѣ только Александру, и въ цѣломъ свѣтѣ едва-ли можно было отыскать другую болѣе благородную лошадь, достойную столь великаго героя. Разсказъ объ этомъ передаетъ *Плутархъ*, при чемъ онъ замѣчаетъ: «*Эта лошадь приводитъ намъ на память, что много хороши одаренныхъ головъ пропадаетъ отъ ошибокъ воспитателей, которые коней обращаютъ въ ословъ, не умѣя управлять свободными и сознающими свое достоинство людьми*».

22. Вчетвертыхъ, есть *послушныя* и въ то же время *любопытныя* натуры, но *медленныя* и *туповатыя*. Онѣ охотно слѣдуютъ за другими; а чтобъ сдѣлать для нихъ это возможнымъ, нужно снисходить къ ихъ слабости, не возлагая на нихъ чрезмѣрной тяжести, избѣгая рѣзкихъ порицаній, но всегда относясь къ нимъ доброжелательно, поддерживая, ободряя и вселяя въ нихъ мужество, чтобъ онѣ не падали духомъ. Подобные люди, хотя и позднѣе, достигнуть своей цѣли; за то они прочнѣе держатся на ней, какъ это бываетъ съ поздними плодами. И какъ печать труднѣе оттискивается на свинцѣ, но за то крѣпче держится (чѣмъ на воскѣ), такъ люди подобнаго рода нерѣдко обладаютъ большею силою, чѣмъ талантливые, и что они однажды усвоили, то у нихъ легко не пропадаетъ. Поэтому исключать ихъ изъ школы не слѣдуетъ.

23. Вятыхъ, нѣкоторыя натуры *тупы*, и, кромѣ того, *вялы* и *лѣнивы*; но ихъ также можно исправить, только бы въ нихъ не было упорства. Здѣсь однако надо много умѣнья и терпѣнія.

24. Наконецъ, бываютъ еще *тупоумныя*, отъ природы извращенныя, злобныя и большею частію испорченныя натуры. Но поелику вездѣ въ природѣ противъ яда найдется и противоядіе, и деревья, отъ природы неплодоносныя, посредствомъ надлежащей посадки и ухода за ними могутъ быть сдѣланы плодоносными; то вообще не слѣдуетъ терять надежды и въ этомъ случаѣ, а напротивъ посмотреть, нельзя ли по крайней мѣрѣ побѣдить и искоренить упорство. Если и это окажется невозможнымъ,—только тогда придется оставить искривленный и узловатый чурбанъ, изъ котораго уже нельзя надѣяться вырѣзать Меркурія. «Безполезно обрабатывать и за сѣвать неплодную почву», говоритъ Катонъ. Впрочемъ, по-

добного рода бездарность едва можно найти у одного на тысячу, что служить превосходнымъ доказательствомъ благодати Божіей.

25. Сущность всего сказаннаго можетъ быть выражена словами Плутарха: *«То, какими рождаются дѣти, не зависитъ отъ челоуѣка; но сдѣлать ихъ посредствомъ правильнаго воспитанія добрыми,—это въ нашей власти»*. Да, въ нашей власти! говорить онъ. Это несомнѣнно, ибо изъ корневаго отпрыска садовникъ выращиваетъ дерево, употребляя повсюду одно и тоже искусство посадки.

26. Но возможность обучать и образовывать все юношество, при столь его столь различныхъ природныхъ задаткахъ, по одной и той же методѣ, вытекаетъ изъ слѣдующихъ четырехъ положеній.

27. Во первыхъ: *Всѣхъ людей слѣдуетъ приводить къ однимъ цѣлямъ мудрости, нравственности и благочестія*.

28. Далѣе: *Всѣ люди, какъ бы они ни расходились въ своихъ природныхъ дарованіяхъ, имѣютъ одинаковую челоуѣческую натуру, снабженную одинаковыми органами*.

29. Втретьихъ: *Упомянутое различіе въ дарованіяхъ есть ничто иное, какъ отклоненіе или недостатокъ естественной гармоніи, въ томъ же родѣ, какъ болѣзни тѣла представляютъ нарушеніе гармоніи его въ отношеніи влажности или сухости, теплоты или холода. Напримѣръ, что такое остроуміе, какъ не тонкость и подвижность нервной силы *) въ мозгу, пробѣгающей съ величайшею быстротою по орудіямъ чувствъ и неуловимо проникающей въ свойство предметовъ? Если эта подвижность не будетъ сдерживаться благоразуміемъ, то можетъ случиться, что духъ станетъ разсѣяннымъ, а мозгъ или ослабѣетъ, или отупѣетъ,—что мы видимъ и наблюдающихъ талантахъ, которые при чрезмѣрномъ напряженіи обыкновенно или рановременно умираютъ, или притупляются. Напротивъ, что такое тупость ума, какъ не медленное движеніе нервной силы въ мозгу и темнота, которая потому не-*

*) *Spiritus animalis*—это начало тѣлесно-духовной жизни, которое признавалось современными мыслителями эпохи Каменскаго и которое признавали такіе умы, какъ Бэконъ, Декартъ и др. мыслители. Начало это извѣстно подъ разными наименованіями: *Жизненная сила, Животный духъ, Нервный духъ, Spiritus vitalis* и пр.

обходимо устранять и просвѣтлять усиленнымъ возбужденіемъ? Что такое, спрашиваю я, *высокомеріе* и *неукротимость*, какъ не излишняя суровость и неуступчивость сердца, которое потому должно быть смягчаемо соотвѣтственной дисциплиной? Далѣе, что такое *вялость*, какъ не чрезмѣрное ослабленіе сердца, нуждающееся въ укрѣпленіи? И какъ для тѣла наиболѣе полезны не тѣ врачебныя средства, которыя къ одной крайности присоединяютъ другую (ибо этимъ только усиливается борьба), но тѣ, которыя приносятъ съ собою смягченіе крайностей, дабы на одной сторонѣ не было недостатка, а на другой не было излишка: *такъ пригоднѣйшимъ средствомъ противъ ошибокъ человѣческаго ума будетъ такая метода, съ помощью которой умѣрялись бы излишества и пополнялись недостатки въ характерахъ—и все приводилось бы къ пріятному согласію и гармоніи*. Слѣдуя этому началу, предлагаемая нами метода приспособляется для среднихъ дарованій (*ingeniis mediocribus*), (составляющихъ всегда огромное большинство), дабы она умѣряла натуры быстрыя, которыя для предупрежденія преждевременнаго истощенія нуждаются въ задержкѣ, а для болѣе медленныхъ натуръ, нуждающихся въ поощреніи,—служила бы шпорами и стимуломъ.

30. Наконецъ, *предупреждать излишекъ или недостатокъ въ природнѣхъ дарованіяхъ всего лучше—пока они свѣжи*. Подобно тому, какъ на войнѣ новички перемѣшаны съ ветеранами, слабые—съ сильными, вялые—съ проворными, всѣ обязаны драться подъ однимъ знаменемъ, повиноваться общимъ приказаніямъ, пока бой продолжается въ правильномъ боевомъ порядкѣ; когда же побѣда одержана, каждый солдатъ преслѣдуетъ врага, насколько хватить силъ и желанія, при чемъ онъ по вкусу выбираетъ себѣ и добычу: такъ точно и въ этомъ научномъ походѣ умѣстенъ тотъ же порядокъ,—именно, чтобы болѣе медленные были перемѣшаны съ болѣе быстрыми, туповатые—съ болѣе остроумными, упрямые—съ послушными—и чтобъ всѣ подчинялись однимъ и тѣмъ же предписаніямъ и примѣрамъ, пока будутъ нуждаться въ руководствѣ; по выпускѣ же изъ школы, каждый будетъ преслѣдовать остальную часть научныхъ занятій съ такою быстротою, какая для кого возможна.

31. Это соединеніе учащихся я разумѣю не только относительно мѣста, но—и даже гораздо болѣе—въ отношеніи къ

помощи; если, на примѣръ, учитель замѣчаетъ болѣе талантливаго ученика, то пусть онъ поручить ему двухъ или троихъ, менѣе способныхъ для обученія; найдетъ ли онъ ученика съ добрыми нравственными наклонностями, пусть передастъ ему для надзора и руководства учениковъ съ дурнымъ характеромъ *). Такимъ образомъ удовлетворялось бы попеченіе о той и другой сторонѣ, особенно если учитель будетъ наблюдать, чтобы все шло сообразно съ планомъ. Но теперь пора уже приступить къ изложенію самаго дѣла.

ГЛАВА XIII.

Основаніе для преобразованія школъ есть точный порядокъ во всемъ.

1. Если мы станемъ изслѣдовать, что сохранять этотъ міръ въ его существѣ со всѣми мельчайшими предметами, то найдемъ, что это есть не иное что, какъ *порядокъ*; онъ образуетъ расположеніе вещей предыдущихъ и послѣдующихъ, высшихъ и низшихъ, большихъ и наименьшихъ, сходныхъ и несходныхъ,—по мѣсту, времени, числу, мѣрѣ и вѣсу, насколько это соотвѣтствуетъ и приличествуетъ каждой вещи. Поэтому нѣкто изящно и справедливо называлъ порядокъ *душою вещей*. Ибо то, что находится въ порядкѣ, сохраняетъ (пока продолжается порядокъ) свой составъ и свое устройство. Когда порядокъ прекращается, наступаетъ утомленіе, колебаніе, разстройство. Это очевидно изъ примѣровъ всей природы и искусства.

2. Что, спрашиваю я, дѣлаетъ *міръ* міромъ,—что служитъ причиною того, что онъ поддерживается въ своей полнотѣ? Конечно то, что каждое существо, въ своихъ предѣлахъ, вполне точно слѣдуетъ законамъ природы; этимъ сохране-

*) Это начало такъ-называемаго *взаимнаго обученія*, которое въ свое время составляло эпоху и было предметомъ общаго увлеченія. Изобрѣтателями его считаются обыкновенно Белья и Ланкастеръ, хотя несомнѣнно, что не только идея этого обученія, но и практическая обработка его принадлежатъ Каменскому. Опытъ уже давно показалъ педагогическія неудобства этой формы обученія, съ которою мы еще встрѣтимся далѣе; здѣсь же замѣтимъ, что порученіе ученикамъ товарищей въ отношеніи нравственнаго надзора представляетъ особенныя — и опасности, и неудобства.

ніемъ порядка въ частностяхъ удерживается міровой порядокъ *).

3. Отъ чего *времена* такъ хорошо расположены, что въ столь опредѣленныхъ промежуткахъ годовъ, мѣсяцевъ и дней текутъ столь правильно и безъ замѣшательства? Единственно отъ непреложнаго порядка тверди небесной.

4. Отъ чего *пчелы, муравьи, пауки* производятъ свои работы столь тонко, что человѣку приходится болѣе удивляться чѣмъ подражать имъ? Единственно отъ прирожденной имъ снаровки держаться при совершаемыхъ ими работахъ порядка, числа и мѣры.

5. Что дѣлаетъ *человѣческое тѣло* столь удивительнымъ организмомъ, что оно исполняетъ почти безчисленное множество отправленій, хотя снабжено далеко не безграничнымъ числомъ орудій,—т. е., что оно даже съ помощью тѣхъ немногихъ членовъ, изъ которыхъ состоитъ, можетъ выполнять удивительно разнообразныя дѣла, и притомъ такъ, что не замѣчается какого нибудь недостатка и не остается желать ни чего лучшаго? Конечно, происходитъ это отъ мудраго и гармоническаго соотвѣстствія всѣхъ членовъ тѣла, именно: каждаго въ отдѣльности, равно какъ и всѣхъ въ взаимномъ отношеніи однихъ къ другимъ.

6. Отъ чего зависитъ, что вдохнутая въ тѣло *душа* одна достаточна для управленія всѣмъ тѣломъ и въ тоже время для выполненія столь многихъ дѣлъ? Конечно, отъ порядка, благодаря которому всѣ члены тѣла пребываютъ въ непрерывной взаимной связи между собою и приводятся въ дѣйствіе по требованію перваго побужденія (*primi motûs*), исходящаго изъ души.

7. Какъ можетъ отдѣльный человѣкъ, *царь* или *императоръ* управлять цѣлыми народами? Хотя существуетъ «сколько головъ, столько и умовъ», однако не должны ли они всѣ одинаково служить намѣреніямъ его *одного*? и если онъ успѣшно ведетъ дѣло, то не служить ли это общему благу? Совершается же это не иное что, какъ порядокъ, силою котораго,—

*) На латинскомъ языкѣ міръ (*mundus*) называется также вселенной (*universum*); міровой порядокъ, какъ порядокъ общій, выступаетъ чрезъ то въ этой фразѣ въ наглядномъ противоположеніи частному порядку. Если бы перевести «порядокъ во всемъ», или «во вселенной», то этимъ мало бы выигралось.

именно узами законовъ и послушанія,—всѣ подчинены одному правителю вещей: одни ближайшимъ образомъ, будучи управляемы имъ непосредственно; затѣмъ этимъ лицамъ, въ свою очередь, подчинены другія, и такъ далѣе, нисходя до послѣдняго. Здѣсь происходитъ тоже самое, что въ цѣпи, въ которой одно звѣно захватываетъ другое, такъ что если движется первое, то движутся и всѣ другія, если первое находится въ покоѣ, покойны и всѣ остальные.

8. Что дало возможность *Гіерону* предъ свидѣтелями, совершенно одному, сдвинуть съ мѣста такую огромную тяжесть, стронуть которую тщетно пытались сотни людей?—Маленькая остроумно придуманная машина, составленная изъ многихъ колесъ, блоковъ и веревокъ—такъ, что одни помогали другимъ для увеличенія силы.

9. Страшныя дѣйствія *тяжелыхъ огнестрѣльныхъ орудій*, съ помощью которыхъ разрушаются стѣны, низвергаются башни и разбѣваются войска, производятся также въ силу извѣстнаго порядка вещей, именно тѣмъ, что начала—активное и пассивное—соединены между собою въ надлежащей степени, чрезъ правильное смѣшеніе селитры съ сѣрою (самого холоднаго съ самымъ горючимъ), чрезъ соответствующее приспособленіе пушекъ или мортиръ къ силѣ горючей смѣси (къ пороху), чрезъ соразмѣреніе количества пороха въ отношеніи къ ядру и, наконецъ, чрезъ правильную наводку орудія на цѣль. Недостаетъ одного изъ этихъ условій—и весь аппаратъ остается безъ дѣйствія.

10. Что обусловливаетъ совершенство работы въ *книгопечатаніи*, посредствомъ котораго умножаются книги быстро, прекрасно и безошибочно? Безъ сомнѣнія порядокъ при вызываніи матрицъ, выливаніи и полировкѣ шрифта, распределеніи его по классамъ, потомъ при наборѣ, при установкѣ набора въ машинѣ и проч., при изготовленіи, смачиваніи и владываніи бумаги и т. п.

11. Коснемся и механическаго дѣла: что дѣлаетъ *карету*,—то-есть, дерево и желѣзо, изъ которыхъ она состоитъ,—способною такъ легко слѣдовать за бѣгущими въ упряжи лошадьми и служить для удобнаго перемѣщенія тяжести? Не иное что, какъ искусное сочетаніе (*cordinatio*) дерева и желѣза въ колесахъ, осяхъ, дышлѣ, хомутѣ и т. д. Ибо слу-

чись, что одна изъ этихъ частей сломается,—и тогда весь механизмъ не годится къ употребленію.

12. Что дѣлаетъ возможнымъ, что люди, вступивъ на корабль, довѣряютъ себѣ бурному морю, проникаютъ къ антиподамъ и невредимо возвращаются домой? Ни что иное, какъ соблюденіе при постройкѣ и снаряженіи *судна* правильнаго распредѣленія строительнаго матеріала на киль, корпусъ судна, мачты, рей, паруса, компасъ и т. п., при чемъ, если хотя нѣкоторая изъ сихъ вещей будетъ неисправна, то кораблю можетъ грозить опасность качки, кораблекрушенія и гибели.

13. Наконецъ, что за причина того, что въ извѣстномъ время—измѣрительномъ инструментѣ, *часахъ*, разнообразнораспредѣленное и приспособленное желѣзо производитъ правильныя движенія и равномерно показываетъ минуты, часы, дни, мѣсяцы, можетъ быть, даже и годы, и показываетъ не только глазамъ, но и ушамъ, дабы можно было узнавать время не только при свѣтѣ, но и въ темнотѣ? Далѣе, что дѣлаетъ возможною дѣятельность другого аппарата (будильника), который въ назначенный напередъ часъ *пробуждаетъ* челоуѣка отъ сна и кромѣ того зажигаетъ свѣчу, дабы пробужденному было свѣтло? Въ силу чего, наконецъ, механизмъ можетъ указывать наступленіе праздничныхъ и будничныхъ дней, фазъ луны, теченія планеты, солнечныя и лунныя затмѣнія? Что, спрашиваю я, болѣе этого заслуживаетъ удивленія? Въ самомъ дѣлѣ, металлъ, самъ по себѣ неодушевленное вещество, производитъ столь живыя, продолжительныя и правильныя движенія! Развѣ не считалось это, пока не было открыто, столь же невозможнымъ, какъ если бы кто нибудь воздумалъ утверждать, что деревья могутъ ходить, а камни говорить? Однако—что это бываетъ, свидѣтели въ томъ наши глаза.

14. Какою сокровенною *силою* совершается все это? Ничѣмъ другимъ, какъ силою проявляющагося здѣсь, господствующаго во всѣхъ вещахъ *порядка*,—именно точнаго распредѣленія всего по извѣстному числу, мѣрѣ и порядку,—такъ, что каждая вещь имѣетъ свою опредѣленную цѣль; для достиженія этой цѣли употребляются оотвѣтственные средства, а для средствъ—извѣстные способы (*certos modos*): именно—точнѣйшее отношеніе части съ цѣлымъ, должная связь предметовъ соотносительныхъ и взаимныя законы для сообщенія и передачи силы. Итакъ, все идетъ впередъ съ точностію, какъ бы

живое, одушевленное тѣло. Но если бы въ часахъ какія-нибудь части разошлись или что-нибудь лопнуло, сломалось, разшаталось или погнулось, хотя бы это было самое маленькое колесо, самый незначительный валъ, самый крошечный язычекъ,—часы тотчасъ остановились бы, или, по меньшей мѣрѣ, пошли невѣрно. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что *все зависитъ единственно отъ порядка.*

15. Итакъ, ничего другаго не требуетъ и *искусство обученія, какъ искуснаго распредѣленія времени, предметовъ и способовъ обученія.* Если мы будемъ въ состоянii установить это правильнымъ образомъ, то обучать всему юношество въ школахъ, даже при значительномъ количествѣ учениковъ, было бы не тяжеле, чѣмъ съ помощью книгопечатнаго станка изготовлять ежедневно тысячи прекраснѣйшихъ оттисковъ, или, установивши Архимедовы машины, передвигать дома, башни и всевозможныя тяжести, или съ помощью корабля переплывать океанъ и переноситься въ новый свѣтъ. Дѣло подвигалось бы столь же легко, какъ идутъ часы, приводимые въ движеніе гириами. И это было бы столь же интересно и пріятно, какъ пріятно и интересно созерцаніе автомата. Наконецъ, все совершалось бы съ такою же точно вѣрностью, какую можно встрѣтить только въ столь искусномъ аппаратѣ.

16. Итакъ, во имя Всевышняго, приступимъ къ подобному устройству школъ, дабы онѣ соответствовали вполне художественно устроеннымъ часамъ, изящно снабженнымъ различными приспособленіями.

ГЛАВА XIV.

Точный порядокъ школы слѣдуетъ заимствовать отъ природы, и такой именно порядокъ, который не могли бы задержать никакія препятствія.

1. Во имя Бога, мы приступаемъ къ отысканію основаній, на которыхъ, какъ на неизблемыхъ утесахъ, могла бы быть построена *метода ученія и обученія.* Средства, которыя слѣдуетъ отыскивать, когда мы принимаемъ мѣры противъ недостатковъ въ природѣ, должны находиться исключительно только въ самой же природѣ. Это вполне вѣрно: *искусство не можетъ сдѣлать ничего болѣе, какъ только подражать природѣ.*

2. Это можно доказать примѣрами. Мы видимъ, что *рыба* плаваетъ въ водѣ; это ей свойственно по природѣ. Еслибы человѣкъ вздумалъ подражать ей, то онъ по необходимости долженъ бы привести въ дѣйствіе подобныя орудія и производить подобныя же движенія; вмѣсто плавательныхъ перьевъ, онъ долженъ бы употребить руки, вмѣсто хвоста—ноги, и двигать ихъ, какъ рыба двигаетъ своими плавательными перьями. Да и самые *корабли* могутъ быть устроены только по этой идеѣ; мѣсто перьевъ заступаютъ у нихъ весла или паруса, а мѣсто хвоста—руль. *Птица* летаетъ въ воздухѣ; это ей свойственно. Когда *Дедалъ* *) захотѣлъ подражать птицѣ, онъ долженъ былъ придѣлать себѣ крылья (соотвѣтственные столь тяжелому тѣлу, чтобъ держаться на высотѣ) и ими двигать.

3—4. Орудіемъ для произведенія звука у животныхъ служить дыхательный каналъ, состоящій изъ хрящевыхъ колецъ, снабженный кадыкомъ, а снизу имѣющей производящія вѣтеръ мѣхи, т. е. легкія. Слѣдуя этому образцу, устраиваютъ пастушьи рожки, волынки и другіе духовые инструменты. *)

5. Замѣчено, что *поверхность воды* совершенно горизонтальна, даже и въ томъ случаѣ, если вода находится въ сосудѣ, имѣющемъ нѣсколько отверстій, въ извѣстномъ разстояніи одно отъ другого. Подвижность воды испытывалась трубками, при чемъ оказалось, что вода изъ нѣдръ сама собою поднимается на извѣстную высоту, между тѣмъ какъ на противоположной сторонѣ настолько же понижается. Это производилось искусственно, но сообразно съ природою. Что это *такъ* совершается, зависитъ отъ искусства; но что это *совершается*—отъ природы.

6. Наблюдали *звѣздный міръ*—и увидѣли, что онъ безпрестанно вращается и чрезъ различныя перемѣны созвѣздій про-

*) Миенчскій образъ, взятый изъ области классическаго міра грековъ.

*) Зѣсь, говоря о громѣ и молніи, Коменскій приводитъ слѣдующее мнѣніе: «Deprehensum, id quod è nubibus fragorem edit, ignemque et lapides ejaculatur, esse *accensum cum sulfure nitrum*. Ad hujus itaque imitationem è nitro et sulfure componitur *pyrius ille pulvis* (попорохъ), qui accensus et sclopetis emissus, *simulata illa tonitrua, fulgura et fulmina* producit». Нужно ли говорить, что это мнѣніе той эпохи, въ которую жилъ Коменскій, и которое, по недостаточному развитію естествознанія, было тогда общепринятымъ. Подобныя мнѣнія очень часто встрѣчаются и у Бекона, знаменитаго основателя англійской философіи, впервые положившаго основаніе для научнаго изслѣдованія природы путемъ индукціи.

Прилож. къ журн. «Семь и Школа».

изводить въ міръ пріятное разнообразіе временъ года. По этому образцу изобрѣли *инструментъ, показывающій суточное обращеніе звѣзднаго неба и измѣряющій часы* *). Этотъ аппаратъ, составленный изъ колесъ, такъ устроенъ, что не только одно колесо сообщаетъ движеніе другому, но самое движеніе могло бы быть продолжаемо безъ конца. Инструментъ этотъ необходимо долженъ былъ изготовляться изъ неподвижныхъ и подвижныхъ частей, какъ и самый міръ; именно, для спокойной опоры устроены неподвижные базисы, колонны и перекладины; для подвижныхъ же сферъ неба приспособлены различныя колеса. Но такъ какъ не возможно было какому-нибудь колесу придать способность самопроизвольно оборачиваться и увлекать за собою другія колеса (подобно тому, какъ Создатель сообщилъ звѣздному міру силу самому двигаться и увлекать въ движеніи все за собою), то было необходимо заимствовать отъ природы силу движенія, именно—или силу тяжести, или силу свободы. *) То-есть, или навѣшивается тяжесть на валъ перваго колеса, причемъ тяжесть, стремясь внизъ, оборачиваетъ также и валъ, а валъ приводитъ въ движеніе колесо, которое въ свою очередь передаетъ его другимъ; или берутъ довольно длинную стальную пластинку (пружину), свертываютъ ее съ силою въ спираль, и предоставляютъ ей свободу, чтобы стремленіемъ своимъ принять первоначальное положеніе она оборачивала валъ и колеса. Но для того, чтобы это возвратное движеніе не происходило порывисто, но спокойно, соразмѣрно движенію неба,—прибавляются другіе колесца, изъ которыхъ послѣднее, двигаемое только двумя зубчиками и при перемѣнномъ движеніи звучащее, представляетъ смѣну появляющагося и исчезающаго свѣта, или смѣну дней и ночей. Къ той-же части, которая должна обозначать цѣлые часы или четверти ихъ, приспособлены иску-

*) Нижеизлагаемое описаніе *теллурія* или *планетарія*, приводимаго въ движеніе часовымъ механизмомъ, при нѣкоторой неясности, показываетъ однако, что за 200 лѣтъ до нашего времени были уже попытки сообщить наглядность представленіямъ изъ области міровѣденія, и во главѣ этого стремленія стоялъ славянскій мыслитель-педагогъ. Въ этомъ смыслѣ Коменскаго справедливо называютъ «Коперникомъ педагогическаго космоса» (Коперникъ былъ также славянинъ).

*) Подъ *силою свободы* (*vis libertatis*), вѣрнѣе, силою освобождать себя, Коменскій понимаетъ, очевидно, упругость или *эластичность*, что видно изъ дальнѣйшаго описанія аппарата.

сно язычки (*стрѣлки*), которые, когда нужно, задерживаютъ движеніе или прекращаютъ его, подобно тому, какъ природа движеніемъ сферъ небесныхъ приносить и уносить весну, лѣто, осень и зиму, раздѣленныхъ на мѣсяцы.

7. Изъ всего этого ясно, что тотъ порядокъ, который мы хотѣли бы принять за основную идею для искусства всему учить и учиться, не можетъ и не долженъ быть заимствованъ ни изъ какого иного источника, какъ отъ самой учительницы — природы. Если это будетъ строго установлено, то искусственное будетъ идти такъ же легко и свободно, какъ легко и свободно совершается все естественное. Поэтому справедливо говорить Цицеронъ, что «если мы будемъ слѣдовать природѣ — путеводительницѣ, то никогда не заблудимся». Наблюдая процессы, которые совершаетъ природа, дѣйствуя то тамъ, то здѣсь, — я надѣюсь утвердить убѣжденіе, что такимъ именно образомъ должно и намъ поступать.

8. Нашимъ стремленіямъ и нашей надеждѣ можетъ быть противопоставлено изрѣченіе Гиппократъ: «*Жизнь коротка, наука — безгранична, случаи — быстротечны, опыты ненадежны и затруднительны приговоры о вещахъ.*») Такимъ образомъ Гиппократъ начисляетъ здѣсь пять препятствій, служащихъ причиною того, что только немногіе достигаютъ высотъ науки, именно: 1) *краткость жизни*, вслѣдствіе которой смерть уноситъ насъ еще въ пору приготовления нашего къ жизни; 2) *необъятное множество предметовъ*, представляющихся уму для разработки, вслѣдствіе чего желаніе — вмѣстить все въ предѣлы познанія — является безконечною задачею; 3) *недостатокъ случаевъ* для изученія полезныхъ знаній, или внезапное исчезновеніе такого случая, если онъ и представляется иногда. Годы юности, наиболѣе пригодные для воспитанія ума, проводятся большею частью въ играхъ; послѣдующій же возрастъ, какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, представляетъ всегда болѣе случаевъ для пустыхъ, нежели для серьезныхъ занятій; наконецъ, если когда и представится благопріятный случай, то онъ улетаетъ, прежде чѣмъ имъ успѣютъ воспользоваться; 4) *тупость нашего ума и невѣрность нашего сужденія*, которыя слу-

*) Приведенное изрѣченіе знаменитаго греческаго врача, жившаго около 400 г. до Р. Хр., заимствовано изъ сочиненія его, носящаго названіе «Афоризмы» (краткія изрѣченія).

жать причиною того, что мы обыкновенно занимаемся скорлупою, а въ существо вещей *) не проникаемъ. 5) Наконецъ, если бы кто захотѣлъ путемъ долгаго наблюденія и рядомъ возможныхъ опытовъ изслѣдовать истинную сущность предметовъ, то это оказалось бы *чрезвычайно труднымъ, въ тоже время обманчивымъ и невѣрнымъ*. (Ибо если при самомъ тщательномъ разсмотрѣннн предметовъ и проникательности опытнаго наблюдателя значительная область наблюдаемаго можетъ быть упущена изъ виду, то неизбежно должны произойти ошибки и все наблюдение сдѣлается невѣрнымъ).

9. Если все это справедливо, то какимъ же образомъ послѣ этого рѣшаемся мы общать—открыть всеобщій, вѣрный, легкій и прочный путь къ изученію наукъ? Отвѣчаю: что все изложенное вполне справедливо, это доказываетъ опытъ; но что имѣются также вполне надежныя врачества противъ зла, это не менѣе несомнѣнно, помимо соображеній ума, показываетъ тотъ же опытъ. Ибо *первое* такъ устроено мудрѣйшимъ судьей вещей—Богомъ, къ нашему же благу; слѣдовательно, ко благу все можетъ быть благоразумно и обращено. Именно, Богъ даровалъ намъ *краткій путь жизни*, потому что мы не умѣемъ правильно пользоваться жизнью, въ нашемъ испорченномъ состояніи. Ибо если и теперь, когда умираемъ едва рождаясь, когда конецъ угрожаетъ намъ съ самаго начала, мы однако теряемся въ суетномъ; то чего бы не совершили мы, если бы имѣли предъ собою столѣтія и тысячелѣтія? Итакъ, Богъ соизволилъ даровать намъ именно столько времени, сколько, по Его мнѣнію, было намъ достаточно для приготовленія себя къ лучшей жизни. Слѣдовательно, для этого назначенія наша жизнь достаточно длинна, если бы только мы умѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться ею.

10. Что Богъ восхотѣлъ, дабы на землѣ было *много вещей*, это также для нашей пользы,—для того, чтобы столь многое занимало, упражняло и научало насъ.

11. Онъ хотѣлъ, чтобы *случай былъ мимолетенъ*, «съ волосами только на челѣ » *), дабы мы, будучи на сторожѣ,

*) «Ad regum pedullas»—собственно «до мозжечковъ вещей»—выраженіе, очевидно, образное и нашему языку не свойственное, которое мы потому и замѣтили соответственнымъ русскимъ, выражающимъ ту же мысль автора.

*) Миеологическій образъ случая, покрытаго волосами только на лбу, образно показывалъ, что его должно ловить въ первый моментъ, при самомъ появленіи.

были готовы всегда схватить все, что только можетъ быть схвачено.

12. *Опытъ обманчивъ*, дабы было мѣсто внимательности—и мы были бы побуждаемы необходимостью основательнѣе изучать предметы въ ихъ частностяхъ.

13. Наконецъ, *сужденіе* о вещахъ *затруднительно*, дабы изошрялись осмотрительность и терпѣніе въ проложеніи себѣ пути. А это для той цѣли, дабы мудрость Божія, сокровенно на все простирающаяся, болѣе и болѣе обнаруживалась для высшаго нашего наслажденія. Ибо если бы все было познаваемо безъ особеннаго труда, говорить Августинъ, то отысканіе истины не вызывало бы ревности, а открытіе ея не доставляло бы радости. Это истина.

14. Итакъ, необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ могутъ быть, съ помощью Божіей, устранены тѣ препятствія, которыя Божественное провидѣніе противопоставило намъ извнѣ, для возбужденія нашего прилежанія. Ни чѣмъ инымъ, какъ:

I. *Продолженіемъ жизни*, дабы она была достаточна для достиженія цѣли;

II. *Сокращеніемъ наукъ*, дабы онѣ соотвѣтствовали продолжительности жизни;

III. *Умнѣемъ овладѣть случаямъ*, дабы онѣ не ускользали бесполезно;

IV. *Развитіемъ силы ума*, дабы онъ легко проникалъ въ существо вещей, и, наконецъ,—

V. *Установленіемъ*, вмѣсто поверхностнаго наблюденія, нѣкотораго надежнаго основанія (fundament), которое не допускало бы обмана.

15. Итакъ, руководясь природою, мы намѣрены изыскать:

основныя правила для	{	<i>продолженія жизни</i> , чтобъ изучать все необходимое;
		<i>сокращенія наукъ</i> , чтобы скорѣе выучиваться;
		<i>пользованія случаямъ</i> , чтобы надежно учиться;
		<i>развитія умственныхъ способностей</i> , чтобъ учиться легко;
		<i>изошренія сужденія</i> , чтобъ учиться основательно.

Эти отдѣльныя части мы рассмотримъ въ послѣдующихъ отдѣльныхъ главахъ, только вопросъ о сокращеніи наукъ отнесемъ на послѣднее мѣсто.

ГЛАВА XV.

* Основныя правила для продолженія жизни.

1. «Какъ много дѣла при кратковременности жизни!» восклицаетъ Аристотель съ Гиппократомъ, жалуясь и дѣлая природѣ упрекъ, что она даровала болѣе долгое существованіе оленямъ, воронамъ и другимъ неразумнымъ существамъ, жизнь же человѣка, призваннаго къ столь высокому назначенію, заключила въ столь тѣсныя границы. Но мудро возражаетъ Сенека: *«Не короткую жизнь мы получили, но мы дѣлаемъ ее короткою; мы не скудно снабжены ею, но слишкомъ расточительно ею пользуемся. Если кто умѣетъ пользоваться жизнью, то для него она длинна»*. Далѣе: *«Жизнь довольно длинна и достаточна для того, чтобы проводить ее въ изученіи величайшихъ предметовъ, лишь бы разумно ею пользовались»*).

2. Если это справедливо, — что и есть въ дѣйствительности, — то, слѣдовательно, наша вина, если наша жизнь недостаточна для усвоенія величайшихъ предметовъ; ибо мы по истинѣ сами растрачиваемъ жизнь, отчасти медленно убивая ее, такъ что она должна погаснуть ранѣе своего естественнаго конца, — отчасти употребляя и остатокъ ея на пустыя вещи.

3. Справедливо пишетъ одинъ знаменитый писатель (Ипполитъ Гуарино) — и подкрѣпляетъ свою мысль доказательствами, — что человѣкъ самаго нѣжнаго сложенія, выпущенный изъ школы неповрежденнымъ, сохраняетъ въ себѣ еще столько жизненной силы, что могъ бы просуществовать до шестидесятаго года; а если бы онъ имѣлъ болѣе крѣпкое сложеніе, то и до ста двадцатаго года. Если же многіе умираютъ прежде этого срока (какъ извѣстно, большая часть умираетъ въ дѣтствѣ, въ юности и въ возмужаломъ возрастѣ), то это бываетъ по винѣ людей, которые различными излишествами или

*) Senec. De brevitate Vitae, c. I et II.

неправильнымъ питаніемъ умерщвляютъ не только свое собственное здоровье, но и здоровье производимыхъ ими дѣтей и ускоряютъ смерть.

4. Но что и короткая продолжительность жизни (напр. 50, 40, 30 лѣтъ) въ отношеніи познаній можетъ быть увеличена, если только съумѣютъ воспользоваться ею какъ слѣдуетъ, этому научаютъ примѣры тѣхъ лицъ, которые еще до наступленія полной зрѣлости достигали той степени, какой не могли достигнуть другіе при болѣе продолжительной жизни. *Александръ Великій* умеръ на тридцать третьемъ году своей жизни—и былъ не только удивительно свѣдущъ въ наукахъ, но прославился завоевателемъ земнаго шара, который онъ покорилъ не столько силою оружія, сколько мудрыми мѣрами и удивительною быстрою въ дѣйствіи (*ὀνδεν ἀναβαλύμενος*). *Джіованни Пико де-Мирандола* не достигъ даже возраста Александра; но изученіемъ мудрости возвысился онъ надо всѣмъ, во что можетъ проникнуть человѣческій духъ, такъ что на него смотрѣли, какъ на чудо своего времени.

5. Не зачѣмъ касаться другихъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ прожилъ на землѣ только 34 года и закончилъ великое дѣло искупленія: Онъ, безъ сомнѣнія, даетъ тѣмъ образецъ (такъ какъ все въ немъ таинственно), что человѣкъ, какая бы ни выпала на долю его продолжительность жизни,—въ состояніи пріобрѣсти все необходимое для вѣчности.

6. Я не могу не привести здѣсь высказанныя въ этомъ смыслѣ золотыя слова Сенеки: «Я находилъ многихъ, пишетъ онъ, которые справедливы въ отношеніи къ людямъ; въ отношеніи же къ Богу—никого. Ежедневно мы жалуемся на судьбу и проч. Но не все ли равно, рано или поздно оставить жизнь, которую мы во всякомъ случаѣ должны оставить?—*Долга жизнь, если она полна.* Наполняется же она, когда духъ пріобрѣтаетъ свое достоинство и достигаетъ самообладанія». Далѣе. «Заклинаю тебя, любезный Люцилій, обращать вниманіе на то, чтобы столь драгоценная изъ вещей, какъ наша жизнь, не простиралась бы много, но много наполнялась.—Мы измѣряемъ ее по дѣятельности, а не по времени».—И еще затѣмъ: «Похвалимъ и поставимъ въ число счастливыхъ того, кто хорошо употребилъ свое время, какъ бы коротко оно ни выпало ему на долю. Ибо онъ видѣлъ истинный свѣтъ, не былъ однимъ изъ многихъ: онъ *жилъ и дѣйствовалъ*». И

опять: «Какъ въ маломъ тѣлѣ можетъ быть совершенный человекъ, такъ точно и въ короткомъ времени возможна совершенная жизнь. Возрастъ принадлежитъ ко внѣшнимъ принадлежностямъ. Ты спрашиваешь: какова наибольшая продолжительность жизни?—Жизнь до мудрости.—Кто достигъ ея, тотъ достигъ не только отдаленнѣйшей, но и высочайшей цѣли». *)

7. Такимъ образомъ, противъ жалобъ на кратковременность жизни находятся въ распоряженіи нашемъ и нашихъ дѣтей (или скорѣе школъ) нижеслѣдующія два средства. Необходимо, насколько возможно, имѣть попеченіе:

- I) *Чтобы тѣло предохранялось отъ болѣзней и смерти, и*
- II) *чтобы духъ былъ способнымъ мудро все исполнять.*

8. Мы обязаны *предохранять тѣло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ*, во первыхъ потому, что тѣло есть мѣстопробываніе души и притомъ единственное: разрушено оно, и душа немедленно должна оставить этотъ міръ; если оно будетъ только отчасти повреждено, тотъ или другой членъ подвергнется увѣчью, то жилище для гостя—души дѣлается уже неудобнымъ. И такъ, если составляетъ блаженство—прожить возможно долѣе и возможно удобно во дворцѣ міра (in Mundi palatio), въ который мы введены благостію Божіей, то мы должны предусмотрительно заботиться о сохраненіи тѣла. Повторяю, это тѣло устроено не только для жилища разумной души, но и какъ орудіе ея, безъ котораго она не можетъ ни слышать, ни видѣть, ни говорить, ни дѣйствовать, ни даже размышлять. Ибо, такъ какъ ничего нѣтъ въ умѣ, что прежде не было бы въ ощущеніи *), то духъ получаетъ матеріалъ для всякаго размысленія не изъ другаго источника, какъ только отъ внѣшнихъ чувствъ (a sensu), и совершаетъ мыслительные процессы не иначе, какъ путемъ внутренняго ощущенія (per sensationem internam), т. е. чрезъ созерцаніе отпечатлѣвшихся отъ предметовъ образовъ. Поэтому, съ поврежденіемъ мозга

*) Seneca, Epistol. 94.

*) «Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu». Положеніе это, известное впрочемъ и въ древности, составляющее краеугольный камень эмпирической психологіи, вслѣдъ за Коменскимъ принято было Локкомъ и дальнѣйшими послѣдователями того направленія, къ которому въ позднѣйшее время прижили Беньке, Гербартъ, Г. Спенсеръ и др. Заслуга Коменскаго заключается въ ясномъ и отчетливомъ истолкованіи этого принципа и въ примѣненіи его въ области педагоги, что сдѣлано было впервые Коменскимъ.

повреждается и сила воображенія (*facultas imaginativa*), и при страданіяхъ членовъ тѣла,—сама душа также испытываетъ страданіе. И потому сказано вѣрно: «*надо стараться, чтобы здоровый духъ былъ въ здоровомъ тѣлѣ.*»*)

9. *Жизненная свѣжесть нашего тѣла поддерживается умѣренной діетой*, о чемъ, по профессіи врача, я хочу сказать здѣсь только немногое, именно указать на примѣръ дерева. *Дерево*, существующее долгіе годы, необходимо нуждается въ трехъ вещахъ: 1) *постоянной влаги*, 2) *частыхъ испаренійхъ* и 3) *периодическомъ успокоеніи*. Въ влажности нуждается оно потому, что безъ нея дерево вянетъ и засыхаетъ. Но влажность должна быть умѣренной, ибо если ея много, то подгниваютъ корни. Такимъ же образомъ и тѣло нуждается въ *пищѣ*, ибо лишенное ея, оно истощилось бы отъ голода и жажды; но питаніе не должно быть чрезмѣрнымъ, ибо излишнимъ количествомъ пищи затрудняется и ослабляется сила пищеваренія. Но чѣмъ умѣреннѣе принимается пища, тѣмъ правильнѣе и лучше совершается пищевареніе; а такъ какъ на это обыкновенно не обращаютъ вниманія, то большинство людей излишествомъ пищи разстроиваютъ и силы, и здоровье. Ибо смерть наступаетъ вслѣдствіе болѣзней; болѣзни—вслѣдствіе порчи соковъ; порча соковъ—вслѣдствіе дурнаго пищеваренія; дурное пищевареніе—вслѣдствіе чрезмѣрнаго количества пищи, когда въ желудокъ вводится ее столько, что онъ не въ состояніи переварить—и неизбежно извергаетъ ея въ полупереваренномъ видѣ, отчего не могутъ не проявляться болѣзни. «Отъ пресыщенія, говоритъ Сирахъ (XXXVII, 34), многіе умерли, а воздержный прибавитъ себѣ жизни».

10. Однако, для сохраненія свѣжести здоровья нужна не только умѣренная, но и *простая пища*. Дерево, даже самое нѣжное, садовникъ поливаетъ не виномъ или молокомъ, но влагою, общею всѣмъ растеніямъ,—водою. Поэтому, родители должны остерегаться, чтобы не приучать къ раздраженію нѣбо своихъ дѣтей, посвятившихъ или желающихъ посвятить

*) «*Mens sana in corpore sano*»—здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ. Кому неизвестно нынѣ это положеніе? Съ него начинается Локкъ свои знаменитыя «Мысли о воспитаніи», съ него же начинается и всякая здравая воспитательная дѣятельность. Между тѣмъ, установленіе этого принципа и примѣненіе его въ воспитаніи также впервые разумно и основательно совершено Коменскимъ, который является основателемъ и рациональной педагогической гігіены.

себянаукамъ; не даромъ разсказывается, что Даніиль со своими сверстниками, отроками царской крови, которые должны были заниматься науками, вслѣдствіе употребленія ими въ пищу растений и воды, оказались способнѣе, крѣпче и, что еще болѣе важно, разумнѣе всѣхъ другихъ отроковъ, питавшихся отъ трапезы царской (Дан. I, 12 и слѣд.). Впрочемъ объ этихъ частностяхъ—въ другомъ мѣстѣ.

11. Дерево нуждается также *въ испареніи* (транспираціи) и въ частомъ движеніи отъ дѣйствія вѣтра, дождя и стужи, иначе оно легко ослабляется и хирѣетъ. Такимъ же образомъ и человѣческое тѣло нуждается въ движеніи, занятіяхъ, упражненіяхъ, серьезныхъ и развлекающихъ.

12. Наконецъ, дерево нуждается также отъ времени до времени въ нѣкоторомъ успокоеніи, т. е. дабы не всегда вовнѣ только производить изъ себя вѣтви, цвѣты и плоды, но по временамъ и внутренно работать, приготовляя сокъ и такимъ образомъ само укрѣпляясь. Поэтому Богъ опредѣлилъ, чтобы послѣ лѣта слѣдовала зима, дабы доставить покой всѣмъ существамъ на землѣ и самой землѣ; для этого же было постановлено закономъ, чтобы въ седьмой годъ земля праздновала свою субботу (III Моис. 25). Подобнымъ же образомъ опредѣлена для людей (и для другихъ живыхъ существъ) ночь, дабы сномъ и успокоеніемъ членовъ восстанавливались силы, истощившіяся отъ утомленія въ теченіе дня. Но и въ меньшіе промежутки времени духъ столько же нуждается въ отдохновеніи, сколько и тѣло, дабы не было ничего насильственного, враждебнаго природѣ. Такимъ образомъ—и между дневными работами полезно доставлять дѣтямъ отдыхъ, вести разговоръ, развлекаться шутками и играми, заниматься музыкою и давать такой отдыхъ для внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ.

13. Если кто соблюдаетъ эти три условія (умѣренное питаніе; упражненіе тѣла и, въ помощь природѣ, восстановленіе силъ), то не можетъ быть, чтобы здоровье и жизнь долго не сохранились, за исключеніемъ, конечно, несчастныхъ случаевъ, совершающихся по высшему предопредѣленію. Итакъ, важную часть правильнаго устройства школъ будетъ составлять *надлежащее распредѣленіе труда и отдыха, занятій, каникулъ и рекреаций*.

14. Слѣдуетъ заботиться о разумномъ распредѣленіи времени, посвященнаго трудамъ. *Тридцать лѣтъ* кажутся чѣмъ-то незначительнымъ—и ихъ легко выговорить, а между тѣмъ, они заключаютъ въ себѣ множество мѣсяцевъ, еще больше дней, а часовъ и того больше. Но лишь тотъ можетъ уйти далеко впередъ въ столь значительный промежутокъ времени, кто подвигается впередъ хотя и медленно, но постоянно. Это показываетъ ростъ деревъ. Они растутъ столь медленно, что при самомъ тщательномъ наблюденіи нельзя замѣтить ихъ приращенія, ибо оно совершается постепенно и незамѣтно; однако съ каждымъ мѣсяцемъ можно видѣть, что растеніе нѣсколько выросло; по истеченіи же тридцати лѣтъ найдемъ, что оно превратилось въ совершенное дерево. То же самое относится и къ развитію нашего возрастающаго тѣла. Какъ оно растетъ, мы не замѣчаемъ, но видимъ, что оно выросло. А что способъ, которымъ духъ усваиваетъ себѣ познаніе вещей, не есть какой либо другой, тому научаетъ извѣстное двустихіе:

«Прибавляя малое къ малому, но постоянно, зернышко къ зернышку, и прежде чѣмъ ты замѣтишь, твое сокровище будетъ съ гору». *)

15. Кто не оставляетъ безъ вниманія силу преуспѣянія (*vim progressionis*). тотъ легко пойметъ это. На деревѣ—изъ каждой его почки вырастаетъ ежегодно только одинъ отпрыскъ, одинъ сучокъ; по истеченіи же тридцати лѣтъ дерево будетъ имѣть тысячи вѣтвей, большихъ и меньшихъ, листьевъ же, цвѣтовъ и плодовъ безчисленное множество. И можно ли считать невыполнимымъ, чтобы настойчивый трудъ человѣка—въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ не достигъ извѣстной глубины и широты? Разсмотримъ это подробнѣе.

16. Обыкновенный день (сутки) имѣетъ двадцать четыре часа, изъ числа которыхъ (если примѣнительно къ жизни раздѣлимъ ихъ на *три* части) *восемь часовъ придется на сонъ, столько же на внѣшнія занятія* (каковы: попеченіе о здоровьи, обѣды и завтракъ, одѣваніе и раздѣваніе, отдохновеніе, разговоры съ друзьями и т. п.), между тѣмъ какъ *на серьезныя*

*) Переводъ этого двустихія сдѣланъ по Бэгеру; въ оригиналѣ же оно читается такъ:

«Adde parvum parvo, parvo superadde pusillum:
Tempore sic parvò magnum cumulas acervum».

работы, исполняемыя при такомъ порядкѣ съ удовольствіемъ и безъ скуки, остаются еще *восемь часовъ*. Такимъ образомъ, еженедѣльно (оставляя неприкосновеннымъ седьмой день, посвящаемый отдыху) на дѣловыя занятія падаетъ 48 часовъ, ежегодно же 2495; сколько же придется ихъ на промежутокъ времени въ десять, двадцать, тридцать лѣтъ?

17. Если въ каждый отдѣльный часъ усвоивать только одно положеніе изъ какой-нибудь науки, только одно правило изъ техники искусства, только одну хорошенькую исторію или изрѣченіе (что, конечно, можно сдѣлать безъ всякаго труда), то спрашиваю—какое сокровище знанія должно бы образоваться?

18. Итакъ, вѣрно говорить Сенека: «Если мы умѣемъ надлежащимъ образомъ пользоваться жизнью, то она довольно длинна и достаточна для совершенія величайшихъ дѣлъ, если только она вся хорошо будетъ употребляема». Все дѣло въ томъ, чтобы мы не упускали изъ виду умѣнья всегда хорошо употреблять ее, что и должно быть разъяснено далѣе.

ГЛАВА XVI.

Общія условія для обученія и ученія, то есть—нашимъ образомъ можно учить и учиться съ вѣрнымъ успѣхомъ (*certo*).

1. Въ евангеліи находится слѣдующая прекрасная притча Иисуса христа: «Царствіе Божіе подобно тому, какъ если чело-вѣкъ броситъ сѣмя въ землю—и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходить и расти, онъ не знаетъ. Ибо земля само собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ» и т. д. (Марка IV, 26).

2. Въ этихъ словахъ Спаситель показываетъ, что Богъ, который творитъ *всѣ во всемъ*, предоставляетъ чело-вѣку только воспринимать *сѣмена ученія* вѣрнымъ сердцемъ; а все будущее совершится незамѣтно для чело-вѣка, само собою взойдетъ и созрѣетъ. Итакъ тѣ, которые обучаютъ юношество, должны прилагать стараніе особенно къ тому, чтобы разумно внѣдрять въ умы сѣмена наукъ и своевременно орошать вла-

гой «божьи растеньица»; преуспѣяніе же и возрастаніе придуть свыше.

3. Кто не знаетъ, что для посѣва и насажденія требуются извѣстное искусство и опытность? Еслибы неопытный садовникъ принялся засаживать садъ, то большая часть молодыхъ всходовъ погибла бы; если же бываетъ, что нѣкоторые растенія и пойдутъ хорошо, то это больше благодаря случаю, чѣмъ искусству. Благоразумный же совершаетъ свою работу съ состараніемъ.—При чемъ онъ знаетъ—что, гдѣ, когда и какъ слѣдуетъ сдѣлать и чего не дѣлать, дабы ни въ чемъ не встрѣтилось неудачи. Хотя иногда бываетъ, что терпятъ неудачу и знающіе (ибо человѣку едва ли возможно такъ внимательно все выполнить, чтобы нигдѣ никакъ не случилось ошибки); но здѣсь идетъ рѣчь не о благоразуміи уже и случайности, но объ искусствѣ—благоразуміемъ предохранять отъ случайности.

4. Такъ какъ въ дѣйствительности метода преподаванія была до сихъ поръ такъ неустойчива, что едва ли кто могъ бы осмѣлиться сказать себѣ: «я хочу во столько и столько то лѣтъ довести этого мальчика до такой-то степени развитія или образованія и проч.»,—то мы должны теперь разсмотрѣть, можетъ ли «искусство духовнаго насажденія» (*ars spiritualis plantationis*) имѣть такое прочное основаніе, чтобы оно навѣрное шло съ успѣхомъ, безъ неудачи.

5. А такъ какъ это основаніе не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ приспособленіемъ, приемовъ этого искусства къ законамъ дѣйствій природы (какъ это мы видѣли выше, въ главѣ XIV), то теперь мы укажемъ пути природы—на примѣръ птицы, которая выводитъ своихъ птенцовъ; усматривая же, что *садовники, живописцы и строители* весьма успѣшно слѣдуютъ приемамъ природы, мы легко придемъ къ заключенію, что тѣмъ же путемъ природы должны идти и образователи юношества.

6. Если эти пути и приемы природы покажутся кому нибудь слишкомъ незначительными, всѣмъ извѣстными и обыкновенными; то пусть тотъ припомнитъ, что задача моя въ томъ и состоитъ, чтобы изъ повседневныхъ и общеизвѣстныхъ вещей, которыя въ природѣ и въ искусствѣ (вне школы) совершаются съ добрымъ успѣхомъ, вывести то *неизвѣстное*, что составляетъ цѣль моего стремленія. И несомнѣнно, что

если извѣстны тѣ вещи, изъ которыхъ, какъ моихъ образцовъ, я заимствую свою идею, то я могу быть увѣренъ, что мои заключенія будутъ тѣмъ вразумительнѣе.

ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

7. *Природа все дѣлаетъ въ свое время.*

Птица, напр., стремясь къ размноженію своего рода, начинаетъ свое дѣло не зимою, когда все замерзаетъ и коченеетъ,—и не лѣтомъ, когда отъ жары все иссыхаетъ и ослабляется,—и не осенью, когда жизненная сила всѣхъ существъ убываетъ вмѣстѣ съ солнцемъ и близится зима, столь враждебная юнымъ созданіямъ,—но весною, когда солнце вновь приноситъ всѣмъ и новую силу, и новую жизнь. И тутъ она также поступаетъ постепенно. Ибо пока температура еще довольно холодна, яйца находятся въ организмѣ птицы, гдѣ они безопасны отъ холода, въ теплотѣ; когда же воздухъ потеплѣетъ, она складываетъ ихъ въ гнѣздо; и наконецъ, когда уже наступаетъ болѣе теплое время года, тогда только появляются птенцы, чтобы эти дѣжные существа постепенно привыкали къ свѣту и теплу.

8. *Садовникъ* также наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы дѣлать все въ свое время. Такимъ образомъ, онъ не сажаетъ деревъ зимою (ибо сокъ на ходится тогда въ корнѣ и не можетъ подняться для питанія молодого отпрыска), и не лѣтомъ (когда сокъ бываетъ распредѣленъ по сучьямъ и вѣтвямъ), равно и не осенью (ибо тогда сокъ снова возвращается къ корнямъ), но весною, когда влага начинаетъ распространяться изъ корня и верхнія части растенія начинаютъ оживляться *). Но и послѣ приходится ухаживать за деревцомъ,—слѣдуетъ выжидать для каждой операціи благопріятнаго времени, т. е. въ свое время унавоживать землю, обрѣзывать и обрубать деревцо и т. п. Дерево

*) Какъ уже было замѣчено, многое, что относится до естествознанія, у Коменскаго не современно и невѣрно. Здѣсь тоже невѣрность. Лучшее время для посадки деревцевъ не тотъ моментъ, когда растительная жизнь снова началась въ растеніи, но когда она еще покоится, слѣдовательно—самая ранняя весна или, еще лучше, осень. Могла бы годиться для посадки и зима, если бы не слѣдовало бояться морозовъ, которые особенно опасны корнямъ молодыхъ деревъ.—Невѣрность эта, какъ уже было сказано, просто объясняется временемъ, въ которое жилъ Коменскій, и тѣмъ состояніемъ науки о природѣ, въ которомъ находилась она тогда.

также въ свое время пускаетъ ростки, цвѣтеть, зеленѣть, приносить плоды и т. п. Такъ точно и понимающій свое дѣло *строитель* долженъ наблюдать, чтобы въ свое время заготовлялся лѣсъ, обжигался кирпичъ, закладывался фундаментъ, складывались и штукатурились стѣны и проч.

9. *Противъ этого правила въ школахъ прогнѣшается двоякимъ образомъ:*

I. Не избирается надлежащее время для упражненія умственныхъ способностей;

II. Упражненія не такъ тщательно распределяются, чтобы все постепенно шло впередъ, съ одной ступени на другую.

Ибо, пока мальчикъ еще младенецъ, его не слѣдуетъ обучать, потому что корень познанія (*intellegentiae radix*) лежитъ въ немъ еще слишкомъ глубоко. Образовывать чело-вѣка въ старческомъ возрастѣ было бы слишкомъ поздно, потому что въ этомъ возрастѣ способность познания и память убываютъ. Въ срединѣ жизни образованіе было бы затруднительно, потому что познавательная сила, развлекаемая многими предметами, едва ли могла бы сосредоточиться. Итакъ, пригоднѣе всего отроческій возрастъ, потому что въ это время пробуждаются и сила жизни, и сила разсудка; тогда преуспѣваетъ все и корни легко проникаютъ въ глубину.

10. Итакъ дѣлаемъ заключеніе:

I. *Образованіе чело-вѣка должно начинаться въ весну жизни, т. е. въ отроческомъ возрастѣ.* (Отрочество (*pueritia*) именно похоже на весну, юношенскій возрастъ подобенъ лѣту, воз-мужалый—осени, а старческой—зимѣ).

II. *Утренніе часы представляютъ наиболее пригодное время для занятій* (ибо опять утро соотвѣтствуетъ веснѣ, полдень—лѣту, вечеръ—осѣни, а ночь—зимѣ).

III. *Все подлежащее изученію должно быть такъ распре-дѣляемо, соотвѣтственно ступенямъ возраста, чтобы только то предлагалось для изученія, что доступно воспріятію ученика.*

Основоположеніе второе.

II. *Природа приготавливаетъ себѣ матеріалъ раньше, чѣмъ приступаетъ къ образованію ему формы.*

Птица, напр., имѣя произвести подобное ей существо,

принимаетъ въ себя сначала сѣмя, строить потомъ гнѣздо и кладесть въ него яйцо, наконецъ высиживаетъ его, пока образуется птенецъ и оставить скорлупу.

12. Такъ точно и искусный *строитель*, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ дома, заготавливаетъ сначала массы лѣса, камней, извести, желѣза и другихъ матеріаловъ, дабы потомъ не было замедленія въ работѣ—вслѣдствіе недостатка въ матеріалѣ, и дабы отъ того не страдала прочность постройки.

Подобно тому поступаетъ и *живописецъ*, который—собирается писать картину; онъ приготавливаетъ себѣ сначала полотно, натягиваетъ его на раму, наводитъ на полотно грунтъ, разводитъ краски, раскладываетъ кисти, чтобъ онѣ были подъ рукой, и потомъ уже начинаетъ рисовать.

Равно и *садовникъ*, прежде чѣмъ сажать, заботится о томъ, чтобъ имѣть подъ рукою садъ, отводокъ, черенокъ и всякаго рода инструменты, чтобъ не быть принужденнымъ потомъ во время работы искать нужное и изъ за мелочей портить главное.

13. *Противъ этого правила школы погрѣшаютъ:*

Во первыхъ, *онѣ не заботятся о томъ, чтобы орудія всякаго рода,—книги, доски, прописи и образцы и проч.—находились наготовѣ для немедленнаго употребленія*; если же та или другая вещь оказывается необходимой, то онѣ начинаютъ искать ее, придумываютъ, диктуютъ, списываютъ и проч., что приводитъ къ плачевнымъ результатамъ, особенно если за дѣло примется неумѣлый или нерадивый учитель (а таковыхъ всегда больше); это походить на то, какъ если бы врачъ, когда больному уже надо принять лѣкарство, побѣждалъ бы въ поля и лѣса собирать травы и корни, потомъ варить и дистиллировать ихъ и проч., между тѣмъ какъ лѣкарствамъ слѣдовало бы для каждаго предстоящаго случая находиться уже въ готовности.

14. Во вторыхъ, *въ книгахъ, которыя употребляются въ школахъ, не соблюдается того естественнаго порядка, чтобы сперва сообщался матеріалъ, а за нимъ давалась бы форма*. Почти повсюду происходитъ противное; распредѣленіе вещей (*ord rerum*) предшествуетъ самимъ вещамъ, хотя и невозможно организовать порядокъ тамъ, гдѣ еще не все, что приводится

въ порядокъ, имѣется на лицо. Я покажу это на слѣдующихъ четырехъ примѣрахъ.

15. а) Въ школахъ обучаютъ рѣчи (sermo) раньше вещей (res). Въ теченіе многихъ лѣтъ способности учениковъ заняты изученіемъ словесныхъ искусствъ (artes sermocinatrices) и только, наконецъ, незнаю и когда, допускаютъ ихъ къ изученію реальныхъ предметовъ (studia realia)—математики, физики и т. д.; между тѣмъ какъ вещь и есть сущность (substantia), а слово—случайное (accidens), вещь есть тѣло, слово—одежда; вещи—ядро, слова—скарлупа и шелуха. Слѣдовательно, то и другое надо предлагать человѣческому духу одновременно, но на первомъ мѣстѣ—вещь, и именно—какъ предметъ для познанія и для рѣчи.

16. б) Далѣе, при занятіи даже языками поступаютъ обыкновенно наоборотъ, чѣмъ какъ бы слѣдовало,—а именно: начинаютъ не съ какого-нибудь писателя, или лексикона, составленнаго надлежащимъ образомъ, но съ грамматики; тогда какъ писатели (равно какъ въ своемъ родѣ и словари) даютъ матеріалъ языка, именно слова; грамматика же даетъ только форму, правила для словопроизводства, законы для постановки и соединенія словъ.

17. в) Встрѣтыхъ, въ общемъ кругѣ учебныхъ предметовъ или въ энциклопедіяхъ *) повсюду предпосылаютъ искусства, и уже гораздо позже даютъ науки и познанія, хотя эти послѣднія даютъ матеріалъ, а первыя—формы.

18. д) Наконецъ, предпосылаютъ правила въ отвлеченной формѣ и затѣмъ уже разясняютъ ихъ приводимыми примѣрами, хотя свѣтъ долженъ былъ бы предшествовать тому, что ему назначено освѣщать.

19. Изъ этого слѣдуетъ, что метода съ самаго основанія своего должна быть очищена отъ ошибокъ, для чего необходимо въ школѣ:

*) In disciplinarum orbe, seu encyclo paediis, говоритъ Коменскій первое выраженіе должно быть переводомъ для послѣдняго; впрочемъ, вмѣсто ἐγκυκλίωσις; παιδεία Витрувій и Квинтиліанъ употребляютъ encyclos omnium doctrinarum disciplina. Подъ этимъ выраженіемъ у древнихъ понимались совокупность или кругъ свѣдѣній, наукъ и искусствъ, которыхъ долженъ былъ усвоить себѣ каждый свободный Грекъ—еще въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ, прежде чѣмъ переходить къ подготовленію себя съ какой-нибудь особенной жизненной цѣли, или къ практической дѣятельности въ жизни.

I. Имѣть на—готовѣ книги и всѣ другія нужныя учебныя пособія;

II. Образовывать разсудокъ прежде языка;

III. Ни одинъ языкъ не изучать изъ грамматикъ, но по избраннымъ писателямъ;

IV. Реальныя науки (reales disciplinas) предпосылать формальнымъ (organicas) и

V. Примеры предпосылать правиламъ.

О С Н О В О П О Л О Ж Е Н І Е Т Р Е Т Ь Е .

20. Природа выбираетъ для своей дѣятельности наиболее пригодный предметъ (subjectum), или же предварительно приготавливаетъ его такъ, чтобъ онъ сдѣлался пригоднымъ.

Птица, напримѣръ, кладетъ въ гнѣздо и высиживаетъ—не что первое попадаетъ, но предметъ, изъ котораго можетъ выйти птенецъ, именно яйцо. Если бы въ гнѣздо попалъ камешекъ или что-нибудь другое, то птица выбросила бы его, какъ негодную вещь. Высиживая потомъ яйцо, она согреваетъ заключенное въ немъ вещество столько времени, переворачиваетъ его и даетъ ему преобразоваться, пока птенецъ не будетъ въ силахъ выйти изъ скорлупы.

21. Такъ *строитель* сначала приказываетъ срубить лѣсъ, и притомъ возможно лучший; потомъ высушиваетъ его; затѣмъ обрубаетъ, распиливаетъ; далѣе выравниваетъ мѣсто подъ постройку, очищаетъ его и закладываетъ новый фундаментъ, или поправляетъ и дополняетъ старый, дабы онъ сталъ годнымъ.

22. Равнымъ образомъ и *живописецъ*, если имѣетъ недостаточно хорошее полотно или мало пригодный для его красокъ грунтъ, то, смотря по нуждѣ, онъ старается исправить это, разглаживая, выравнивая полотно и всячески дѣлая его пригоднымъ для употребленія.

23. Такъ точно поступаетъ и *садовникъ*. 1) Онъ выбираетъ наиболее здоровый отпрыскъ плодоноснаго растенія; 2) переноситъ его въ садъ и старательно сажаетъ въ землю; 3) но тотчасъ не беспокоитъ его прививкою, а даетъ ему время укорениться напередъ; 4) и далѣе, прежде чѣмъ приступить къ прививкѣ, онъ срѣзываетъ у него первые побѣги и даже спиливаетъ часть ствола, для того, чтобы ни одна часть сока

не направилась въ какое-либо другое мѣсто, но только къ привѣтому черенку.

24. *Противъ этого правила тоже погрѣшаютъ въ школахъ, не въ томъ однако, что допускаютъ тупоумныхъ и бездарныхъ къ ученью (такъ какъ, по моему мнѣнію, должно бы допускать въ школы все юношество); но*

а) въ томъ, что эти «растенница» не помѣщаютъ въ питомники (plantaria), т. е., что ихъ не вполне отдають школамъ, дабы имѣющіе быть образованными людьми не были выпускаемы изъ заведенія до окончанія образованія;

б) въ томъ, что обыкновенно стараются вытягивать «черенки» наукъ, нравовъ и благочестія, прежде чѣмъ самый «стволъ» успѣлъ пустить корни, т. е., искусственно возбуждается любовь къ ученію въ тѣхъ, которыхъ не одушевляетъ еще къ тому сама природа;

в) въ томъ, что передъ пересадкою не срѣзаваютъ молодые побѣги или корневые отрѣзки, т. е., не освобождаютъ умы отъ излишнихъ занятій, разумно сдерживая ихъ дисциплиной и приучая ихъ къ порядку.

25. Итакъ, послѣ сказаннаго слѣдуетъ:

I. *Всякій, кого отдають въ школу, долженъ пробыть въ ней до конца курса.*

II. *Приступая къ изученію всякаго предмета, напередъ слѣдуетъ предрасположить къ нему умы учениковъ.* (Богѣе подробно объ этомъ сказано будетъ въ слѣдующей главѣ, основ. IV.)

III. *Слѣдуетъ устранять все препятствія для учащихся.*

Ибо ни къ чему не послужить предписывать правила, говорить Сенека, если предварительно не будутъ устранены препятствія для ихъ выполненія. (Но и объ этомъ также въ слѣдующей главѣ).

ЧЕТВЕРТОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

26. *Природа не смѣшивается въ своихъ твореніяхъ, но раздѣльно развивается въ каждой своей части.*

Напримѣръ, когда она образуетъ птицу, то въ одно время организуетъ кости, жилы и нервы; въ другое время утолщаетъ мясо; въ третій періодъ покрываетъ животное кожей; затѣмъ одѣваетъ его перьями, учить летать и т. д.

27. Когда *строитель* кладетъ фундаментъ, то онъ не выводитъ въ одно и тоже время и стѣны, а тѣмъ болѣе не кроетъ крышу; но все это дѣлаетъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

28. Также поступаетъ и *живописецъ*; онъ не рисуетъ временно двадцать или тридцать картинъ, но только на одну устремляетъ вниманіе. Ибо если онъ, можетъ быть, въ промежутки работъ и набрасываетъ эскизы для другихъ картинъ или вообще занимается ими иногда, то все же одна какая-нибудь остается его главною работою.

29. Подобно тому поступаетъ и *садовникъ*, который не вмѣстѣ садитъ многіе отростки, но по одиночкѣ, одинъ послѣ другого,—для того чтобы ни самаго себя не спутать, ни повредить дѣятельности природы.

30. Въ школахъ же господствовало заблужденіе—набивать головы учениковъ сразу множеству предметовъ; напр., сразу обучаютъ латинской и греческой грамматикѣ, можетъ быть,—также реторикѣ и піитикѣ, и чему еще не учатъ? Ибо кому—неизвѣстно, что въ школахъ на урокахъ почти съ каждымъ часомъ въ теченіи цѣлаго дня мѣняется матеріалъ занятій и упражненій? Но, спрашиваю я, что же такое путаница, если этотъ порядокъ не путаница? Если бы сапожника принялся одновременно готовить шесть-семь сапоговъ, то все же онъ долженъ былъ бы брать въ руки и отдѣлывать одинъ сапогъ за другимъ. Или когда пекаръ сажаетъ въ печь нѣсколько хлѣбовъ и вынимаетъ ихъ оттуда, неужели отдѣльные хлѣбы по нѣскольку разъ должны быть сажаемы и вынимаемы? И кто бы такъ дурачился? Сапожникъ, пока не кончитъ одинъ сапогъ, навѣрное за другой не возьмется; пекаръ не станетъ сажать въ печь другіе хлѣбы, прежде чѣмъ не испеклись посаженные прежде.

31. Итакъ будемъ подражать имъ и остережемся утруждать диалектикою тѣхъ, кто занимается грамматикою, беспокоить реторикою—изучающихъ диалектику; и если мы обращаемъ наше прилежаніе на латинскій языкъ, то греческій пусть подождетъ, и т. д; иначе—предметы задерживали бы другъ друга, ибо мышленіе, направленное на многіе предметы заразъ, ослабляется для каждаго предмета въ отдѣльности. «Этого не упускалъ изъ виду ученый *І. Скалигеръ*»), о кото-

*) Иосифъ Юстусъ *Скалигеръ* жилъ въ 2-ой половинѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, во франціи; онъ отличался громадною ученостію и свѣдѣніями въ

ромъ разсказываютъ, что онъ (можетъ быть, по совѣту своего отца) не занимался никогда болѣе—чѣмъ однимъ научнымъ предметомъ, и на немъ сосредоточивалъ въ одно время всѣ свои духовныя силы. Потому и случилось, что онъ изучилъ одинъ за другимъ не только четырнадцать языковъ, но науки и искусства, на сколько ихъ могъ вмѣстить человѣческій духъ, и казалось—былъ со всѣми науками основательнѣе знакомъ, чѣмъ даже тѣ, которые изучаютъ отдѣльныя специальности. И кто пробовалъ идти по этимъ слѣдамъ, тотъ не напрасно дѣлалъ опытъ.

32. Птакъ, въ школахъ должно принять за правило, *чтобы ученики въ одно время занимались только однимъ учебнымъ предметомъ.*

Пятое основоположеніе.

33. *Во всякой дѣятельности своей природа начинаетъ работу изнутри (ab intimis).* Напримѣръ. Образую *птицу*, природа производитъ сначала не когти, перья или кожу, но внутреннее существо ея; наружное же образуетъ послѣ, въ свое время.

34. Такъ и *садовникъ*—не прилѣпляетъ черенки снаружи къ корбѣ, и не прививаетъ ихъ къ верхней поверхности дерева; но дѣлаетъ разщелину въ самомъ стволѣ растенія—сквозь сердцевину его, всаживаетъ возможно глубже въ надрѣзъ хорошо приготовленный прививокъ, обматываетъ плотно и заклеиваетъ щели, чтобы сокъ дерева ни въ одномъ мѣстѣ не могъ проходить наружу и чтобы сердцевина прививки тотчасъ же воспринимала его, а растеніе сообщало бы ему всю свою силу для дальнѣйшаго роста.

35. Такимъ же образомъ *дерево* впитываетъ въ себя дождь небесный и влагу земную, которыми питается,—всасывая ихъ не наружными частями, не корою, но проводя въ себя пищу черезъ находящіяся внутри его поры. По этому садовникъ заботится поливать не сучья, но корни; животныя также—для переваренія пищи пользуются не внѣшними членами, но желудкомъ, который, переваривъ пищу, разсылаетъ ее по всему

классической и восточной литературахъ, такъ же какъ и его отецъ, котораго сынъ впрочемъ превзошелъ въ тщеславіи и страсти спорить.

тѣлу. Если подобнымъ образомъ и образователь юношества будетъ преимущественно заботиться о «корнѣ» познанія *), о *разсудкѣ*, то жизненная сила легко сообщится и стволу, *памяти*, а вслѣдъ затѣмъ не замедлятъ появиться, наконецъ, «листья и цвѣты» — свободное употребленіе языка и умѣнье пользоваться вещами.

36. *По этому погрѣшаютъ тѣ учителя*, которые думаютъ образовать вѣренное имъ юношество обильной диктовкой и заучиваніемъ на память, безъ тщательнаго разъясненія предметов **). Далѣе, тѣ, которые и желали бы давать разъясненія, не умѣютъ сохранять мѣру; ибо не знаютъ искусства — какъ осторожно обнажать корни и какъ удачно прививать «черенки наукъ» (*doctrinarum furculi*). При такой методѣ — они такъ измучиваютъ учениковъ, какъ если бы кто, желая сдѣлать надрѣзъ въ растеніи, употребилъ, вмѣсто ножечка, дубину или колотушку.

37. И потому —

I. *во первыхъ — слѣдуетъ образовать разсудокъ для пониманія вещей, во вторыхъ — память — и, третѣихъ, языкъ и руку.*

II. *Учитель долженъ имѣть въ виду и сообразно съ обстоятельствами примѣнять всѣ пути для раскрытія познанія. (Это послѣдуемъ въ послѣдующей главѣ).*

Шестое основоположеніе.

38. *Природа начинаетъ свою организацию съ общаго и кончаетъ частностями.*

Напримѣръ, если она хочетъ вывести изъ яйца *птицу*, то творить или образуетъ сначала не голову, или глазъ, или перо, или когти, но согрѣваетъ все содержимое яйца; далѣе, возбуждая движеніемъ теплоту, она образуетъ во всемъ организмѣ жилы, чтобы обозначились основныя черты цѣлой птицы (именно то, что должно обратиться въ голову, въ ноги, въ крылья и проч.), и только тогда отдѣльныя части получаютъ свою окончательную отдѣлку.

*) Вмѣсто *scientiae radix* — у Лейтбехера стоитъ слово „мудрость“; мы сохраняемъ текстъ подлинника, по возможности, какъ вездѣ.

**) У Коменскаго здѣсь метафора: *sine diligenti rerum enucleatione*; *enucleatio* — выщипываніе; то есть, учителя не умѣютъ высвободить содерженіе преподаваемаго изъ скорлупы, изъ внѣшней оболочки, — формы выраженія и рѣчи.

39. *Строитель* подражаетъ тому же порядку. Сначала составляетъ онъ въ головѣ общій планъ всему строенію, набрасываетъ его рисунокъ на бумагу, или изготовляетъ деревянную модель; затѣмъ приступаетъ къ закладкѣ фундамента и къ возведенію стѣнъ, и наконецъ объединяетъ все это посредствомъ крыши. Только тогда обращаетъ онъ свое вниманіе на тѣ мелочи, которыя служатъ къ окончательной отдѣлкѣ дома, какъ то: двери, окна, перила и проч., лишь напоследокъ—украшенія, раскраску, лѣпную работу, ковры и проч.

40. Такъ же поступаетъ и *живописецъ*. Онъ не съ самаго начала рисуетъ или раскрашиваетъ ухо, глазъ, носъ, ротъ; но сначала дѣлаетъ очеркъ лица (или всего человѣка)—грубымъ углемъ; потомъ, замѣтивъ, что правильная пропорція частей соблюдена, закрѣпляетъ этотъ абрисъ легкими взмахами кисти, но все еще въ общихъ чертахъ. Далѣе означаетъ различія свѣта и тѣни, выводитъ порознь каждую отдѣльную часть и наконецъ украшаетъ все разнообразнѣйшими красками.

41. Подобнымъ же образомъ поступаетъ и *скульпторъ*, желающій изваять статую. Онъ беретъ кусокъ дерева, обрубаетъ его кругомъ, сначала грубо, потомъ нѣсколько тоньше, чтобы обрубкомъ передавалъ уже главные черты статуи; наконецъ, возможно тщательно отдѣлываетъ каждую часть въ отдѣльности, и покрываетъ все красками.

41. Такъ же дѣлаетъ и *садовникъ*, который беретъ только очертаніе дерева (*generalem arboris imaginem*), именно прививной черенокъ (*surculum*); сколько почекъ на немъ, столько же можетъ выйти и главныхъ сучьевъ.

42. Отсюда слѣдуетъ, что ошибочно—съ самаго начала излагать науку въ подробностяхъ, не предпославъ напередъ элементарный общій очеркъ всего знанія, и что никого не должно обучать такъ, чтобы онъ могъ считать вполне достаточнымъ знаніе одной какой-нибудь отдѣльной науки, безъ отношенія ея къ другимъ.

44. Не менѣе ошибочно было-бы обучать искусствамъ, знаніямъ и языкамъ, не предпославъ сперва начальныхъ основаній. Мнѣ припоминается, что когда мы приступили къ изученію діалектики, риторики и метафизики, то насъ тотчасъ завалили пространнѣйшими правилами съ комментаріями и объясненіями на комментаріи, сличеніемъ и спорами авторовъ. Подобнымъ же образомъ преподавался намъ и латинскій языкъ—съ

его неправильными формами, и греческій съ его діалектами, между тѣмъ какъ мы, бѣдные мальчуганы, оставались въ недоумѣніи, не понимая въ чемъ дѣло.

45. Вотъ средство противъ этого безпорядка:

I. *Какъ только мальчики приступаютъ къ изученію наукъ, то съ самаго начала ихъ образованія должны быть заложены въ ихъ духъ основанія для всего обученія*, т. е., распредѣленіе учебнаго матеріала должно быть такъ сдѣлано, чтобы послѣдующія занятія повидимому не приносили ничего новаго, а составляли бы только дальнѣйшее развитіе предъидущаго въ его частностяхъ. Ибо и дерево, хотя бы ему было съ сотню лѣтъ, не производитъ новые сучья, но прежде образовавшіеся сучья распространяются въ новые сучки и вѣтви.

II. *Каждый языкъ, наука или искусство должны быть сначала преподаваемы только въ самыхъ простѣйшихъ началахъ*, дабы ученики сначала пріобрѣли себѣ о нихъ цѣльное общее понятіе (*totalis idea*); затѣмъ уже, для болѣе подробнаго ознакомленія, должны быть сообщаемы имъ *примѣры и правила*, потомъ слѣдуютъ *полныя системы, съ прибавленіемъ уклоненій отъ правилъ*; наконецъ—*коментаріи*, но только въ томъ случаѣ, если они необходимы. Ибо кто усвоить основную идею какой-нибудь вещи, тотъ не будетъ имѣть надобности въ коментаріяхъ; вѣрнѣе всего, что онъ будетъ вскорѣ самъ комментировать.

Седьмое основоположеніе.

46. *Природа не дѣлаетъ скачковъ, но идетъ постепенно впередъ.*

И развитіе молодой *птицы* имѣетъ свои ступени, которыя нельзя ни перескочить, ни переставить, пока наконецъ птичка не пробьетъ стѣнки своей кельи и не выйдетъ изъ нея. Когда это совершится, мать не заставляетъ дѣтенышей тотчасъ же летать и отыскивать себѣ пищу (да птенецъ и не могъ бы этого сдѣлать); она сама кормитъ его, и, согрѣвая его своимъ тѣломъ, ускоряетъ его опереніе. Когда птеничекъ покроется перьями, то и тогда она не сразу гонитъ его изъ гнѣзда—летать, но пріучаетъ его мало по малу, сначала въ самомъ гнѣздѣ, расправлять крылышки, потомъ взбираться на край гнѣзда и взмахивать крыльями, а наконецъ пріучаетъ

его летать и внѣ гнѣзда, но все еще вблизи, сначала съ одной вѣтки на другую, потомъ съ дерева на дерево, а тамъ и съ одной горы на другую. Послѣ такой подготовки—птеничикъ можетъ съ увѣренностью пуститься въ открытое небо*). Смотрите, каждая изъ этихъ отдѣльныхъ ступеней требуетъ своего опредѣленнаго времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизмѣнной послѣдовательности ступеней!

47. Такъ же постепенно идетъ впередъ и *строитель дома*. Онъ начинаетъ работу не съ крыши, и не со стѣнъ, но съ фундамента. И когда заложенъ фундаментъ, то принимается не крышу крыть, но сначала возводить стѣны. Однимъ словомъ: *Какъ въ природѣ все взаимно обуславливается, такъ же точно, а не иначе, и въ обученіи все должно быть соединено между собою.*

48. И *садовникъ* долженъ сохранять постепенность въ своихъ работахъ. Сначала ему надо сыскать дикое деревцо; потомъ вырыть его; пересадить; обрѣзать; разщепить; вставить прививокъ; замазать щели и т. д., и ни одна изъ этихъ ступеней не можетъ быть пропущена, ни одна не можетъ быть исполнена прежде другой. И если требуемая постепенность будетъ соблюдаться при работѣ надлежащимъ образомъ, то едва ли возможно, чтобы дѣло не удалось.

49. Итакъ очевидно, что весьма неразумно поступаютъ учителя, когда они для себя и для своихъ учениковъ располагаютъ научный матеріалъ не такъ, чтобы постоянно одно слѣдовало за другимъ и чтобы каждая часть въ теченіе опредѣленнаго періода времени необходимо была закончена. Ибо если неизвѣстна цѣль, не показаны средства для достиженія цѣли, не установлено и распредѣленіе средствъ, то легко можно что-нибудь пропустить или извратить, и даже запутать дѣло.

50. Итакъ, поэтому:

I. *Вся совокупность научныхъ занятій должна быть тщательно раздѣлена на классы, такъ чтобы предгидущее повсюду приговляло и осѣщало путь послѣдующему.*

II. *Время ученія должно быть съ точностью распредѣлено,*

*) Переводъ Лейтбехера продолжаетъ далѣе: «Точно такъ же совершается и съ питаніемъ птеника: сначала его кормитъ мать, потомъ онъ учится клевать зернышки въ гнѣздѣ, и т. д.» Въ изданіи, которымъ мы пользуемся («Op. Omnia didactica» 1657. Amsterd.), этого дополненія не находится.

такъ чтобы на каждый годъ, на каждый мѣсяцъ, на каждый день, на каждый часъ приходилось свое отдѣльное занятіе.

III. *Распределение времени и работъ должно быть строго соблюдаемо, дабы ничто не было ни пропущено, ни извращено.*

ВОСЬМОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

51. *Если природа что-либо начинаетъ, то она не останавливается до совершеннаго окончанія начатаго.*

Если птица, руководимая инстинктомъ природы, начинаетъ высидывать яйца, то она не оставляетъ ихъ, пока не вылупятся дѣтеныши; если бы она перервала свое сидѣнье хотя на нѣсколько часовъ, то зародышъ въ яйцѣ охолодѣлъ бы и погибъ. Также и сохраняя своихъ вылупившихся птенцовъ въ теплѣ, птица не допускаетъ никакого перерыва, пока не укрѣпятся достаточно въ силахъ и хорошо не оперятся малютки—для того чтобы переносить дѣйствіе открытаго воздуха.

52. И живописецъ, начавши писать картину, не мало думаетъ о томъ, чтобы онъ могъ не отрываясь продолжать работу; ибо такимъ образомъ краски лучше между собою соединяются и крѣпче держатся на полотнѣ.

53. Равнымъ образомъ, и при постройкѣ дома самое лучшее—продолжать работу непрерывно до конца. Въ противномъ случаѣ солнце, дождь и вѣтеръ портятъ сдѣланное, а остальная часть строенія, впоследствии пристроенная, уже не такъ прочно держится; въ разныхъ мѣстахъ образуются иногда трещины, обвалы и разрушеніе цемента.

54. Разумно поступаетъ и садовникъ, когда, принявшись садить растеніе въ землю, не прежде оставляетъ эту работу, какъ только кончивши ее; ибо, если бы онъ пропустилъ время, сокъ стебелька или прививки высохъ бы—и растеніе погибло.

55. Итакъ, не меньше вреда и отъ того, когда дѣти поручаются школѣ на мѣсяцы и годы, а потомъ въ теченіе нѣкоторыхъ промежутковъ времени задерживаются другими дѣлами дома. Также, если учитель начинаетъ заниматься съ ученикомъ то тѣмъ, то другимъ предметомъ, но серьезно не доведетъ изученіе ни одного предмета до конца. Столько же вредно, наконецъ, если онъ не назначаетъ себѣ чего-либо опредѣленнаго на извѣстные часы и не проходить предположеннаго въ свое время, такъ чтобы съ окончаніемъ изученія от-

дѣльных частей предмета, былъ замѣтенъ успѣхъ. Гдѣ недостаеъ подобнаго огня возбужденія (fervor), тамъ остываетъ все. Не даромъ существуетъ пословица: «Куй желѣзо—пока горячо» *); ибо если дать ему остыть, токовка будетъ безуспѣшна; надо будетъ, снова введя желѣзо въ огонь, раскалить его, а при этомъ навѣрное потеряется и время, и желѣзо. Ибо чѣмъ чаще раскаляютъ желѣзо, тѣмъ болѣе теряется его вещество.

56. Слѣдовательно:

I. *Порученный школь ребенокъ долженъ оставаться въ ней до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ нея наученнымъ, нравственно развитымъ и религіознымъ человекомъ.*

II. *Школа должна находиться въ спокойной мѣстности, удаленной отъ шума и развлеченій.*

III. *Что должно быть выполняемо сообразно съ принятымъ планомъ, то пусть и будетъ выполняемо безъ перерыва.*

IV. *Ни подъ какимъ предлогомъ и никому не слѣдуетъ дозволить манкировки и уклоненій отъ уроковъ.*

Девятое основоположеніе.

Природа тщательно избѣгаетъ всего, что противно ей и вредно.

Птица, согрѣвающая яйца посредствомъ высиживанія, не допускаетъ до нихъ ни рѣзкаго вѣтра, ни дождя, ни града. Она также отгоняетъ змѣй, хищныхъ птицъ и другихъ враговъ.

58. *Строитель, насколько возможно, сохраняетъ въ сухомъ мѣстѣ лѣсъ, кирпичъ, известь, и принимаетъ мѣры, чтобы едва выстроенное зданіе не было попорчено или сломано.*

59. *Живописецъ предохраняетъ вновь написанную картину отъ холоднаго вѣтра, отъ слишкомъ большаго жара, отъ пыли, отъ прикосновенія руками.*

60. *Сберегая молодое растеніе, чтобы коза или заяцъ не ощипали и не вырвали его, садовникъ ограждаетъ его жердочками или плетнемъ.*

61. *Поэтому, неблагоразумно поступаютъ учителя, если при самомъ началѣ изученія какого нибудь предмета сообщаютъ юношеству и отрицательныя мнѣнія (controversa) о немъ, т. е*

*) „Ferrum dum calet cudendum esse“.

если возбуждаютъ сомнѣніе къ какой-нибудь вещи, которая еще должна быть предварительно постигнута умомъ. Ибо не тоже ли это самое, что разшатывать растеньеце, которое только что собирается пустить корни? Совершенно справедливо пишетъ *Гуго*: «Никогда не достигнеть научнаго познанія истины тотъ, кто начнетъ ученіе съ отрицанія.» Не будетъ успѣха и въ томъ случаѣ, если юношество не будетъ удаляемо отъ дурныхъ, ошибочныхъ, плохо написанныхъ книгъ, а также и отъ дурнаго товарищества.

62. Поэтому, рекомендуется слѣдующее:

I. *Не надо для учениковъ другихъ учебныхъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя употребляются въ классъ.*

II. *Эти книги должны быть такъ написаны, чтобы они по справедливости могли быть орудіями *) для усвоенія дѣтямъ мудрости, нравственности и благочестія.*

III. *Дурное товарищество не должно быть терпимо ни въ школѣ, ни рядомъ съ школой.*

63. Если все это будетъ тщательно соблюдаться, то едва ли возможно, чтобы школы не достигли своей цѣли.

Глава XVII.

Основные начала легкости обученія и ученія.

1. Мы рассмотрѣли, какими средствами образователь юношества могъ бы *вѣрно* достигнуть своей цѣли; теперь посмотримъ—какъ слѣдуетъ тѣже самыя средства примѣнять—чтобы образованіе духа было *легко* и *пріятно*.

2. Изслѣдуя пути природы, убѣждаемся, что обученіе юношества пойдетъ *легко*,—

I. *если она начнется своевременно, прежде чѣмъ умъ испытаетъ затемненіе;*

*) Въ текстѣ *infundibula*, что значить воронки, лейки, посредствомъ которыхъ вливають жидкость въ сосудъ. Выраженіе, очевидно, образное, по аналогіи съ назначеніемъ учебниковъ, посредствомъ которыхъ дѣтямъ сообщаются познанія. Мы взяли болѣе общее выраженіе, которое однако соотвѣтствуетъ тексту. У Лябехера мѣсто это переведено парафразомъ, а у Бэгера — буквально то и другое не соотвѣтствуетъ ни цѣли рѣчи, ни существу дѣла, такъ какъ сравненіе, взятое Коменскимъ въ данномъ случаѣ, нельзя назвать вполне удачнымъ.

II. если ему будетъ предшествовать необходимая умственная подготовка;

III. если въ обученіи будутъ идти: отъ общаго къ частному и

IV. отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному;

V. если ученики не будутъ обременяемы чрезмѣрнымъ количествомъ уроковъ;

VI. если во всемъ не спѣша будутъ идти впередъ;

VII. если умы не будутъ обучаемы по принужденію, но по свободному стремленію ихъ, сообразно ихъ возрасту и способу ученія;

VIII. если все будетъ преподаваемо при посредствѣ вѣншихъ чувствъ;

IX. если будетъ преподаваться только полезное для жизни—и

X. если все будутъ идти впередъ по одной и той-же постоянной методѣ.

Такъ, говорю я, слѣдуетъ поступать, чтобы обученіе шло легко и пріятно. Впрочемъ, пойдемъ теперь по слѣдамъ самой природы.

ПЕРВОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

3. Природа избираетъ чистую матерію (*materia pura sumitur*) для своей дѣятельности.

Птица высиживаетъ только свѣже-снесенныя яйца, заключающія въ себѣ непремѣнно чистое вещество; если образованіе молодой птицы уже раньше началось, то напрасно было-бы надѣяться на успѣшное высиживаніе.

4. Такимъ же образомъ и архитекторъ, желающій выстроить зданіе, долженъ имѣть для этого свободное мѣсто, или-же если приходится строить на мѣстѣ прежняго зданія, то по необходимости долженъ предварительно разломать послѣднее.

6 Живописецъ пишетъ картину предпочтительнѣе на чистой доскѣ. Если же на ней было уже что нибудь нарисовано, или она запачкана, или если она непригодна по шероховатости, то ее слѣдуетъ сначала вычистить и выровнять.

6. Если кто намѣревается сохранить драгоценныя лекарства, тотъ долженъ имѣть новые, или по крайней мѣрѣ очищенные отъ прежняго содержимаго—сосуды.

7. Садовникъ охотнѣе сажитъ молодыя растенія; если же онъ беретъ старыя, то долженъ напередъ отрѣзать отъ нихъ

старыя вѣтви и такимъ образомъ отнять отъ нихъ всякую возможность отвлекать сокъ отъ новыхъ побѣговъ. Въ этомъ и заключается причина, почему Аристотель помѣстилъ *privatio* (удаленіе, отдѣленіе) между началами (*principia*) вещей; онъ именно считалъ невозможнымъ придавать веществу новую форму, прежде чѣмъ не будетъ уничтожена прежняя.

8. Изъ этого слѣдуетъ, *во-первыхъ*, что лучше всего посвящать человѣка изученію мудрости—когда умъ его еще не привыкъ отвлекаться посторонними занятіями. И *чѣмъ позже* начинается *образованіе*, *тѣмъ труднѣе* будетъ оно совершаться, ибо душа тогда бываетъ занята другими вещами. *Во-вторыхъ*, не можетъ быть хорошаго успѣха, если мальчика будутъ обучать одновременно множество учителей, ибо едва-ли возможно, чтобы всѣ они держались одной и той же формы обученія, вслѣдствіе чего молодые умы направляются то вперед—то назадъ—и задерживаются въ своемъ развитіи. *Въ-третьихъ*, учителя поступаютъ неумѣло, когда, приступивъ къ образованію болѣе взрослыхъ дѣтей и юношей, начинаютъ не съ нравственнаго воспитанія, то-есть не заботятся, чтобы, обуздавъ чувства, они были воспріимчивы и ко всему другому. Укротители лошадей держатъ ихъ сначала въ повиновеніи удилами—и дѣлаютъ послушными, образуя въ нихъ ту или другую поступь. Потому справедливо говорить Сенека: «Изучай сначала нравственность, потомъ мудрость, такъ какъ послѣдняя безъ первой съ трудомъ можетъ быть усвоена». И Цицеронъ: «Моральная философія дѣлаетъ умы воспріимчивыми для посѣва» и проч.

9. Итакъ:

I. Пусть образованіе юности начинается раньше.

II. Пусть ученикъ имѣетъ по одному и тому же предмету только одного учителя.

III. Прежде всего должны быть приведены въ гармонію нравы, по руководству образователя.

Второе основоположеніе.

10. Природа такъ предрасполагаетъ сначала вещество, чтобы оно стремилось къ усвоенію формы.

Довольно сформировавшійся уже въ яйцѣ птенецъ стремится къ дальнѣйшему развитію,—онъ движется и разбиваетъ

скорлупу. Освободившись изъ своей темницы, онъ радостно согрѣвается матерью и питается отъ нея, съ жадностью открываетъ клювъ и проглатываетъ приносимый ему кормъ; онъ радуется, когда его отпускаютъ на волю въ небесный просторъ; радуется, когда приучаютъ взмахивать крыльями, а вслѣдъ затѣмъ и дѣйствительно летать; короче, онъ жадно, хотя и постепенно, стремится ко всему, къ чему чувствуется природное побужденіе.

4. Точно также и *садовника* долженъ заботиться, чтобы растение, снабженное согласно его потребности влагою и жизненною теплотою, само развивалось успѣшно.

12. *Поэтому со вредомъ для дѣтей поступаютъ тѣ которые насильно принуждаютъ ихъ къ ученію.* Ибо чего должны мы въ концѣ концовъ ожидать отсюда? Если желудокъ, не имѣя аппетита, принимаетъ пищу, и ее заставляютъ принимать насильственно, то въ результатѣ нпчего другого не будетъ какъ тошнота и рвота, или по крайней мѣрѣ дурное пищевареніе; нездоровье. На противъ, что принимаетъ голодный желудокъ, то онъ съ удовольствіемъ воспринимаетъ, хорошо перевариваетъ и все превращаетъ въ кровь и мясо. Потому и говоритъ Исократъ: «Кто любознателенъ, тотъ и многому научится». И Квинтилианъ: «Ученіе заключается въ желаніи учиться, чего нельзя достигнуть принужденіемъ».

13. Такимъ образомъ

I. *Должно всѣми средствами возбуждать въ дѣтяхъ, расположеніе къ знанію и охоту къ ученію.*

II. *Способъ обученія долженъ облегчать трудъ ученія того, дабы не было что не нравилось бы ученикамъ и отвращало бы ихъ отъ дальнѣйшихъ занятій.*

14. Ревность же къ ученію возбуждается и поддерживается родителями, учителями, школою и самими предметами обученія методами и школьнымъ начальствомъ.

15. а) *Родители* возбуждаютъ въ дѣтяхъ охоту учиться, когда они въ присутствіи дѣтей отзываются съ похвалами объ ученіи и ученыхъ людей; когда они поощряютъ дѣтей къ прилежанію и общаются имъ хорошія книги, платья или какія нибудь другія хорошенькія вещи; если родители съ уваженіемъ отзываются объ учителѣ (въ особенности о томъ, которому они поручили ребенка), какъ въ отношеніи превосходства его обученія, такъ и въ отношеніи гуманности обра-

щенія его съ учениками (*любовь и восхищеніе* суть именно тѣ чувства, которыя сильнѣе всего вызываютъ стремленіе къ подражанію); наконецъ, если они иногда посылаютъ къ учителю учениковъ съ какимъ-нибудь порученіемъ или съ какимъ нибудь небольшимъ подаркомъ и т. п.;—такимъ образомъ они легко произведутъ то, что дѣти искреннѣе полюбятъ какъ ученіе, такъ и самого учителя.

16. b) *Учители* возбуждаютъ дѣтскую любознательность, если они снисходительны и ласковы съ учениками, если они не отвращаютъ отъ себя сердца учениковъ своимъ мрачнымъ характеромъ, но привлекаютъ ихъ къ себѣ отеческимъ расположеніемъ, манерами, словами; если, приступая къ занятіямъ, учитель раскроетъ превосходство, пріятность и легкость ихъ; если учителя иногда поощряютъ похвалою наиболѣе прилежныхъ (а маленькимъ дѣтямъ раздаютъ яблоки, орѣхи, сахаръ и т. п.); если они приглашаютъ учениковъ къ себѣ на домъ и тамъ, а также и въ класной комнатѣ, показываютъ и объясняютъ *картины*, изображающія то, что имъ впослѣдствіи придется изучать, *оптическіе* или *геометрическіе инструменты*, *глобусы* и другія подобныя вещи, которыя могутъ привести дѣтей въ восхищеніе; далѣе, если они иногда чрезъ дѣтей доводятъ до свѣдѣнія родителей какое-нибудь извѣстіе;—однимъ словомъ, если они обращаются съ учениками дружески и ласково, то легко расположатъ къ себѣ сердца ихъ, такъ что дѣти охотнѣе даже, можетъ быть, будутъ оставаться въ школѣ, чѣмъ дома.

17. c) Самая *школа* должна быть пріятнымъ мѣстомъ, извнѣ и внутри, привлекательнымъ для зрѣнія. *Внутри* она должна представлять свѣтлую, чистую комнату, повсюду украшенную картинами, портретами знаменитыхъ людей, или ландшафтами, либо изображеніями историческихъ событій, или образчиками орнаментовъ. Внѣ же школы должно находиться просторное *мѣсто* для прогулокъ и игръ (ибо въ этомъ никакъ не слѣдуетъ отказывать дѣтямъ, какъ это будетъ доказано ниже, въ своемъ мѣстѣ) и кромѣ того *садъ*, въ который слѣдуетъ иногда допускать учениковъ, вызывая въ нихъ наслажденіе видомъ деревьевъ, цвѣтовъ и растений. Если дѣло будетъ устроено такимъ образомъ, то ученики, по всей вѣроятности, будутъ ходить въ школу съ неменьшимъ удоволь-

ствиѣмъ, какъ и на рынокъ. гдѣ они всегда надѣются уви-
дѣть или услышать что-нибудь новое.

18. д) *Предметы* обученія привлекаютъ юношество, если
они соотвѣтствуютъ познавательной силѣ извѣстнаго возра-
ста, могутъ быть точно усвоены, и сопровождаются иногда ве-
селыми, или, по крайней мѣрѣ, не очень серьезными, но всег-
да занимательными объясненіями. Это и значитъ «соединять
пріятное съ полезнымъ».

19. е) *Самая же метода преподаванія*, чтобы вызывать охо-
ту къ ученію, должна быть, во первыхъ, *естественною*. Ибо
то, что естественно, само по себѣ хорошо и успѣшно при-
нимается. Воду нѣтъ надобности принуждать течь внизъ; сто-
ить только устранить плотину, или вообще то, что ее сдер-
живаеъ, и она немедленно потечетъ внизъ. Также и пти-
цу нѣтъ надобности принуждать вылетать изъ клѣтки,—сто-
ить только отворить послѣднюю. Ни глазъ, ни ухо не тре-
буютъ принужденія обращаться къ прекрасной картинѣ, къ
пріятной мелодіи, какъ только они завидятъ первую, или за-
слышатъ вторую; въ подобныхъ случаяхъ скорѣе встрѣчает-
ся надобность сдерживать, чѣмъ побуждать. А что можетъ
быть названо естественною методою, то должно быть яснымъ,
изъ предшествующей главы, а также и изъ послѣдующихъ
правилъ.

Во вторыхъ, метода, чтобы привлекать умы, должна быть
разумно смягчена, такъ именно, чтобы все, даже и серьезное.
преподавалось дружескимъ и разговорнымъ образомъ, именно
въ формѣ живой бесѣды, или задачъ,—въ формѣ загадокъ, или,
наконецъ, въ формѣ притчей и басенъ *). Но объ этомъ по-
дробнѣе будетъ сказано въ свое время.

*) *Aenigmatica concertatio* Лейтбехеръ переводитъ вольно: «если по вре-
менамъ даются для разрѣшенія загадки»,—но тутъ понимается не самое зада-
ваніе загадокъ, а способъ постановки вопросовъ и задачъ для рѣшенія учени-
ками со стороны учителя, при чемъ спрашивается не просто,—сухо о какомъ-
нибудь предметѣ, свойствѣ и проч., но искомое облачается въ образъ, изъ ко-
раго, подобно тому какъ въ загадкѣ, вопрошаемый посредствомъ отысканія со-
крытыхъ подобій, сравненій, долженъ опредѣлить предметъ. Цѣлью такой ме-
тоды должно быть возбужденіе въ дѣтяхъ, остроумія находчивости, соображе-
нія, и вмѣстѣ съ тѣмъ—пробужденіе свѣжей умственной дѣятельности. Притчи,
басни или аллегоріи имѣютъ тоже образовательно-педагогическое значеніе.

Прилож. къ журн. «Семья и Шк.».

20 f) *Начальство* и попечители (curatores) школы могут воспламенить рвеніе учениковъ, если они присутствуютъ на каждомъ публичномъ актѣ (все равно, будетъ ли такой актъ имѣть цѣлью упражненія, напр.: декламацию, диспуты, или испытанія успѣховъ и раздачу наградъ) и сами высказываютъ прилежнымъ ученикамъ похвалы и раздаютъ маленькіе подарки.

ТРЕТЬЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

21) *Природа выводитъ все изъ началъ, по объему незначительныхъ, но важныхъ по силѣ.*

Напр. то, изъ чего должна образоваться *птица*, концентрировано въ клѣточкѣ и окружено скорлупою, дабы удобно могло помѣщаться въ материнской утробѣ и легко могло быть согрѣваемо при высиживаніи. Однако, въ сущности въ этой клѣточкѣ заключается вся птица, ибо въ послѣдствіи изъ нея и изъ замкнутой въ ней возможности образуется тѣло птички.

22) Такъ и все *дерево*, какихъ бы размѣровъ оно ни достигло въ послѣдствіи, заключается въ зернѣ, либо въ прививкѣ; если то или другое посадить въ землю, то въ слѣдствіе дѣйствующей внутри ихъ возможности вырастетъ опять цѣлое дерево.

23) *Противъ этого правила въ школахъ обыкновенно погрѣшается.* Именно, большая часть учителей много занимаются тѣмъ, что вмѣсто сѣмени сажаютъ тотчасъ же растеніе, а вмѣсто отводка сажаютъ цѣлое дерево, сообщая, вмѣсто основныхъ началъ, цѣлый хаосъ различныхъ силогизмовъ и даже полныхъ текстовъ. А между тѣмъ, на сколько достовѣрно, что міръ образовался изъ немногихъ элементовъ (хотя и въ различной формѣ), на столько же достовѣрно и то, что обученіе основывается также на весьма немногихъ *началахъ*, изъ которыхъ (при знаніи способовъ ихъ различенія) вытекаетъ безчисленное множество выводимыхъ заключеній,—подобно тому, какъ на деревѣ изъ укрѣпившихся корней могутъ вырасти сотни вѣтвей, тысячи листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ. О, да смиляется Богъ надъ нашимъ вѣкомъ и откроетъ кому-нибудь духовныя очи, дабы онъ вполне проникъ въ взаимную связь вещей и другимъ разъяснилъ бы ее! Съ помо-

щью Божией, думаю я представить свой опытъ въ этомъ дѣлѣ, въ скромной надеждѣ посодѣйствовать моею попыткой тому, чтобы Богъ побудилъ къ болѣе успѣшнымъ попыткамъ и другихъ современниковъ *).

24) Между тѣмъ, отмѣтимъ здѣсь три положенія.

I. *Каждое искусство должно быть заключено въ возможно краткія и точныя правила.*

II. *Каждое правило должно быть выражено въ весьма немногосложныхъ, но ясныхъ словахъ.*

III. *Каждое правило должно сопровождаться обильными примѣрами, дабы ихъ было достаточно для разнообразныхъ примѣненій правилъ.*

ЧЕТВЕРТОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

25) *Природа идетъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному.*

Образованіе яйца начинается не съ твердѣйшихъ частей, не съ скорлупы, но съ содержимаго; что вначалѣ составляло только тонкую оболочку, то впослѣдствіи обращается въ болѣе твердую кору. Птица, которая должна научиться летать, сначала приучается стоять на ногахъ, потомъ шевелить крыльями, размахивать ими, затѣмъ старается подниматься, дѣлая для этого болѣе сильные размахи, и только тогда рѣшается подняться на воздухъ и летѣть.

26) Такъ точно и плотникъ учится сначала срубить дѣрвья, потомъ отесывать ихъ, наконецъ возводить изъ нихъ цѣлыя строенія, и т. д.

27) Слѣдовательно, превратно поступаютъ, когда въ школѣ учатъ чему-нибудь неизвѣстному посредствомъ столь же неизвѣстнаго, какъ это и бываетъ,

I. *Когда начинающимъ изучать латинскій языкъ сообщаютъ*

*) Этотъ опытъ, къ сожалѣнію, дошелъ до насъ только въ отрывкахъ главные же труды Коменскаго въ этомъ дѣлѣ погибли въ пожарѣ. Коменскій хотѣлъ выработать общую энциклопедію человѣческихъ знаній, которая, концентрически раскрываясь, соответствовала бы системѣ школы. Трудъ этотъ авторъ называлъ *пансофіей*, то есть, всеобщей мудростью, а здѣсь указываетъ на извлеченіе или сокращеніе ея (*Pansophiae Christianae Synopsis*). Идея Коменскаго и до нынѣ еще ждетъ своего рѣшенія, составляя одну изъ глубокихъ и великихъ задачъ для современной педагогикъ.

ся правила на латинскомъ же языкѣ, подобно тому, какъ если бы вздумали объяснять правила еврейскаго языка на еврейскомъ же языкѣ, а арабскаго—на арабскомъ.

II. Когда тѣмъ же новичкамъ дадутъ въ пособіе латинско-русскій словарь *), между тѣмъ какъ должно было бы поступать наоборотъ. Ибо они вѣдь добиваются не того, чтобы изучить русскій языкъ съ помощью латинскаго, но изучить латинскій языкъ; слѣдовательно, посредствующимъ долженъ быть родной языкъ, какъ уже извѣстный (объ этой неправоности подробнѣе см. въ XII главѣ);

III. Когда къ ребенку приставляютъ иностраннаго учителя, незнакомаго съ роднымъ языкомъ ученика. Ибо если учитель и ученикъ лишены общаго средства для разумѣнія другъ друга и могутъ понимать другъ друга только съ помощью мимики и догадокъ; то не есть ли это «вавилонское столпотвореніе!»

IV. Также составляетъ уклоненіе отъ правильнаго способа обученія, когда по однимъ и тѣмъ же грамматическимъ правиламъ (напр., Меланхтоновымъ или Рамусовымъ *) обучаютъ юношество всѣхъ народовъ (напр. юношество французское, нѣмецкое, богемское, польское, венгерское и проч.), тогда какъ каждый изъ этихъ языковъ занимаетъ свое особенное и совершенно своеобразное положеніе въ отношеніи къ латинскому языку,—положеніе, на которое должно быть обращено вниманіе, если мы хотимъ сдѣлать существо латинскаго языка легко понятнымъ для учениковъ.

28) Эти ошибки будутъ устранены,

I. Если учитель и ученики будутъ говорить на одномъ и томъ же языкѣ.

*) Въ текстѣ *Lexicon latino-vernaculum*, т. е. латинскій съ переводомъ на родной языкъ; нѣмцы переводятъ: латинско-нѣмецкій, а мы, съ одинаковымъ правомъ, перевели латинско-русскій.

*) «Rameis» — такъ названы правила грамматики, по имени Pierre de la Ramée (латинизированнаго въ Petrus Ramus). Рамусъ занималъ въ половинѣ XVI стол. при парижскомъ университетѣ катедры математики и гуманитарныхъ наукъ. Въ числѣ его сочиненій находятся также учебники греческаго и латинскаго языковъ, которые во время Коменскаго были въ большомъ употребленіи. Рамеё, многократно испытывавшій изъ-за своего философскаго направленія много нападокъ отъ представителей католицизма, палъ жертвою фанатической ихъ ярости, въ Варолюмеевскую ночь, 24 августа 1572 года.

II. Если все вещественныя объясненія будутъ совершаться также на родномъ языкѣ.

III. Если грамматики и словари будутъ приспособлены къ тому языку, съ помощью котораго долженъ быть изученъ незнакомый языкъ (напр. латинская грамматика къ русскому языку, греческая къ латинскому и т. д.).

IV. Если изученіе новаго языка идетъ впередъ постепенно, и притомъ такъ, что ученикъ приучается сначала понимать (ибо это легчайшее), потомъ писать (причемъ дается время на предварительное размышленіе) и наконецъ говорить (что всего труднѣе, такъ какъ говорить приходится безъ приготовленія).

V. Если, при соединеніи латинскаго языка съ роднымъ, послѣдній предшествуетъ, какъ болѣе извѣстный, латинскій же слѣдуетъ за роднымъ.

VI. Если самый матеріалъ постоянно такъ группируется, что ученики научаются познавать сначала ближайшее къ нимъ, потомъ недалеко лежащее, потомъ отдаленное, и наконецъ самое отдаленное. Поэтому, если ученикамъ преподаются въ первые уроки напр., логика, риторика и проч., то пояснять ихъ слѣдуетъ не такими примѣрами, которые далеки отъ познавательныхъ силъ учениковъ, напр., богословскими, политическими, поэтическими примѣрами и проч.; но такими, которые были бы заимствуемы изъ окружающей жизни. Въ противномъ случаѣ, ученики не поймутъ ни самаго правила, ни примѣненія его.

VII. Если сначала будутъ упражняемы внѣшнія чувства (ибо это всего легче) учениковъ, потомъ память, далѣе пониманіе, и наконецъ сужденіе. Такимъ именно образомъ соблюдается постепенная послѣдовательность; ибо всякое знаніе беретъ свое начало въ созерцаніи посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, потомъ переходитъ черезъ воображеніе въ память; чрезъ разсмотрѣніе частныхъ образовъ далѣе уразумѣніе совокупнаго понятія, и наконецъ изъ достаточно познанныхъ вещей, какъ завершеніе знанія, возникаетъ сужденіе.

Пятое основоположеніе.

29) Природа чрезмерно не обременяетъ себя, она довольствуется немногимъ.

Напримѣръ, она не требуетъ, чтобъ одно *яйцо* производило двухъ птенцовъ; она довольна, если и одинъ хорошо выведется.

Садовникъ не прививаетъ къ одному стебельку нѣсколько черенковъ, но самое большее—пару, и то если окажется особенно крѣпкій стволъ.

30) Слѣдовательно, для духа послужить разсѣяніемъ, если ученикамъ предлагается различное въ одно и тоже время, какъ напр., грамматика, діалектика, можетъ быть, и риторика, піитика, греческій языкъ и проч., въ теченіе одного года (см. предшествующую главу, основ. 4).

ШЕШТОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

31) *Природа не торопится, но идетъ медленно впередъ.*

Птица—не бросаетъ яйца въ огонь, для болѣе скорой выводки птенцовъ; но вызываетъ ихъ къ жизни—согрѣвая медленно естественною теплотою; также не обкармливаетъ она птенцовъ—пищею, чтобы скорѣе довести ихъ до зрѣлости (ибо отъ этого они скорѣе передохли бы); но даетъ имъ пищу постепенно и осторожно, въ такомъ количествѣ, въ какомъ можетъ переработать ихъ еще совершенно слабое пищевареніе.

32) Такъ точно и *строитель* не ставитъ преждевременно на фундаментъ стѣны, а на стѣны крышу, пока фундаментъ еще не высохъ, не уплотнился и не осылъ подъ тяжестью, иначе грозило бы паденіе дому. Поэтому, большія строенія, построенныя изъ плиты или кирпича, не могутъ быть окончены въ теніе одного года: имъ долженъ быть данъ соотвѣтственный промежутокъ времени для осадки.

33) И *садовникъ* не требуетъ, чтобы какое-нибудь растеніе выросло тотчасъ же, въ теченіе одного мѣсяца, или принесло бы плоды въ теченіе одного года. Поэтому онъ не тревожитъ его, не поливаетъ его ежедневно, также не грѣетъ растеніе—окружая его огнемъ, или обсыпавъ негашеною извѣстью, — но довольствуется тѣмъ, сколько влаги даетъ небо, сколько тепла даетъ солнце.

34) Поэтому, для юношества служить пыткой:

1. Если на него возлагается ежедневно шесть, семь и даже

восемь часовъ—для обученія и упражненій въ школѣ, и кромѣ того дается еще нѣсколько частныхъ уроковъ.

II. Если юношество обременяютъ до отвращенія и даже до сѣумасшествія (*ad nauseam usque aut etiam delirium*), какъ это мы такъ часто видимъ, писаніемъ подъ диктовку, составленіемъ упражненій и чрезмѣрными уроками для выучиванія на память. Если бы кто захотѣлъ въ маленькій сосудъ съ узкимъ отверстіемъ (съ чѣмъ можно сравнить дѣтскія головы *)—не по каплямъ вливать какую нибудь жидкость, но насильно и разомъ всю влить ее, то къ чему бы это послужило? Навѣрное, большая часть жидкости пролилась бы, а въ сосудъ попало бы гораздо менѣе, чѣмъ если бы онъ наливался по немногу. Не менѣе безразсудно поступилъ бы тотъ учитель, который вздумалъ бы учить учениковъ не въ той мѣрѣ, сколько они могли бы усвоить, но въ какой ему хочется; *ибо (молодые) силы требуютъ поддержки, а не угнетенія, и образователь юношества, подобно врачу, есть только слуга природы, а не господинъ ея.*

35) И такъ, тотъ создастъ ученикамъ легкость ученія и разовьетъ охоту къ нему,

I. Кто для класснаго преподаванія назначаетъ возможно меньшее количество часовъ, именно четыре, и столько же оставляетъ ученикамъ на ихъ частныя работы.

II. Кто возможно меньше упражняетъ память, и только существеннымъ, предоставляя остальное свободному усвоенію.

III. Кто, однако, все постепенно увеличиваетъ, соображаясь со степенью воспріимчивости, которая возрастаетъ сама по себѣ, по мѣрѣ возраста ученика и дальнѣйшаго успѣха обученія.

Седьмое основоположеніе.

36) Природа ничего не гонитъ насильно впередъ, и только то, что созрѣло, она вызываетъ наружу.

Такъ, она не принуждаетъ птенца оставить яйцо, прежде чѣмъ не сформировались и не укрѣпились его члены; не принуждаетъ его летать, прежде чѣмъ птенецъ не оперился; не

*) Разумѣется, по степени воспріимчивости: въ узкогорлый сосудъ надо лить по немногу, и въ дѣтскія головы по немногу слѣдуетъ вѣдрать познанія.

выталкиваетъ изъ гнѣзда, покуда не знаетъ, что птенецъ уже умѣетъ летать, и т. д.

Такъ и *дерево* не выгоняетъ отростковъ, пока не начнетъ тѣснить ихъ поднимающійся изъ корня сокъ; не даетъ почкамъ возможности открываться раньше, чѣмъ образовавшіеся изъ заключеннаго въ немъ сока листья и цвѣты станутъ стремиться на просторъ; не сбрасываетъ двѣточныя лепестки, пока не покроется кожицей скрывавшійся подъ ними плодъ; также не даетъ оно плоду упасть раньше, чѣмъ онъ созрѣетъ.

37) Слѣдовательно, для умовъ будетъ насиліемъ —

I. Если ихъ будутъ направлять на вещи, до пониманія которыхъ они еще не доросли, ни по возрасту, ни по силѣ пониманія.

II. Если задаютъ выучивать на память что-нибудь, что не было предварительно разобрано въ частностяхъ, объяснено и усвоено.

38) Изъ сказаннаго вытекаетъ:

I. *Не слѣдуетъ начинать обученія, прежде чѣмъ возраста и умственная сила ребенка не только допустятъ, но даже потребуютъ ученія.*

II. *Ничего не слѣдуетъ заучивать на память, что не было вѣрно понято разсудкомъ.* Также ничего не слѣдуетъ требовать отъ памяти ребенка, прежде чѣмъ убѣдимся по вѣрнымъ признакамъ, что требуемое можетъ быть удержано его памятью.

III. *Не слѣдуетъ позволять ничѣмъ заниматься прежде, чѣмъ не будутъ достаточно показаны форма и норма для подражанія.*

Восьмое основоположеніе.

39) *Природа сама себя помогаетъ всеми способами, какіе возможны.*

Напримѣръ, *яйцо* не лишено собственной жизненной теплоты; однако эта теплота поддерживается теплотою солнца или перьями высиживающей птицы. Богъ, Отецъ природы, печется обо всемъ. И послѣ того, какъ птенчикъ вылупится, мать согрѣваетъ его столько времени, сколько потребуется, образуетъ и укрѣпляетъ его различнымъ образомъ для дѣя-

тельности въ жизни. Это можемъ замѣтить на аистахъ, когда они приучаютъ своихъ птенцовъ къ полету, сажая ихъ къ себѣ на спину и нося кругомъ гнѣзда, въ то время какъ птенцы размахиваютъ крыльями. Такъ и кормилицы малютокъ во многомъ помогаютъ имъ. Они учатъ ихъ держать прямо голову, сидѣть, стоять на ногахъ, передвигать ноги, потомъ по немногу переступать, затѣмъ свободно ходить, а наконецъ приучаютъ къ проворству при бѣганьи. Когда же онѣ ихъ учатъ говорить, то подсказываютъ имъ слова и указываютъ руками на тѣ предметы, которые обозначаются словами, и проч.

40) Слѣдовательно, жестокъ тотъ учитель, который заставляетъ ученикамъ работу, не объяснивъ имъ достаточно напередъ, о чемъ идетъ дѣло, не показавъ имъ, какъ она должна быть выполнена, и ни мало не подмѣгая имъ при ихъ попыткахъ, но который заставляетъ ихъ потѣть и мучиться; самъ же выходитъ изъ себя, когда они не совсѣмъ хорошо исполняютъ работу. Что же это, какъ не *пытка* (excarpiatio) для учениковъ? Это тоже самое, какъ если бы няня вздумала принуждать своего питомца бѣгать скоро, когда онъ еще боится стоять на ногахъ, и за его неумѣнье бѣгать набросилась бы на него съ колотушками. Но природа учить насъ поступать иначе, именно, до тѣхъ поръ поддерживать слабыхъ, пока у нихъ не явится достаточно силы.

41) И такъ,

I. *Не слѣдуетъ допускать побоевъ (verbera) для побужденія къ ученью.* (Ибо если ученикъ не хочетъ учиться, то чья же это вина, какъ не учителя, который или не умѣетъ вселить въ ученика охоту къ ученію, или не старается о томъ?)

II. *То, что ученики должны выучить, слѣдуетъ имъ излагать и объяснять съ такою ясностью, чтобъ они имѣли свой урокъ предъ собою, какъ свои пять пальцевъ (ut veluti suos quinque digitos ante se habeant).*

III. *А для того чтобъ все это легче запечатлѣвалось, слѣдуетъ возможно болѣе упражнять внѣшнія чувства.*

42) Такъ, напримѣръ, *нужно постоянно соединять слухъ съ зрѣніемъ, слово съ осязаніемъ.* То, что ученики должны усвоить, слѣдуетъ имъ не только рассказать, чтобъ оно проникло въ ихъ уши, но полезно и нарисовать, чтобы преподаваемое за-

печатлѣлось въ воображеніи и съ помощью глазъ. А вслѣдъ затѣмъ понятое ученики должны научиться выговаривать вслухъ (языкомъ) и воспроизводить (руками); дабы не передавался ни одинъ предметъ, прежде чѣмъ онъ достаточно не запечатлѣлся въ глазахъ и въ ушахъ, въ умѣ и въ памяти ученика.

А для этого было бы хорошо—все то, что проходится въ классъ, изображать или надписывать на стѣнахъ классной комнаты, будутъ ли это теоремы или правила, или образы и эмблемы, касающіяся проходимаго предмета. Если бы это было сдѣлано, то можно бы легко видѣть, какъ много это средство содѣйствуетъ запечатлѣнію предмета. Сюда принадлежить также приученіе учениковъ вносить въ свои дневники (Diaria) и сборники *) все, что они слышатъ отъ другихъ, или вычитываютъ изъ книгъ, ибо этимъ поддерживается воображеніе, а въ послѣдствіи облегчается и воспоминаніе.

Девятое основоположеніе.

43) *Природа не производитъ ничего, что не могло бы имѣть вскорѣ полезнаго примѣненія.*

Напримѣръ, если она творитъ птицу, то вскорѣ оказывается, что крылья даны ей для полета, ноги—чтобы бѣгать и проч. Тоже относится и до дерева, на которомъ все, что ни образуется, приноситъ пользу, даже шелуха и кожица, покрывающая плодъ, и проч. Слѣдовательно—

44) *Обученіе для ученика будетъ гораздо легче, если, обучая его чему нибудь, показываютъ въ то же время, какую пользу изучаемое можетъ приносить въ обыкновенной повседневной жизни.* Правило это должно соблюдаться во всемъ: въ преподаваніи языковъ, въ діалектикѣ, въ ариметикѣ, въ геометріи, въ физикѣ и проч. Если этого не дѣлать, то вещи, о которыхъ

*) «*Loci communes*» не вполне передаетъ мысль самаго Коменскаго, по взгляду его на дѣло. *Loci communes* обыкновенно называются общія мѣста, избитыя выраженія. Здѣсь же выраженіе это употреблено въ другомъ смыслѣ: именно въ смыслѣ общихъ истинъ, выраженныхъ въ ходячей формѣ, что въ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ нашими пословицами или сентенціями. Коменскій требуетъ, чтобы ученики заносили подобныя изрѣченія въ особую тетрадь, — что во всякомъ случаѣ составляетъ весьма полезное обыкновеніе.

учитель будетъ говорить, покажутся ребенку чудовищами (monstra), пришедшими изъ новаго свѣта: ученикъ, не зная того, существуютъ ли въ дѣйствительности предметы и какъ они сдѣланы, будетъ больше вѣрить, чѣмъ знать. Когда онъ что-нибудь гдѣ-либо увидитъ, то покажи ему, дай ему эту вещь прямо въ руки, чтобъ дѣйствительно узналъ онъ то, что видитъ, и самъ научался дѣйствовать. Поэтому

45) *Не должно учить ни чему, кромѣ того, что практически полезно.*

Десятое основоположеніе.

46) *Природа все производитъ,—сохраняя единство формы.*

Напримѣръ, какъ происходитъ образованіе одной птицы, такъ же точно совершается образованіе и всѣхъ остальныхъ; одинаково даже образованіе всѣхъ живыхъ существъ, при чемъ различія встрѣчаются только въ побочныхъ обстоятельствахъ. Такъ въ растеніяхъ: какъ одна трава происходитъ изъ сѣмени и вырастаетъ, какъ одно дерево сѣется, распускаетъ листья цвѣтетъ; такъ и всѣ остальные, повсюду, всегда. И какъ устроенъ одинъ листъ на деревѣ, такъ устроены и всѣ остальные его листья; и каковы они въ одномъ году, таковы и въ слѣдующемъ, таковы и всегда.

47) *И такъ, перемѣна методы сбиваетъ юношество и прямо поселяетъ въ немъ отвращеніе къ занятіямъ, ибо доселѣ не только различные учителя преподаютъ науки различнымъ образомъ, но и одинъ и тотъ же учитель преподаетъ различно; напримѣръ, языкамъ обучаютъ однимъ способомъ, діалектикѣ—другимъ; между тѣмъ какъ то и другое могло бы преподаваться по одной формѣ, въ общей гармоніи, соотвѣтственно смыслу связи, какую имѣютъ между собою вещи и слова.*

48) Поэтому слѣдуетъ обратить вниманіе, дабы впредь

I. *одна и также метода существовала для преподаванія всѣхъ наукъ, одинъ и тотъ же способъ употреблялся для всѣхъ искусствъ, и по одной и той же методѣ преподавались всѣ языки.*

II. *Дабы въ каждой школѣ для всѣхъ упражненій были установлены одинъ порядокъ и одни приемы.*

III. *Чтобы учебники по одному и тому же предмету были насколько возможно одного изданія.*

Такимъ образомъ все пойдетъ легко и безъ задержекъ.

ГЛАВА XVIII.

Правила основательнаго обученія и ученія.

1. Часто жалуются, что немногіе выносятъ изъ школъ основательное образованіе, большая же часть едва получаетъ поверхностное обученіе, тѣнь образованія. Самое дѣло подтверждаетъ эти жалобы.

2. Если спросить о причинѣ этого явленія, то причина здѣсь можетъ быть двоякая: неуспѣхъ бываетъ—или потому что *школы* обращаютъ свое вниманіе на малозначительныя безполезныя вещи и пренебрегаютъ болѣе основательными; или потому, что *ученики*, выучивъ что нибудь, снова все забываютъ *), такъ какъ большая часть ихъ научныхъ занятій, только слегка затронула разсудокъ, но не укрѣпилась въ немъ. *Первая* изъ названныхъ причинъ столь обыкновенна, что весьма немного можно найти людей, которые не жаловались бы на нее. Если бы все то, что мы когда-нибудь читали, слышали и восприняли въ голову, неизгладимо сохранялось въ памяти, какими учеными мы были бы! Мы,—которые не пропускали бы случая примѣнять къ дѣлу различныя знанія наши. Но такъ какъ этого не бываетъ, то, очевидно, слѣдуетъ, что мы «черпаемъ воду рѣшетомъ».

3. *Но неужели не существуетъ никакого средства противъ этого зла? Средства несомнѣнно найдутся если мы, опять взявши въ соображеніе школу природы, станемъ изслѣдовать ея пути въ отношеніи произведенія долгожизненныхъ созданий.* Я положительно утверждаю, что можетъ быть отысканъ способъ, съ помощью котораго иной можетъ знать не только то, что онъ училъ когда-нибудь, но и болѣе того, что онъ училъ; если только онъ будетъ въ состояніи свободно передать не только то, что онъ приобрѣлъ отъ учителей и почерпнулъ изъ твореній писателей, но будетъ и самъ основательно (a fundamento) судить о вещахъ.

4) А этого можно достигнуть, если

*) Quia scholastici quae dedicerunt, dedicerunt rursum etc.—ибо ученики то, что выучили, снова разучиваютъ. Въмѣсто этого у Лейтбехера стоятъ: «чтобъ учителя снова учили изученному, какъ сами учились». Для всякаго понятно, что переводчику повстрѣчался здѣсь lapsus calami.

I. ученикамъ будетъ сообщаться только дѣйствительно полезныя вещи;

II. но за то всѣ, безъ всякаго пропуска;

III. Если все будетъ утверждаться на прочномъ основаніи;

IV. Если это основаніе будетъ заложено глубоко;

V. Если все послѣдующее будетъ опираться только на это основаніе;

VI. Если повсюду, гдѣ можетъ быть допущено раздѣленіе предмета для подробнаго изученія его, раздѣленіе это будетъ произведено до послѣдней возможности разчлененія;

VII. Если все послѣдующее будетъ основываться на предъидущемъ;

VIII. Если все, что имѣетъ соотношеніе между собою, будетъ постоянно въ связи;

IX. Если все будетъ правильно распределяться по отношенію къ разсудку, памяти и языку;

X. Если все будетъ закрѣпляться постоянными упражненіями.

Теперь рассмотримъ отдѣльные пункты въ подробности.

Первое основоположеніе.

5) *Природа не предпринимаетъ ничего безполезнаго.*

Если она творитъ, напр., птичку, то она не дастъ ей чешую, жабры, рога, четыре ноги, или что-нибудь такое, что впослѣдствіи не понадобилось-бы ей; но даетъ голову, сердце, крылья и т. п. *Дереву* природа не дастъ уши, глаза, пухъ, волосъ; но даетъ кору, лубъ, сердцевину корни и т. п.

б) Кто желаетъ имѣть плодородныя поля, виноградники и сады, тотъ засаживаетъ ихъ не сорной травой; не крапивою, шиповникомъ и чертополохомъ; но благородными (genetosis) деревьями и растеніями.

7) И *строитель*, желающій выстроить прочный домъ, употребляетъ для постройки не солому, навозъ или ветлу *), но камни, кирпичи, дубъ и подобные матеріалы, отличающіеся прочнымъ и плотнымъ составомъ.

8) Итакъ, школахъ:

*) „Lignum Saligneum,“ — ивовое дерево. Извѣстно, что *Salix* отличается хрупкостью и непрочностью; почему ее избѣгаютъ употреблять при капитальныхъ постройкахъ.

І. слѣдуетъ сообщать только то что несомнѣнно приносить существенную пользу для настоящей и для будущей жизни, — но больше для будущей (magis autem ad futuram vitam).

(Только тѣ предметы должны быть изучаемы на землѣ, убѣждаетъ Іеронимъ, знаніе которыхъ должно продолжаться и на небѣ).

II. Если юношеству должно сообщать многое, касающееся настоящей жизни (какъ это и должно быть), то сообщаемое знаніе должно быть таково, чтобъ оно не стѣсняло вѣчнаго, и для настоящей (земной) жизни приносило бы полезные плоды.

9) Для какой цѣли заниматься пустяками? Какая польза изучать вещи, которыя ни тому, кто ихъ знаетъ, не приносить пользы; ни тому, кто ихъ не знаетъ, не приносятъ вреда? или которыя въ послѣдующемъ возрастѣ либо должны быть переучены, либо между другими занятіями сами собою забудутся? Есть слишкомъ много необходимаго, что можетъ наполнить нашу короткую жизнь, и безъ того, чтобы мы употребляли часть ея на бесполезный вздоръ. *Итакъ, школы должны непременнѣ занимать юношество только серьезными вещами.* (А какъ въ ряду серьезныхъ вещей слѣдуетъ смотрѣть на забавы, объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ).

Второе основоположеніе.

10) *Природа ничего не упускаетъ изъ виду, что считаетъ необходимымъ для образуемаго ею тѣла.*

Когда она образуетъ птицу, то не забываетъ ни головы, ни крыльевъ, ни ногъ, ни костей, ни кожи, ни глазъ, ни того, что принадлежитъ къ полету и т. п.

11) *Подобнымъ же образомъ и школы должны при образованіи человека образовывать его совершенно, дабы сдѣлать способнымъ къ труду для этой жизни и для вѣчности, въ которой находятъ свою цѣль всѣ вещи, имѣющія высшее назначеніе.*

12) *Поэтому въ школахъ должны быть преподаваемы не только науки, но и добрые нравы, и благочестіе.* Научное образованіе вырабатываетъ разсудокъ, языкъ и руку, дабы человѣкъ могъ разумнымъ образомъ все полезное разсмотрѣть, обсудить и исполнить. Если что-нибудь изъ того упустить, то образуется пробѣлъ, который не только составляетъ не-

достатокъ образованія, но и ослабляетъ также прочность его. *Только то прочно, что вполне объединено во всѣхъ своихъ частяхъ.*

О С Н О В О П О Л О Ж Е Н І Е Т Р Е Т Ь Е .

13) *Природа не производитъ ничего безъ основанія или безъ корня.*

Пока *растеніе* не пустило внизъ корней, оно не растетъ вверхъ: будь иначе, растеніе вскорѣ завяло бы и умерло. Поэтому благоразумный садовникъ даже и не сажаетъ растеніе, пока не замѣчаетъ, что стебель пустилъ корни. Въ *птицѣ* и въ каждомъ животномъ, вмѣсто корней, находятся внутренніе поддерживающіе жизнь органы, которые потому всегда прежде всего и начинаютъ образовываться, составляя основаніе, для всего тѣла.

14) Также и *архитекторъ* не прежде начинаетъ возводить строеніе, какъ заложивши напередъ прочный фундаментъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ вся постройка грозила бы развалиться. Подобнымъ образомъ и *живописецъ*, прежде чѣмъ писать красками, накладываетъ на полотно грунтъ; такъ какъ безъ него краски легко отваливались бы, или блѣднѣли и обезцвѣчивались.

15) Нѣкоторые учителя забываютъ полагать такое основаніе своему преподаванію; они 1) не заботятся напередъ сдѣлать учениковъ любознательными и внимательными, и 2) не предначертываютъ ученикамъ общей идеи всего начинаемаго ими ученія, дабы ученики могли ясно *понять*, что имъ предстоитъ и что они будутъ изучать. Если же ученикъ принимается за ученіе безъ охоты, безъ вниманія, безъ пониманія того, что учить; то можно ли надѣяться чтобъ изъ этого вышло что нибудь прочное?

16) Поэтому необходимо:

I. *прежде чѣмъ начинать занятія, серьезно пробуждать въ ученикахъ любовь къ нимъ, приводя доказательства превосходства, полезности и пріятности занятій;*

II. *Идея языка или искусства (которая представляетъ не что иное, какъ самый общій очеркъ, обнимающій однако всѣ части извѣстнаго предмета) должна быть предварительно запечатлѣна въ умъ учащагося, прежде чѣмъ приступить къ*

спеціальному разсмотрѣнію предмета, дабы учащійся уже при самомъ началѣ занятій безошибочно обозрѣвалъ цѣли и границы занятій, равно и внутренній планъ занятій. Какъ скелетъ есть основаніе всего тѣла, такъ точно и идея искусства есть основаніе и фундаментъ всего искусства.

ЧЕТВЕРТОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

17) *Природа пускаетъ корни въ глубь.*

Такъ органы, поддерживающіе жизнь *животнаго организма*, природа помѣстила внутри самаго организма. И чѣмъ глубже въ землю пускаетъ *дерево* свои корни, тѣмъ крѣпче стоитъ оно; если бы корни лежали подъ травой, то вѣтеръ легко могъ бы вырвать дерево.

18) Изъ этого вытекаетъ, что слѣдуетъ серьезно вызывать въ ученикахъ любознательность, а идею знаній основательно запечатлѣвать въ умахъ ихъ и при этомъ не слѣдуетъ переходить къ болѣе подробной системѣ искусства или языка, прежде чѣмъ общая идея знанія виолнѣ вѣрно понятая учениками и твердо въ нихъ укоренилась.

ПЯТОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

19) *Природа выводитъ все изъ корня, а не изъ чего-либо другого.*

Ибо на *деревѣ* древесина, кора, листья, цвѣты и плоды не имѣютъ другаго источника, кромѣ корня. И хотя дождь сверху падаетъ, а садовникъ поливаетъ снизу, но всегда влага должна быть воспринята корнями и потомъ уже разнесена черезъ стволъ, сучья, вѣтви до листьевъ и плодовъ. Поэтому и садовникъ хотя онъ беретъ свой прививокъ отъ другаго дерева, долженъ все-же такъ вставить его въ стволъ, чтобы прививокъ, непосредственно соединенный съ деревомъ, всасывалъ въ себя сокъ его корня, и тѣмъ питаясь, могъ бы развиваться съ помощью послѣдняго. Отъ корня дерево получаетъ все, и не имѣетъ надобности, чтобъ садовникъ бралъ откуда-нибудь вѣтви и листья и прикрѣплялъ бы ихъ къ нему. Тоже самое происходитъ, когда оперяется птица: перья берутся не отъ другой какой-нибудь птицы, но развиваются изнутри, изъ ея собственнаго тѣла.

20) Такъ и предусмотрительный *строитель* строить домъ

такимъ образомъ, чтобъ онъ опирался на собственный фундаментъ и покоился на своихъ устояхъ, безъ другихъ подпоръ. Если бы зданіе нуждалось въ подпорахъ, то это служило бы доказательствомъ его несовершенства и возможности его паденія.

21. Кто устраиваетъ рыбный *прудъ*, или устраиваетъ *колодезь*, тотъ не проводитъ воду изъ какого нибудь другаго мѣста, не собираетъ дождевую воду, но открываетъ живые источники воды, и посредствомъ канавъ и скрытыхъ трубъ проводить ее въ свой водоемъ.

22) Изъ этого правила очевидно, что надлежащее воспитаніе юношества заключается не въ томъ, чтобы наполнять головы юношей собранными изъ разныхъ писателей словами, оборотами, изреченіями и мнѣніями; но въ томъ, чтобы *раскрывать ему разумныя вещи*, и притомъ такъ, чтобы все вытекало и развивалось изъ одного начала, какъ ручейки вытекаютъ изъ живаго источника и какъ изъ древесныхъ почек распускаются листья, цвѣты и плоды, при чемъ въ слѣдующемъ году изъ новой почки образуется новая вѣтка, съ листьями, цвѣтами и плодами.

23. Школы же до сихъ поръ не заботились о томъ, чтобы умы учениковъ, подобно молодымъ деревьямъ, развивали свою жизнь изъ собственнаго корня; онѣ учили навѣшивать на себя собранныя съ разныхъ деревьевъ вѣтки и такимъ образомъ, подобно Езоповой Воронѣ^{*)}, украшать себя чужими перьями; школы не только не трудились раскрывать скрытый въ ученикахъ источникъ разумнаго, но торопились наполнить его водою изъ чужихъ ручьевъ. Это значитъ: школы объясняли не самыя вещи, каковы они сами по себѣ (*quomodo a se ipsis et in se ipsis sint*), но лишь то, что о томъ или другомъ предметѣ думаетъ и пишетъ первый, второй, третій, десятый,—лишь бы имѣть видъ большой учености, знать о многомъ разнорѣчивыя мнѣнія многихъ. Отсюда получался тотъ результатъ, что большая часть учителей занималась толь-

^{*)} Это намекъ на известную басню о тщеславной воронѣ, которая изукрашала себя павлиньими перьями и потомъ сѣло, но не удачно, вышалась въ среду павлиновъ. Эту басню можно найти въ каждой христоматіи, въ переводѣ Крылова.

ко тѣмъ, что, перелистывая и перевертывая своихъ писателей, выдергивали изъ нихъ мнѣнія и набирала массу оборотовъ, фразъ, взглядовъ, составляя такимъ образомъ «науку», какъ халатъ изъ лоскутьевъ. Къ нимъ-то обращается Гораций, говоря: «О, подражатели, рабочій скотъ!» (O, imitatores servum pecus!*).—Подлинно скотъ, привыкшій носить только чужія тяжести.

24) Но что пользы въ томъ, спрашиваю я, если въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ вещахъ руководствоваться только мнѣніями различныхъ людей, тогда какъ требуется истинное, точное познаніе вещей? Развѣ намъ въ жизни болѣе нечего дѣлать, какъ плестись за другими, по ихъ перекрестнымъ и поперечнымъ дорогамъ, и подмѣчать, кто уклоняется съ пути, кто шатается или падаетъ на землю? О, люди! обратимся къ цѣли и покинемъ путь заблужденій! Если мы будемъ держаться цѣли крѣпко и достаточно вѣрно, то зачѣмъ намъ не стремиться къ ней прямымъ путемъ, зачѣмъ охотнѣе употреблять чужіе глаза, чѣмъ свои собственные?

25) А что дѣйствительно школы это дѣлаютъ, что онѣ учатъ *видѣть чужими глазами, постигать предметы чужимъ разсудкомъ*,—то это доказываетъ общій способъ обученія, по всѣмъ отраслямъ занятій, научающій не открывать самостоятельно «источники» знаній и выводить изъ нихъ различные «ручейки»; но показывающій готовые, проведенные изъ писателей «ручейки» и требующій восхожденія по нимъ до «источника». Ибо никакіе *лексиконы* (по крайней мѣрѣ, на сколько они мнѣ извѣстны, исключая развѣ лексиконъ *Кнапія*, хотя и этотъ трудъ оставляетъ еще многого желать, какъ это будетъ показано ниже) не научаютъ *говорить*, но только *понимать* рѣчь; *грамматики* не учатъ создавать языкъ, но только *разлагать* его; и никакая *фразеологія* не даетъ способа искусственно составлять рѣчь и вводить въ нее различныя видоизмѣненія: она предлагаетъ только смѣшанную массу изрѣченій. Почти никто доселѣ не учитъ *физикъ* нагляднымъ путемъ, посредствомъ наблюденія и опыта, но всѣ преподаютъ ее по тексту Аристотеля и другихъ. *Нравы* никто не образуетъ путемъ внутренняго преобразованія чувствъ; но назидаютъ чисто внѣшними объясненіями и раздѣленіями добродѣтелей, чѣмъ затемняютъ дѣло. Это

будетъ яснѣе, когда я дойду до спеціальной методики искусствъ и языковъ; но будетъ еще очевиднѣе при начертаніи (если Богъ дастъ) *пансофіи* *).

26) Конечно удивительно, что древніе не обратили на это большаго вниманія, но еще болѣе слѣдуетъ удивляться тому, что это заблужденіе не было давно исправлено позднѣйшими поколѣніями; такъ какъ достовѣрно, что въ этомъ заблужденіи дѣйствительно и слѣдуетъ искать причину столь медленныхъ успѣховъ науки. Но такъ ли это? Развѣ при *сломкѣ* дома плотникъ показываетъ своему ученику искусство строить? О, нѣтъ: скорѣе при самой *постройкѣ* онъ объясняетъ ему, какіе матеріалы слѣдуетъ выбирать и какъ все на своемъ мѣстѣ слѣдуетъ измѣрять, обдѣлывать, отесывать, поднимать, устанавливать, связывать и проч. Ибо кто знакомъ съ правилами строенія, для того сломка уже не будетъ искусствомъ; такъ точно какъ распарываніе какой-нибудь одежды не будетъ искусствомъ для того, кто умѣетъ сшить одежду. Но на сломкѣ домовъ еще никто никогда не изучалъ плотничное ремесло, ни на распарываніи платья — портняжное искусство.

27) А что, дѣйствительно, не пригодныя въ этомъ отношеніи, даже вредныя методы не исправлены, то это очевидно: 1) ибо ученость многихъ, если только не большей части, *ограничивается чистою номенклатурою*, то есть, хотя многіе и знаютъ техническія выраженія и правила искусства, но не разумѣютъ все-таки ихъ правильнаго употребленія; 2) *образованіе ни у кого не становится однимъ общимъ знаніемъ, которое бы само себя поддерживало, укрѣпляло и распространяло; но представляетъ обыкновенно нѣчто въ родѣ компиляціи, составленной изъ разнородныхъ лоскутковъ, нигдѣ порядочно не скрѣпленныхъ между собою,—компиляціи, не приносящей сколько-нибудь прочнаго плода*. Такое знаніе, слѣпленное изъ различныхъ изрѣченій и мнѣній писателей, подобно праздничному дереву, которое снаряжается крестьянами при торже-

*) Коменскій здѣсь ссылается на трудъ, надъ которымъ онъ работалъ многія десятилѣтія и который погибъ въ пожарѣ. По идеѣ Коменскаго, *пансофія* (буквально „всеумудрость“) должна была представлять *энциклопедію* знаній человѣческихъ для юношества.

ствахъ освященія ихъ домовъ *) и которое, хотя разукрашено разнообразнѣйшимъ образомъ навѣшанными на немъ вѣтками, цвѣтами и плодами, даже гирляндами и вѣнками,—все таки не можетъ ни увеличиваться, ни существовать долго, такъ какъ эти украшения явились на немъ не сами собою, изъ его корня, но навѣшены извнѣ. Такое дерево не даетъ никакихъ плодовъ, и вѣтки, которыя къ нему привязаны, увядаютъ и отваливаются. *Основательно, истинно образованный человѣкъ подобенъ дереву, которое поддерживается собственнымъ корневымъ, питается собственнымъ сокомъ, и потому постоянно (и съ каждымъ днемъ все крѣпче и сильнѣе) богатѣетъ соками, зеленеетъ, цвѣтетъ и приноситъ плоды.*

28) Изъ этого вытекаетъ, что люди должны быть настолько учены, чтобы быть въ состояннн, по возможности, почерпнуть свои дальнѣйшія познанія не изъ книгъ, но изъ неба и земли, изъ дубовъ и буковъ; т. е., всѣ должны учиться познавать и изслѣдовать самыя вещи, а не только изучать чужія наблюденія и свидѣтельства о вещахъ. И когда всѣ будутъ почерпывать познанія не изъ какого другаго источника, какъ изъ оригиналовъ, изъ самыхъ вещей,—тогда только всѣ пойдутъ по слѣдамъ древнихъ мудрецовъ. Итакъ, слѣдуетъ считать закономъ правила:

I. Все должно выводиться изъ неизблемыхъ началъ вещей.

II. Ничему не должно учить на основаннн только авторитета, но все должно сообщать путемъ чувственнаго воспріятія, при критикѣ разума.

III. Ни въ какомъ предметѣ не должна быть примѣняема исключительно аналитическая метода, но скорѣе повсюду слѣдуетъ принимать методу синтетическую.

ШЕШОЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНІЕ.

29) Чѣмъ разнообразнѣе назначеніе, которое природа усволяетъ какой-нибудь вещи, тѣмъ болѣе сообщаетъ ей раздѣльности. Напр., чѣмъ болѣе число суставовъ, которыми снаб-

*) У славянъ былъ обычай — въ тотъ день, когда оканчивалась установка стропиль на строящемся домѣ, учреждать торжество. Общеупотребительною принадлежностью этихъ торжествъ были деревья, изукрашенные гирляндами, платками и разными подарками. На этотъ обычай и на эти деревья и ссылается здѣсь Коменскій.

женъ какой-нибудь органъ *животнаго*, тѣмъ разнообразнѣе его движенія,—каковы движенія лошади въ сравненіи съ движеніемъ быка, ящерицы съ улиткой и проч. Такъ точно и *дерево*, сучья и корни котораго широко распространяются тверже стоять и имѣть болѣе красивый видъ.

30) *Поэтому, и при обученіи юношества все, что проходится, должно быть самымъ строгимъ образомъ разлагаемо на составныя части; дабы не только учащій, но и обучающійся безъ всякаго замѣшательства сознавали, гдѣ они находятся и что они проходятъ.* Итакъ, весьма важнымъ содѣйствіемъ успѣху послужило бы, если бъ всѣ книги, которыя вводятся въ школы, были составлены согласно этому указанію природы.

Седьмое основоположеніе.

31) *Природа находится въ постоянномъ стремленіи впередъ, никогда не останавливается и никогда не творитъ новаго, пока не согрѣло презжнее; напротивъ, она продолжаетъ прежде начатое, дополняетъ и заканчиваетъ его.*

При развитіи, напр., *зародыша*—прежде всего начинаютъ образовываться ноги, голова, сердце; эти части остаются и далѣе, но только усвершенствуются. Пересаженное дерево не сбрасываетъ съ себя прежде полученные имъ сучья, но продолжаетъ доставлять имъ жизненный сокъ, дабы они съ каждымъ годомъ могли распространяться въ новые сучья и вѣтви.

32) *Поэтому въ школахъ должны:*

I. *Всѣ занятія распредѣляться такъ, чтобы позднѣйшее постоянно опиралось на предшествовавшее,—предшествовавшее же укрѣплялось бы позднѣйшимъ.*

II. *Все сообщаемое, хорошо понятое разсудкомъ, должно быть также закрѣпляемо и въ памяти.*

33) Такъ какъ, при этой естественной методѣ, все предшествующее должно служить основаніемъ всему послѣдующему, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы все было закладываемо прочно. Прочно же вселяется въ духъ только то, что надлежаще понято и тщательно передано памяти. Справедливо, что говоритъ *Квинтилианъ*: «Все ученіе утверждается на памяти; но напрасно будемъ мы учить, если изъ того, что мы слышимъ (или читаемъ), что нибудь ускользаетъ». *Людвигъ Вивесъ* тоже

замѣчае: «Въ первомъ возрастѣ жизни должно упражнять память, которая крѣпнеть отъ заботливаго ухода; многое должно сообщать ей, заботливо и часто. Такимъ образомъ безъ затрудненій расширяется память и становится въ высшей степени воспримчивою» *). Въ другомъ мѣстѣ, онъ же говоритъ: «Не должно оставлять въ бездѣйствіи память. Нѣтъ ничего, что въ равной мѣрѣ такъ охотно напрягалось бы и чрезъ то укрѣплялось и увеличивалось бы. Влагай въ нее ежедневно что нибудь: чѣмъ больше ты въ нее вложишь, тѣмъ вѣрнѣе она сохранитъ все; чѣмъ меньше, тѣмъ невѣрнѣе» **). А что это несомнѣнно справедливо, тому научаютъ примѣры природы. Чѣмъ болѣе соковъ всасываетъ въ себя дерево, тѣмъ здоровѣе вырастаетъ оно, и обратно, чѣмъ здоровѣе оно растетъ, тѣмъ болѣе притягиваемъ къ себѣ соковъ. Также и животное, чѣмъ лучше перевариваетъ оно пищу, тѣмъ болѣе и увеличивается, а сдѣлавшись больше, требуетъ и большаго количества пищи, и лучше ее перевариваетъ. Такимъ образомъ, величина всѣхъ вещей въ природѣ прибываетъ, когда онѣ растутъ. *Итакъ, въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ быть скрягами относительно дѣтей въ ихъ раннемъ возрастѣ* (конечно слѣдуетъ и здѣсь поступать разумно); *ибо это положитъ основаніе для вѣрнѣйшаго движенія впередъ.*

Восьмое основоположеніе.

34) *Природа соединяетъ все постоянною связью.*

Образуя напр. *птичку*, она соединяетъ одинъ членъ съ другимъ, одну кость съ другою, одинъ нервъ съ другимъ и т. д., черезъ все цѣлое. То же самое и съ *деревомъ*: изъ корня вырастаетъ стволъ, изъ ствола сучья, изъ сучьевъ вѣтви, изъ вѣтвей почки, изъ почекъ листья, цвѣты и плоды, и наконецъ—новыя вѣтви и т. д., такъ что, еслибы на деревѣ было тысяча тысячъ сучьевъ, вѣтвей, листьевъ и плодовъ, все же дерево было бы одно и то же. И если строеніе должно обладать прочностью, то, равнымъ образомъ, вмѣстѣ съ фундаментомъ соединяются стѣны, съ стѣнами стропила и крыша, и такъ далѣе; все, какъ наибольшее, такъ и наименьшее, должно быть

*) *Ludov. Vives. De tradendis discipl. lib. III.*

**) *Ejusdem—«Introduct. ad sapientiam».*

не только пригнано одно къ другому, но и соединено между собою такъ, чтобъ все было между собою въ прочной связи и составляло онинъ цѣлый домъ.

35) Изъ этого слѣдуетъ:

I. Занятія цѣлой жизни должны быть распределены такъ, чтобы представляли цѣльную энциклопедію, въ которой все вытекаетъ изъ одного и того же корня, въ которой все находится на своемъ мѣстѣ.

II. Все, что ни преподается, должно быть такъ закрѣплено доводами (*ratio*), чтобы не было мѣста ни сомнѣнію, ни забвенію.

Доводы же (*rationes*) суть именно тѣ гвозди, тѣ болты, тѣ скрѣпы, которые обуславливаютъ прочную устойчивость всякой вещи и не позволяютъ ей колебаться и расшатываться.

36) Скрѣплять же все доводами значитъ: учить всему на основаніи причинъ *), т. е. не только показывать, что такое известная вещь и какова она, но и то, почему она не можетъ быть иною. Знать что-нибудь—значить получить полное знаніе вещи, съ помощью доводовъ. Нпр., поставленъ вопросъ—какъ вѣрнѣе сказать: «*весь народъ*», или *цѣлый народъ*? Если бы учитель сказалъ только: выраженіе «*весь народъ*» вѣрно,—не приводя доводовъ, то ученикъ вскорѣ и позабылъ бы это. Но если бы онъ сказалъ: *цѣлый* показываетъ качество, относящееся въ каждомъ отдѣльномъ предмету и показывающее, что въ немъ нѣтъ недостатка ни въ одной части, ни въ половинѣ, ни въ четверти, и проч.; слѣдовательно, выраженіе «*цѣлый народъ*» представляетъ противоположеніе къ половинамъ, четвертямъ, восьмушкамъ предмета и проч.; напротивъ, *весь* есть числительное имя, обозначающее совокупность, и потому оно одно и вѣрно **); въ такомъ случаѣ едва-ли можно допустить, что уче-

*) «*Ducere per causas*», т. е. указывать на причинную связь или на взаимныя отношенія между причиной и дѣйствіемъ.

**) Приведенный примѣръ составленъ по Бегеру, въ подраженіе примѣру Коменскаго. Сообщимъ здѣсь этотъ послѣдній: «напр., говоритъ онъ, заданъ вопросъ, какъ вѣрнѣе сказать *totus populus* или *conjunctus populus* (то и другое означаетъ «*цѣлый*, или *весь народъ*»). Если учитель отвѣтитъ, что выраженіе *conjunctus populus* вѣрно, не приводя причины тому, то ученикъ вскорѣ и забудетъ это. Но если учитель скажетъ: *conjunctus* составлено изъ *conjunctus* (связанный, соединенный, сопринадежащій); *totus* говоритъ вѣрнѣе о какой-нибудь компактной массѣ, о какой-нибудь нераздѣльной, единичной вещи; напро-

никъ могъ бы забыть это, если онъ не тупъ въ высшей степени. Итакъ, мы рассчитываемъ на то, чтобы ученики научались отчетливо и легко узнавать производство всѣхъ словъ, причины происхожденія фразъ (или конструкціи *) и основанія всѣхъ правилъ учебныхъ предметовъ (положенія наукъ должны утверждаться не на отвлеченныхъ доводахъ или предположеніяхъ, но на первичномъ (непосредственномъ) разсмотрѣніи самихъ предметовъ). Это доставитъ ученикамъ, при значительномъ удовольствіи, и огромную пользу, ибо проложить дорогу къ прочиѣйшему образованію, такъ какъ при множествѣ изучаемыхъ учениками вещей—раскрываются ихъ глаза (чувства) для болѣе самостоятельнаго познанія предметовъ.

37. Итакъ, въ школахъ все должно быть такъ преподаваемо, чтобы вмѣстѣ съ фактомъ излагались и причины его.

Девятое основоположеніе.

38. Природа соблюдаетъ соразмѣрность между корнемъ и сущьями, сохраняя количественность и качественность (*qualitas et quantitas*) отношеній.

Подобно тому, какъ корень развивается подъ землею сильнѣе или слабѣе, въ такой же мѣрѣ, ни больше—ни меньше, развиваются и сущья надъ землею. Такъ оно и должно быть; ибо еслибы дерево только росло кверху, не будучи удерживаемо корнями, то не могло бы стоять; если же оно росло бы только

тивъ, *conjunctus*—о какомъ-нибудь совокупномъ или собирательномъ понятіи, какъ здѣсь: то едвали возможно, чтобы ученикъ забылъ это объясненіе,—и такъ далѣе. (Слѣдуетъ замѣтить, что произведеніе слова *conjunctus* отъ *conjunctus* въ настоящее время не есть общегосподствующее; по примѣру Флексеяна, производить его и отъ слова *convinctus*, связанный, соединенный). Равномѣрно грамматики спорятъ о томъ, почему говорить *mei refert, tuâ refert, ejus refert* (это мое твое, его дѣло), слѣдовательно—почему въ первомъ и второмъ лицѣ употреблять, какъ они полагаютъ, творительный (*ablativus*), а при третьемъ лицѣ—родительный? Но если я скажу: это происходитъ оттого, что *refert*, употребленное въ этомъ мѣстѣ, составлено изъ *res fert* и слѣдовательно должно, было бы выговариваться *mea res fert, tua res fert, ejus res fert*, или слитно *mea refert* и проч.; и слѣдовательно—*mea, tua*—стоять не въ предложномъ, а въ именительномъ падежѣ: развѣ я этимъ объясненіемъ не разъяснилъ бы ученику вопросъ?)

*) Коменскій въ данномъ случаѣ, для примѣра, относитъ высказанное имъ положеніе преимущественно къ преподаванію латинскаго языка, хотя, конечно, это примѣненіе вовсе не исчерпываетъ содержанія самаго тезиса.

книзу, то не приносило бы никакой пользы, потому что плоды растут на сучьяхъ, а не на корнѣ. Точно также и у животныхъ: наружные члены увеличиваются въ соразмѣрности съ внутренними. Если внутренніе находятся въ хорошемъ состояніи, то и наружные будутъ находиться въ такомъ же.

39) Тоже должно быть при образованіи (юношества). Образование должно сначала возникнуть, развиться и окрѣпнуть во внутреннемъ корнѣ разумѣнія (in interiore intelligentiae radicē); въ то же время слѣдуетъ заботиться и о томъ, чтобы развитіе шло наружу, — въ сучьяхъ и вѣтвяхъ, т. е. *чтобы то, что сообщается для развитія разумѣнія, въ то же время высказывалось и практически выполнялось*, или ученики научались бы приводить въ исполненіе изученное.

40) Итакъ,

I. *Все, что воспринимается, должно быть изучаемо, въ силу соображенія, какую пользу принесетъ приобретаемое знаніе, дабы не учить чего-нибудь напрасно;*

II. *Что воспринято, то должно передаваться сообщеніемъ отъ одного къ другому, дабы не знаніе чего либо бесполезно.* Ибо только въ этомъ слыслѣ можетъ имѣть значеніе выраженіе: «Твое знаніе ничтожно, если никто не знаетъ о томъ, что ты это знаешь». Итакъ, не открывая ни одного «источника» безъ того, чтобы изъ него не истекли «ручейки». (Объ этомъ подробнѣе говорится при разсмотрѣніи слѣдующаго правила).

Десятое основоположеніе.

41) *Природа оживляетъ и укрѣпляетъ себя частымъ движеніемъ.*

Такъ, птица не только согрѣваетъ яйца при высиживаніи ихъ, но для того, чтобы они равномѣрно согрѣвались со всѣхъ сторонъ, она ежедневно переворачиваетъ ихъ. (Это можно легко наблюдать на гусяхъ, курахъ и голубяхъ, которые высиживаютъ свои яйца у насъ въ домахъ). Но какъ только птенецъ вылупился, онъ упражняется въ частыхъ движеніяхъ клюва, ногъ, крыльевъ; распространяя ихъ, онъ перелетаетъ, влетаетъ и дѣлаетъ другія различныя попытки ходить и летать, пока не достигнетъ полной силы.

Дерево, чѣмъ чаще колеблется вѣтрами, тѣмъ скорѣе растетъ и тѣмъ глубже пускаетъ корни. Да даже всѣмъ расте-

ніям приносить пользу приведеніе ихъ въ движеніе дождемъ, градомъ, громомъ и молніей; поэтому и говорятъ, что страны, подверженныя бурямъ и грозамъ, производятъ и могучія деревья.

42) Точно также и *строитель знаетъ, что его строеніе высушивается и скрѣпляется на солнцѣ и вѣтрѣ. И кузнецъ, желающій закалить желѣзо и превратить его въ стальной клинокъ, нѣсколько разъ опускаетъ его въ огонь и въ воду, и такимъ образомъ подвергаетъ его попеременно то нагрѣванію, то охлажденію, дабы желѣзо, вслѣдствіе частаго размачиванія, все болѣе превращалось въ сталь.*

43) *Изъ этого слѣдуетъ, что образованіе не могло бы достигнуть прочности безъ возможно болѣе частыхъ повтореній, которыя въ то же время должны быть возможно правильнѣе организованы.* Какой же родъ упражненій лучше, тому научаютъ насъ естественныя движенія, служащія питанію живаго тѣла, именно—*сокращенія сердца, пищеваренія и распределенія пищи.* Ибо если въ животномъ (да также и въ растеніи) какой-нибудь органъ жаждетъ пищи, чтобъ усвоить ее, то онъ перевариваетъ ее, и затѣмъ, чтобы самому напитаться (оставляя на свою долю часть пищи и ассимилируя ее себѣ), и для того, чтобъ сообщить ее сосѣднимъ органамъ, для поддержанія цѣлаго. (Ибо каждый членъ служить другимъ и самъ принимаетъ ихъ услуги). *Равнымъ образомъ будетъ умножаться и образованіе тѣми, кто духовную пищу всегда*

I. *будетъ отыскивать и воспринимать;*

II. *найденное и воспринятое будетъ переваривать, перерабатывать—и*

III. *переваренное будетъ дѣлить между собою и другими.*

44) Названныя три степени выражаются слѣдующими строками, написанными въ подраженіе извѣстнымъ латинскимъ стихамъ:

„Многое спрашивать, спрошенное
Усвоить, усвоенное сообщать:
Эти три вещи даютъ возможность ученику
Превзойти учителя“.

Спрашивать надо учителя, товарищей, книги, обращаясь къ нимъ за совѣтомъ въ предметъ неизвѣстный. Усвоеніе является,—надо узнанное и сознанное передать памяти и, для

большей вѣрности (такъ какъ немногіе обладаютъ столь счастливыми способностями, что могутъ во всѣхъ случаяхъ полагаться на свою память), записывать. *Сообщеніе* имѣетъ мѣсто, когда узнанное пересказывается товарищамъ или кому случится. Первые двѣ степени извѣстны уже въ школахъ, третья еще не достаточно извѣстна; но было бы въ высшей степени полезно, если бы она была введена. Ибо справедливо: *кто обучаетъ другихъ, тотъ обучаетъ самъ себя*, и не только потому, что повтореніемъ воспріятого укрѣпляетъ въ себѣ знаніе, но и потому, что находитъ случай вникнуть глубже въ дѣло. Потому то высокоодаренный *Іоакимъ Форцій* *) свидѣтельствуешь, что все, что ему случалось когда-нибудь услышать или прочитать, испарялось въ теченіи мѣсяца; но тѣмъ, чему онъ училъ другихъ, владѣлъ такъ же хорошо, какъ своими пальцами, и не думаетъ, чтобъ что-нибудь, кромѣ смерти, могло вырвать изъ него это знаніе. Потому онъ рекомендуетъ учащимся, желающимъ сдѣлать большіе успѣхи, подыскивать себѣ учениковъ, которыхъ бы они ежедневно обучали тому, чему самъ учатся, хотя бы имъ пришлось находить учениковъ цѣною золота. «Лучше будетъ, говоритъ онъ, чтобъ ты пользовался твоими дарованіями, только бы нашлись люди, которые захотѣли бы слушать тебя—когда ты самъ еще учишься».

45) Но было бы весьма цѣлесообразно и послужило бы къ вѣрной пользѣ многихъ, *если бы въ каждомъ классѣ учитель ввелъ между своими учениками этого удивительный (admirabile) родъ упражненія*, именно такимъ образомъ: При каждомъ урокѣ учитель, рассказавъ вкратцѣ предметъ урока и объяснивъ ясно смыслъ словъ, равно показавъ и практическое примѣненіе изученнаго, заставляетъ встать одного изъ учениковъ и повторить все сказанное имъ въ томъ же порядкѣ (какъ будто бы теперь онъ самъ былъ учителемъ другихъ), объяснить тѣми же словами урокъ и показать примѣненіе его на тѣхъ же примѣрахъ, а учитель тотчасъ же поправляетъ ученика, какъ только тотъ ошибется. Потомъ вызывается другой, который долженъ сдѣлать тоже, что и первый ученикъ, въ то время какъ другіе ученики слушаютъ; затѣмъ третій, четвертый, и столько, сколько окажется нужнымъ для того, чтобъ убѣдиться, что всѣ поняли урокъ и

уже могут передать и повторить его. Я рекомендую держаться здѣсь того порядка, чтобы болѣе способные были вызываемы прежде, дабы менѣе способные, ободряемые примѣромъ первыхъ, могли легче слѣдовать за ними.

46) Подобное упражненіе принесетъ несомнѣнную пользу и именно въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

I. *Этимъ путемъ учитель пріобрѣтаетъ себѣ постоянно внимательныхъ учениковъ.* Такъ какъ каждому предстоитъ быть неожиданно вызваннымъ и повторить весь урокъ, каждый находится въ опасеніи предъ самимъ собою и предъ товарищами, то волей не волей онъ откроетъ уши, дабы ничего не пропустить. Свѣжесть внимательности всякаго рода, укрѣпленная многолѣтнимъ упражненіемъ, сдѣлаетъ юношу внимательнымъ ко всякаго рода обстоятельствамъ въ жизни.

II. *Учитель получитъ большую увѣренность въ томъ, что все, что онъ изложилъ предъ учениками, действительно вѣрно понято.* Если же онъ замѣтитъ, что урокъ не вполне понятъ, то немедленно, какъ въ своихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ учениковъ, постарается разъяснить непонятое.

III. *Когда одно и тоже будетъ столько разъ повторяться, то наконецъ поймутъ его и тупѣйшія головы, такъ что и онъ будетъ въ состояніи идти тогда наравнѣ съ другими,* между тѣмъ какъ болѣе одаренные почувствуютъ въ тоже время радость, что поняли урокъ вполне вѣрно.

IV. *Когда одинъ и тотъ же урокъ будетъ такимъ образомъ много разъ повторенъ, то всѣ ученики настолько усвоятъ его, какъ будто долгое время исключительно имъ занимались, и увидятъ на опытѣ, что если они перечитаютъ потомъ этотъ урокъ еще разъ утромъ или вечеромъ, то онъ какъ бы играючи и шутя (per ludum et jocum) запечатлѣвается въ ихъ памяти.*

V. *Такъ какъ при такомъ повторительномъ методѣ ученикъ привлекается къ нѣкотораго рода учебному дѣлу, то въ духъ его вселяется извѣстная бодрость, ревность къ ученію, и въ немъ образуется навыкъ непринужденно говорить о какомъ-нибудь предметѣ предъ большимъ обществомъ, а это принесетъ ему огромную пользу на всю жизнь.*

47. Такимъ образомъ, ученикамъ будетъ возможно и внѣ школы, когда они сойдутся или пойдутъ гулять, дѣлать раз-

личные сравненія и вести разговоръ о предметахъ, о которыхъ они узнали болѣе или менѣе долгое время тому назадъ или на который только что натолкнулись. Для этой потребности, пусть они, когда сойдутся въ достаточномъ числѣ, выберутъ одного изъ своей среды для исполненія роли учителя (либо по жребію, либо по голосованію), и поручать выбранному веденіе разсужденій. Если же кто-нибудь изъ избранныхъ своими соучениками для такихъ занятій сталъ бы отклоняться отъ нихъ, то его слѣдуетъ серьезно наставить. Ибо я требую съ желѣзною непреклонностью, чтобы не только никто не уклонялся отъ случаевъ учить и учиться, но чтобы скорѣе всѣ ревностно искали подобныхъ случаевъ. Объ упражненіи въ письмѣ (также весьма дѣйствительномъ вспомогательномъ средствѣ для прочнаго успѣха) будетъ подробнѣе говорено при описаніи народной и ученой школы (см. главы XXVII и XXVIII).

ГЛАВА XIX.

Правила кратчайшаго и скорѣйшаго ученія.

1). «Трудна задача, да и слишкомъ уже далеко заглядывается», скажетъ кто-нибудь. Сколько надо учителей, сколько библиотекъ потребно, сколько нужно труда на такое всеобъемлющее обученіе? Я отвѣчу: пусть такъ, но если и книгъ потребуются не огромное множество, и работа не протянется до безконечности, то дѣло еще можно будетъ устроить. Ибо это искусство столь же необъятно далеко и глубоко, какъ и самый міръ, который долженъ быть подчиненъ разуму. Но кто не знаетъ, что и громадное можетъ быть представлено въ сжатомъ видѣ, а обширныя вещи въ извлеченіи? Кому не извѣстно, что ткачи наискорѣйшимъ образомъ сплетаютъ тысячи тысячъ нитей и производятъ рисунки, удивляющіе своимъ разнообразіемъ? Кому неизвѣстно, что мельники безъ труда перемалываютъ тысячи тысячъ хлѣбныхъ зеренъ и безъ всякаго напряженія отдѣляютъ отруби отъ муки до возможной чистоты? Кто не знаетъ, что техники, съ далеко не обширными машинами и почти безъ всякаго напряженія силы, поднимаютъ и передвигаютъ огромнѣйшія тяжести, и, какъ учить механика, тяжесть въ одинъ лоть, привѣшенная къ

концу очень длинна неравноплечнаго рычага, уравновѣшиваетъ тяжесть нѣсколькихъ фунтовъ, привѣшенныхъ на короткое колѣно? Итакъ, производить великое не всегда дѣло силы, но и искусства. Неужели только ученымъ (педагогамъ) искусства отказывали бы въ помощи для остроумнаго исполненія ихъ жизненныхъ задачъ? Въ такомъ случаѣ чувство стыда должно было бы принудить насъ соревновать въ находчивости съ техниками и приискивать новыя средства противъ тѣхъ трудностей, надъ которыми до сихъ поръ трудилось школьное дѣло.

2) *Но эти средства мы найдемъ не раньше, какъ узнаемъ болѣзни и ихъ причины.* Что же это могло бы быть такое, что затормозило работу въ школѣ и ея успѣхи до такой степени, что большая часть учениковъ, въ теченіе всего проведеннаго ими въ школѣ времени, не только не изучали всѣхъ наукъ и искусствъ, но даже въ преддверіи не привѣтствовали ихъ?

3) Безспорными причинами такого состоянія можно признать слѣдующія:

Во-первыхъ, въ школахъ не было никакихъ определенныхъ цѣлей, до которыхъ должно было доводить учащихся въ теченіи извѣстныхъ годовъ, мѣсяцевъ и дней: все сливалось одно съ другимъ.

4) *Во-вторыхъ, не были определены пути, которые несомнѣнно приводятъ къ определеннымъ цѣлямъ.*

5) *Въ-третьихъ, то, что связано отъ природы, употреблялось не въ связномъ видѣ, но раздѣльно.* Обучали, напримѣръ, новичковъ (literarum tirones) сначала только чтенію, а письмо откладывали на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ латинской школѣ заставляли ребенка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возиться со словами безъ содержанія, и тратили юношескіе годы на изученіе грамматики, оставляя изученіе философіи для болѣе зрѣлаго возраста. Точно также заставляли только учиться, и никогда учить другихъ, между тѣмъ какъ все это (чтеніе и письмо, слова и содержаніе, ученіе и обученіе) должно было идти одновременно, подобно—тому, какъ при бѣганьи должно одновременно поднимать и опускать ноги, при разговорѣ—слушать и отвѣчать, при игрѣ въ мячъ—бросать и ловить мячъ, какъ это мы видѣли выше въ свое время.

6) *Въ-четвертыхъ, искусства и науки преподавались едва*

ли гдѣ достаточно энциклопедически (всеобъемлюще), но отрывочно. Замѣтилъ ли кто, чтобы гдѣ-нибудь науки и искусства ставились такъ ясно на виду предъ учащимися, какъ отчетливо видимъ кучи дровъ или хвороста, которыя въ нѣкоторомъ родѣ тоже связаны между собою? Потому и случалось, что одинъ хватался за одно, другой за другое, и ничье образованіе не было всеобщимъ и потому основательнымъ.

(7) *Вз-пятыхъ, ибо употребляли разнообразныя и различныя методы,—въ каждой школѣ свою; каждый отдѣльный учитель употреблялъ свою методу, и даже болѣе, одинъ и тотъ же учитель, въ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ случаѣ примѣнялъ одну методу, въ другомъ—другую; а хуже всего было то, что учителя не оставались послѣдовательны въ одномъ и томъ же предметѣ, такъ что ученики едва ли когда могли вѣрно понять, что собственно преподавалось. Оттого происходили задержки, остановки, и ученики, прежде чѣмъ приступали къ новымъ учебнымъ предметамъ, чувствовали отвращеніе и апатію къ нимъ, такъ что, вслѣдствіе подобныхъ ощущеній, многіе ученики не имѣли желанія даже и отвѣдать новые предметы.*

8) *Вз-шестыхъ, не доставало способа обучать одновременно всѣхъ учениковъ одного класса; учителя утомляли себя травлею отдѣльныхъ личностей.* Если же было много учениковъ, то учителямъ оставалось производить только ослиныя работы*), готовить ученикамъ либо случаи для безполезнаго досуга, либо, если имъ на это время была задана какая-нибудь работа,—тяжелое мученіе.

9) *Вз-седьмыхъ: если же было много учителей, то опять происходило новое замѣшательство, такъ какъ почти въ каждый часъ принимались и занимались другимъ дѣломъ, не говоря уже о томъ, что многочисленность учителей, а также и книгъ разсѣвала умы.*

10) Наконецъ, *въ-восьмыхъ, ученикамъ было предоставлено, безъ помѣхи со стороны учителей, читать и другія книги, какъ въ школѣ, такъ и вне ея; причемъ полагали, что чѣмъ болѣе*

*) *Asinus parere labores*, производить ослиныя работы—выраженіе это не совсѣмъ ясно. Вѣроятно Коменскій хочетъ выразить имъ, что учитель принуждается къ дѣятельности, которая, съ одной стороны, полна огромнаго труда, а съ другой—безмысленна.

пробѣтать авторовъ, тѣмъ болѣе это чтеніе будетъ содѣйствовать успѣху, между тѣмъ какъ этимъ умножалось только число средствъ для отвлеченія и разсѣянія духа. Вслѣдствіе этого, не то было уже удивительно, что немногіе проходили всѣ учебные предметы, а то, что кто-нибудь былъ въ состояніи найти выходъ изъ такихъ лабиринтовъ,—что впрочемъ выпадало на долю только отличнѣйшихъ талантовъ.

11. Итакъ, на будущее время всѣ эти препятствія и задержки должны быть устранены, и принято только то, что прямо ведетъ къ цѣли, безъ обходовъ, или (какъ гласить обыкновенное правило): *что можно выполнить съ малыми средствами, на то не надо употреблять чрезвычайныхъ усилій.*

12) Но пусть солнце неба послужить намъ образцемъ, какъ превосходная мысль, взятая изъ природы. Ибо, не смотря на то, что оно подвергаетъ себя многотрудной и почти безграничной работѣ (посылая свои лучи на землю и давая свѣтъ теплоту, жизнь и силу всѣмъ элементамъ и минераламъ, растеніямъ и животнымъ, число которыхъ безконечно),—его все-таки достааетъ на всѣхъ и—оно ежегодно вполнѣ оканчиваетъ кругъ своихъ обязанностей.

13. Поэтому мы рассмотримъ различные роды и образъ его дѣйствія и будемъ при этомъ примѣнять ихъ къ вышеупомянутымъ формамъ веденія школы.

I. *Солнце не занимается отдѣльными предметами*, напр. однимъ животнымъ, или однимъ деревомъ,—но освѣщаетъ, согрѣваетъ и наполняетъ испареніями всю землю.

II. *Одними и тѣми же лучами* оно освѣщаетъ все; однимъ и тѣмъ же сгущеніемъ облаковъ и потомъ разложеніемъ ихъ орошаетъ все; однимъ и тѣмъ же вѣтромъ, одною и тою же теплотою и холодомъ оно все проникаетъ.

III. *Въ одно и то же время* оно во всѣхъ странахъ, производя весну, лѣто, осень и зиму, заставляетъ одновременно все распускаться, цвѣсти и приносить плоды, при чемъ нѣтъ того противорѣчія, чтобы созрѣваніе происходило здѣсь раньше, тамъ позже, но все созрѣваетъ сообразно своей природѣ.

IV. *Оно также соблюдаетъ вездѣ одинъ и тотъ же порядокъ*, сегодня и завтра, въ нынѣшнемъ и слѣдующемъ году,—одну и ту же форму при извѣстнаго рода вещахъ, неизмѣнно и всегда.

V. Оно производитъ каждое произрастеніе изъ его стѣмни, а не изъ другаго.

VI. Оно также одновременно производитъ все, что и должно быть произведено въ одно время: древесину съ корою и сердцевиною, цвѣты съ листьями, плодъ со скорлупою, стебелькомъ и сѣмячками.

VII. Оно производитъ все въ извѣстной послѣдовательности, такъ что одно другому пролагаетъ путь и одно слѣдуетъ за другимъ.

VIII. Наконецъ, оно не производитъ ничего бесполезнаго, и если бы образовалось что-нибудь лишнее, то оно сжигаетъ и устраняетъ его.

14) Подражаніемъ этому будетъ, если:

I. школа, или по крайней мѣрѣ класса—будутъ имѣть только одного учителя;

II. въ одномъ предметѣ будутъ употреблять только одного автора;

III. когда одна и та же работа будетъ задаваться всему классу;

IV. если всѣ предметы и языки будутъ преподаваться по одной и той же методѣ;

V. если все будетъ преподаваться съ самыхъ основаній, коротко и прочно, такъ чтобы разумнѣе всѣхъ открывалось какъ бы ключемъ, а вещи открывались бы ему сами собою;

VI. если все, имѣющее между собою связь, и преподаваться будетъ въ связи;

VII. если все будетъ сохранять неизмѣнную постепенность, такъ чтобы все сегодняшнее укрѣпляло вчерашнее, а завтрашнему указывало путь дальше;

VIII. и наконецъ, если повсюду будетъ устраняться все бесполезное.

15) Если бы только привелось ввести это въ школахъ, тогда нечего было бы сомнѣваться, что круговое теченіе наукъ совершится легче и безъ помѣхи, какъ никто не сомнѣвается въ томъ, что солнце въ теченіе года закончить свое міровое теченіе. Теперь же перейдемъ къ самому дѣлу и посмотримъ, могутъ ли эти мѣры и насколько легко могутъ—быть приведены въ исполненіе.

ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА.

Какимъ образомъ одинъ учитель можетъ быть достаточною для цѣлаго класса, какъ бы много ни было въ немъ учениковъ.

16. Я не только утверждаю, что одному учителю возможно заниматься съ нѣсколькимистами учениковъ, но и вполне серьезно увѣряю, что онъ долженъ это дѣлать, ибо, какъ для учащаго, такъ и для учащихся, этотъ способъ наиболѣе цѣлесообразенъ. Первый, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ будетъ вести свое дѣло, чѣмъ больше толпа, которую онъ будетъ видѣть передъ собою (потобно тому, какъ рудокопы, при открытіи богатой руды, отъ радости плещутъ руками); и чѣмъ воодушевленнѣе будетъ онъ самъ, тѣмъ болѣе оживитъ и своихъ учениковъ. Точно также и для ученика—пріятно болѣе многочисленное общество товарищей (для всѣхъ составляетъ радостное удовольствіе имѣть поболѣе товарищей въ работѣ), и полезно на столько, на сколько они будутъ взаимно побуждать другъ друга къ работѣ и находить въ ней наслажденіе; ибо этотъ возрастъ имѣетъ свои особенныя побужденія къ соревнованію.

Кромѣ того, если у учителя будетъ не много слушателей, то что-нибудь изъ урока можетъ проскользнуть мимо ушей всѣхъ; если же учителя слушаютъ многіе, то каждый схватываетъ, что можетъ, а при слѣдующемъ повтореніи все это воспроизводится и обращается всѣмъ въ пользу, такъ какъ умъ на умъ, память на память дѣйствуютъ возбуждительно. Короче, какъ пекарь, однажды замѣсивъ тѣсто, однажды затопивъ печь, выпекаетъ многіе хлѣба; кирпичникъ обжигаетъ многіе кирпичи, печатникъ съ одного набора отпечатываетъ сотни и тысячи экземпляровъ книгъ: такъ и школьный учитель—одними и тѣми же учебными упражненіями долженъ умѣть одновременно и заразъ занимать значительное количество учениковъ, и притомъ такъ, чтобы никто не оставался безъ вниманія. Такъ же точно видимъ мы, что одного ствола достаточно, чтобы поддерживать цѣлое дерево, какъ бы оно ни было обильно сучьями, и проводить по немъ соки; видимъ также, что одно солнце въ состояніи оживлять всю землю.

17) Но какимъ же образомъ это можетъ совершиться? Разсмотримъ на приведенныхъ примѣрахъ, что совершается въ

природѣ. Стволъ не доходить до всѣхъ крайнихъ вѣтокъ, но, занимая свое мѣсто, сообщаетъ сокъ главнымъ сучьямъ, стоящимъ съ нимъ въ непосредственной связи; эти передаютъ другимъ, эти опять слѣдующимъ, и такъ далѣе, до самыхъ— крайнихъ и малѣйшихъ частицъ дерева. Такъ точно и солнце— не опускается на отдѣльные деревья, растенія и животныхъ, но съ высоты своей посылаетъ лучи и озаряетъ вмѣстѣ цѣлую половину земнаго шара, доставляя отдѣльнымъ существамъ потребные для нихъ свѣтъ и теплоту. Но при этомъ слѣдуетъ въ то же время имѣть въ виду, что положеніе мѣстности можетъ благопріятствовать дѣйствію солнца, такъ какъ лучи, собравшіеся въ котловинахъ долинъ, въ сильнѣйшей степени согрѣваютъ прилежащую окрестность.

18. *Итакъ, если дѣло будетъ установлено по этому образцу то и одного учителя будетъ вполне достаточно для весьма большой массы учениковъ. Именно:*

I. *если онъ раздѣлитъ всю массу на извѣстныя группы (tribus), напр., на десятки *) и надъ каждымъ десяткомъ поставить надзирателей (inspectores), а надъ ними опять старшаго, и т. д.*

II. *Если онъ никогда не обучаетъ учениковъ по одному, ни частнымъ образомъ, въ школы, ни при общественномъ преподаваніи, но всѣхъ одновременно и заразъ. Итакъ, учитель не подходитъ ни къ кому въ особенности и не дозволяетъ, чтобы и отдѣльные ученики подходили къ нему; напротивъ, онъ сидитъ на кафедрѣ (съ которой всѣ должны его видѣть и слышать, подобно солнцу, разливающему на всѣхъ свои лучи); всѣ же ученики направляютъ къ нему свой слухъ, зрѣніе и мысли, живо схватываютъ то, что онъ сообщаетъ имъ въ своемъ разсказѣ и что показываетъ рукою или на картинахъ. Такимъ образомъ, по пословицѣ, «изъ одного горшка удастся побѣлить не двѣ стѣны, а всѣ заразъ».*

*) Слова Tribus (собственно племя, колено) и decuria (десятки), какъ извѣстно, были весьма употребительны въ римской государственной жизни, а именно: подъ трибами понимали въ древнѣйшемъ періодѣ существованія Рима три племена: Ramnes, Tities, Luceres. При Сервіѣ Туллѣ земли были раздѣлены на 30 трибъ, рядомъ съ которыми продолжали существовать названные три родовыя трибы. Впослѣдствіи произошли многочисленныя перемѣны. Сравни между прочими Liv, lib I, cap. 13, Gottling, Государ. устройст. Рима, стр. 235 и слѣд., Нибура Рим. Ист. I, 426 и слѣд., Orelli, Inscr. Vol. II p. 11 — 28

19. III. Нужно только искусство направлять вниманіе всѣхъ учениковъ вообще и каждого въ отдѣльности на учителя и зарождать въ нихъ увѣренность, что уста учителя—источникъ (чѣмъ они и должны быть), изъ котораго изливаются для нихъ ручейки наукъ (scientiarum rivuli), и приучать ихъ, какъ только источникъ этотъ открывается, тотчасъ же подставлять сосудъ вниманія (attentionis vas). Итакъ, особенная забота учителя *должна* состоять въ томъ, чтобы ничего *не говорить*, чтобы не выслушивать и *ничему не учить, если нѣтъ вниманія*. Если гдѣ-нибудь слово Сенеки имѣетъ значеніе, то это именно здѣсь: «Не говори ничего тому, кто тебя не слушаетъ». А также и изрѣченіе Соломона: «Разумный человекъ имѣетъ драгоценный духъ (Причт. Сол, XVII, 23), — то-есть духъ, который человекъ не выбрасываетъ на вѣтеръ, но вѣдряетъ въ сердце людей.

20. Но вниманіе возбуждается и поддерживается не только декуріонами и надзирателями, на которыхъ возложена подобнаго рода забота (если эти лица прилежно наблюдаютъ за другими), но еще болѣе самимъ учителемъ, а именно при слѣдующихъ восьми условіяхъ:

I. Когда учитель старается *сообщать всегда что-нибудь интересное и полезное*; ибо тѣмъ самымъ поддерживается вниманіе и возбуждается любознательность учениковъ;

II. Когда *предъ началомъ ученія учитель заинтересовываетъ учениковъ, рекомендуя имъ предметъ, о которомъ будетъ бесѣда, или когда онъ возбуждаетъ учениковъ, вызывая ихъ вопросами*; это можно слѣдовать при помощи пройденнаго, пользуясь связью послѣдняго съ новымъ предметомъ, или вообще съ помощью извѣстнаго, такъ, чтобы ученики замѣтили невѣжество свое относительно предмета и возбуждались къ болѣе живому воспріятію объясненія его;

III. Когда *учитель, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, видитъ*

и р. 147. — Decuria, обозначеніе количества десяти человекъ, употреблялось первоначально для обозначенія такого же числа судей, сенаторовъ, всадниковъ, писцовъ и т. п. Раздѣленіе школъ и классовъ на декуріи встрѣчалось часто въ уставахъ школъ XVI и XVII стол., напр. въ школьномъ уставѣ княжества Вюртембергскаго отъ 1559 г. Тамъ подчиненные декуріону ученики назывались «Rottgesellen». Также и *Штурмъ* имѣлъ декуріоновъ въ своей знаменитой Страсбургской школѣ.

все вокруг и не допускает никого смотреть куда-нибудь в сторону, а только прямо на самого учителя *);

IV. Когда онъ поддерживаетъ вниманіе тѣмъ, что повсюду, гдѣ только возможно, будетъ вводить наблюдение посредствомъ внѣшнихъ чувствъ (какъ это было показано выше, въ главѣ XVII, въ третьемъ пунктѣ, 8 правила.) Ибо это не только облегчаетъ пониманіе, но содѣйствуетъ и вниманію;

V. Когда учитель по временамъ прерываетъ свою работу и говоритъ: «Ты, или ты, что я сейчасъ сказалъ?»— «Повтори!» «Ты, по поводу чего мы дошли до этого?» и тому подобное, смотря по тому, на какой степени знаній стоитъ классъ. Если кто-нибудь будетъ замѣченъ въ невнимательности, то получаетъ выговоръ и немедленно исправляется *): такимъ образомъ возбуждается ревностное вниманіе.

VI. Подобнымъ образомъ, когда одного спросятъ, и онъ запиется, спроси тотчасъ второго, третьяго, десятаго, тридцатаго, и требуй отвѣта, не повторяя вопроса. Все это для той цѣли, чтобы всѣ были внимательны къ тому, что говорится одному, и обращали бы сказанное въ свою пользу.

VII. Можетъ и такъ случиться, что когда тотъ или другой ученикъ чего-нибудь не знаетъ, то учитель спрашиваетъ цѣлый классъ, и тогда того, кто раньше и лучше всѣхъ отвѣтитъ, хвалитъ предъ всѣми; дабы его примѣръ возбуждалъ соревнованіе; ошибется ли при этомъ кто-нибудь, поправь его, причемъ и поводъ къ ошибкѣ (который безъ труда откроетъ проникательный учитель) обнаруживается и устра-

*) На заглавной картинѣ полнаго изданія (Лаврентія де Геера, 1657, въ Амстердамѣ) дидактическихъ сочиненій Коменскаго послѣдній изображенъ сидящимъ у стола и пишущимъ. Его лѣвая рука указываетъ на открытую дверь, сквозь которую можно видѣть школьную комнату, въ которой идетъ преподаваніе. Учитель и ученики (юноши) покрыты плащами и имѣютъ на головахъ шляпы. Сидѣнья учениковъ похожи на церковныя скамьи и находятся частію впереди учителя, частію по бокамъ его. Всѣ взоры обращены на учителя. Послѣдній стоитъ на кафедрѣ, возвышенной отъ пола локтя на два и похожей также на церковную кафедру.

*) *Castigetur*, чтобъ онъ былъ сдѣланъ *castus*,—чистымъ, яснымъ, безъ пятенъ; это можетъ быть достигнуто посредствомъ увѣщаній, или замѣчаній. Предшествующее слово *inreperitur* даетъ основаніе заключать, что подразумѣвается именно эта мѣра. (Ср. Гл. XVII, 8. Полож. 41, I). Предписаніе: «При обученіи не слѣдуетъ употреблять побоевъ».

няется. Трудно повѣрить, какъ велика будетъ отъ этого польза для возможно скорого успѣха.

VIII. *По окончаніи урока, предоставь ученикамъ случай спросить учителя о томъ, о чемъ они желаютъ услышать поясненіе;* такъ какъ въ продолженіи истекшаго учебнаго часа, или прежде, въ ученикахъ могло зародиться и сомнѣніе о чемъ нибудь. Не идущіе къ дѣлу разспросы не должны имѣть мѣста; спрашивать разъясненія у учителя должно вслухъ, и кто нуждается въ разъясненіи, тотъ можетъ спросить или самъ, или чрезъ своего надзирателя (въ случаѣ если послѣдній окажется не въ состояніи самъ дать просимый отвѣтъ), дабы все обращалось на благо всѣмъ, какъ спрашиваемое, такъ и отвѣтъ. Того, кто чаще возбуждаетъ полезные вопросы, слѣдуетъ чаще и хвалить, дабы не было недостатка въ образцѣ прилежанія и рвенія.

22. Такое ежедневное упражненіе вниманія принесетъ юношамъ пользу, не только для школы, но и для всей послѣдующей жизни. Если они такими упражненіями, продолжающимися въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, приучатся исполнять то, что слѣдуетъ исполнять, то и впредь будутъ дѣлать все съ полнымъ присутствіемъ духа, не ожидая напоминаній и подталкиваній со стороны другихъ. *И если школы будутъ таковы, то развѣ нельзя было бы разсчитывать на плодоноснѣйшее приращеніе умныхъ головъ?*

23. Но можетъ быть сдѣлано возраженіе: «Вѣдь нужно же надзирать за отдѣльными учениками,—въ какой чистотѣ сохраняетъ каждый свои книги, правильно ли онъ записываетъ уроки, тщательно ли выучиваетъ ихъ на память. Если же число учениковъ велико, то на это потребуется много времени». Я отвѣчу: *Вовсе не необходимо, чтобъ все были переспрошены, или чтобъ книги всѣхъ осматрѣны.* Ибо, такъ какъ учитель имѣетъ для содѣйствія себѣ декуріоновъ, то эти и должны наблюдать, каждый за порученными ему учениками, дабы всякій ученикъ непремѣнно правильно исполнялъ все требуемое.

24. Но и самъ учитель, подобно старшему надзирателю, можетъ обращать вниманіе то на одного, то на другого, преимущественно затѣмъ, чтобъ испытать, на сколько заслуживаютъ довѣрія тѣ, которымъ онъ не вполне довѣряетъ. Напр.,

урокъ, заданный наизусть, рассказываетъ первый, второй, третій, и кого бы учитель ни вызвалъ, изъ высшихъ, или изъ низшихъ учениковъ, остальная масса слушаетъ. Такимъ образомъ, всѣ должны быть готовыми къ отвѣту, такъ что ни одинъ не остается безъ ожиданія вопроса. Если учитель замѣчаетъ, что спрошенный отвѣчаетъ успѣшно, и получаетъ увѣренность, что и остальное ученикъ знаетъ также, то можетъ приказать другому продолжать. Если и у этого отвѣтъ пойдетъ отчетливо, то у третьяго онъ можетъ спросить какое-нибудь правило или одинъ параграфъ и т. д. Такимъ образомъ, по испытаніи немногихъ—онъ можетъ оставаться спокойнымъ относительно всѣхъ.

25. Точно такъ же нужно поступать и при упражненіяхъ подъ диктовку, если таковыя случатся. Надо заставить одного или другого, а если окажется неудобнымъ, то и многихъ, прочесть громко и отчетливо, съ яснымъ обозначеніемъ періодовъ; остальные между тѣмъ слѣдятъ по своимъ тетрадамъ и исправляютъ ошибки. *Время отъ времени онъ можетъ бѣглыми взглядами осматривать также и самыя тетради*—то одного, то другого ученика, и кто будетъ пойманъ въ небрежности, тотъ подвергается заслуженному взысканію.

26. *Исправленіе стилистическихъ работъ требуетъ уже, повидимому, большаго времени; но и здѣсь можно облегчить свою задачу, слѣдуя по тому же пути.* Напр., при упражненіяхъ въ переводѣ съ одного языка на другой—пусть поступаютъ такъ: послѣ того, какъ декуріоны удостовѣрились, что всѣ приготовили свою работу, заставляють встать одного ученика, который вызываетъ по своему выбору другаго, какъ своего противника (*antagonista*). Когда другой тоже всталъ, первый читаетъ свой переводъ по періодамъ, между тѣмъ какъ всѣ внимательно слушаютъ; учитель же (или по крайней мѣрѣ декуріонъ) стоитъ рядомъ, для наблюденія и повѣрки правописанія. Когда ученикъ прочиталъ фразу, то останавливается, а противникъ поправляетъ, когда замѣтитъ какую-нибудь ошибку. Тогда предоставляется другимъ ученикамъ изъ того же десятка (декуріи) произнести свое сужденіе, потомъ уже всему классу, и наконецъ высказываетъ свое замѣчаніе учитель, если найдетъ еще что-либо, о чемъ нужно напомнить. Между тѣмъ всѣ слѣдятъ по своимъ тетрадамъ и поправля-

ють, если найдуть подходящія ошибки, за исключеніем противника, который, не исправляя своей работы, долженъ подвергнуть ее общему обсужденію. Когда такимъ образомъ первая фраза будетъ обсуждена и наилучшимъ образомъ отдѣлана, переходятъ къ другой фразѣ, и такъ до конца. Потомъ, такимъ же образомъ прочитываетъ свою работу противникъ, и тотъ, который вызвалъ его, наблюдаетъ, чтобы онъ не читалъ, вмѣсто неисправленного, исправленное; теперь, какъ и прежде, совершается цензура надъ отдѣльными словами, выраженіями и предложеніями. Затѣмъ такимъ же образомъ и другіе дѣлаютъ что-нибудь подобное, насколько позволитъ время.

27. Декуріоны же обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы предъ началомъ исправленія всѣ приготовили свою работу. Впродолженіе времени исправленія — они должны слѣдить, чтобы ученики по замѣченнымъ чужимъ ошибкамъ исправляли свои собственныя.

28. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что

I. для учителя уменьшается работа;

II. что изъ всего класса никто не остается въ пренебреженіи, но всѣ обучаются;

III. изощряется вниманіе всѣхъ;

IV. *сказанное по какому-нибудь случаю одному, обращается равномерно въ пользу всѣмъ.*

V. *Разнообразіе выраженій, которое не можетъ не встрѣтаться у различныхъ учениковъ, образуетъ и укрѣпляетъ различнымъ образомъ какъ сужденіе о предметъ, такъ и употребленіе языка.*

VI. *Наконецъ, послѣ того какъ покончится съ первымъ, вторымъ, третьимъ ученикомъ, окажется, что у остальныхъ или мало, или вовсе не остается ошибокъ. Если же, затѣмъ, останется время, то вообще его можно употребить на то, чтобы ученики, имѣющіе какое-нибудь сомнѣніе относительно исполненія своей работы, или же думающіе, что лучше другихъ исполнили ее, подвергали ее на общее обсужденіе и тутъ же выслушивали свой приговоръ.*

29. Что здѣсь для примѣра было говорено объ упражненіяхъ въ переводахъ, то можетъ быть легко примѣнено по уп-

ражненіямъ въ слогѣ (стилистическимъ), въ краснорѣчіи, въ логикѣ, богословіи, философіи и друг.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что одинъ учитель можетъ быть достаточенъ на сотню учениковъ, причемъ для него не болѣе труда, чѣмъ съ двумя учениками.

ВТОРАЯ ПРОБЛЕМА.

Какъ можно сдѣлать, чтобы всѣ обучались по однимъ и тѣмъ же книгамъ

Что разнообразіе предметовъ разсѣваетъ чувства, этого никто не отрицаетъ. Поэтому, будетъ чрезвычайною выгодною *, вопервыхъ, когда:

1. *ученикамъ будетъ дозволено употреблять только такія книги, которыя назначены для ихъ класса*, дабы постоянно при-мѣнялось къ дѣлу слово, которое у древнихъ говорилось совершающимъ обряды богослуженія: «*Сіе совершай!*» Ибо чѣмъ менѣе постороннія книги будутъ развлекать глаза, тѣмъ болѣе классныя книги будутъ назидать умъ;

32. II. *если будутъ всѣ на лицо однообразныя школьныя принадлежности,—доски, прописи, учебники, словари, системы искусствъ и проч.* Ибо, если учителя (какъ это случается) во время самаго класса заготавливаютъ для учениковъ таблицы для чтенія, пишутъ каллиграфическіе образцы *), диктуютъ

*) Compendium insigne fu-rit—Лейтенбехеръ переводитъ (какъ въ 31, такъ и въ 50 отд. XIX главы): руководство (compendium) должно быть отлично хорошимъ и цѣлесообразнымъ. Что это не вѣрно, видно изъ слѣдующихъ словъ: si scholasticis non permittantur libelli etc., если ученикамъ не будутъ дозволены книжки и т. д. Но, прежде всего, compendium означаетъ вовсе не руководство, но *сбереженіе, вымысли, преимущество*,—и если взять слово въ этомъ первоначальномъ, коренномъ значеніи, то сдѣланный нами, согласно Бегеру, переводъ является соотвѣтствующимъ мысли автора и тексту подлинника. Ср. ниже § 34, гдѣ Коменскій compendium ставитъ рядомъ съ facilitas, soliditas, очевидно тоже не въ смыслѣ „руководства“, но—качества обученія. Въ § 40: Naturalem igitur methodum ubique servari compendium erit discentibus.... Всѣ эти и многія другія мѣста доказываютъ вѣрность принятаго нами здѣсь перевода.

*) Какъ на правильно требованіе имѣть наготовѣ и въ достаточномъ количествѣ всѣ школьныя принадлежности, но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы предлагать ученикамъ въ готовомъ уже видѣ и законченнымъ все то, что ученики должны воспроизводить сами. Скорѣе при этомъ должно быть правиломъ: *Что ученики должны воспроизводить, то должно возникнуть передъ ихъ глазами.* По этой причинѣ, и именно при начальномъ обученіи, слѣдуетъ изгнать прописи для чистописанія и рисованія (печатныя или писанныя). Учитель, предъ

правила, тексты или переводы текстовъ и проч.—то сколько времени теряется на это! Такимъ образомъ, будетъ очень полезно имѣть заготовленными въ достаточномъ количествѣ всѣ книги, которыя употребляются во всѣхъ классахъ; къ тѣмъ же, которыя должны быть переведены на родной языкъ, полезно имѣть въ то же время и переводъ. Такимъ образомъ, время, которое слѣдовало бы употребить на диктовку, извлеченіе и переводы, гораздо производительнѣе можетъ быть посвящено самому объясненію, повторенію и опытамъ воспроизведенія.

33. *При этомъ нечего будетъ опасаться поспѣшности, нерадивости со стороны учителей.* Ибо какъ о проповѣдникѣ, который, прочитавъ изъ библіи текстъ, объяснилъ смыслъ и примѣненіе его (для наученія, увѣщанія, утѣшенія и проч.) и вложилъ въ сердце слушателя,—должно сказать, что онъ исполнилъ свою обязанность, если онъ даже и не самъ перевелъ текстъ изъ источниковъ, но заимствовалъ откуда-нибудь готовый переводъ (ибо слушателямъ это все равно): точно также и ученикамъ все равно, самъ ли учитель, или кто-нибудь другой, раньше его, приготовилъ учебный матеріалъ, если только то, что относится къ дѣлу, находится подъ рукою; учитель же долженъ только тщательно объяснить примѣненіе этого матеріала. Имѣть же наготовѣ необходимое чрезвычайно полезно; ибо при этомъ является болѣе увѣренности въ избѣжаніи ошибокъ и дается болѣе простора для практическихъ упражненій.

34. *III. Итакъ, соответственно законамъ легкости, прочности и выигрыша времени должны быть составлены для всѣхъ школъ книги, которыя заключали бы въ себѣ все изложеннымъ въ полнотѣ, основательно и тщательно, дабы изображали собою совершенно вѣрную картину всей вселенной (которая должна отразиться въ умахъ). И, чего я рѣшительно желаю и къ чему*

глазами учениковъ, долженъ самъ начертать букву, написать слово, нарисовать фигуру, для показанія послѣдовательнаго образованія линій, распредѣленія тѣни и свѣта и т. п., подражая чему долженъ будетъ поступать и ученикъ. Даже въ такихъ предметахъ, въ которыхъ не имѣетъ мѣста подражаніе, но образъ со всѣми его частностями долженъ запечатлѣться въ памяти, очень часто будетъ весьма небезполезно, предварительно представленія общей картины, выработать въ теченіи самого урока контуры и важнѣйшія подробности. Это имѣетъ особенное значеніе при преподаваніи географіи.

неуклонно стремлюсь, книги эти должны быть изложены во всѣхъ частяхъ вполне понятно и общедоступно, дабы онѣ вполне могли служить учащимся свѣточемъ, дающимъ возможность свободно, даже безъ помощи учителя, понимать все.

35. *Для этой цѣли, желательно, чтобы эти книги были изложены въ разговорной формѣ.* Такимъ образомъ (1) возможно принаровить содержаніе и изложеніе книгъ къ пониманію дѣтей, дабы онѣ не представляли предметы, пониманіе которыхъ для дѣтей либо невозможно, либо чрезмѣрно трудно; ибо *нѣтъ ничего болѣе искренняго и естественнаго, какъ разговоръ*, съ помощью котораго человѣкъ постепенно и незамѣтно можетъ быть доводимъ до цѣли. Въ этой именно формѣ сочинители комедій изложили все, что ими было замѣчено относительно упадка нравовъ, для назиданія народовъ; въ такой же формѣ начерталъ и Платонъ всю свою философію, Августинъ все свое богословіе, и весьма многое Цицеронъ; всѣ они писали такъ, имѣя въ виду облегчить пониманіе читающихъ. 2) *Разговоры возбуждаютъ, оживляютъ и усиливаютъ вниманіе*, а именно посредствомъ обмѣна вопросовъ и отвѣтовъ, въ ихъ различныхъ сочетаніяхъ и формахъ, пересыпанныхъ остроумными замѣчаніями; самое разнообразіе и перемѣна лицъ, ведущихъ разговоръ, не только освобождаетъ умъ отъ скуки, но, вызывая его на работу, возбуждаетъ желаніе слушать. 3) *Путемъ разговора и образованіе становится болѣе прочнымъ.* Ибо, какъ мы вѣрнѣе запоминаемъ то происшествіе, которому мы сами были свидѣтелями, чѣмъ то, о которомъ только слышали рассказъ; то и въ головахъ учащихся прочнѣе запечатлѣвается то, что изучается на подобіе комедіи, или разговора (ибо это дѣйствуетъ на насъ такъ же, какъ будто мы что нибудь не слышали, а видѣли), чѣмъ то, что мы слышали изъ голаго устнаго изложенія учителя, какъ то доказываетъ опытъ. 4) Такъ какъ большая часть нашей жизни проводится въ обращеніи въ обществѣ, то юношество легко готовится къ нему, если оно пріучается не только узнавать полезное, но и *говорить о томъ разнообразно, изящно, солидно и непринужденно.* 5) *Наконецъ, разговоры служатъ также и для легчайшаго повторенія*, даже частно между учениками*),

*) Коменскій придавалъ большое значеніе діалогу въ преподаваніи, и въ его Opera omnia didactica находится цѣлый рядъ учебныхъ діалоговъ, подъ общимъ

36. IV. *Далѣе, хорошо также, если книги будутъ одного и того же изданія, такъ что страница, строка будутъ согласны между собою, именно для справокъ и удобства записыванія, дабы не происходило въ этомъ задержки.*

37. V. Но также этому будетъ существенно содѣйствовать, *если изъ всѣхъ книгъ каждаго класса будутъ начертаны извлеченія на стѣнахъ классной комнаты, или тексты (въ сжатой формѣ), либо картины и рельефныя изображенія, чрезъ что ежедневно упражнялись бы чувства, память и духовныя силы учащихся.* Не безцѣльно же было то, что какъ повѣствуютъ древнѣе, въ храмѣ Эскулапа были начертаны на стѣнахъ всѣ предписанія врачебнаго искусства, которыя списалъ Гиппократъ, тайно проникшій въ храмъ. Ибо и Богъ также наполнилъ огромный театръ міра (Mundi theatrum) картинами, статуями и рисунками, какъ бы живыми характерными чертами своей мудрости, и хочеть посредствомъ ихъ научать насъ. (Объ этихъ изображеніяхъ будетъ болѣе говорено при специальномъ описаніи классовъ).

ТРЕТЬЯ ПРОБЛЕМА.

Какъ можно сдѣлать, чтобы всѣ ученики въ школь занимались въ одно и тоже время однимъ и тѣмъ же.

38. Несомнѣнно, что было бы весьма полезнымъ, если бы всѣ ученики одного класса занимались въ одно и тоже время однимъ и тѣмъ же предметомъ; ибо это облегчило бы трудъ учителя и принесло бы болѣе пользы ученикамъ. Тогда только одинъ подстрекалъ бы другаго, когда мысли всѣхъ обращались бы около одного и того же предмета и упражнялись на немъ, при чемъ ученики, по обоюдномъ сравненіи работъ, поправляли бы одинъ другаго. Какъ военачальникъ (militum tribunus) не производитъ упражненій отдѣльно съ каждымъ рекрутомъ, но ведетъ на плацъ одновременно всѣхъ солдатъ и показываетъ имъ употребленіе оружія, родъ и способъ дѣйствія ими, и какъ онъ требуетъ, чгобы, въ случаѣ если онъ когда нибудь и будетъ обучать кого-либо изъ солдатъ отдѣльно, остальные все таки производили бы то же,

названіемъ «Schola ludus, seu Encyclopaedia viva, hoc est janua linguarum praxis scienіia». Opp. Omn. Did. 1654. p. 111, 831—1040 pg.

устремляли на то свое вниманіе и повторяли то же самое; такъ же точно долженъ поступать и учитель.

39. Чтобы сдѣлать это возможнымъ, необходимо:

I. *чтобы учебный курсъ начинался ежегодно только одинъ разъ*, точно также, какъ одинъ только разъ въ году (весною) солнце начинаетъ свою дѣятельность въ растительномъ мірѣ;

II. *чтобы все, что должно быть пройдено, было распределено на каждый годъ, каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю, каждый день, и даже на каждый часъ чтобы приходилась известная задача (pensum)*, дабы безъ всякаго препятствія вести всѣхъ въ одно время и доводить ихъ до цѣли. (О чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, въ своемъ мѣстѣ).

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОБЛЕМА.

Какъ можно сдѣлать, чтобы все преподавалось по одной и той же методѣ.

40. Что для всѣхъ наукъ имѣется только одна естественная метода, равно какъ одна только метода существуетъ для искусствъ и языковъ, это будетъ показано въ главахъ XX, XXI и XXII. Отклоненіе или различіе въ методахъ, если бы и пришлось ихъ допустить, не на столько значительны, чтобы требовали установленія новаго вида (species) методы; они происходятъ не изъ существа самой вещи, но зависятъ отъ усмотрѣнія учителя; послѣднее же обуславливается какъ особымъ сопоставленіемъ языковъ и искусствъ между собою, такъ способностями и успѣхами учениковъ. Такимъ образомъ; если повсюду будетъ примѣнена естественная метода, то это послужитъ къ выгодѣ учащихся, подобно тому, какъ для путниковъ единственный и простой путь есть путь безъ распутий. О частныхъ различіяхъ въ методахъ будетъ упомянуто въ соответствующемъ мѣстѣ, при ихъ специальномъ разсмотрѣніи, когда утвердятся незыблемо общее требованіе.

ПЯТАЯ ПРОБЛЕМА.

Какъ въ немногихъ словахъ можетъ быть раскрытъ смыслъ многихъ вещей.

41. Наполнять умъ массою книгъ и словъ — бесполезное дѣло. Ибо кусочекъ хлѣба и глотокъ вина навѣрное доставляютъ человѣческому желудку болѣе пищи, чѣмъ полный

чанъ мякинной смѣси. Одна маленькая золотая монета въ кошелкѣ имѣетъ болѣе цѣнности, чѣмъ сто свинцовыхъ. А о правилахъ Сенека выразительно говоритъ: «Ихъ надо сѣять по роду сѣмени, которое потребно не въ большомъ количествѣ, но доброкачественное» *). Итакъ, сохранять значеніе то, что было изложено въ V главѣ: Человѣку, какъ бы малому міру (*микрокосм*), врожденно сѣмя знанія, и стоитъ только внести въ него свѣтъ, и онъ тотчасъ же будетъ видѣть. Но кто же не знаетъ, что для человѣка, работающаго ночью, достаточенъ свѣтъ и отъ малаго свѣтильника? *Итакъ, нужно выбрать или составить учебники *) искусствъ и языковъ по объему малые, по пригодности наилучшіе, которые представляли бы матеріалъ въ сокращенномъ видѣ, въ немногомъ заключали бы многое* (Ср. XXXII, 10), т. е. которые представляли бы глазамъ учениковъ основной матеріалъ такъ, какъ онъ есть, въ немногихъ, но избранныхъ и для пониманія возможно легкихъ основныхъ положеніяхъ и правилахъ, изъ которыхъ все остальное дѣлалось бы доступнымъ для разумѣнія.

ШЕСТАЯ ПРОБЛЕМА.

Какъ устроить, чтобы посредствомъ одной дѣятельности выполнить двойное или тройное дѣло.

42. Что одновременно и съ одной дѣятельностью возможно производить различныя работы, это показываетъ сама природа на многихъ примѣрахъ. *Дерево* развивается, безъ сомнѣнія, одновременно и книзу, и вверх, и въ стороны; при этомъ одновременно происходитъ приращеніе древесины, коры, листьевъ и цвѣтовъ. Это можно также наблюдать и на *животныхъ*, члены которыхъ укрѣпляются всѣ въ одно время. Но одинъ и тотъ же членъ имѣетъ многія отправленія. Ноги, напр., поднимаютъ человѣка, служатъ ему опорой, переносятъ его впередъ, служатъ для поворота различнымъ образомъ. Ротъ столько же входная дверь организма, сколько и

*) De praeceptis Seneca expresse dixit: Seminis in modum spargenda esse etc.—Лейтбехеръ переводитъ: Сѣмя должно сѣять умѣренно и проч.; но in modum значить не *умѣренно*: Seminis in modum—по роду сѣмени; также и spargenda не можетъ относиться къ Seminis.

*) Учебники не совсѣмъ точно; fundamentales libelli, говоритъ Коменскій, понимая подъ этимъ выраженіемъ книги, которыя закладываютъ фундаментъ для знанія учащихся.

дробильная мельница, и труба, издающая звукъ, по желанію. Однимъ вдыханіемъ воздуха легкія освѣжаютъ сердце, очищаютъ кровь, производятъ звукъ голоса и т. п.

43. Тоже бываетъ и въ произведеніяхъ искусства. Въ солнечныхъ часахъ (sciothericon) одинъ и тотъ же указатель, одною и тою же тѣнью, можетъ показать часть, знакъ зодіака, въ которомъ въ то время стоитъ солнце, долготу дня и ночи, день мѣсяца, и многое другое. Въ каретѣ одно и то же дышло служить для того, чтобы поворачивать и останавливать ее. Но и хорошій ораторъ и поэтъ поучаетъ, возбуждаетъ и услаждаетъ однимъ и тѣмъ же произведеніемъ, хотя бы эти три свойства встрѣчались и раздѣльно одно отъ другого.

44. Образованіе юношества должно быть устроено такимъ же образомъ, чтобы *каждая работа приносила больше, чѣмъ одинъ плодъ*. Общее правило этого способа состоитъ въ томъ, чтобы *всегда и вездѣ относительное (relatum) разсматривалось съ своимъ соотносительнымъ (cum suo correlato)*; напр., слово и вещь, чтеніе и письмо; упражненіе въ слогѣ съ упражненіемъ въ мысленіи; обученіе и ученіе, веселое и серьезное, и тому подобное, что можно придумать въ этомъ родѣ,—всегда бы соединялось вмѣстѣ.

45. 1). Итакъ, *словамъ должно учить и учиться только въ соединеніи съ вещами*, такъ точно, какъ вино покупается, продается и переносится съ бочкой, шпага съ ножнами, древесина является съ корою, плоды—со скорлупою. Ибо что такое слово, какъ не шелуха и не оболочка для вещи? Слѣдовательно, когда бъ и какому бы языку ни учились, хоть бы даже своему родному, должно показывать вещи, обозначаемыя словами; и наоборотъ, ученики должны быть научаемы выражать въ словахъ то, что они видятъ, слышать, осязаютъ, вкушаютъ, чтобы языкъ развивался и совершенствовался постоянно параллельно съ разсудкомъ. Такимъ образомъ, правило могло бы гласить такъ: *Насколько кто понимаетъ, настолько пріучается и говорить, или, наоборотъ, кто что говоритъ, тотъ долженъ учиться и понимать*. Не должно никому позволять говорить о чемъ-нибудь, чего онъ не понимаетъ, или чего онъ не могъ бы выразить. Ибо кто не можетъ выразить своихъ мыслей, тотъ подобенъ статуѣ; а кто

болтасть безъ разумѣнія, тотъ пошугай. Но мы образуемъ людей и хотимъ образовъ ихъ съ пользою, а это совершится, если постоянно рѣчь и вещи, вещи и рѣчь будутъ идти равнымъ шагомъ (pari passu).

46. Въ силу этого закона, должны быть удалены изъ школы всѣ сочиненія, которыя учатъ только словамъ, не присоединяя знанія полезныхъ вещей. Прежде всего должно имѣть въ виду заботу о наиболѣе предпочтительномъ. «Надо стараться о томъ, говорить Сенека, *) чтобы мы пользовались не словами, а внѣшними чувствами.» Нравится кому чтеніе, то дозволять читать внѣ школы, слегка и скоро, безъ долгаго и труднаго объясненія, или безъ заботливаго стремленія подражать; послѣднее лучше могло бы быть обращено на болѣе полезныя занятія.

47. II. Также *упражненія въ чтеніи и письмѣ должны всегда имѣть общую связь въ изящно обработанномъ руководствѣ.* Ибо для учениковъ, обучающихся азбукѣ, едва ли можетъ быть придумано болѣе дѣйствительное побужденіе и болѣе сильная приманка, какъ если ихъ заставляютъ учить буквы посредствомъ написанія ихъ. Желаніе рисовать почти прирождено дѣтямъ, а потому упражненіе это доставляетъ имъ удовольствіе; да и сила воображенія сильнѣе возбуждается дѣйствіемъ двухъ чувствъ. *Когда потомъ они будутъ упражняться въ болѣе бѣгломъ чтеніи, то пусть выбираютъ такіа статьи, которыя должны быть изучаемы ими впоследствии,* напр. такіа, которыя сообщаютъ познаніе природы, правила морали, благочестія. Такъ же слѣдуетъ поступать, когда дѣти сначала учатся читать по латыни, по гречески, по еврейски; *весьма будетъ полезно, если ученики, переписывая и перечитывая уроки, будутъ повторять склоненія и спряженія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не усвоится чтеніе, письмо и значеніе словъ, пока не закрѣпится самое образованіе опредѣленія *).* Здѣсь, слѣдовательно, получится четверичный плодъ отъ одной и той же работы. Но такое, въ высшей степени полезное, сбереженіе можетъ быть распространено на всю область учебныхъ занятій, дабы то, что *приобрѣтается при чтеніи, посредст-*

*) Senec. epist. IX.

*) При этой фразѣ Коменскій сдѣлалъ съ боку отнѣту: «Прекрасный совѣтъ».

вома пера превращалось въ кровь и плоть, какъ говорить Сенека, или какъ говорить Августинъ, дабы успывая писали, а занимающьясь письмомъ успывали.

48. III. Упражненія въ слогѣ задаются обыкновенно почти безъ выбора предмета, или безъ внутренней связи между темами, отчего и происходитъ, что они суть исключительно упражненія въ слогѣ, а умъ мало или нисколько не упражняется. Да, бываетъ, что вещи, которыя вырабатывались съ огромнымъ прилежаніемъ, въ послѣдствіи становятся макулатурой *) и не приносятъ для жизни никакой пользы. Итакъ, въ слогѣ должно упряжнять на одномъ и томъ же предметѣ науки или искусства, на которомъ въ этомъ классѣ упражняется и умъ,—задавая ученикамъ либо исторіи (объ изобрѣтателяхъ извѣстнаго искусства, гдѣ и когда оно преимущественно процвѣтало—и подобное), или извлеченіе, или опыты въ подражаніи, такъ что одною и тою же работою упражняется и слогъ и умъ, про чемъ все это передается собственною рѣчью.

49. IV. Какимъ образомъ возможно со скоростію обучать тому, что подлежить изученію, я показаль въ концѣ XVIII главы; но такъ какъ приведенный совѣтъ содѣйствуетъ не только прочности, но и скорости успѣха, то онъ относится также и сюда.

50. V. Наконецъ, *будетъ чрезвычайно полезно *)*, если игры и забавы, которыя даются юношеству для отдохновенія ума, будутъ придуманы и принаровлены къ тому, чтобы изображать дѣтямъ въ дѣйствительности серьезную сторону жизни и уже здѣсь давать имъ о жизни нѣкоторое представленіе. Такъ, ремесла могутъ быть представлены въ изображеніяхъ употребляемыхъ при работѣ инструментовъ и орудій; тоже можетъ быть примѣнено и къ сельскохозяйственнымъ работамъ, къ политическимъ занятіямъ, къ военному дѣлу, къ строительному искусству и другимъ вещамъ. Точно также и во врачебномъ искусствѣ можетъ служить подготовленіемъ для умовъ,

*) *Chartae rejectaneae*—негодная бумага. Въ смыслѣ существительнаго, подъ словомъ *rejectaneae*, служащимъ переводомъ стоническому *ἀποπροτιμῆναι*, понимаются вещи, которыя, не будучи сами по себѣ дурными, не могутъ быть также названы и хорошими. Сравни. Сіе. Фин. 4, 26, 72.

*) Смотри замѣчанное выше о переводѣ *Compendium*.

когда въ весеннюю пору ведутъ учениковъ въ садъ или въ поле и объясняютъ имъ свойства растений, при чемъ допускается состязаніе, кто знаетъ большее количество растений. Итакъ, при этомъ не только обнаружится, кого природныя наклонности влекутъ къ ботаникѣ, но уже заблаговременно возжигаются искры знанія. Чтобъ еще болѣе подстрекнуть учащихся, можно также того ученика, который сдѣлалъ наибольшіе успѣхи, называть *докторомъ, лиценціатомъ или кандидатомъ медицины*. Точно также и при разныхъ другихъ упражненіяхъ; напр., отличающіеся въ военномъ дѣлѣ могутъ получать названія *полководцевъ, генераловъ, капитановъ, знаменосцевъ*,—выдающіеся въ политическихъ дѣлахъ—имена *королей, советниковъ, канцлеровъ, маршаловъ, секретарей, посланниковъ* и проч., равно *консуловъ, сенаторовъ, синдиковъ, адвокатовъ* и проч. Эти пустяки (*pucae*) приводятъ и къ серьезнымъ послѣдствіямъ. И тогда мы выполнимъ слово д-ра *Лутера*—такъ плѣнить въ школѣ юношество серьезными занятіями, чтобъ оно находило въ нихъ не меньшее удовольствіе, какъ проводя цѣлые дни за играми съ мячикомъ. Такимъ образомъ школы, наконецъ, будутъ предверіями жизни.

Седьмая проблема.

Какъ достигнуть всего постепенно?

51. Родъ и способъ этого искусства я объяснилъ въ XV I-й (5, 6, 7 и 8 положенія) и въ XVIII главахъ (5, 6 и 7 положенія). Но для этой цѣли слѣдуетъ составить для класныхъ занятій книги, которыя въ тоже время заключали бы въ себѣ и дидактическія указанія для учителей—касательно надлежащаго и опытнаго употребленія этихъ книгъ, дабы въ постепенности образованіе, нравственность и религіозность могли быть доводимы до ихъ высшихъ областей.

Восьмая проблема.

Объ устраненіи и избѣжаніи препятствій.

52. Не безъ основанія сказано: «Нѣтъ ничего безтолковѣе, какъ изучать и знать многое, что не можетъ когда-нибудь пригодиться»—и еще: «Не тотъ мудръ, кто знаетъ многое, но кто знаетъ полезное.» Сообразно этому, и школьная дѣя-

тельность можетъ быть облегчена, если сдѣлають нѣкоторыя сбереженія учебнаго матеріала. Это совершится, *если будетъ устранено—*

I. *Неужное,*

II. *Чуждое и*

III. *Слишкомъ специальное.*

53. I. *Неужно то, что не служитъ ни религіозности, ни нравственности, и безъ чего образованіе тѣмъ не меньше можетъ совершаться.* Сюда принадлежать имена и мифы языческихъ боговъ и церемоній, а также разныя лирическія и драматическія шутки, часто легкомысленнаго и развращающаго характера, и подобное. Если кому-нибудь непременно хочется прочесть когда-либо подобное въ своихъ писателяхъ, то пусть его прочтаетъ дома; но въ школахъ, въ которыхъ должны закладываться основанія мудрости, не слѣдуетъ допускать этого. «Что за сумасшествіе, говоритъ Сенека, при такомъ недостаткѣ времени изучать излишнія вещи!» *Итакъ, ничто не должно быть изучаемо исключительно для школы, но для жизни, дабы приобретенное знаніе не разлетѣлось по ветру, какъ скоро ученики оставятъ школу.*

54. *Чуждо то, что не соответствуетъ природнымъ задаткамъ того или другаго ученика.* Если различны природныя качества травъ, деревьевъ, животныхъ, и одно требуетъ одного обращенія, другое другаго, и не все въ равной мѣрѣ допускаетъ одинаковое употребленіе; то тоже самое относится и къ природнымъ способностямъ людей. Хотя и нѣтъ недостатка въ счастливыхъ талантахъ, способныхъ во все проникнуть; но нѣтъ также недостатка и въ такихъ, которые въ извѣстныхъ предметахъ до изумленія слабы и тяжелы въ понятіяхъ. Иной—орелъ для умозрительныхъ наукъ, для практическихъ же занятій пригоденъ столько же, сколько осель для игры на лютнѣ. Другой способенъ ко всѣмъ вещамъ, но только не къ музыкѣ, что въ другихъ встрѣчается опять въ приложеніи къ математикѣ, къ поэзіи, къ логикѣ и т. д. Что тутъ дѣлать? *Хотѣть направлять природу туда, куда она сама не влечется, значитъ хотѣть спорить съ ней, и составляетъ дѣло бесполезныхъ усилій.* При этомъ либо вовсе ничего не достигнется, либо не получатся ничего такого, что могло бы окупить потраченный трудъ. А такъ какъ учитель есть

служитель природы, а не ея господинъ, ея ваятель, ея преобразователь, то пусть не принуждаетъ онъ насильственно, когда видитъ, что кто нибудь изъ учениковъ принимается за что-либо безъ всякой къ тому способности,—но утѣшить себя надеждою, что пробѣль этотъ, какъ это обыкновенно и бываетъ, восполнится чѣмъ-нибудь другимъ. Ибо если отъ какого-нибудь дерева отламываютъ или отрѣжутъ сукъ, то другіе сучья начинаютъ расти тѣмъ сильнѣе, вся жизненная сила дерева устремляется на нихъ. И еслибы ни одного ученика ни къ чему не принуждали противъ его воли, то не существовало бы ничего, что возбуждало бы въ комъ нибудь отвращеніе и притупляло духовныя силы. Безпрепятственно пусть каждый приступаетъ къ тому, къ чему (по волѣ небеснаго Провидѣнія) влечетъ его сокровенно естественное стремленіе, и со временемъ, будучи на своемъ мѣстѣ, онъ съ большею пользою послужитъ Богу и человѣческому обществу.

55. Равно, если бы кто-нибудь вздумалъ преподавать *наиспеціальнѣйшее* (напр., всѣ роды растений и животныхъ, также всѣ производства ремесленниковъ, названія употребляемыхъ ими инструментовъ и подобное); *то это было бы дѣломъ скучнѣйшей подробности и запутанности*. Достаточно будетъ пройти въ школѣ группы вещей съ наиболѣе выдающимися (дѣйствительными) различіями, но *вполнѣ и основательно*; остальное само собою узнается, когда представится случай. Ибо какъ тотъ, кто желаетъ одержать надъ врагомъ быструю побѣду, не станетъ задерживать себя покореніемъ всѣхъ маленькихъ мѣстечекъ, но устремитъ свое вниманіе на главный предметъ войны,—въ той увѣренности, что если онъ одержитъ надъ врагомъ побѣду въ открытой битвѣ и возьметъ важнѣйшія крѣпости, всѣ остальные мѣстечки сдадутся добровольно, — должно поступать также и тутъ, заставляя духъ усвоить самое важное, предоставляя мелочамъ послѣдовать самимъ собою. Къ этому служатъ задержкой полные словари и лексиконы, называющіе всѣ слова, заключающіяся въ цѣломъ языкѣ; но такъ какъ добрая часть словъ никогда не находятъ себѣ примѣненія, то зачѣмъ намъ обременять ими дѣтей, заставляя послѣднихъ выучивать всѣ слова, или таскать ихъ съ собою?

Довольно о сбереженіяхъ при обученіи и изученіи.

ГЛАВА XX.

Метода наукъ въ частности.

1. Соберемъ же, наконецъ, для употребленія, разсѣянные отдѣльные наблюденія относительно обученія по правиламъ дидактики—*наукамъ, искусствамъ, морали и религіозности*. Я говорю *по правиламъ искусства*, т. е. легко, прочно и скоро.

2. *Наука*, или *познаніе вещей* (такъ какъ она есть ни что иное, какъ *внутреннее созерцаніе вещей* (*interna rerum spectatio*), приобрѣтается съ помощью тѣхъ же средствъ, какъ и внѣшнее наблюденіе или созерцаніе,—именно при посредствѣ *глаза, предмета и свѣта*. Какъ только будутъ даны эти три вещи, то можетъ воспослѣдовать и созерцаніе. Но глазомъ внутренняго созерцанія служить *умъ*, или мыслительная способность; предметомъ—*всѣ вещи, находящіяся внѣ разума и въ умѣ*; свѣтомъ же—необходимое *вниманіе*. Но какъ при внѣшнемъ созерцаніи нужны извѣстные приемы, если желаютъ узнать вещи такъ, какъ онѣ существуютъ; такъ и здѣсь нужна извѣстная метода, съ помощью которой вещи такъ представляются уму, что онъ ихъ вѣрно и скоро схватываетъ и про-никаетъ.

3. Итакъ, *юноша, желающій проникнуть въ тайны наукъ, долженъ удовлетворять слѣдующимъ четыремъ условіямъ*, — чтобъ онъ:

I. *Имѣлъ чистымъ око ума;*

II. *Чтобъ приближались къ нему предметы;*

III. *Чтобы ему было присуще вниманіе, и*

IV. *Чтобъ подлежащее его созерцанію представлялось ему вытекающимъ одно изъ другого, по надлежащей методѣ*. Тогда учащійся будетъ все понимать вѣрно и легко.

4. I) Какія природныя способности достаются намъ на долю, это не зависитъ ни отъ чьей воли. Богъ, по своему усмотрѣнію, всѣмъ даровалъ это *зерцало ума* (*mentis speculum*), эти внутреннія очи. Но въ нашей власти *не допускать, чтобъ это зеркало затемнялось пылью, и свѣтъ его обращался въ тѣму*. Этою пылью бываютъ праздыя, безполезныя, пустыя занятія духа. Нашъ умъ находится въ постоянной дѣятельности,

подобно мелющему жернову; внѣшнія чувства, его обычные слуги, постоянно предлагаютъ ему отовсюду собираемый матеріалъ, и если высшій наблюдатель—разумъ не присматриваетъ хорошо, то, матеріалъ часто пустой,—именно, вмѣсто плодовъ и зеренъ,—солому, выскѣвки, песокъ, опилки и т. п. И тогда бываетъ тоже, что и въ мельницѣ: всѣ углы наполняются пылью. Итакъ, предохраняя отъ запыленія эту внутреннюю мельницу, умъ (который также есть и зеркало), должно удалять юношество отъ безцѣльныхъ занятій и благоразумно привлекать къ предметамъ, достойнымъ изученія и дѣйствительно полезнымъ.

5. (II). Далѣе, *хорошее отраженіе предметовъ* въ зеркалѣ обуславливается плотностію (*soliditate*) и *явственностію предметовъ*, а потомъ представленіемъ ихъ внѣшнимъ чувствамъ. Именно, туманъ и подобныя вещи слабой консистенціи мало и только въ весьма слабой степени отражаются въ зеркалѣ; а какихъ вещей нѣтъ на лицо, тѣхъ совсѣмъ не видно. Потому и то, что предлагается юношеству для изученія, должно составлять предметы, а не тѣни ихъ; я говорю: *предметы*, и именно, солидные, дѣйствительные, полезные, которые возбуждали бы чувства и воображеніе *). Но эти послѣднія возбуждаются лишь тогда, когда предметы достаточно къ нимъ приближены, такъ что находятся съ ними въ соприкосновеніи.

6. Отсюда вытекаетъ *золотое правило* для учителей:

Все должно быть представляемо внѣшнимъ чувствамъ, насколько это возможно,—именно: видимое—зрѣнію, слышимое—слуху, обоняемое—обонянію, вкушаемое—вкусу и осязаемое—осязанію; если же что-нибудь можетъ быть одновременно воспринято нѣсколькими чувствами, то и представляй этотъ предметъ одновременно нѣсколькимъ чувствамъ, соотвѣтственно тому, что было сказано выше (въ XVII главѣ, въ 8 положеніи).

6. Три важныхъ основанія существуютъ для этого правила.

Во-первыхъ, *необходимо, чтобъ начало познанія исходило всегда отъ внѣшнихъ чувствъ* (ибо ничего нѣтъ въ нашемъ познаніи, чего прежде не было въ нашемъ чувственномъ воспріятіи).

*) Переводимъ: *воображеніе*, потому что не считаемъ вѣрнымъ выраженіе текста *imaginativat*, находящееся въ употребляемомъ нами изданіи соч. Комен-скаго: по смыслу текста, здѣсь, очевидно, слѣдуетъ *imaginatio*.

тіи *); слѣдовательно, и начало обученія должно также начинаться, вмѣсто перечисленія предметовъ посредствомъ словъ, *съ созерцанія самыхъ предметовъ*. И только тогда, когда вещь поставлена на лицо, пусть приступаютъ къ рѣчи, для дальнѣйшаго объясненія ея.

8. Во-вторыхъ, *истина и достовѣрность познанія разными образомъ основываются не на чемъ другомъ, какъ на свидѣтельствѣ внѣшнихъ чувствъ*. Именно, вещи прежде и непосредственно запечатлѣваются въ чувствахъ, а потомъ уже, съ помощью чувствъ, отпечатлѣваются и въ умѣ. Доказательствомъ этому служить то, что чувственному воспріятію самому по себѣ дается вѣра, между тѣмъ какъ при умозаключеніяхъ, или при постороннемъ свидѣтельствѣ, ссылаются на чувства. Я довѣряю только тому основному положенію, которое можетъ быть доказано индуктивно, приведеніемъ примѣровъ (достовѣрность которыхъ утверждается на внѣшнихъ чувствахъ). Постороннее свидѣтельство, которое убѣждало бы человека вѣрить во что-либо вопреки опыту и свидѣтельству собственныхъ чувствъ, ни въ комъ не должно заслуживать вѣры. Поэтому, и познаніе тѣмъ достовѣрнѣе, чѣмъ тверже опирается на чувственное воспріятіе. Слѣдовательно, *если намъ требуются внѣдрить въ учащихся истинное и вѣрное познаніе вещей, то безусловно необходимо, чтобы все преподавалось посредствомъ собственнаго наблюденія и чувственной наглядности* (per autopsiam et sensualem demonstrationem).

9. В-третьихъ, *такъ какъ внѣшнее чувство есть надежнѣйшій руководитель памяти*, то чувственная наглядность всѣхъ вещей будетъ обуславливать и то явленіе, что если кто знаетъ что-нибудь, то будетъ знать прочно. Дѣйствительно, если я отвѣдалъ хотя однажды сахара, видѣлъ однажды верблюда, слышалъ однажды пѣніе соловья, былъ однажды въ Римѣ и осматривалъ его (разумѣется со вниманіемъ), то всѣ эти воспріятія удержатся крѣпко въ памяти и не могутъ исчезнуть изъ нея. Потому-то мы видимъ, что дѣти въ состояніи легко запечатлѣвать въ памяти съ картинъ библейскія и другія исторіи. Каждый изъ насъ легче и прочнѣе запомнилъ бы, что

*) Nihil est in inblectu etc: это выраженіе обыкновенно несправедливо приписывается Локку, какъ и другое выраженіе: Менъ запамі еогроге запо, также равнѣе Локка высказанное Коженскимъ.

такое носорогъ, если бы видѣлъ его гдѣ-нибудь живого, или по крайней мѣрѣ на картинѣ; и каждый лучше знаетъ исторію извѣстнаго происшествія, котораго былъ очевидцемъ, чѣмъ тотъ, кто не былъ самъ свидѣтелемъ событія, хотя бы этому шестьсотъ разъ рассказывали это происшествіе. Отсюда и изрѣченіе *Платона*: «одинъ свидѣтель-очевидецъ важнѣе десяти свидѣтелей по слуху», и изрѣченіе *Горация*: «что воспринимается ухомъ, то возбуждаетъ духъ медленнѣе, чѣмъ воспринимаемое надежнымъ глазомъ, что созерцатель самъ открылъ». Точно также и тотъ, кто хотя однажды присутствовалъ при разсѣченіи человѣческаго тѣла и со вниманіемъ присматривался къ нему, пойметъ и замѣтитъ все вѣрнѣе, чѣмъ если прочтаетъ о томъ подробнѣйшія руководства безъ чувственного воззрѣнія. Потому существуетъ и выраженіе: *Наглядное воззрѣніе служитъ за доказательство*.

10. Но если не случится имѣть подъ руками самыя вещи, то можно употребить замѣну ихъ, т. е. *копіи* или *картины*, заготовленныя для учебныхъ цѣлей; такъ, между составителями книгъ по ботаникѣ или зоологіи, геометріи, геодезіи и географіи—принято весьма полезное обыкновеніе прилагать къ такимъ сочиненіямъ рисунки и изображенія. Это слѣдовало бы также дѣлать и въ книгахъ по физикѣ и по другимъ предметамъ. Такъ, напримѣръ, устройство человѣческаго тѣла основательнѣе изучалось бы при посредствѣ чувственной наглядности, если бы скелеты изъ человѣческихъ костей (какіе обыкновенно сохраняются въ академіяхъ, или даже скелеты изъ дерева) окружали приготовленными изъ кожи и наполненными шерстью мускулами, сухожиліями, нервами, венами, артеріями, съ присоединеніемъ внутренностей: легкихъ, сердца, грудобрюшной преграды (*diaphragma*), печени, желудка и кишекъ,—причемъ всѣ они находились бы въ надлежащемъ порядкѣ и взаимно вѣрномъ соотношеніи, и на каждой части было бы написано названіе и ея отправленіе. На этой модели ученикъ, занимающійся естествознаніемъ, если бы объяснили и описали ему каждую отдѣльную часть модели,—почти играючи понялъ бы все и узналъ бы строеніе своего тѣла. Подобныя, доступныя непосредственному разсмотрѣнію, препараты (т. е. модели вещей, которыхъ нельзя имѣть въ натурѣ) слѣдовало бы заготовить по всемъ изучаемымъ предметамъ, такъ чтобъ

они всегда были подъ рукою въ школь. И если бы даже изготовленіе этихъ моделей потребовало расходовъ и труда, то все же отъ этой работы послѣдовала бы необыкновенная польза.

11. Если бы въ комъ-нибудь возникло при этомъ сомнѣніе въ возможности представить такимъ образомъ все чувствамъ, и духовное и отсутствующее (что есть и образуется на небѣ и въ нѣдрахъ земли, и въ заморскихъ странахъ),—то пусть тотъ не забываетъ, что все устроено божественно, въ гармоніи, такъ что высшее можетъ найти выраженіе въ низшемъ, отсутствующее въ присутствующемъ, невидимое въ видимомъ. Это можно видѣть, напримѣръ, изъ макро-микросмоса Роберта Флютта *), который искусно изображаетъ для глазъ образованіе вѣтровъ, дождя, грозы. Нѣтъ сомнѣнія, что это искусство можетъ быть доведено до еще большей наглядности и легкости.

12. (III). Довольно о представленіи предметовъ чувствамъ. О свѣтъ, который затѣмъ слѣдуетъ (какъ условіе наглядности) должно сказать, что если его недостаетъ, то напрасно представлять предметы глазу. Этотъ свѣтъ ученія есть вниманіе, съ помощью котораго обучающійся воспринимаетъ все своимъ напряженнымъ и какъ бы рождающимъ духомъ. Какъ въ темнотѣ и съ закрытыми глазами никто ничего не видитъ, хотя бы вещь была поднесена совсѣмъ близко къ глазамъ, такъ и у невнимательнаго ускользаетъ отъ его чувства то, что ему говорятъ или показываютъ, какъ это мы можемъ замѣтить на тѣхъ, которые, бывъ слишкомъ заняты какой-нибудь мыслью, не замѣчаютъ многого, что совершается въ ихъ присутствіи. И какъ тотъ, кто ночью желаетъ показать явственно что-нибудь другому, необходимо долженъ имѣть свѣтильникъ и ча-

*) Робертъ Флюттъ или De fluxibus, физикъ и D-r med. въ Оксфордѣ, родился въ 1574 г., въ Мильгетѣ (въ Англіи, въ графствѣ Кентъ); объѣздилъ Францію, Испанію, Италію и Германію, и въ 1605 г. практиковалъ въ Лондонѣ; былъ извѣстенъ своими познаніями въ математикѣ и въ механикѣ. Онъ умеръ 8 сентября, 1537. Въ *Meteorologia cosmica* Флюттъ сдѣлалъ попытку наглядно объяснить происхожденіе метеорологическихъ явленій. Конечно, эта попытка, при тогдшнемъ состояніи естествознанія, не могла быть удачною; но Коменскій указываетъ на этотъ трудъ, какъ на примѣръ, попытку примѣненія принципа наглядности въ изданіи учебныхъ пособій, получавшихъ въ наше время столь широкое развитіе.

сто его поправлять, чтобъ яснѣе свѣтилъ; такъ точно и учитель, желающій просвѣтити объятаго мракомъ невѣжества ученика познаніемъ вещей, долженъ прежде всего пробудить въ немъ вниманіе, дабы онъ черпалъ знаніе съ любознательнымъ и воспріимчивымъ духомъ. (Какимъ же образомъ должно это совершаться, показано уже въ правилахъ XVII главы и въ первой проблемѣ XIX главы).

13. (IV). Довольно о свѣтѣ. *Теперь предстоитъ говорить о способѣ, или о методѣ такимъ образомъ представлять внѣшнимъ чувствамъ предметы, чтобы они твердо запечатлѣвались.* Какъ это достигается, ясно видно изъ акта внѣшняго зрѣнія. Тутъ необходимо именно, чтобы предметъ, который надлежитъ вѣрно рассмотреть, 1) находился предъ глазами, и именно: 2) не слишкомъ далеко, но въ надлежащемъ разстояніи, 3) не съ боку, но прямо предъ глазами; 4) далье, и не такъ, чтобы лицевая сторона предмета была въ полъ-оборота, или отвернута, но находилась бы прямо предъ наблюдателемъ, 5) такъ, чтобы взгядъ обозрѣвалъ сначала цѣлый предметъ, а потомъ 6) разсматривалъ каждую часть отдѣльно,—именно 7) въ извѣстномъ порядкѣ, отъ начала до конца, и 8) чтобы глазъ оставался на каждой части столь долго, пока 9) не будетъ вѣрно схваченъ весь предметъ, въ его различныхъ подробностяхъ. Если эти условія будутъ строго соблюдаться, то рассмотрение предмета будетъ успѣшно; если же не будетъ доставать какого-либо изъ этихъ условій, то наблюденіе либо вовсе не удастся, или удастся только дурно.

14. Если кто-нибудь получилъ, напр., письмо отъ своего друга и хочетъ прочесть его, то долженъ 1) держать его предъ глазами (ибо какъ могъ бы онъ прочесть письмо, не видя его?); 2) держать его предъ глазами въ надлежащемъ отдаленіи (на слишкомъ большомъ отдаленіи сила зрѣнія не въ стояніи была бы различать слова); 3) держать его прямо (что видно съяскоса, то видно смутно); 4) держать въ надлежащемъ положеніи (ибо кто могъ бы прочесть письмо или книгу, если бы держалъ ихъ предъ глазами вверхъ ногами или задомъ напередъ?); 5) долженъ обратить вниманіе сначала на общее назначеніе письма: кто въ немъ пишетъ, къ кому, откуда, когда (безъ этихъ предварительныхъ справокъ едвали стали бы ему вполне понятны различныя частности въ пись-

мѣ); 6) потомъ прочитатъ все—*не пропуская* ничего (иначе читающій не узналъ бы, и могло бы слутиться, что онъ не понималъ бы главнаго); 7) необходимо, чтобы все было прочитано *по порядку*, одна фраза за другою (если кто-нибудь прочтетъ отрывочно одну фразу въ одномъ мѣстѣ, другую въ другомъ, то онъ разрознитъ смыслъ цѣлаго и спутаетъ его); 8) на отдѣльныхъ мѣстахъ слѣдуетъ *останавливаться* настолько, чтобы понять (ибо если пробѣжать письмо поспѣшно, то легко можно пропустить что-нибудь важное); 9) наконецъ, послѣ того, какъ узнано *все* содержаніе, надо направить свое вниманіе на различія частныхъ, а изъ нихъ на болѣе или менѣе необходимыя.

15. Изъ этихъ наблюденій истекаютъ для обучающихъ наукамъ *девять* весьма полезныхъ правилъ:

I. *Что нужно знать, тому слѣдуетъ обучать.*

Ибо если ученику не будутъ преподавать того, что онъ долженъ знать, то откуда онъ узнаетъ это? Итакъ, пусть учителя остерегутся скрывать что-нибудь отъ учениковъ, либо умышленно, какъ поступаютъ завистливые и обманщики, либо по небрежности, какъ это въ обычаѣ у тѣхъ, которые исполняютъ свое дѣло только поверхностно. Здѣсь нужны вѣрность и усердіе.

16. II. *Все, чему учатъ, должно быть преподаваемо соотвѣтственно тому состоянію, въ которомъ находится предметъ въ то время, и согласно извѣстному его употребленію,—*

дабы ученикъ видѣлъ, что то, что онъ учитъ, происходитъ не изъ Утопіи *), ни заимствовано изъ Платоновъ идей **), но касает-

*) *Утопія*. Объ этомъ островѣ Тома Муръ написалъ на латинскомъ языкѣ, появившійся сначала въ Левенѣ, въ 1516 г., политическій романъ: «О лучшемъ состояніи государства и объ островѣ Утопія». Поэтъ-писатель воспользовался Утопіею, чтобы наглядно выразить практическое примѣненіе своихъ политическихъ воззрѣній; разумѣется, Утопія есть чистое произведеніе фантазіи.

**) *Платоновы идеи*. Платонъ, величайшій философъ и одинъ изъ величайшихъ умовъ челоуѣчества, въ своемъ знаменитомъ ученіи объ *идеяхъ* возвышается надъ явленіями чувственнаго міра, который является ему только царствомъ тѣней, темною пещерою, и надъ которымъ высоко возносится міръ идей, какъ царство истинной дѣйствительности и въ тоже время міръ вѣчно совершеннаго и прекраснаго. Какъ ни возвышенно это ученіе, какъ ни обаятельно оно для фантазіи, но для ума, опирающагося на реальныя, положительныя основы, каковы умъ Коменскаго, утверждающій истинность и достовѣрность познанія на

ся вещей, которыя окружаютъ насъ въ дѣйствительности, и истинное знаніе которыхъ принесетъ дѣйствительную пользу для жизни. Такимъ образомъ, духъ будетъ свѣжѣе относиться къ нимъ и тщательно ихъ усвоить.

17. III. *Должно учить всему, чему учатъ, прямымъ, а не окольными путями.*

Это значить: слѣдуетъ смотрѣть прямо на вещи, а не искоса: когда вещи представляются слитно и неясно, усматриваются напряженнымъ взглядомъ. Итакъ, должно предъ учащимися ставить вещи по ихъ существу, просто, не облекая ихъ словами, метафорами, уподобленіями и гиперболами; послѣднія могутъ имѣть примѣненіе лишь въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о предметахъ возвышенныхъ, или когда они должны быть возвышены, восхвалены, или принижены, а не тогда, когда эти вещи предлагаютъ для познанія,—здѣсь необходимо относиться къ нимъ прямо, съ лица.

18. IV. *То, чему учатъ, должно быть сообщаемо такъ, какъ оно есть и происходитъ, то-есть въ причинной связи (per causas).*

Ибо наиболѣе совершенно то познаніе, въ которомъ познаютъ вещь такою, какова она есть; если бы ее изучали иначе, то это было бы не познаніе, а заблужденіе. Но каждая вещь должна быть такова, какою она образовалась: если бы она была иною, то слѣдовало бы заключить, что она извратилась въ своемъ развитіи. Но каждая вещь имѣетъ свои основы для возникновенія. Итакъ: *излагать основанія какого-нибудь предмета*—значить *преподавать истинное познаніе вещи*, соотвѣтственно правилу: *«Знать—значитъ постигать вещи по ихъ причинамъ»* и еще: *«Причина есть путеводительница ума»*. Итакъ, всего лучше, легче и вѣрнѣе познать вещи такъ, какъ онѣ образовывались; подобно тому, какъ и желающій прочесть письмо долженъ держать его въ томъ же положеніи, въ какомъ его писали; ибо затруднительно читать обернутый кверху ногами листъ. И если такимъ образомъ излагаютъ вещь, какъ она произошла, тогда ее можно понять легко и вѣр-

индукціи, на свидѣльствѣ внѣшнихъ чувствъ, идеальное ученіе Платона есть фантастическое построеніе воображенія. Нѣмецкіе переводчики Коменскаго въ этомъ мѣстѣ находятъ нужнымъ защищать Коменскаго отъ предположенія, будто онъ слишкомъ легко и пренебрежительно относится къ Платону. Но взглядъ Коменскаго такъ ясенъ и положителенъ, что не нуждается въ защитѣ.

но; если же излагать предметъ *per hysteron-proteron* *) и посредствомъ разнообразныхъ сочетаній, то навѣрное спутаешь ученика. Итакъ: *Метода преподаванія должна слѣдовать методу вещей: предыдущее—раньше, позднѣйшее—послѣ.*

19. V. *Все преподаваемое должно сообщаться сначала въ общемъ очеркъ, а потомъ въ подробностяхъ.*

Основаніе этого правила уже приведено въ XVI-й главѣ, § 6. Ознакомить съ предметомъ вообще—значить показать, въ немъ существенное и случайное. Различеніе существеннаго совершается посредствомъ вопросовъ: *Что? Каково? Почему?* Къ вопросу «*Что?*» относится имя, родъ, дѣйствіе и цѣль вещи. Къ вопросу «*Каково?*» относится форма или устройство, которыя дѣлаютъ вещь пригодною для ея цѣли. Къ вопросу «*Почему?*» относятся условныя обстоятельства или тѣ силы, посредствомъ которыхъ вещь достигаетъ своей цѣли. Напримѣръ, если я хочу сообщить ученику общее, истинное понятіе о человѣкѣ, то говорю: «Человѣкъ есть 1) высшее созданіе Божіе, назначенное для господства надъ другими созданіями, 2) обладающее свободою выбирать и дѣйствовать, 3) одаренное свѣтомъ разума, чтобы мудрымъ образомъ опредѣлять свой выборъ и свои поступки». Вотъ общее или основное понятіе о человѣкѣ, которое заключаетъ въ себѣ все существенное. Если къ этому желаютъ присоединить что-нибудь побочное, то это жожетъ вообще совершиться по вопросамъ: *Откуда? Изъ чего? Когда?* и т. д. Затѣмъ переходятъ къ частямъ,—къ тѣлу и душѣ: тѣло слѣдуетъ рассмотреть по анатоміи его отдѣльныхъ членовъ; душу объяснить по силамъ, изъ которыхъ она состоитъ. Все въ надлежащемъ порядкѣ.

20. VI. *Части предмета должны быть познаваемы въ, да же наименованія всякаго безъ упущенія, съ рассмотрѣніемъ порядка, положенія и связи, какія имѣютъ одни части съ другими.*

Нѣтъ ничего безцѣльнаго; повсюду, даже самая маленькая часть заключаетъ въ себѣ силу большей. Если бы въ часовомъ механизмѣ сломался, погнулся или сдвинулся съ мѣста только одинъ зубчикъ, то навѣрное вся машина остановилась бы; въ живомъ тѣлѣ уничтоженіе одного члена разстроило

*) *Per hysteron proteron* — собственно: *черезъ переднее—заднее* — гистерологія,—грамматическая фигура, заключающаяся въ томъ, что *послѣднее дѣлаютъ первымъ*.

бы общую его жизнь; въ связной рѣчи часто самая маленькая частица (предлогъ или союзъ) можетъ измѣнить или извратить весь смыслъ рѣчи. Итакъ вездѣ. Слѣдовательно, полное знаніе какого-нибудь предмета достигается только познаніемъ *всѣхъ* частей, существа и цѣли каждой изъ нихъ.

21. VII. *Все должно быть преподаваемо одно за другимъ; въ одно время—не болѣе одного предмета.*

Какъ въ зрѣніи нельзя разсматривать одновременно два или три предмета, не испытывая при этомъ разсѣянія и сбивчивости (тотъ, кто читаетъ книгу, не можетъ одновременно читать на двухъ страницахъ, ни даже двѣ совершенно близко лежащія одна возлѣ другой строки, ни даже два слова, ни даже двѣ буквы разомъ, но постоянно одну за другою), такъ точно и духъ не можетъ въ одно время созерцать болѣе одной вещи. Итакъ, для яснаго уразумѣнія различій въ предметахъ, слѣдуетъ переходить отъ одного предмета къ другому, дабы не были разомъ обременяемы умы учениковъ.

22. VIII. *На каждомъ предметѣ слѣдуетъ останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ изученъ.*

Ничто не совершается во мгновеніе; ибо все совершающееся совершается посредствомъ движенія; движеніе же идетъ впередъ только постепенно. Поэтому, слѣдуетъ останавливаться съ ученикомъ на каждомъ отдѣлѣ науки до тѣхъ поръ, пока онъ вполнѣ не узнаетъ его и не будетъ сознавать своего знанія. Это совершается посредствомъ затверживанія, спрашиванія и повторенія, пока не приобрѣтается прочное знаніе (какъ это было показано въ XVIII главѣ, въ 10 правилѣ).

23. IX. *Различія предметовъ должны быть передаваемы отчетливо, дабы знаніе всѣхъ вещей было опредѣленное и ясное.*

Много смысла заключается въ слѣдующемъ положеніи: *«Кто хорошо различаетъ, тотъ хорошо и учитъ»*. Множество предметовъ подавляетъ учащагося, разнообразіе же смущаетъ его, если не будутъ употребляемы противодѣйствующія средства: въ первомъ случаѣ—*порядокъ*, чтобъ одно начиналось послѣ другого, во-второмъ—*внимательное отыскиваніе различій*, дабы становилось очевидно, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другого. Именно это обуславливаетъ точное, ясное и опредѣленное знаніе; ибо разнообразіе и дѣйствительность

вещей зависятъ отъ ихъ различій (какъ объ этомъ было говорено выше, въ главѣ XVIII—положеніе б).

24. Но такъ какъ не всякій одаренъ способностью исполнять съ полнымъ умѣньемъ свою учительскую должность, то необходимо всѣ проходимые въ школахъ учебные предметы изложить по этимъ законамъ методики, дабы не такъ было легко уклониться отъ цѣли. Если бы эти правила строго были установлены и выполнялись, то посѣтитель, допущенный въ королевскій замокъ, для осмотра его, осмотрѣлъ бы безъ затрудненія и безъ скуки все находящееся въ замкѣ, — картины, рѣзбу, ковры и другія украшенія, если-бы ему было дано достаточно на то времени; точно также и юноша, вступившій на поприще свѣта, легко былъ бы въ состояніи обнять и уразумѣть все изобиліе вещей и затѣмъ, какъ ясно видящій, обозрѣвать творенія Бога и произведенія человѣка.

ГЛАВА XXI.

Метода искусствъ.

1) *«Теорія предметовъ легка и коротка,—она доставляетъ только удовольствіе; но примѣненіе ея затруднительно и медленно, хотя приноситъ удивительную пользу»*, говоритъ Вивесъ. Если это такъ, то слѣдуетъ прилежно изыскать способъ, съ помощью котораго юношество могло бы легко быть приведено къ практическому примѣненію вещей, имѣющему мѣсто въ искусствахъ.

2. *Искусство предполагаетъ три условія: 1) образецъ или идею, заключающуюся въ внѣшней формѣ, которую созерцаетъ художникъ, и которую старается передать какъ можно болѣе точнѣ; 2) вещество, или то, чему должна быть дана новая форма, и 3) орудія, съ помощью которыхъ долженъ быть сдѣланъ предметъ.*

3) *Теорія же искусства требуетъ, послѣ того какъ даны орудія производства, вещество и образецъ,—1) правильного употребленія ихъ, 2) искуснаго руководства и 3) частаго упражненія.* То-есть, чтобы ученикъ учился, гдѣ и какъ слѣдуетъ примѣнять то или другое условіе; когда онъ это усвоить, то

разумно *долженъ быть направляемъ*, дабы не дѣлать ошибокъ въ работѣ; если же ошибки случатся, то — исправлять ихъ; наконецъ, чтобы, исправляя ошибки и избѣгая ихъ, ученикъ упражнялся дотолѣ, пока не научится работать безошибочно вѣрно и легко.

4. Для выполненія приведенныхъ условий, можно отмѣтить одиннадцать правилъ, а именно: *шесть касательно употребленія орудій, три касательно руководства, два относительно упражненія.*

5. I. *То, что слѣдуетъ дѣлать, должно изучать на самомъ дѣлѣ* (практически).

Механики не занимаютъ учениковъ въ изученіи ихъ искусства созерцаніями, но ставятъ ихъ тотчасъ же за работу, для того чтобы они изучали—кованіе при ковкѣ, рѣзбу при вырѣзываніи, окрашиваніе—при крашеніи, танцы—при танцованіи и проч. Такъ точно и въ школѣ ученики должны научиться письму посредствомъ письма же, разговору—посредствомъ разговора, пѣнію—посредствомъ пѣнія, счисленію—посредствомъ счисленія и проч. Въ этомъ смыслѣ школы суть ни что иное, какъ мастерскія, оживленныя работами. Такимъ образомъ, всѣ испытываютъ на своей собственной успѣшной практикѣ истину выраженія: *производя—совершенствуемъ трудъ и себя* *).

6. II. *Для всякаго производства должны быть всегда на лицо опредѣленная форма и норма.*

Ученикъ долженъ всматриваться въ образцы и подражать имъ, какъ будто ступая по чьимъ-нибудь слѣдамъ. Ибо тотъ, кто еще не знаетъ, что и какъ должно быть сдѣлано, не можетъ творить самъ отъ себя; слѣдовательно, сначала это

*) *Fabricando fabricatur*—это выраженіе едва ли можетъ быть передано удобно въ столь же короткихъ словахъ. *Fabricari* значитъ вообще приготовить, выковывать, производить что-нибудь изъ дерева, камня и проч.; итакъ эти два слова буквально означаютъ только: *куя—куемъ, плотничаю—плотничаемъ строя—строимъ* и проч. Подобная мысль, безъ сомнѣнія, едва ли стояла бы произнесенія; но эти слова получаютъ другое значеніе, если *derouens fabricatur* возьмемъ въ страдательной формѣ и при *fabricari* будемъ разумѣть образованіе, устройство, что совершается двоякимъ образомъ: въ 1-хъ, на матеріалѣ, который обрабатывается мастеромъ, во 2-хъ на самомъ мастерѣ, при чемъ онъ развиваетъ свои силы, прежде же всего приобретаетъ умѣнье и искусство. Мы сочли соответственнымъ тексту выразить эту мысль опредѣленно.

должно быть ему показано. Въ противномъ случаѣ, было бы жестоко требовать отъ ученика исполненія того, чего ты желаешь; между тѣмъ какъ ученикъ не знаетъ, чего ты желаешь; напр., требовать, чтобъ ученикъ чертилъ прямыя линіи, прямые углы, правильные круги, прежде чѣмъ ты далъ ему въ руки линейку, угольникъ, циркуль—и показалъ ихъ употребленіе. Итакъ, должно заблаговременно заботиться о томъ, чтобы для всякой работы въ школѣ были на лицо формулы, образцы, эскизы, и при томъ истинные, вѣрные, простые и легкіе—какъ для уразумѣнія, такъ и для подражанія,—будутъ ли это изображенія и модели предметовъ, или прописи и пробы работъ. Тогда не будетъ несправедливымъ требовать—отъ того, кому уже данъ свѣтъ, чтобъ онъ видѣлъ, —отъ того, кто уже стоитъ на ногахъ, чтобъ онъ ходилъ, —отъ того, кто уже владѣетъ инструментами, чтобъ онъ работалъ.

7. III. *Употребленіе орудій слѣдуетъ показывать болѣе на самомъ дѣлѣ, чѣмъ на словахъ. Примѣръ лучше правилъ.*

Квинтилианъ *) сказалъ однажды: «*Длиннѣе и труднѣе путь посредствомъ правилъ; коротокъ и успѣшенъ—посредствомъ примѣровъ*». Но увы! какъ мало помнятъ обыкновенныя наши школы это указаніе! Предписаніями и правилами, исключеніями изъ правилъ и опредѣленіями исключеній—подлинно заваливаютъ онѣ только что начинающихъ изучать грамматику, и заваливаютъ въ такой степени, что ученики обыкновенно, не понимая предлагаемаго имъ, вмѣсто разумѣнія—начинаютъ тупѣть. Но мы не видимъ, чтобъ механики, напримеръ, поступали такимъ же образомъ,—чтобъ они своимъ новочкамъ предлагали такое множество правилъ; напротивъ, они ведутъ ихъ въ мастерскія, заставляютъ ихъ присматриваться къ работамъ, и такъ какъ ученики тотчасъ желаютъ подражать (ибо человѣкъ есть существо охотно подражающее), то даютъ имъ инструменты въ руки и наставляютъ, какъ слѣдуетъ держать ихъ, вертѣть и упрѣвлять ими; если случатся ошибки, то мастера указываютъ и исправляютъ ихъ,

*) Квинтилианъ,—по рожденію испанецъ, но по воспитанію и жизни римлянинъ,—жилъ во второй половинѣ перваго и въ началѣ втораго столѣтія по Р. Хр., и какъ риторъ, а также какъ учитель краснорѣчія, приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность.

но все же больше учать собственнымъ производствомъ работы предъ глазами учащихся, чѣмъ словами; и практика показываетъ, что подражаніе при этомъ легко и успѣшно. Поэтому, совершенно справедлива прекрасная пословица: «Хорошій образецъ находить хорошаго подражателя». Также умѣстно здѣсь и выраженіе *Теренція*: «Ступай впереди,—я послѣдую за тобой!». Такимъ же образомъ мы видимъ, какъ маленькія дѣти научаются ходить, бѣгать, говорить, играть—единственно только чрезъ подражаніе и безъ тягостныхъ наставленій. Правила дѣйствительно—какъ шипы для умувъ: они требуютъ вниманія и принципиальности; съ помощью же примѣровъ—ускоряется развитіе и самыхъ слабыхъ головъ. Одними предписаніями никто и никогда не усвоилъ себѣ какого-нибудь языка или искусства, но только посредствомъ упражненія, даже безъ предписаній.

8. IV. *Упражненіе должно начинаться на частяхъ, а не на цѣлыхъ произведеніяхъ.*

Строитель научаетъ сначала своего ученика не строенію башенъ и крѣпостей, но тому, какъ надо держать топоръ, срубить деревья, отесывать бревна, просверливать дыры, вставлять и укрѣплять скобы и проч. И *живописецъ* не даетъ также съ самаго начала своему ученику рисовать портреты, но онъ научаетъ его сначала — какъ составлять краски, какъ вести кисть, какъ класть штрихи, и только потомъ позволяетъ онъ ему практиковаться на рисованіи, и то на простыхъ эскизахъ, и т. п. И тотъ, кто *учитъ ребенка читать*, даетъ ему также не все содержаніе книги, но *элементы* рѣчи (*literarum elementa*), сначала отдѣльно **), потомъ въ составленныхъ изъ нихъ слогахъ; далѣе—слова, затѣмъ фразы, и т. д. Поэтому, и обучающемуся *грамматикъ* слѣдуетъ давать сначала *отдѣльныя* слова, которыя онъ долженъ производить потомъ давать по два слова, которыя онъ долженъ сочетать;

*) Коменскій здѣсь указываетъ на методъ обученія грамотѣ синтетическій; изъ другихъ сочиненій его извѣстно, что Коменскій держался способа звуковаго. Здѣсь онъ говоритъ лишь о необходимости начинать съ *элементовъ* рѣчи. Современная методика отдаетъ преимущество аналитическому способу предъ синтетическимъ. Элементы дѣтскаго наблюденія относительно внѣшняго міра заключаются не въ атомахъ и клѣточкахъ,—о которыхъ дѣти и не знаютъ,—ибо не видятъ ихъ, но въ *цѣлыхъ* отдѣльныхъ предметахъ. Такъ, дитя раньше узнаетъ

дальше предлагать простые предложения, затѣмъ—предложения двучленные, трехчленные; послѣ чего переходить къ строе- нію періодовъ и наконецъ—къ цѣлой рѣчи. Такъ и въ *ди- лектикѣ*—ученики должны сначала изучать вещи и понятія о вещахъ, различая ихъ по родамъ и отличіямъ,—потомъ груп- пировать ихъ по взаимному между собою соотношенію (кото- рое существуетъ взаимно для всѣхъ предметовъ),—опредѣлять и логически раздѣлять понятія; потомъ—оцѣнивать вещи и мысли о нихъ: *что, о чемъ, почему* говорить, и притомъ — существенно или только случайно? Когда ученики въ томъ достаточно упражнялись, можно перейти къ составле- нію умозаключеній: какимъ образомъ на основаніи извѣстныхъ и принимаемыхъ посылокъ слѣдуетъ вывести неизвѣстное,—и, наконецъ, переходить къ разсужденіямъ или къ полной обра- боткѣ темъ. Подобнымъ же образомъ можно безъ затрудне- нія поступать и въ *риторикѣ*, упражняя сначала ученика нѣ- которое время въ пріисканіи синонимовъ; потомъ научая его придавать эпитеты къ существительнымъ, глаголамъ и нарѣ- чіямъ, разясняя ихъ противоположеніями; потомъ, упражняя въ разнообразныхъ перифразахъ, замѣняя собственныя выра- женія переносными, научая разлагать связанныя предложе- нія, для благозвучной правильности, — превращать простые предложения въ фигуральныя; и только тогда, когда ученикъ вполне овладѣетъ всѣми этими отдѣльными упражненіями, можно будетъ приступить къ составленію цѣлыхъ рѣчей, — не раньше. Когда такъ постепенно ученики будутъ подви- гаться въ какомъ нибудь искусствѣ, то будетъ обезпеченъ быстрый и прочный успѣхъ (основанія сказаннаго подробно изложены въ главѣ XVII, правило 4).

9. V. *Первыя упражненія начинающихъ должны произво- диться надъ знакомымъ матеріаломъ.*

9-е положеніе XVII-й главы и въ той же главѣ 6-е допол- неніе къ 4-му положенію уже дали намъ это правило. Смыслъ

розу, чѣмъ чашечку, вѣнчикъ и тычинки; кошку—раньше, чѣмъ волоса, глаза, мускулы ея и т. п.; стулъ раньше, чѣмъ спинку, сидѣнье, ножки стула и проч. Точно также онъ узнаетъ раньше фразы и слова, чѣмъ слоги и звуки. Повто- му, лучше начинать съ извѣстнаго ребенку, то-есть съ цѣлой рѣчи, и путемъ разложенія (анализа) переходить къ сложнымъ элементамъ рѣчи—словамъ; дальѣ къ слогу и, наконецъ, къ звуку. Коменскій, впрочемъ, и анализу придавалъ важ- ное значеніе, о чемъ онъ говоритъ дальѣ.

его тотъ, что не слѣдуетъ обременять учащагося вещами, которыя далеки отъ его возраста, отъ его пониманія и его состоянія въ данное время, чтобы не принуждать его бороться съ призраками. Напр., польскому мальчику (pierzego polono), учащемуся читать и писать, не должно предлагать латинскихъ, греческихъ или арабскихъ книгъ, но давать написанныя на его родномъ языкѣ, дабы онъ *понималъ — что читаетъ*. И если мальчикъ долженъ научиться понимать употребленіе правилъ діалектики, то его слѣдуетъ упражнять не на примѣрахъ, заимствованныхъ у Виргилія или Цецерона, или же на примѣрахъ богословскихъ, политическихъ, медицинскихъ,—но на предметахъ понятныхъ ребенку, напр., говорить о книгѣ, объ одеждѣ, о деревнѣ, о домѣ, о школѣ и проч. При этомъ полезно, чтобы тѣ примѣры, которые берутся для объясненія перваго правила, хотя уже извѣстные, удерживались бы и для всѣхъ остальныхъ. Напр., въ діалектикѣ—берется дерево, показываются его родъ, качества, его различія, его характеристическія особенности; опредѣляется его понятіе и логически раздѣляется; потомъ указывается, скольмного различнымъ образомъ можно высказать что-нибудь о деревѣ; наконецъ, показывается, какъ, путемъ извѣстныхъ умозаключеній, изъ того, что до сихъ поръ было высказано о деревѣ, можетъ быть выведено и доказано что-либо другое, и проч. Когда такимъ образомъ на одномъ, другомъ или третьемъ примѣрѣ будетъ объяснено употребленіе правилъ,—ученикъ будетъ въ состояніи весьма легко произвести полное подражаніе и на всѣхъ другихъ примѣрахъ.

10. VI. *Подражаніе должно строго держаться предписанной формы; позже оно можетъ быть свободнѣе.*

Чѣмъ болѣе при образованіи предмета будутъ держаться его формы, тѣмъ болѣе подходящее и тщательное выраженіе найдеть себѣ эта форма,—подобно тому, какъ монеты, отчеканенныя однимъ штемпелемъ, вполне схожи одна съ другою, какъ схожи и съ штемпелемъ. Тоже самое бываетъ и съ книгами, печатаемыми буквами; тоже и съ предметами, которые выливаются въ формахъ—изъ воску, гипса, металловъ и проч. Итакъ, насколько возможно, пусть и при другихъ работахъ подражаніе (по крайней мѣрѣ сначала) придерживается непосредственно даннаго образца, пока рука, умъ,

языкъ, укрьпившись, не привыкнуть свободнѣе двигаться и производить подобное по собственному вдоховенію. Кто, напримѣръ, учится письму, тотъ беретъ тонкую, слегка просвѣчивающую бумагу и налагаетъ на пропись, которую хочетъ списать; такимъ образомъ ему будетъ легко воспроизвести черты просвѣчивающихъ буквъ. Или отпечатываютъ прописи краскою, напр. красною или коричневою, и заставляютъ ученика проводить карандашемъ или перомъ по отпечатаннымъ чертамъ, и приучаться воспроизводить характеристическія черты по данному образцу. Такъ точно и въ упражненіяхъ въ слогѣ—можно предлагать взятые изъ какого нибудь писателя—фразу, выраженіе, періодъ, и по нимъ производить другіе, возможно болѣе похожіе на образцы. Напр., если сказано: «богатъ средствами», то можно заставить ребенка произвести подражаніе: «богатъ деньгами», «богатъ скотомъ», «богатъ виноградниками» и т. д. Цицеронъ говоритъ: «Эвдемъ, по мнѣнію ученѣйшихъ людей, навѣрное первый въ астрономіи»; въ возможно болѣе вѣрномъ подражаніи можетъ быть сказано: «Цицеронъ, по мнѣнію знаменитѣйшихъ ораторовъ, навѣрное первый въ краснорѣчіи»,—«Павель, по мнѣнію всей церкви, навѣрное первый въ апостольскомъ дѣлѣ» и проч. Такъ и въ логикѣ—пусть ученикъ подражаетъ дилеммѣ: «Теперь либо день, либо ночь; но теперь ночь, слѣдовательно теперь не день». Пусть учится ученикъ противопоставлять различныя противоположенія. Напр.: «нѣкто или невѣжественъ, или образованъ; но онъ невѣжественъ,—слѣдовательно не образованъ»; «Каинъ былъ или благочестивъ, или безбоженъ; но Каинъ не былъ благочестивъ», и т. д.

11. VII. *Для всякаго подражанія образцы должны быть, сколь возможно, совершенные, дабы тотъ, кто передалъ бы ихъ вполнѣ точно, могъ считаться совершеннымъ въ своемъ искусствѣ.*

Ибо—какъ съ помощью кривой линейки никто не можетъ проводить прямыхъ линій, такъ точно, имѣя невѣрный образецъ, нельзя сдѣлать хорошаго подражанія. Итакъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы для всего производимаго, какъ въ школѣ, такъ и во всей жизни, были предлагаемы образцы истинные, вѣрные, простые и легко воспроизводи-

мые,—все равно, будутъ ли это изображенія вещей, картины, рисунки, или предписанія и правила, которыя должны быть возможно болѣе кратки и ясны, сами по себѣ понятны и безъ исключенія вѣрны.

13. VIII. *Первый опытъ подражанія долженъ быть въ высшей степени тщателенъ, такъ чтобы ни малѣйшая черта не уклонялась отъ образца.*

Насколько возможно, это крайне необходимо. Все первоначальное есть какъ бы основаніе для послѣдующаго; если первое прочно, то и все остальное можетъ быть прочно построено на немъ; если первое шатко,—шатается и послѣдующее. И какъ, согласно наблюденію, сдѣланному врачами, болѣзни (vitia) пищеваренія первой ступени не могутъ уже быть исправлены на второй и на третьей, то тоже самое относится и ко всякому отпавленію; первыя уклоненія отражаются на всемъ послѣдующемъ. Поэтому, музыкантъ *Тимовей* *) требовалъ двойнаго вознагражденія отъ тѣхъ учениковъ, которые изучали начальные основанія искусства у кого-либо другого: онъ утверждалъ, что долженъ употребить на такихъ учениковъ двойной трудъ, заставляя ихъ прежде отвыкнуть отъ того, что они прежде дурно изучили, а потомъ научая ихъ правильно. Итакъ нужно приложить стараніе, чтобы ученики, посредствомъ тщательнаго подражанія, вполне овладѣвали основаніями своего искусства; ибо какъ только эта трудность будетъ побѣждена, то остальные устранятся сами собою, подобно тому, какъ городъ, ворота котораго уже попали въ руки нападающаго, не замедлитъ сдѣлаться достояніемъ побѣдителя. Слѣдовательно, должно остерегаться торопливости, чтобы никогда не переходить къ послѣдующему, пока не достаточно прочно усвоено предыдущее. *Тотъ, можно сказать, уже спышитъ, кто никогда не сворачиваетъ съ пути. И промедленіе, происходящее отъ правильнаго установленія основаній, еще не есть остановка, *) но прекрасное обезпеченіе легкаго, скорого и вѣрнаго успѣха въ дальнѣйшемъ.*

*) О *Тимовей*, музыкантъ и поэтъ изъ Милета, часто упоминается въ классическихъ сочиненіяхъ древности; такъ: у Плутарха, Діодора, Цицерона (Legg. 2, 15, 39), Квинтиліана (2, 3, 3) и у другихъ.

*) *Mora* и *remora*—промедленіе и мѣшканіе: и то и другое выражаетъ остановку; последнее же остановку, соединенную съ потерей времени.

13. IX. Ошибка должна быть исправлена тотчас же присутствующимъ учителемъ, присоединяющимъ къ сему наблюденья, которыя мы называемъ правилами или исключеніями изъ правилъ.

Мы показали, что искусства преподаются больше примѣрами, чѣмъ правилами; теперь прибавлю еще: *слѣдуетъ присоединять предписанія и правила, которыя давали бы руководящую нить для производства и предупреждали бы каждую ошибку*; что совершится, когда будетъ указано, что въ образцѣ заключается сокровеннаго, откуда должно истекать дѣйствіе, куда направляться, какъ подвигаться, и почему что-нибудь должно совершаться такимъ именно образомъ. Только тогда дано будетъ твердое познаніе искусства и обезпечится надежность и вѣрность при подражаніи.

Но эти правила должны быть, сколь возможно, кратки и ясны, дабы какимъ нибудь образомъ они не потеряли значенія; что однажды уже принято, то должно имѣть постоянное значеніе, хотя бы оно впослѣдствіи и было отложено въ сторону; подобно тому какъ для ребенка, который учится ходить, употребляютъ помочи, между тѣмъ какъ позже онѣ уже больше не употребляются.

14. X) *Совершенная теорія искусства состоитъ изъ синтеза и анализа.*

Что синтезу слѣдуетъ здѣсь отвести больше мѣста, я уже показаль выше (гл. XVIII, полож. 5), на примѣрахъ природы и механиковъ. Изъ этихъ примѣровъ видно также, что въ большей части случаевъ синтетическія упражненія должны предшествовать. Потому что 1) вездѣ слѣдуетъ начинать съ легчайшаго; но мы легче понимаемъ собственное, чѣмъ чужое. 2) Сочинители съ намѣреніемъ скрываютъ искусство; такъ что ученики, при первомъ взглядѣ, едва въ состояніи и даже вовсе не въ состояніи проникнуть въ него; но они преодолеваютъ это затрудненіе, когда предварительно будутъ упражняться на безыскусственныхъ, но ими самими придуманныхъ вещахъ. 3) Что предполагается постановить на первое мѣсто, то и должно исполнить раньше. Но мы стремимся пробудить въ обучающихся искусству охоту къ новымъ изобрѣтеніямъ, а не только научить пользоваться тѣмъ, что уже

готово. (Сравни, что объ этомъ было сказано въ XVIII главѣ, положеніе 5) *).

15. Однако къ сему должно присоединять тщательные анализы чужихъ изобрѣтеній и твореній. Только тотъ достаточно будетъ знакомъ съ какой нибудь дорогой, кто чаще изъѣздилъ по ней взадъ и впередъ, кто изучилъ всѣ попадающіяся ему здѣсь и тамъ перекрестныя и поперечныя дороги, распутія. Кромѣ того, формы предметовъ такъ различны и бесконечно разнообразны, что становится невозможнымъ включить все въ правила и вложить всѣ правила кому-нибудь въ голову. Многимъ даютъ многое; но все только тогда становится нашимъ, когда мы сами все изслѣдуемъ, познаемъ—и, путемъ соревнованія и подражанія, научимся воспроизводить подобное.

16. Итакъ, я желаю, чтобы въ каждомъ искусствѣ для всего, что въ немъ должно быть совершаемо, можетъ совершаться и совершается, были установлены первообразы или образцы, полные и совершенные, и чтобы къ нимъ были присоединяемы указанія и правила, которыя излагали бы методы для всего, что дѣлается, или что должно быть сдѣлано, какъ должно подражать,—давали бы руководство, какъ избѣгать ошибокъ и исправлять сдѣланныя. Потомъ слѣдуетъ давать ученику одни и другіе примѣры, которые онъ въ отдѣльности долженъ принаровлять къ идеямъ искусства—и путемъ подражанія производить подобное. Потомъ можно приступить къ разсмотрѣнію чужихъ произведеній (но только произведеній образцовыхъ художниковъ) и примѣнять ихъ къ только что сообщеннымъ идеямъ и правиламъ,—отчасти для того, чтобы употребленіе послѣднихъ сдѣлать болѣе понятнымъ, отчасти для того, чтобы дать ученику возможность усвоить

*) Въ началѣ этого отдѣла Лехтбехеръ приводитъ нѣсколько фразъ, которыя не находятся въ полномъ собраніи сочиненій Коменскаго, и потому, для полноты, приводимъ ихъ здѣсь. Вотъ онѣ: «Синтезъ есть главное дѣло. Каждая вещь и произведеніе искусства представляются намъ въ своемъ синтезѣ. Мы анализируемъ его, стараемся познать его организмъ, и затѣмъ снова его собираемъ, насколько это въ нашей власти, или по крайней мѣрѣ постигаемъ его». Можно предположить, что Коменскій, понявъ сомнительную вѣрность этихъ фразъ, съ намѣреніемъ выпустилъ ихъ изъ полнаго собранія своихъ сочиненій, которое онъ лично редактировалъ.

себѣ искусство скрывать технику *). При такомъ продолженіи упражненій, ученикъ будетъ въ состояніи отдавать отчетъ о всякомъ изобрѣтеніи, какъ своемъ, такъ и чужомъ, и имѣть о нихъ правильное сужденіе.

17. XI. *Эти упражненія слѣдуетъ продолжать до тѣхъ поръ, пока не постигнется искусство.* Ибо только тотъ художникъ, кто вполнѣ мастерски проявляетъ свое искусство.

ГЛАВА XXII.

Метода языковъ.

1. Языки изучаются—не какъ часть образованія или мудрости, но какъ *средство*, дабы съ помощью ихъ почерпнуть образованіе и сообщать его другимъ. Поэтому должны изучаться не всѣ языки,—что было бы невозможно,—даже и не многіе,—что было бы бесполезно, ибо это отняло бы необходимое время отъ изученія полезнѣйшихъ предметовъ,—но только необходимые. Необходимы же: *родной языкъ*, для повседневной жизни, и *сосѣдніе языки*, для сношеній съ сосѣдними народами. Слѣдовательно, для поляковъ полезно изучать нѣмецкій языкъ, для жителей другихъ мѣстностей — венгерскій, валахскій, турецкій языки. Потомъ—*латинскій языкъ*,—какъ это водится между образованными,—чтобъ быть въ состояніи читать ученыхъ сочиненія; наконецъ, 'для философовъ и врачей—*греческій и арабскій*, а для богослововъ *греческій и еврейскій*.

2. *Эти языки слѣдуетъ изучать не всѣ вполнѣ, до совершенства, но насколько того требуетъ нужда.* Ибо вовсе не нужно такъ свободно говорить по гречески или по еврейски, какъ на своемъ родномъ языкѣ; такъ какъ нѣтъ людей, съ

*) *Ars occultadi artificia*: это искусство не давать замѣтить труда и усилій вообще техника въ какомъ-нибудь произведеніи. Чѣмъ выше художникъ и чѣмъ болѣе онъ усвоилъ приемы своего искусства, тѣмъ съ большею легкостію онъ все производить. При игрѣ знаменитыхъ музыкантовъ нельзя замѣтить тѣхъ трудностей, какія они побѣждаютъ, — все кажется легкимъ, непринужденнымъ и естественнымъ.

которыми бы можно было говорить на этихъ языкахъ. Довольно будетъ изучить ихъ настолько, чтобъ можно было читать и понимать книги.

3. *Изученіе языковъ должно идти параллельно съ изученіемъ вещей*,—въ особенности же въ юномъ возрастѣ; именно, чтобы насколько учили вещамъ, учили понимать и изъясняться на языкахъ. Ибо мы образуемъ людей, а не попугаевъ (какъ о томъ было сказано въ главѣ XIX-й, привило б-е).

4. Изъ этого слѣдуетъ, въ первыхъ, что *словамъ не слѣдуетъ учить отдѣльно отъ вещей*—ибо вещи не существуютъ отдѣльно и не познаются таковыми,—но смотря по тому, какъ они соединены, встрѣчаются тутъ и тамъ, производятъ то или другое. Это соображеніе было для меня поводомъ написать «*Дверь языковъ*», гдѣ слова, построенныя въ фразы, выражаютъ въ то же время и связь вещей,—и (какъ думается) не безъ успѣха.

5. Далѣе изъ предъидущаго слѣдуетъ, что *никому не нужно знаніе какого-нибудь языка во всемъ его объемѣ*, и если бы кто нибудь этого потребовалъ, то было бы смѣшно и нелѣпо. Ибо даже Цицеронъ, бывший величайшимъ знатокомъ своего языка, не зналъ его во всей полнотѣ, и самъ сознается, что ему были неизвѣстны техническія выраженія ремесленниковъ; ибо онъ никогда не обращался съ сапожниками, такъ что онъ не видѣлъ всѣхъ работъ ихъ, не изучилъ названій, встрѣчающихся въ ихъ производствѣ. И для какой цѣли долженъ былъ бы онъ изучать ихъ?

6. На это не обратили вниманія распространители моего вышеназваннаго сочиненія (*Janua linguarum*), наполнившіе его самыми неупотребительными словами, и именно словами о вещахъ, которыя далеки отъ степени пониманія ребенка. «Дверь» долженствовала быть не чѣмъ инымъ, какъ только дверью; все далѣе лежащее должно быть отложено для позднѣйшаго времени, въ особенности же то, что либо никогда не встрѣчается, или, если и встрѣчается, то можетъ быть

*) Картины названія книгъ Коменскаго—*Преддверіе* (*Vestibulum*), *Дверь* (*Janua*), *Жилище* (*Palatium*), *Сокровищница* (*Thesaurus*)—не только соотвѣствуютъ весьма распространенному въ XVII и XVIII стол. обычаю, но стоятъ также въ тѣснѣйшей связи со всѣми воззрѣніями Коменскаго. Далѣе еще будетъ рѣчь объ этихъ учебникахъ.

отыскано во вспомогательныхъ книгахъ (лексиконахъ, словаряхъ, сборникахъ и проч.). Почему я совершенно оставилъ предположенную мною сначала «*Сокровищницу латинскаго языка*» (которую я началъ было составлять изъ вышедшихъ изъ употребленія и менѣе употребительныхъ словъ).

7. Въ третьихъ, отсюда вытекаетъ, что *въ мальчикахъ слѣдуетъ развивать какъ разсудокъ, такъ и языкъ—преимущественно на предметахъ изъ дѣтскаго міра; все же, что касается возростаго, слѣдуетъ оставлять до болѣе зрѣлаго возраста*; напрасно было бы излагать мальчику Цинерона или другихъ великихъ писателей, разсуждавшихъ о вещахъ, которыя превосходятъ пониманіе дѣтей. Ибо если дѣти не понимаютъ самыхъ вещей, то какъ они достигнуть до умѣнья сильно выражаться о такихъ вещахъ? Гораздо полезнѣе будетъ употреблено это время на болѣе скромныя вещи, такъ чтобы и языкъ и разумѣніе образовывались постепенно. Природа не дѣлаетъ скачковъ; не дѣлаетъ ихъ и искусство, когда подражаетъ природѣ. Мальчикъ долженъ сначала научиться ходить, прежде чѣмъ начнутъ упражнять его маршировать въ колоннахъ; сначала ѣздить на тростникѣ *), прежде чѣмъ ему дадутъ сѣсть на прекраснаго взнузданнаго коня; прежде научиться лепетать, а потомъ говорить; прежде говорить, а потомъ держать рѣчи,—какъ и Цицеронъ говорить, что тотъ не можетъ научиться держать рѣчь, кто не умѣетъ говорить.

8. Насколько этотъ методъ дѣлаетъ краткимъ и легкимъ изученіе языковъ, упрощаетъ ихъ усвоеніе, это заключается въ слѣдующихъ восьми правилахъ.

9. I. *Каждый языкъ долженъ быть изучаемъ отдѣльно.*

Именно, сначала языкъ своей родины; потомъ тотъ языкъ, который можетъ служить къ замѣнѣ перваго, напр. языкъ сосѣдняго народа (ибо, по моему мнѣнію, изученіе живыхъ языковъ слѣдуетъ предпосылать изученію языковъ ученыхъ); потомъ латинскій языкъ, за нимъ греческій, еврейскій и проч.,—всегда одинъ за другимъ, и никогда два въ одно время: иначе—одинъ будетъ спутывать другой. Впрочемъ, подъ конецъ, когда путемъ употребленія знаніе языковъ уже утвердится,

*) Equitare in arundine longa, ѣздить на длинномъ тростникѣ, — эти слова заимствованы изъ Горация. Sat. lib. II, 3, 247.

съ пользою, при помощи соотвѣствующихъ грамматикъ и словарей, можетъ быть производимо и *сравненіе языковъ*.

10. II. *Каждый языкъ долженъ имѣть определенное количество времени.*

То-есть, дабы мы не дѣлали изъ побочнаго дѣла главное и не теряли бы на слова времени, необходимаго для изученія предметовъ. Такъ какъ *родной языкъ* примыкаетъ къ предметамъ, которые постепенно становятся извѣстными разсудку, то изученіе его необходимо требуетъ многихъ лѣтъ,—именно (6 или 9 лѣтъ) времени всего дѣтства и части отроческаго возраста. Затѣмъ можно перейти къ какому нибудь другому изъ живыхъ языковъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть удобно и достаточно изученъ въ теченіе одного года, между тѣмъ какъ изученіе латинскаго языка могло бы продолжаться два года, изученіе греческаго—одинъ годъ, еврейскаго—полгода.

11. III. *Каждый языкъ лучше усваивается посредствомъ практики, чѣмъ посредствомъ правилъ.*

То-есть изучается лучше посредствомъ слушанія, чтенія, перечитыванія, списыванія и посредствомъ письменныхъ и изустныхъ опытовъ подражанія, возможно чаще (Сравни правила 1-е и 12-е въ предшествующей главѣ).

12. IV. *Однако правила должны содѣйствовать практикѣ и упрочивать ее.*

(Сравни правило II предшествующей главы). Это въ особенности относится къ ученымъ языкамъ, знаніе которыхъ мы должны почерпать изъ книгъ; но оно относится также и къ языкамъ новѣйшимъ. Ибо и итальянскій, и французскій, и нѣмецкій, и чешскій, и венгерскій языки могутъ быть облечены въ правила, да и преподаются уже такимъ образомъ.

13. V. *Правила языковъ должны быть грамматическія, а не философскія.*

То-есть, не должно до тонкостей доискиваться философскаго основанія и происхожденія словъ, фразъ и выраженій, почему они должны быть такъ, а не иначе построены; но элементарно и просто изъяснить, что и какъ въ языкѣ происходитъ. Болѣе тонкое изслѣдованіе происхожденія и соединенія словъ, подобій и различій, аналогій и аномалій, существующихъ въ предметахъ и словахъ, принадлежитъ философамъ; изучающаго же языкъ это задержать только въ его занятіяхъ.

14. VI, *Нормою, которой слѣдуетъ держаться при установленіи правилъ новаго языка, долженъ служить знакомый уже языкъ, такъ чтобы оставалось только показать различіе между тѣмъ и другимъ.*

Ибо повторять общее обоимъ языкамъ не только бесполезно, но и вредно; ибо оно устрашаетъ умъ кажущимся видомъ обширности и уклоненій—большихъ, чѣмъ есть то на самомъ дѣлѣ. Въ греческой грамматикѣ, напр., нѣтъ надобности вновь опредѣлять понятія именъ существительныхъ или глаголовъ, формы наклоненій или временъ и проч., или повторять синтаксическія правила, не заключающія ничего новаго; ибо предполагается напередъ, что они извѣстны. И потому сообщай только то, въ чемъ греческій языкъ уклоняется отъ латинскаго, какъ уже извѣстнаго. И тогда вся греческая грамматика сведется на нѣсколько листовъ, и все будетъ усвоиваться отчетливѣе, легче и прочнѣе.

15. VII. *Первыя упражненія на чужомъ языкѣ должны производиться на извѣстномъ уже матеріалѣ.*

То-есть не слѣдуетъ принуждать умъ направлять свое вниманіе въ одно время и на предметъ, и на слово, и тѣмъ раздроблять и ослаблять его, но сосредоточиваться на словахъ, чтобы овладѣть ими легче и скорѣе. Подобнымъ матеріаломъ будутъ, напр., главы изъ ученія о вѣрѣ, или библейскія исторіи, или что-нибудь другое—достаточно знакомое. (Можетъ быть, найдется возможнымъ воспользоваться и моими трудами: Vestibulum и Ianua, хотя послѣднія, по ихъ краткости, пригодны болѣе для упражненія памяти; прежде же упомянутыя полезны для чтенія и перечитыванія,—именно вслѣдствіе того, что здѣсь чаще встрѣчаются повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, которыя чрезъ то усвоиваются и разсудкомъ, и памятью).

16. VIII. *Итакъ, всѣ языки можно изучать по одной и той же методѣ.*

Именно, посредствомъ употребленія, присоединяя возможно легкія правила, указывающія только на уклоненія отъ извѣстнаго уже языка; посредствомъ упражненій на знакомыхъ предметахъ и проч.

О языкахъ, которые должны быть изучены вполнѣ.

17. Что не всѣ языки, которые изучаются, должны быть

изучаемы въ одинаковой полнотѣ, о томъ было уже упомянуто въ началѣ этой главы. Но на родной и на латинскій языки слѣдуетъ обращать совершенно особенное вниманіе, дабы ученики *вполнѣ* овладѣли ими. Подобнаго рода изученіе языковъ слѣдуетъ раздѣлить на четыре степени, соотвѣтствующія возрастамъ.

Первый	Возрастъ бываетъ	{ <i>Раннее дѣтство</i> <i>Отроческій, цѣтущій.</i> <i>Юношескій, мужающій.</i> <i>Возмужалый, сильный.</i>	Когдауча- ся гово- рить:	{ Кое какъ правильно. изящно. выразительно.
Второй				
Третій				
Четвертый				

18. Правильное развитіе не можетъ иначе совершаться, какъ постепенно; иначе все будетъ спутано, раздроблено, разорвано, какъ это мы большею частью и замѣчаемъ на самихъ себѣ. Но черезъ указанные четыре степени упражняющіеся въ языкахъ легко пройдутъ, если будутъ хорошо vybrаны вспомогательныя средства для преподаванія языковъ, и именно: *учебники*, которые даются ученикамъ въ руки,—руководства, по которымъ учителя должны преподавать,—тѣ и другія будутъ кратки и методичны. *)

19. Соотвѣтственно степенямъ возраста, учебники должны быть четырехъ родовъ:

I. Преддверіе	{	языка (напр., латинскаго) съ вспомогатель- ными книгами.
II. Входная дверь		
III. Жилище		
VI. Сокровищница		

20. *Преддверіе* должно заключать матеріалъ для разговора, именно нѣсколько сотъ словъ, соединенныхъ въ краткія реченія, съ присоединеніемъ таблицъ склоненій и спряженій.

21. *Входная дверь* должна заключать въ себѣ всѣ употребительныя слова языка—тысячъ около восьми *), соединен-

*) Въ переводѣ Лейтбекера есть еще двѣ фразы, которыхъ нѣтъ въ амстердамскомъ изданіи, почему мы и приводимъ ихъ здѣсь: «Этого пусть есть путь постепенности. Посредствомъ его, если хороши учителя и вспомогательныя средства, обучающіеся языкамъ достигаютъ высшей цѣли, какая только можетъ быть достигнута».

*) Изъ указанія чиселъ—нѣсколько сотъ словъ для «Преддверія» и 8000 для «Входной двери» Бэгеръ заключаетъ, что Коменскій, хотя говорить объ учебникахъ для преподаванія языковъ вообще, но имѣетъ въ виду при этомъ преимущественно латинскій языкъ; не мало есть языковъ, которые далеко не заключаютъ въ себѣ 8000 словъ: стоитъ только вспомнить о еврейскомъ.

ныя въ короткія предложенія, которыми самымъ простымъ образомъ выражались бы самыя вещи. Сюда слѣдуетъ присоединить краткія и ясныя грамматическія правила, которыя дѣйствительно заключали бы въ себѣ правильные и естественные способы письма, произношенія, образования и составленія словъ.

22. III. *Жилище* должно заключать различные разговоры разнообразнѣйшаго содержанія, въ разныхъ выраженіяхъ и изрѣченіяхъ классической формы, равно замѣтки (въ выноскахъ или на поляхъ) о писателяхъ, изъ которыхъ тѣ выраженія заимствованы. Въ заключеніе же могутъ быть присокуплены правила о способахъ разнообразно видоизмѣнять и украшать фразы и сентенціи.

23. IV. Наконецъ, въ *Сокровищницу* должны войти сами классическіе писатели, которые глубоко и убѣдительно писали о различныхъ предметахъ; но при этомъ слѣдуетъ предпослать правила о сохраненіи и уразумѣннн силы рѣчи и особенно объ употребленіи въ рѣчи идиотизмовъ (объ этомъ слѣдуетъ прежде всего). Изъ числа этихъ писателей нѣкоторыхъ слѣдуетъ исключать при чтеніи въ школѣ; изъ другихъ можно составить обзорѣніе, дабы впослѣдствіи, когда возникнетъ въ комъ нибудь желаніе или явится нужда справиться о томъ или другомъ предметѣ въ полномъ собраніи сочиненій тѣхъ писателей, читатель не оставался бы въ неизвѣстности насчетъ того, кто они.

24. *Вспомогательными книгами* (subsidiarii libri) называются тѣ, которыя служатъ къ легчайшему и полезнѣйшему употребленію руководствъ. Это суть:

I. присоединенный къ *Преддверію словарикъ*, заключающій слова роднаго языка съ переводомъ на латинскій, а латинскаго языка съ переводомъ на родной;

II. для *Двери служитъ пособіемъ этимологическій словарь*, заключающій въ себѣ коренныя слова, съ ихъ производными и соотвѣтственными словами,—именно латинскій съ переводомъ на родной языкъ, объясняющій смыслъ и значеніе словъ;

III. для *Жилища* служитъ помощію *франзологическій словарь*, и притомъ для роднаго языка на родномъ, для латинскаго на латинскомъ, для греческаго, если бы понадобилось, на греческомъ языкахъ; этотъ словарь заключаетъ въ себѣ

различныя выраженія, тонкіе синонимы и перифразы, которыя встрѣчаются по мѣстамъ въ самомъ *Жилищѣ*, съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ онѣ попадаются.

IV, Наконецъ, *Сокровищницу* служить *всеобщій промπτуарій*, какъ резервъ и дополненіе, гдѣ собраны полныя запасы обоихъ языковъ (роднаго) латинскаго, а позже латино-греческаго), такъ чтобы не оставалось ничего, чего нельзя было бы найти здѣсь; при чемъ все должно быть составлено въ строгой соотвѣтственности,—чтобы собственное значеніе выражалось собственнымъ, переносное переноснымъ, шутливое шутливымъ, пословица пословицей и проч. Ибо невѣроятно, чтобы языкъ какого нибудь народа былъ бѣденъ—до отсутствія въ немъ достаточнаго запаса словъ, выраженій, изрѣченій и пословицъ, которыя могли бы съ разборомъ быть расположены въ порядкѣ и приспособлены къ латинскому языку, или не могли бы, по крайней мѣрѣ, имѣть таковой запасъ,—было бы только умѣнье подражать и изъ родственнаго производить слова и выраженія подобныя.

25. Такого всеобщаго «промπτуарія» мы до сихъ поръ не имѣли. Правда, польскій писатель *Григорій Кнанин* издалъ назначенное для своей націи превосходное твореніе, появившееся подъ заглавіемъ: «Польско-латинско-греческое Сокровище»; но и въ этомъ заслуженномъ трудѣ я не нашелъ трехъ вещей: во-первыхъ, далеко не всѣ слова и выраженія польскаго языка включены въ него; во-вторыхъ, распределены слова не въ томъ порядкѣ, какой мною только что указанъ, такъ чтобы единичное было принаровлено къ единичному, собственное къ собственному, фигуральное къ фигуральному, устарѣвшее къ устарѣвшему (насколько это выполнимо); чрезъ что въ равной мѣрѣ обнаружили бы—какъ особенность и блескъ обоихъ языковъ, такъ не менѣе того и ихъ богатство. Помянутое сочиненіе придаетъ къ каждому слову и къ каждому выраженію польскаго языка таковыя же латинскія въ большомъ числѣ; а я желаю, чтобы каждое отдѣльное слово соотвѣтствовало отдѣльному же, для того, чтобы всѣ тонкости латинскихъ выраженій перенести на нашъ языкъ: чрезъ это,—а также если бы перевели нѣкоторыя сочиненія съ латинскаго языка на родной и наоборотъ,—можно было бы вполне пользоваться этимъ запасомъ словъ, какъ

«сокровищницею». Втретьихъ, я не нахожу въ «Сокровищѣ» Кнапія большой тщательности въ установленіи порядка въ выраженіяхъ; я хочу именно, чтобъ они не были набросаны въ кучу, какъ попало, но располагались по предварительно данной формулѣ, при чемъ сначала слѣдовало бы излагать простыя и повѣствовательныя вещи, потомъ болѣе возвышенныя, ораторскія, затѣмъ еще болѣе выпрненія, или сильныя и необыкновенно поэтическія, и, наконецъ, устарѣвшія формы.

26. Подробныя соображенія о выработкѣ этого «Всеобщаго промπτуарія» я откладываю до другого времени, равно какъ разсужденія о специальномъ способѣ составленія *Преддверія, Дверей, Жилища и Сокровищницы*, для вѣрнаго достиженія главной цѣли *совершенства въ языкѣ*. Специальное разсмотрѣніе этого предмета принадлежитъ уже къ специальному устройству классовъ.

XXIII.

Метода нравственнаго образованія.

1. До сихъ поръ было говорено о томъ, какъ скорѣе обучать и обучаться наукамъ, искусствамъ и языкамъ. Теперь по справедливости припоминается выраженіе Сенеки: *«мы должны не только учиться, но и научиться»* *), ибо ученіе есть только подготовленіе къ большему, или, какъ онъ говоритъ: *«это только наши первые опыты, но не наши дѣла»*! Итакъ, что же будетъ дѣломъ? *Изученіе мудрости, которое возвышаетъ и дѣлаетъ насъ сильными и великодушными*. Это и есть то, что я выше разумѣлъ подъ словами: *нравственность и благочестіе*, съ помощью которыхъ мы дѣлаемся высшими изъ твореній, приближаемся къ самому Богу.

2. Итакъ, нужно, сколь возможно болѣе, заботиться о томъ, чтобъ *искусство*—*вселять истинную нравственность и благочестіе* было точно установлено и введено въ школы, дабы онѣ были именно тѣмъ, что про нихъ говорятъ,—«мастерскими для образованія людей».

*) Senec. Epist. 89.

Прим. къ журн. „Семья и Школа“.

3. *Искусство нравственнаго образованія имѣетъ шестнадцать главныхъ правилъ (canones). Первое изъ нихъ гласить: Юношеству должны быть внушаемы всѣ добродѣтели, безъ исключенія. Изъ того, что справедливо и честно, ничто не можетъ быть исключено безъ пробѣла и нарушенія гармоніи.*

4. II. *Въ особенности же относится это къ основнымъ, или главнымъ добродѣтелямъ: благоразумію, умѣренности, самообладанію и справедливости, то-есть—чтобы не возводилось зданіе безъ фундамента, чтобы части зданія не находились въ слабой связи съ ихъ фундаментомъ, и не имѣли бы въ немъ опоры неустойчивой.*

5. III. *Благоразуміе должно почерпаться изъ хорошаго преподаванія, которое научало бы познавать истинныя различія вещей и ихъ достоинство. Ибо вѣрное сужденіе о вещахъ есть вѣрное основаніе для всякой добродѣтели. Прекрасно говорить Вивесъ: «Истинная мудрость есть безошибочное сужденіе о вещахъ, дабы мы каждой изъ нихъ давали такую цѣну, какой она дѣйствительно стоитъ; дабы мы не гнались за пустяками, какъ за чѣмъ-нибудь цѣннымъ, и не пренебрегали достойнымъ, какъ чѣмъ-нибудь не имѣющимъ цѣны; дабы мы не осуждали заслуживающаго похвалы, не хвалили достойнаго осужденія. Ибо здѣсь источникъ всѣхъ заблужденій въ головахъ людей, и всякій порокъ здѣсь имѣетъ свое начало; ибо нѣтъ ничего болѣе вреднаго въ человѣческой жизни, какъ то искаженіе сужденія, когда къ вещамъ относятся не по достоинству ихъ». «Поэтому слѣдуетъ»,—продолжаетъ онъ далѣе,—«съ дѣтства уже приучать ребенка къ тому, чтобы онъ имѣлъ вѣрныя мнѣнія, дабы послѣднія созрѣвали въ немъ одновременно съ его годами. Пусть дитя влечется къ тому, что правильно, бѣжитъ отъ того, что ложно, такъ чтобы привычка къ правильному образу дѣйствій сдѣлалась почти его второю природой» и т. д.*

6. IV. *Умѣренности научаются ученики и приучаются сохранять ее въ теченіе всего времени своего образованія: въ пищѣ и питъи, снѣ и бдѣніи, въ трудѣ и отдохновеніи, въ разговорѣ и въ молчаніи.*

Слѣдуетъ постоянно освѣжать въ памяти молодыхъ людей золотое правило: *Ничего лишняго!* дабы вездѣ можно было охранить себя отъ пресыщенія и отвращенія.

7. *В. Самообладанію должны они научиться въ преодоленіи самихъ себя,—именно въ обуздываніи желанія бѣгать или играть не въ назначенное на то время, и въ умѣреніи своего нетерпѣнія, ненависти и гнѣва.*

Основаніемъ для этого будетъ приученіе ихъ дѣлать все разумно и ничего не дѣлать въ порывѣ и съ необузданностью. Человѣкъ — разумное существо; поэтому пусть приучается онъ руководиться разумомъ и при каждомъ дѣяніи спрашивать себя: *что, почему и какъ* что-нибудь сдѣлать правильно, дабы *человѣкъ воистинну былъ царемъ своихъ дѣяній*. А такъ какъ дѣти еще не воспріимчивы (по крайней мѣрѣ не всѣ) для такого столь обдуманнаго и разумнаго поведенія, то будетъ въ высшей степени полезно, при воспитаніи самообладанія и власти надъ самими собою, приучать ихъ исполнять больше волю другихъ, чѣмъ собственную,—именно во всемъ и немедленно повиноваться старшимъ. «Кто хорошо дрессируетъ лошадей», говоритъ *Лактацій*,—«тотъ научаетъ ихъ сначала слушаться повода; сдѣдовательно, кто хочетъ образовывать мальчиковъ, тотъ долженъ сначала приучить ихъ, чтобы они слушались одного слова». Сколько въ дѣтяхъ лежитъ надежды привести къ лучшему состоянію человѣческія смуты, которыми полонъ міръ, когда люди будутъ доведены до того, что одинъ будетъ слѣдовать другому, всѣ же дѣлать все по собственному обсужденію, и уже съ самой ранней юности!

8. *Справедливости научаются, когда дѣти никого не обижаютъ, каждому воздаютъ то, что ему предлежитъ, избегаютъ лжи и обмана и являются вѣрными своему дому и ласковыми.* Воспитывать дѣтей въ этомъ отношеніи должно, какъ и въ другихъ добродѣтеляхъ, тѣми средствами и способами, которыми предписываются нижеслѣдующими правилами.

9. *Виды самообладанія, особенно необходимыя для юности, суть: благородное прямотушіе и преодоленіе трудностей.* Ибо жизнь посвящается обхожденію съ людьми и разумно-полезному труду; поэтому, нужно научать дѣтей выдерживать взысканія людей и выполнять всякаго рода честную работу, да не будутъ они нелюдимыми, мизантропами, тунеядцами и бесполезнымъ бременемъ земли. Добродѣтель развивается посредствомъ дѣлъ, а не посредствомъ рѣчей.

10. *Достойное уваженія прямодушіе вызывается частымъ обращеніемъ съ почтенными людьми и исполненіемъ въ ихъ присутствіи даваемыхъ ими порученій.*

Аристотель такъ воспитывалъ Александра, что тотъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду умѣлъ уже обращаться съ разнаго рода людьми, съ царями и съ посланниками царей и народовъ, съ учеными и неучеными, горожанами и сельчанами, и о каждомъ встрѣчавшемся ему предметѣ разумно спрашивалъ и отвѣчалъ. Но, чтобы всѣ учились подражать нашему всеобщему наставленію, необходимы правила для обхожденія, практически примѣнимыя къ дѣлу, дабы дѣти прилично, скромно обращались и бесѣдовали съ учителями, съ учениками, съ родителями, съ прислугою и съ другими людьми, и въ случаѣ, еслибы въ комъ-нибудь изъ учащихся выказались нерадѣніе, опрометчивость, мужицкая грубость, дерзость и т. п., они могли бы быть снова разумно направлены на истинный путь.

11. IX. *Привычку къ труду молодые люди приобретаютъ, когда они постоянно что-нибудь дѣлаютъ, будетъ ли это серьезное дѣло, или только развлеченіе.*

Для привычки къ труду совершенно все равно, что, для какой цѣли и какъ дѣлается. И въ забавахъ можно научиться чему-нибудь, что пригодится въ серьезный часъ, когда того потребуютъ время и обстоятельства. И такъ какъ дѣйствіе изучается посредствомъ дѣйствія (какъ это мы видѣли въ свое время), та и работа изучается посредствомъ работы, и притомъ такъ, что постоянныя (однако не чрезмѣрныя) занятія, умственные и тѣлесныя, превращаются въ прилежаніе и, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ дѣятельному человѣку бездѣятельную праздность невыносимою. Поэтому и изреченіе *Сенеки* становится истиной: «*Трудъ питаетъ благородныя души*».

12. X. *Родственную справедливости добродѣтель—расположеніе и готовность служить другимъ—необходимо вселять въ юношество прежде всего.*

Съ испорченною натурою тѣсно связанъ порокъ себялюбія; зараженный имъ требуетъ, чтобы почти только на него одного обращалось все вниманіе, между тѣмъ какъ для него не имѣетъ никакого значенія то, что случается съ другими. Въ этомъ недостатокѣ и заключается причина разнообразнѣйшихъ смутъ въ человѣческихъ дѣлахъ, вслѣдствіе того, что

каждый заботится только о себѣ, между тѣмъ какъ вниманіе къ общему благосостоянію отходить на задній планъ. Слѣд., *нужно прилежно запечатлѣвать въ юношества общую задачу нашей жизни*, — именно, что надо жить не только для насъ самихъ, но и для Бога и ближняго, т. е. для человѣческаго общества; дабы серьезно убѣжденные въ этомъ юноши уже съ дѣтства приучались подражать Богу, ангеламъ, солнцу и другимъ благороднѣйшимъ созданіямъ, — созерцая ихъ, стремиться исполнить свое назначеніе въ служеніи обществу, быть полезными сколь возможно большому числу людей. Отсюда произойдетъ общее возвышеніе благосостоянія, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, — когда для общей пользы всѣ пойдутъ рука въ руку и вездѣ одинъ другому сѣмѣютъ и и пожелаютъ служить. Будутъ же это знать и хотѣтъ только тѣ, кто научился.

13. *XI. Усвоеніе добродѣтелей должно начинаться въ самой ранней юности, прежде чѣмъ духъ восприметъ пороки.*

Ибо если ниву засѣять дурными сѣменами, то она хотя и произведетъ растенія, но что это будетъ за растенія! Плевель и сорная трава. Если же есть намѣреніе воздѣлать ниву, то можно воздѣлать лучше и съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ разсчитывать на урожай, если сначала, въ самой ранней веснѣ, вспашутъ ее, засѣютъ и взборонятъ. Вообще, приобрѣтеніе хорошихъ привычекъ съ нѣжнаго дѣтства имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; ибо чѣмъ разѣ бочка была наполнена, тѣмъ долго еще будетъ отдавать впослѣдствіи.

14. *XII. Добродѣтелямъ научаются — когда постоянно занимаются дѣлами, достойными уваженія.*

Мы уже видѣли (въ XX-й и XXI-й главахъ), что научаемся — познанію чрезъ познаваніе, труду — чрезъ трудъ. Слѣдовательно, какъ дѣти легко научаются ходить посредствомъ хожденія, говорить посредствомъ говоренія, писать посредствомъ писанія; точно также должны они научиться и послушанію — посредствомъ послушанія, воздержности — посредствомъ воздержанія, правдивости — посредствомъ соблюденія правды, постоянству — посредствомъ упражненія въ терпѣніи; только бы они не имѣли недостатка въ людяхъ, которые словомъ и примѣромъ шли бы впереди ихъ.

15. XXIII. *Примѣры правильной жизни со стороны родителей, нянекъ, учителей, соучениковъ должны постоянно осѣщать путь.*

Дѣти—какъ обезьянки (*simiоlae*): что они видятъ, тому охотно подражаютъ,—какъ хорошему, такъ и дурному, и даже безъ особаго приказанія; потому они научаются раньше подражать, чѣмъ познавать. Я имѣю въ виду одинаково—сколько живые примѣры, столько же и заимствованные изъ исторіи; однако прежде всего живые, ибо они дѣствуютъ непосредственнѣе и сильнѣе. И потому, если честные родители—заботливые оберегатели домашней дисциплины, если учителя суть избраннѣйшіе изъ числа людей и по своимъ добрымъ нравамъ достойны подраженія, то это будетъ наилучшимъ средствомъ возвысить учениковъ до истинно-нравственной жизни.

16. XIV. *Но къ примѣрамъ слѣдуетъ присоединять предписанія, жизненные правила, дабы подражаніе улучшалось, дополнялось, усиливалось.* (Сравни, что было сказано въ XXI-й главѣ, правило 9-е.) Такія жизненные правила можно заимствовать какъ изъ Священнаго Писанія, такъ и изъ изрѣченій мудрецовъ. Напр., чѣмъ и какъ можно предохранить себя отъ зависти? какимъ панциремъ можно защитить свою грудь противъ скорби и всякаго рода непріятностей, встрѣчающихся почти на каждомъ шагу въ жизни? какъ сдерживать радость, какимъ образомъ обуздывать гнѣвъ, прогонять преступную любовь? и подобное: но все сообразно съ возрастомъ и съ степенью развитія воспитанниковъ.

17. XV. *Также слѣдуетъ весьма заботливо оберегать дѣтей отъ обращенія съ дурными людьми или дѣтьми, дабы первые не заразились отъ послѣднихъ.*

Ибо, вслѣдствіе испорченности нашей натуры, дурное легче пристаетъ и крѣпче держится. Поэтому, со всѣмъ тщаніемъ слѣдуетъ удалять отъ юношества всякій поводъ къ соблазну, какъ напр. дурныя товарищества, соблазнительныя книги, пустыя и безсодержательныя сочиненія (ибо если при этомъ примѣры зла не касаются глазъ и ушей, то все-же въ душѣ остается ядъ); наконецъ, также слѣдуетъ удалять и праздность, дабы дѣти отъ нечего-дѣлать не научились дѣлать дурное, или дабы чрезъ занятіе пустяками не тупѣли умственно. И потому полезно доставлять имъ постоянно за-

нятія, будутъ-ли это серьезныя вещи, или забавы,—только не слѣдуетъ позволять имъ праздности.

18. XVI. *И такъ какъ мы не обладаемъ столь острыми зрѣніемъ, чтобы не проскользнуло что-либо дурное, то крайне необходима дисциплина, чтобы противодействовать злымъ нравамъ.*

Ибо врагъ нашъ—сатана сторожить насъ не только тогда, когда мы спимъ, но и тогда, когда мы бодрствуемъ и сѣмъ на духовную ниву добрыхъ сѣмена; онъ вмѣшивается и разсѣваетъ между нихъ свои плевилы; оттого, испорченная натура колеблется то въ одну, то въ другую сторону, такъ что нужна сила для противодействія злу. Противодействіе же достигается посредствомъ дисциплины, т. е. посредствомъ строгихъ выговоровъ и наказаній, словесныхъ и тѣлесныхъ *), смотря по требованію обстоятельствъ; но всегда вслѣдъ за проступкомъ, дабы заглушить въ самомъ зародышѣ порокъ или даже, если возможно, вырвать его съ корнемъ. Итакъ, *въ школахъ должна быть примѣняема дисциплина, не столько ради знаній* (которыя, будучи сообщены при хорошей методѣ, скорѣе составляютъ удовольствіе, приманку для чело-вѣческаго ума), *сколько ради нравовъ*. Но о дисциплинѣ будетъ говорено въ XXXI-й главѣ.

ГЛАВА XXIV.

Методъ для внѣдренія благочестія **).

1. Хотя *благочестіе* есть даръ Божій и дается съ неба, св. Духомъ, но послѣдній дѣйствуетъ обыкновенными средствами и выбираетъ себѣ представителями — родителей, учителей,

*) Здѣсь Коменскій, очевидно, дѣлаетъ уступку духу времени, такъ какъ допущеніе тѣлесныхъ взысканій стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ гуманнымъ духомъ всей воспитательной системы Коменскаго.

**) Вся эта глава представляетъ болѣе богословскій трактатъ, чѣмъ педагогическое разсужденіе. Крайности піетизма здѣсь сказались довольно наглядно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ сущности, слѣдовало бы эту главу, какъ и послѣдующую, выпустить; но, принявъ на себя задачу—дать полный и вѣрный переводъ *всей* «Великой Дидактики», редакция не считаетъ себя вправѣ это сдѣлать, и ограничивается настоящимъ замѣчаніемъ.

служителей церкви, которые съ вѣрною заботливостію насаждаютъ и поливаютъ это райское растеніе (1 Кор. III 68); поэтому, будетъ справедливымъ и правильнымъ, если эти лица познають силу и смыслъ своихъ обязанностей.

2. Что разумѣется подъ именемъ *благодетія* *), было уже раньше замѣчено, именно (послѣ того, какъ выясненъ вѣрный смыслъ понятій «вѣра» и «религія») — чтобы наше сердце искало Бога (Котораго Писаніе именуетъ «Невѣдомымъ» — Ис. XLV, 15, — «Невидимымъ» — Евр. XI, 27, — Который, подъ покровами своихъ твореній и во всѣхъ видимыхъ вещахъ присутствуя невидимо, невидимо всѣмъ управляетъ), повсюду Богу *слѣдовало*, всегда Ему *радовалось*. *Первое совершается разсудкомъ; второе — волею; третье — радостію чувства.*

3. Мы *ищемъ* Бога, когда во всемъ сотворенномъ примѣчаемъ слѣды божественнаго. Мы *слѣдуемъ* Богу, когда во всѣхъ случаяхъ и вполнѣ предаемся Его волѣ, какъ для того, чтобы дѣйствовать, такъ и для того, чтобы страдать, если на то будетъ Его святая воля. Мы *радуемся* въ Богѣ, когда до такой степени находимъ успокоеніе въ Его любви и благодати къ намъ, что ни на землѣ, ни на небѣ ничто не представляется намъ болѣе желательнымъ, какъ самъ Богъ, ничто сладостнѣе, какъ Его слава, такъ что сердце наше переполняется чувствомъ любви къ Нему.

4. Изъ троякаго *источника* почерпаемъ мы такое душевное настроеніе: существуетъ и троякій способъ или *степень* почерпанія.

5. *Источники* эти суть: *Священное Писаніе, міръ и мы сами.*

*) *Pietas* мы переводимъ словомъ *благодетіе*, въ другихъ мѣстахъ словомъ *религіозность*; Лейтбехеръ колеблется также между этими выраженіями, но онъ употребляетъ еще слово «набожность» (*pietät*); но значеніе этого слова въ обыденномъ употребленіи наимѣнѣе согласуется съ тѣмъ, что подразумѣвается подъ словомъ *pietas* Коменскій.

Въ латинскомъ языкѣ *pietas* имѣетъ гораздо обширнѣйшій смыслъ, чѣмъ синонимы его въ другихъ языкахъ: оно въ немъ означаетъ *сообразное съ долгомъ настроеніе, чувство долга*; если же это настроеніе направлено къ Богу, то оно соотвѣтствуетъ нашему слову *благодетіе*. Впрочемъ, изъ объясненія, которое самъ Коменскій даетъ въ предшествующей главѣ, вытекаетъ, что подъ словомъ *pietas* онъ предполагаетъ *благодетивое чувство, страхъ Божій, веру, религіозность*.

Во первомъ мы имѣемъ слова Бога; во второмъ — Его *дѣла*, въ третьемъ—*влеченіе* къ Нему. Что изъ Писанія почерпается познаніе Бога и любовь къ Нему, то для насъ это внѣ всякаго сомнѣнія. Что мы отъ міра и мудраго созерцанія заключающихъ въ немъ удивительныхъ Божьихъ твореній устремляется къ чувству благочестія, то въ этомъ свидѣтелями служатъ язычники, которые единственно отъ созерцанія міра обращались къ почитанію божественнаго Промысла, какъ это видно изъ примѣровъ Сократа, Платона, Эпиктета, Сеники и другихъ, хотя ихъ чувство благочестія было несовершенно и уклонялось отъ цѣли, такъ какъ эти люди лишены были помощи божественнаго откровенія. Но тѣ, которые старались почерпнуть познаніе Бога изъ словъ и дѣлъ Его въ совокупности, были преисполнены высокой любовью къ Нему, что видимъ въ Іовѣ, Іиліи, Давидѣ и другихъ благочестивыхъ мужахъ *). Куда устремлено въ насъ самихъ созерцаніе особеннаго провиденія Божія (какъ чудно оно насъ образовало и доселѣ хранить и направляеть), это показываютъ на своемъ собственномъ примѣрѣ Давидъ (Псал. 139) и Іовъ (гл. X).

6. *Способъ почерпанія* благочестія изъ этихъ источниковъ также тройкій: *размышленіе, молитва, испытаніе*. Эти три способа, говоритъ д-ръ Лютеръ, образуютъ богослова; но и христіаниномъ вообще могутъ дѣйствительно сдѣлать только эти же три вещи.

*) Это мѣсто Лейтбехеръ переводить такъ: «Посредствомъ разума міровозрѣнія—мы привыкаемъ къ прославленію Бога и проч. Сократъ, Платонъ, Эпиктетъ, Солонъ суть тому примѣры; Іилія и Давидъ—также». Переводчику недовольственно то, что могъ себѣ позволить свободный перелagateль. Бегеръ замѣчаетъ при этомъ, что «если бы не держался строго текста, то и онъ не позволялъ бы себѣ мудрецовъ греческой древности ставить выше Давида и другихъ». Имена Сократа, Платона и Солона достаточно извѣстны; можно нѣчто сказать лишь о менѣе извѣстномъ Эпиктетѣ. Эпиктетъ жилъ во второй половинѣ I-го столѣтія нашего лѣтосчисленія; по рожденію былъ фригіецъ; прибылъ въ Римъ въ качествѣ раба одного любимаго императора Нерона и, вслѣдствіе своей учености, былъ отпущенъ здѣсь на свободу. Онъ принадлежалъ къ школѣ стоиковъ; главнымъ основаніемъ своей ифики онъ выставилъ положеніе: «Терпи и воздерживайся». Онъ дѣйствовалъ на учительскомъ поприщѣ въ Римѣ, а по изгнаніи отсюда—въ Епирѣ.

7. *Размышленіе есть частое, внимательное и благоговѣнное воспоминаніе дѣлъ, словъ и благодѣяній Бога*; такъ какъ все происходитъ только отъ Его благоволенія (дѣйствующаго или допускающаго), и, неисповѣдимыми путями божіими, всѣ рѣшенія Его божественной воли достигаютъ предначертанной цѣли.

8. *Молитва есть частое и даже, въ извѣстной мѣрѣ, постоянное обращеніе челоѣка къ Богу* и моленіе о поддержаніи насъ Его милосердіемъ и управленіи нами Его Духомъ.

9. *Наконецъ, испытаніе есть часто повторяемая проѣрка нашего возраста въ благочестіи*,—будетъ ли это испытаніе производимо нами самими, или же другими лицами; сюда же принадлежатъ челоѣческія, бѣсовскія и божескія искушенія, каждое въ своемъ родѣ. Ибо и самого себя челоѣкъ долженъ иногда испытывать, въ вѣрѣ ли онъ (2 Коринѣ. XIII, 5) и сколь ревностно исполняетъ онъ волю Бога; также мы должны быть испытываемы и людьми, какъ друзьями, такъ и врагами. Это бываетъ, когда тѣ, которые отличаются благочестивою жизнію,—бодрымъ вниманіемъ, тайнымъ и явнымъ покровительствомъ стараются испытать, насколько мы подвинулись въ благочестіи; тоже испытаніе бываетъ и въ томъ случаѣ, когда Богъ поставитъ возлѣ насъ врага, что побуждаетъ насъ искать убѣжища у Бога—и открываетъ, какъ велика въ насъ сила вѣры. Наконецъ, Богъ допускаетъ къ намъ и самого діавола, когда послѣдній возстаетъ на людей, дабы обнаружилось, что заключается въ сердцѣ челоѣка. Слѣдовательно, все это должно быть внушено христіанскому юношеству, дабы всѣ юноши приучились по поводу всего, что есть, что совершается и что будетъ, направлять свои сердца къ Тому, кто—есть Первый и Послѣдній изъ всѣхъ, и только въ немъ одномъ искать успокоенія душъ.

10. Специальный способъ для вѣдренія благочестія заключается въ себѣ 21 правило.

I. *Забота о внушеніи ребенку благочестія должна начинаться съ самаго ранняго дѣтства его*. Ибо, съ одной стороны, не полезно откладывать это, съ другой—прямо вредно. Что важнѣе, то должно быть развиваемо предпочтительно, сильнѣйшее—сильнѣе: этому учить простой разумъ. Но что предпочтательнѣе и могуществѣннѣе благочестія, безъ ко-

тогого всякое другое упражненіе мало-полезно, между тѣмъ какъ оно само имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей (1 Тим. IV, 8). Это есть одно самое необходимое (Лук. X), 42),—искіе царства Божія; и если кто будетъ пещись объ этомъ, то все другое приложится ему (Матѣ. VI, 33). Но опасна также и отсрочка, ибо если нѣжныя созданія не будутъ исполняться любовью къ Богу, то позже, среди тревоженій жизни, которая проводится безъ вниманія къ божественному промыслу,—весьма легко само собою можетъ проникнуть въ нихъ равнодушное неуваженіе къ Божеству и даже такой образъ мыслей, который впоследствии—у однихъ съ большимъ трудомъ, а у многихъ и никогда не можетъ быть уничтоженъ. Самъ пророкъ, оплакивая ужасающую порчу безбожія въ своемъ народѣ, восклицаетъ: «Никто не остался въ сторонѣ, кого бы Богъ могъ научить, кромѣ младенцевъ, отторженныхъ отъ сосца, т. е. малолѣтнихъ дѣтей» (Ис. XXVIII, 9). О другихъ говоритъ другой пророкъ, что они не могли бы быть исправлены, чтобы творить благое, потому что привыкли къ злу (Іерем. XIII, 23).

11) II. Начиная съ перваго употребленія глазъ, языка, рукъ, ногъ, дѣти должны взирать на небо, поднимать руки, называть Бога и Христа, предъ невидимымъ величествомъ Божіимъ преклонять колѣна и научиться бояться его. Для этого маленькія дѣти не такъ непонятливы, какъ представляютъ себя нѣкоторые, не обращающіе тщательнаго вниманія на то, какъ велика необходимость для насъ отрываться отъ зла, отъ міра и отъ насъ самихъ,—весьма нерадиво исполняющіе столь важное дѣло. Разумѣется, сначала дѣти не понимаютъ того, что дѣлаютъ они,—дѣти, въ которыхъ еще слабо употребленіе разума; но въ томъ-то и сила прежде всего, чтобы они знали, что должны дѣлать то, чему ежедневнымъ повтореніемъ научаются. Ибо, послѣ того, какъ они, упражняясь, научились, что они должны дѣлать, — будетъ легче вселить въ нихъ—что вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ, то-есть — чтобы они начали усматривать: что, почему и какъ это происходитъ правильно. Всѣ первенцы, опредѣляетъ Богъ въ законѣ, должны быть посвящаемы Ему: итакъ, почему же и первенцы нашего мышленія, нашей рѣчи, нашихъ движеній и дѣйствій не должны подвергнуться тому же?

12) III. *Насколько дѣти, въ теченіе ихъ юности, могутъ уже быть образуемы, настолько слѣдуетъ внушатьъ имъ прежде всего, что мы не ради этой жизни существуемъ здѣсь, но стремимся къ вѣчности, что здѣсь только переходное состояніе, дабы мы, хорошо приготовившись, достойно вступили въ вѣчныя обители.* Это можетъ быть легко показано на ежедневныхъ примѣрахъ тѣхъ людей, которыхъ похищаетъ смерть и переноситъ въ другую жизнь,—на примѣрахъ младенцевъ, отроковъ, юношей и старцевъ. Пусть это чаще повторяется дѣтямъ, дабы они помнили, что никто не можетъ располагаться здѣсь на вѣчныя времена.

13) IV. *Итакъ, частыми напоминаніями слѣдуетъ назидать ихъ, что здѣсь нечего болѣе преслѣдовать, какъ только надлежащимъ образомъ подготавливаться къ вѣчной жизни.* Иначе они были бы безумцами, если бы захотѣли овладѣвать тѣмъ, что вскорѣ должны были бы оставить, и пренебрегать тѣмъ, что должно сопровождать ихъ въ самую вѣчность.

14) V. *Потомъ, пусть поучаютъ ихъ тому, что есть двоякая жизнь, въ которую люди переходятъ отсюда,—блаженная жизнь съ Богомъ и злополучная въ адъ, но что та и другая вѣчны; именно, на примѣрахъ Лазаря и богача, души которыхъ были унесены—душа перваго ангелами на небо, душа послѣдняго—бѣсами въ адъ.*

15) VI. *Но что только тѣ счастливы, трижды счастливы, которые такъ ведутъ свою жизнь, что при смерти оказываются достойными явиться къ Богу.* Ибо внѣ Бога, источника свѣта и жизни,—есть только мракъ, ужасъ, мученіе, вѣчная смерть, но безъ смерти; слѣдовательно, было бы лучше, если бы совсѣмъ не рождались тѣ, которые отклоняются отъ Бога и внезапно падаютъ въ пропасть вѣчной гибели.

16) VII. *Но что только тѣ войдутъ къ Богу, которые здѣсь обращались съ нимъ, какъ Енохъ и Ілія, оба живые, другіе же послѣ ихъ смерти (1 Моис. V, 24, и друг. мѣста),*

17) VIII. *Но что тѣ обращаются съ Богомъ, которые имъютъ Его предъ глазами, боятся Его и исполняютъ Его заповѣди.* Это есть все для человѣка (Эклез. VII, 13), то все, о которомъ Христосъ говоритъ: «Одно только нужно» (Лук. X, 42), имѣть которое постоянно предъ глазами и въ сердцѣ должны

всѣ христіане, дабы они никогда, подобно Марѣѣ, не отдавались чрезмѣрно заботамъ объ этой жизни.

18) IX. *Слѣдовательно, дѣти должны приучаться, чтобы все, что видятъ, слышатъ, осязаютъ, что дѣлаютъ и что терпятъ, относить къ Богу, непосредственно или посредственно.* Это можно разъяснить примѣрами. Именно тѣ, которые предаются научнымъ занятіямъ и созерцательной жизни, должны дѣлать это такимъ образомъ, чтобы созерцали повсюду распространенное могущество, мудрость и благодать Бога, и чрезъ то воспламенялись любовью къ Нему и, посредствомъ этой любви, все крѣпче срастались бы съ Нимъ, такъ чтобы во вѣки не могли уже быть оторваны отъ Бога. Тѣ же, которые исполняютъ физическія работы,—по земледѣлію, ремесламъ и проч.,—тѣ должны заботиться о хлѣбѣ и другихъ жизненныхъ потребностяхъ; это же для того, чтобы они могли жить прилично; но они должны жить цѣлесообразно, дабы могли служить Богу спокойнымъ и радостнымъ сердцемъ и, служа Ему, снискивать Его благоволеніе, и, снискивая Его благоволеніе, быть во вѣки соединеннымъ съ Нимъ. Тѣ же, кто направляетъ вещи къ другой цѣли, тѣ должны знать, что они отклоняются отъ воли божіей и отъ самаго Бога.

19) X. *Должно научать дѣтей съ ранней юности заниматься преимущественно тѣмъ, что непосредственно приводитъ къ Богу,—чтеніемъ Священнаго Писанія, упражненіями въ почитаніи Бога и внѣшними добрыми дѣлами.* Ибо чтеніе Священнаго Писанія возбуждаетъ и содѣйствуетъ воспоминанію о Богѣ; упражненіе въ почитаніи Бога представляетъ человѣку Бога присутствующимъ и связываетъ его съ Нимъ; а добрыя дѣла укрѣпляютъ этотъ союзъ, ибо показываютъ, дѣйствительно ли мы поступаемъ по заповѣдямъ Божиимъ. Эти три вещи слѣдуетъ прочно внѣдрять ученикамъ благочестія (къ числу ихъ принадлежить и все посвященное Богу путемъ крещенія юношество).

20) XI. *Поэтому-то да будетъ Священное Писаніе альфой и омегой для всѣхъ христіанскихъ школъ.* Что говоритъ Гиперій, чтобы богословъ рождался въ Писаніи, то апостоль Петръ раскрываетъ, говоря: Дѣти божіи возрождаются не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкъ (1 Петр. I, 13). Итакъ, въ христіан-

скихъ школахъ біблія должна имѣть преимущество предъ всѣми другими книгами; дабы, по примѣру Тимофея, всѣ христіанскіе юноши, которые изъ дѣтства знаютъ священныя писанія, были умудрены во спасеніе (2 Тим. III. 15) и воспитаны въ словахъ вѣры (1 Тим. IV, 6). Прекрасно высказался уже въ свое время объ этомъ предметѣ *Эразмъ* въ своемъ «Параклезисѣ» или «Поощреніи къ изученію христіанской философіи,» гдѣ онъ говоритъ: «Священное Писаніе пригодно всѣмъ одинаково; оно опускается до малыхъ и примѣняется къ ихъ мѣрѣ, питая ихъ молокомъ, освѣжая, поддерживая и дѣлая все, пока мы не возмужаемъ во Христѣ. Но какъ оно не пренебрегаетъ малыми, такъ равно и въ высшихъ оно вызываетъ удивленіе; для малыхъ оно мало, для великихъ больше чѣмъ велико. Оно не опускается изъ виду ни какого возраста, никакого пола, никакого положенія, никакого призванія. Солнце—и то не такъ равномерно грѣетъ и освѣщаетъ всѣхъ, какъ ученіе Христа. Последнее вообще не удаляетъ никого, развѣ кто самъ удалится, по своему желанію», и пр. Далѣе онъ продолжаетъ: «О, еслибы оно было переведено на всѣ языки всѣхъ народовъ, дабы его могли читать и познавать не только шотландцы и ирландцы, но даже турки и сарацины. Пускай оно будетъ многими осмѣяно, но за то оно привлечетъ нѣкоторыхъ. О, пусть изъ него напѣваетъ что-нибудь земледѣлецъ за плугомъ, пусть изъ него что-нибудь подпѣваетъ ткачъ въ тактъ своей работѣ, пусть разсказами изъ него путникъ будетъ сокращать трудности путешествія; пусть всѣ христіане заимствуютъ изъ него предметы для разговоровъ! Ибо мы обыкновенно таковы, каковы наши всѣдневныя разговоры. Пусть каждый понимаетъ его, какъ можетъ, пусть каж-

*) *Эразмъ*, по своему родному городу названный *Роттердамскимъ*, жилъ въ послѣдней трети XV-го и въ началѣ XVI-го стол. частію на своей родинѣ, частію въ Англіи, Франціи и Италіи, и какъ реформаторъ науки прибрѣлъ себѣ большую извѣстность. Кромѣ заслугъ *Эразма* на поприщѣ филологіи, именно по греческому языку, дѣятельность его отличается въ области богословія и практической философіи. Число его сочиненій по названнымъ отдѣламъ весьма значительно. Оживленіемъ духа онъ помогалъ своимъ современникамъ освобождаться изъ оковъ монашества и схоластицизма—и этимъ въ значительной степени подготовилъ успѣхъ реформаціи, хотя въ послѣдствіи и не выказалъ истиннаго пониманія этого историческаго умственнаго движенія.

дый выскажетъ свою мысль, насколько можетъ. Кто идетъ позади, не завидуй тому, кто идетъ впереди; кто имѣетъ преимущество, тотъ ободряй отставшаго, но не презирай его. Почему дѣлаемъ мы достояніемъ немногихъ общее всѣмъ исповѣданіе?» — И въ концѣ пишетъ онъ еще: «И еслибъ мы могли всѣ, кто только въ крещеніи клялся на словахъ Христа (иначе мы клялись бы духомъ), облечься Его ученіемъ и въ объятіяхъ родителей и въ ласкахъ нянекъ! Ибо то, что прежде всего всосалъ въ себя необразованный сосудикъ духа, лежитъ въ немъ всего глубже, держится всего крѣпче. Пусть первое лепетанье призываетъ Христа, пусть изъ Его евангелій почерпнетъ раннее дѣтство пишу своего перваго образованія, пусть — желалъ бы я — оно сначала преподавалось бы такимъ образомъ, чтобъ дѣти полюбили его. Пусть они пребываютъ на этомъ ученіи до тѣхъ поръ, пока въ молчаливомъ возрастаніи они не дозрѣютъ до сильнаго мужа во Христѣ. Счастливы тотъ, кого смерть застанетъ при изученіи этого знанія. Итакъ, да будемъ мы всѣ полнымъ сердцемъ жадать этого ученія, постигать его, постоянно пребывать въ немъ, лобызать его, — наконецъ, умирать въ немъ, превращаться въ него, такъ какъ нравы переходятъ въ занятія» и т. д. Тотъ же Эразмъ говоритъ въ своемъ учебникѣ богословія: «Не было бы никакого безразсудства, по моему мнѣнію, выучивать священныя книги наизусть, слово въ слово, даже и не понимая ихъ, — какъ полагаетъ Августинъ», и проч. Итакъ, вообще въ христіанскихъ школахъ должны звучать имена не Плавта, не Теренція, не Овидія, не Аристотеля, но Моисея, Давида, Христа; должны быть придуманы средства и пути, посредствомъ которыхъ посвященному Богу юношеству (всѣ дѣти христіанъ святы. 1 Корин. VII, 14) стала бы извѣстна библія — какъ азбука. Ибо, какъ вся рѣчь состоитъ изъ звуковъ и знаковъ, такъ изъ элементовъ священнаго писанія образуется все строеніе религіи и богочитанія.

21) XII. *То, что изучается изъ писанія, должно относиться къ вѣрѣ, любви и надеждѣ.* Ибо эти три чувства суть тѣ высшіе классы, къ которымъ должно относить все, что благоугодно было Богу открыть Своимъ словомъ. Ибо одно открывается намъ, дабы мы его знали; другое заповѣдуются

намъ, дабы мы его исполняли; иное обѣтовается намъ, дабы мы, по Его благодати, надѣялись на то, и въ этой, и въ будущей жизни. И мы не имѣемъ ничего, что не могло бы относиться къ одной изъ этихъ трехъ главныхъ частей. Итакъ, понимать это должны быть научаемы всѣ, дабы они съ сознаниемъ умѣли пребывать въ божественныхъ чудесахъ.

22) XIII. *Вѣръ, любви и надеждѣ слѣдуетъ обучать для практическаго примѣненія къ дѣлу*; ибо мы должны образовывать практическихъ христіанъ, а не теоретическихъ; именно, образовать съ самаго начала, если мы во истину хотимъ быть христіанами. Ибо религія есть живая, а не писанная вещь; свою жизненную силу она должна показать на успѣхѣ, подобно тому, какъ живое сѣмя, брошенное въ землю, скоро прорастаетъ. Писаніе ищетъ дѣятельной вѣры (Гал. V, 6); вѣру же безъ дѣлъ называетъ мертвою (Іак. II, 20); равно требуетъ и живой надежды (I Петр. I, 3). Потому-то и въ законѣ часто повторяется выраженіе, что «по божественному вдохновенію открывается то, что открывается, дабы мы исполняли его». Потому и Христосъ говоритъ: «Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете» (Іоан. XIII, 17).

23) XIV. *Вѣръ, любви, надеждѣ будутъ обучать для практическаго приложенія ихъ къ дѣлу—тогда, когда будутъ обучать дѣтей (именно всѣхъ) твердо вѣрить всему, что открылъ Богъ,—всему слѣдовать, что Онъ заповѣдуетъ, уповать на все, что Онъ обѣщаетъ*. Это должно внушить и прилежно запечатлѣвать въ дѣтяхъ, если хотятъ, чтобы слово Божіе было имъ силою Божіею для спасенія, чтобы они повергали Богу свое покорное и преданное сердце, всегда, вездѣ и во всемъ готовое подчиняться Ему, и даже, больше того, чтобы и на дѣлѣ подчинялись Ему. Ибо какъ солнце со своимъ свѣтомъ ничего не открываетъ тому человѣку, который не хочетъ открыть глазъ, и предлагаемыя яства никого не насыщаютъ, кто отказывается вкусить ихъ: такъ точно и божественный, предлагаемый духу *святъ*, такъ и преподанныя для нашего дѣйствія *заповѣди*, такъ, наконецъ, и *блаженство*, обѣщанное боящимся Бога,—были бы напрасны, если бы мы не захотѣли воспользоваться ими съ послушною вѣрою, съ горячей любовью и съ твердою надеждою. Такъ Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, вѣрилъ даже въ невѣроятное для разсудка, довѣряя

словамъ Бога, покорно исполняя жесточайшее, что ему повѣлѣвалъ исполнить Богъ (оставить свою родину, принести въ жертву сына и проч.), хотя не было никакого основанія для упованія,—съ полнымъ довѣріемъ, надѣясь только на обѣтованія Божіи. Такая живая, дѣятельная вѣра и была зачтена ему въ праведность. И чтобы тѣ, которые отдаются Богу, испытывали это на самихъ себѣ и постоянно соблюдали, тому и слѣдуетъ научить ихъ.

24) XVI. То, что преподается въ христіанскихъ школахъ сверхъ Священнаго Писанія (науки, искусства, языка и проч.), должно быть излагаемо въ подчиненіи послѣднему, дабы ученики могли повсюду замѣчать и ясно прозрѣвать, что все, что не имѣетъ отношенія къ Богу и къ вѣчной жизни, есть только пустой призракъ. Прославляется древними Сократъ *), ибо онъ перевелъ философію отъ голыхъ и ухищренныхъ умозрѣній въ область морали. И апостолы были призваны отвлекать христіанъ отъ пустословныхъ, мелочныхъ толкованій закона и призывать ихъ къ любви Христа (1 Тим. I, 5—7 и проч.), какъ поступали и нѣкоторые новѣйшіе благочестивые богословы, призывавшіе отъ неразумныхъ, скорѣе подрывающихъ церковь, чѣмъ назидającychъ, спорныхъ вопросовъ—къ заботамъ о чистой совѣсти и къ практическимъ упражненіямъ въ благочестіи. О, еслибы Богъ сжалился—и далъ изобрѣсти всеобщій способъ успѣшно обучать всему, что привлекаетъ человѣческій разумъ къ Богу, переносить на Бога,—всѣ дѣла этой жизни, въ которыхъ запутался и погрузился міръ, направлять и устремлять къ вѣчной жизни! Это было бы священной лѣствицею, по которой чрезъ все, что существуетъ

*) Мы не можемъ заимствовать ученія Сократа непосредственно отъ него; ибо онъ не оставилъ послѣ себя никакого письменнаго сочиненія; но мы знаемъ его довольно точно, преимущественно изъ твореній двухъ его знаменитѣйшихъ учениковъ: изъ Меморабілій *Ксенофонта* и изъ большаго числа разговоровъ *Платона*. Последніе позволяютъ намъ взглянуть глубоко въ его духъ, но во всякомъ случаѣ изукрашены поэтически; между тѣмъ какъ первыя, въ ихъ большей безискусственности, представляютъ съ большою историческою вѣрностью. Сократу принадлежитъ большая заслуга, что онъ сохранилъ философское мышленіе отъ софистической порчи, къ которой оно обратилось, занимаясь только риторическимъ пустословіемъ,—пересадилъ его на нравственную почву и, въ то же время, сообщилъ изслѣдованіямъ и разсужденіямъ естественный методъ (эвристическій).

и совершается, нашъ духъ безпрепятственно восходилъ бы къ высшему и вѣчному охранителю всѣхъ вещей, къ источнику истиннаго блаженства!

25) XVI. *Всѣ должны быть научаемы прилагать самое искреннее стараніе къ почитанію Бога, какъ внѣшнему, такъ и внутреннему, дабы внутреннее почитаніе не охладѣло безъ внѣшняго, внѣшнее безъ внутренняго не переродилось бы въ одну внѣшность.* Внѣшнее богослуженіе заключается въ словѣ о Богѣ, въ проповѣди и въ слушаніи Его слова, въ моленіи съ преклоненными колѣнями, въ пѣніи священныхъ молитвъ, въ отпращиваніи таинствъ и другихъ священныхъ обрядахъ, какъ общественныхъ, такъ и домашнихъ. *Внутреннее богопочитаніе* заключаетъ въ себѣ постоянную мысль о присутствіи Божіемъ, страхъ Божій и любовь къ Нему, самоотреченіе и порученіе себя промыслу Божію,—именно постоянную готовность исполнять и претерпѣвать все, что угодно будетъ Богу. Внѣшнее и внутреннее богопочитаніе должны быть въ связи, а не раздѣляемы одно отъ другого,—не только потому, что такъ и слѣдуетъ, чтобы Богъ былъ прославляемъ и въ тѣлахъ нашихъ, и въ душахъ нашихъ, которыя суть Божіи (1 Кор. VII, 20), но и потому, что безъ опасности—они не могутъ быть раздѣляемы. Ибо Богъ отвергаетъ наружные обряды безъ внутренней истины, и говорить: «кто изыскалъ сія изъ рукъ вашихъ (Ис. I, 13 и другія мѣста)?» Ибо, такъ какъ Богъ есть духъ, то и хочетъ Онъ, чтобы Ему поклонялись въ духѣ и истинѣ (Іоан. IV, 24). Но, съ другой стороны, такъ какъ мы не исключительно духовны, но тѣлесны и чувственны, то необходимо, чтобы наши чувства были иногда возбуждаемы извнѣ, дабы достигнуть того, что должно совершиться внутри, въ духѣ и истинѣ. И потому Богъ, хотя и требуетъ преимущественно внутренняго, но хочетъ также и внѣшняго, хочетъ, чтобы и его выполняли. Хотя самъ Христосъ освободилъ поклоненіе новаго завѣта отъ церемоній и училъ служить Богу въ духѣ и истинѣ, но самъ Онъ молился Отцу съ поникшею головою, и даже продолжалъ эту молитву въ теченіе нѣсколькихъ ночей сподрядъ; поспѣшалъ священныя собранія, слушалъ законоучителей и спрашивалъ ихъ; проповѣдывалъ слово, пѣлъ благочестивыя гимны и проч. Итакъ, если мы должны образовать юношество къ религіи, то это

должно совершаться вполне, какъ внутренно, такъ и наружно, дабы мы не создавали ни внѣшняго соблюденія обрядовъ, — именно поверхностныхъ, мнимыхъ, кажущихся, притворныхъ почитателей Бога, — ни мечтателей, услаждающихся своими грезами и отстраняющихся, вслѣдствіе пренебреженія внѣшняго служенія, отъ порядка и почитанія церкви, — ни, наконецъ, вполне равнодушныхъ къ дѣлу религіи людей, въ которыхъ внѣшнее не даетъ никакого возбужденія внутреннему, а внутреннее не даетъ жизни внѣшнему.

26) XVII. Мы должны прилежно приучать дѣтей къ внѣшнимъ дѣламъ, которыя предписаны Богомъ, дабы дѣти знали, что истинное христіанство требуетъ пролывать свою вѣру въ дѣлахъ. Такія дѣла, каковы упражненія въ умѣренности, въ справедливости, въ милосердіи, никогда не должны быть упускаемы. Ибо если наша вѣра не производитъ такихъ дѣлъ, то она мертва есть (Іак. 2); если же она способна принести спасеніе, то должна быть живою.

27) XVIII. Дѣти должны также научиться точно различать цѣли благодѣяній и опредѣлений Божіихъ, дабы они разумѣли употреблять ихъ надлежащимъ образомъ и не злоупотреблять ни однимъ изъ нихъ. Фульгенцій *) (въ своемъ второмъ письмѣ къ Галласу) дѣлаетъ троякое раздѣленіе благодѣяній Бога: «нѣкоторые изъ нихъ, — говоритъ онъ, — суть такія, которыя продолжались бы во вѣки; другія должны были бы служить достиженію вѣчности; послѣднія же, наконецъ, назначены только для употребленія въ настоящей жизни. Къ первому роду принадлежатъ: познаніе Бога, радость въ святомъ Духѣ, любовь къ Богу, распространяющіяся въ нашемъ сердцѣ. Ко второму роду, — говоритъ онъ, — принадлежатъ: вѣра, надежда, милосердіе къ ближнимъ. Къ третьему же — здоровье, богатство, друзья и все внѣшнее, что само по себѣ не дѣлаетъ ни счастливымъ, ни несчастнымъ».

Равнымъ образомъ раскрывается, что и опредѣленія Бога

*) Фульгенцій, по его епископской резиденціи прозывавшійся *Русвійскимъ*, знаменитый церковный писатель, — жилъ около 500 года, частью въ сѣверной Африкѣ, частью въ Римѣ, и, какъ изгнанныкъ, въ Сардиніи. Онъ защищалъ православіе противъ арианъ и семипелагіанцевъ. Отъ него осталось нѣкоторое количество полемическихъ статей и писемъ, а также и отъ его ученика и друга Ферранда Фульгенція.

или Его наказанія бываютъ трехъ родовъ. Нѣкоторые (которые Богъ опредѣлилъ пощаду въ вѣчности) поражаются *здѣсь* и испытуются подъ бременемъ креста, дабы очистились и просвѣтились (Дан. II, 35, Откр. VII, 14), подобно Лазарю. Нѣкоторые шадятся *здѣсь*, дабы получить наказаніе въ вѣчности, подобно Богачу. Для нѣкоторыхъ наказанія начинаются уже *здѣсь* и будутъ продолжаться въ вѣчность, какъ напр. на Саулѣ, Антиохѣ, Иродѣ, Іудѣ и друг. Итакъ, люди должны быть научаемы все хорошо различать, дабы они, прельстившись чувственными благами, не ставили на первый планъ то, что относится только къ земной жизни, и дабы они приходили въ ужасъ не предъ земными бѣдствіями, но скорѣе предъ муками ада; дабы они, въ особенности, не тѣхъ боялись, кто властенъ убить только тѣло, и потомъ не могутъ ничего болѣе сдѣлать, но того, кто не только можетъ испортить тѣло, но и душу можетъ ввергнуть въ адъ (Лука XII, 4 и 5).

28) XIX. Также должно напоминать дѣтямъ о томъ, что *отвѣтный путь къ жизни есть путь креста и что и Христосъ, путеводитель къ жизни, шелъ по тому же пути и другихъ приглашалъ слѣдовать за Нимъ, и велъ за собою по этому пути тѣхъ, кого излюбилъ*. Тайна нашего спасенія совершена крестомъ и заключается въ крестѣ; ибо крестомъ былъ пораженъ древній Адамъ, дабы жилъ новый, рожденный въ Богѣ человѣкъ. Итакъ, кого Богъ излюбитъ, того и наказуетъ и распинаетъ на крестѣ, со Христомъ, дабы излюбленный, воскреснувъ съ Христомъ, возсѣлъ на небѣ по правую сторону Его. Это слово о крестѣ, которое есть сила Божія для спасенія тѣхъ, которые вѣруютъ, есть въ тоже время безуміе для погибающихъ (1 Кор. I, 18); поэтому въ высшей степени необходимо запечатлѣвать это въ христіанахъ самымъ тщательнымъ образомъ, дабы они познали, что не могутъ быть учениками Христа, если не возненавидятъ сами себя, не понесутъ на своихъ плечахъ креста Христова (Лук. XIV, 26) и не будутъ въ теченіе всей своей жизни готовы идти туда, куда поведетъ ихъ Господь.

29) XX. Но надо также заботиться, чтобы во время подобнаго преподаванія дѣтямъ—на пути не встрѣчался никакой *противодѣйствующій примѣръ*, т. е. нужно предохранять дѣ-

тей, чтобы они не видѣли и не слышали богохульствъ, ложныхъ клятвъ, поруганій имени Божія и безбожія, но повсюду, гдѣ бы ни находились, видѣли бы благоговѣніе къ божественному промыслу, почитаніе религіи и заботу о чистой совѣсти. И если что-нибудь совершается не такъ, дома или въ школѣ, то должны помнить, что это не пройдетъ безнаказанно, но будетъ строго наказано,—что наказаніе за оскорбленіе величія Божія послѣдуетъ ужаснѣе, чѣмъ наказаніе за какую-нибудь провинность противъ Присціана *) или другое какое внѣшнее упущеніе, отъ чего прежде всего и въ особенности слѣдовало бы охранять ихъ.

30) XXI. *Наконецъ, такъ какъ, при этой испорченности міра и природы, мы никогда не можемъ исполнить всего, сколько должны, и такъ какъ—въ случаѣ, если бы и добились какой-нибудь милости—также испорченная плоть впадаетъ слишкомъ легко въ самодовольство: то отсюда (ибо Богъ противостоитъ несовершеннымъ) происходитъ высшая опасность для нашего спасенія, и потому надлежитъ своевременно внушать всѣмъ христіанамъ: во-первыхъ, что наши стремленія и наши добрыя дѣла, по ихъ несовершенству, были бы ничѣмъ, если бы Христосъ, агнецъ Божій, принявшій на себя грѣхи міра, посредствомъ своего совершенства, не пришелъ къ намъ на помощь,—и во-вторыхъ, что Христосъ долженъ быть призываемъ и на Него должна возлагаться надежда. Такимъ образомъ, мы прочно утвердили бы надежду на наше спасеніе и на спасеніе нашихъ ближнихъ, такъ какъ построили бы ее на Христѣ, на Краеугольномъ Камнѣ, Который, будучи вершиною всякого совершенства на небѣ и на землѣ, есть также вершина вѣры, любви, надежды, а для нашего спасенія есть единственный Начинатель и Завершитель, Котораго Отецъ затѣмъ и послалъ съ неба, чтобы, сдѣлавшись Эммануиломъ (Богочеловѣкомъ), Онъ соединилъ людей съ Богомъ и, послѣ того какъ*

*) *Присціанъ* обучалъ въ первой половинѣ VI-го столѣтія латинскому языку въ Константинополѣ и написалъ важное для грамматики этого языка сочиненіе, которое служило школьною книгою въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Такъ какъ латинскій языкъ въ теченіе столѣтій былъ важнѣйшимъ учебнымъ предметомъ въ школахъ, то естественно, что всякая ошибка противъ Присціана, а слѣдовательно и противъ латинской грамматики, считалась за тяжчайшій школьный грѣхъ.

принялъ человѣческій образъ, живя святѣйшимъ образомъ, представлялъ бы людямъ образецъ божественной жизни, а умирая невинно, искупилъ бы Собою вину міра и Своею кровію смылъ бы съ насъ наши грѣхи; наконецъ, чтобъ Онъ показалъ Своимъ воскресеніемъ, что побѣдилъ смертію смерть и, вознесшись на небо, ниспослалъ бы оттуда Святаго Духа, залогъ нашего спасенія, посредствомъ Котораго Онъ живетъ въ насъ, какъ въ храмѣ Своемъ, управляетъ нами и ведетъ къ спасенію, между тѣмъ какъ мы пребываемъ здѣсь на землѣ въ постоянномъ ожиданіи, пока Онъ насъ нѣкогда воскреситъ и возьметъ къ Себѣ, для того, чтобы гдѣ Онъ, тамъ были и мы, созерцали Его величіе и проч.

31) Ему, Единому Вѣчному, Спасителю всѣхъ, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, да будетъ хвала, и честь, и поклоненіе отъ вѣка и до вѣка.—Аминь.

32. Способъ правильного веденія этого дѣла во всѣхъ подробностяхъ долженъ быть начертанъ для всѣхъ классовъ школъ.

ГЛАВА XXV.

Если мы хотимъ полного преобразованія школъ по началамъ истиннаго христіанства, то должны или совсѣль удалить изъ нихъ книги, написанныя язычниками, либо, по крайней мѣрѣ, обращаться съ ними съ большею осмотрительностью, чѣмъ до сихъ поръ.

1. Неоспоримая необходимость принуждаетъ меня преслѣдовать дальнѣйшее развитіе того, о чемъ въ предшествующей главѣ было только поверхностно упомянуто. Именно, если мы хотимъ имѣть дѣйствительно христіанскія школы, то должны удалить изъ нихъ множество языческихъ учителей. Сначала я приведу побуждающія къ тому причины, а потомъ опредѣлю, какія предосторожности слѣдуетъ примѣнить къ мудрецамъ міра, чтобъ тѣмъ не менѣе все, что они измыслили, высказали и совершили прекраснаго, обратилось бы и намъ во благо.

2. Къ ревности въ этомъ дѣлѣ влечетъ меня любовь къ славѣ Божіей и человѣческому спасенію; ибо я вижу, что многія школы христіанъ только по названію христіанскія, въ остальномъ же видятъ свое услажденіе единственно въ *Теренціи, Плавтѣ, Цицеронѣ, Овидіи, Катуллѣ, Тибуллѣ, мурзахъ и Венерѣ*. Отсюда бываетъ, что онѣ міръ лучше знаютъ, чѣмъ Христа, и что въ средѣ христіанства надо отыскивать христіанъ. Это происходитъ оттого, что нѣкоторымъ весьма ученымъ богословамъ Христосъ служитъ только маскою, между тѣмъ какъ Аристотель и вся ватага язычниковъ снабжаютъ ихъ духомъ и тѣломъ. Это ужасающее злоупотребленіе христіанскою свободою, наипостыднѣйшее оскверненіе и дѣло величайшей опасности. Ибо —

3) *I. Наши дѣти рождены для неба и возрождены Святѣмъ Духомъ; слѣдовательно, для неба слѣдуетъ ихъ и образовывать, какъ гражданъ, и прежде всего знакомить ихъ съ небеснымъ, съ Богомъ, Христомъ, съ ангелами, съ Авраамомъ, Исаакомъ, Иаковомъ и т. д.* И должно заботиться, чтобъ это совершалось прежде всего другого, принимая во вниманіе сколько невѣрность настоящей жизни, дабы кто-нибудь не былъ неподготовленнымъ унесенъ смертію, — столько же и то, что первыя впечатлѣнія держатся наиболѣе крѣпко и (если эти впечатлѣнія были святы) ручаются за всю послѣдующую жизнь.

4) *II. Богъ изобильно заботился о Своемъ избранномъ народѣ, но все же Онъ указывалъ на школу только въ Своемъ домѣ, гдѣ Онъ Себя являлъ учителемъ, насъ — учениками, слово же Своихъ пророчествъ — Своимъ ученіемъ.* Ибо такъ сказалъ онъ чрезъ Моисея: «Слушай, Израиль: Господь Богъ нашъ — Господь единъ есть»; и «Люби Господа Бога твоего — всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою своею, и всѣми силами твоими; и да будутъ слова сія, которыя я заповѣдую тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ (и въ душѣ твоей), и внушай ихъ дѣтямъ твоимъ и говори о нихъ, сидя въ домѣ твоемъ и идя дорогою, и ложась, и вставая», и проч. (5 Моис. VI, 4—7). И чрезъ пророка Исаію: «Я есмь Господь Богъ твой, научившій тебя, какъ обрѣсти тебѣ путь, по которому пойдешь» (48, 17). Далѣе: «Не языкъ ли (народъ) къ Богу своему взыщетъ (спроситъ)?» И Христосъ: «Изслѣдуйте Писанія» (Іоан. V, 39).

5) *III. Что Его же слово есть лучезарнѣйшій свѣтъ на-*

шего познанія, полное правило для нашего поведенія и для обоихъ есть достаточная поддержка при нашей слабости, то это достаточно свидѣтельствуется слѣдующими словами: «Вотъ, я научилъ васъ постановленіямъ и законамъ! Итакъ, храните и исполняйте ихъ; ибо въ этомъ мудрость ваша, и разумъ вашъ предъ глазами народовъ, которые, услышавъ о всѣхъ сихъ постановленіяхъ, должны будутъ сказать: только этотъ великій народъ—есть народъ мудрый и разумный» (5 Моис. IV, 5 и 6). А въ книгѣ Іисуса Навина Онъ говоритъ: «Да не отходить сія книга закона отъ устъ твоихъ; но поучатся въ ней день и ночь, дабы въ точности исполнять все, что въ ней написано: тогда ты будешь успѣшенъ въ путяхъ твоихъ и будешь поступать благоразумно» (Ис. Нав. I, 8). Далѣе—черезъ Давида: «Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу. Откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ» (Псал. 18, 8). Наконецъ, апостолъ свидѣтельствуется, что Писаніе «богодуховенно и полезно для наученія», и проч.,—что «совершенъ божій человѣкъ» (2 Тим. III, 16 и 17). Это равнымъ образомъ сознали и признали мудрѣйшіе изъ людей (и, слѣдуетъ замѣтить, просвѣщеннѣйшіе христіане). Такъ, Іоаннъ *Златоустъ* говоритъ: «Чему необходимо учиться и чему не учиться, то узнаемъ мы изъ Писанія». И *Кассіодоръ*: «Небесною школою, наставленіемъ жизни, навѣрно единственною наукою служить Писаніе, которое привлекаетъ учениковъ своими плодотворными мыслями, а не пустою приманкою посредствомъ словъ» и проч.

6) IV. Выразительно Богъ запрещаетъ своему народу ученіе и обычаи язычниковъ, когда говоритъ: «По путемъ языковъ не учитесь» (Іер. X, 2), и: «Развѣ нѣтъ Бога въ Израилѣ, что вы идете вопрошать Веельзевула, божество Аккаронское (4 Книга Царствъ I, 3)? «Не языкъ ли къ Богу своему възыщеть, что испытуютъ мертвые отъ живыхъ; законъ бо въ помощь даде, да рекутъ не якоже слово сіе, зань же не лѣтъ дары даяти (Ис. VIII, 19, 20)». А почему? Всякая премудрость отъ Господа и съ Нимъ пребываетъ во вѣкъ. Кому иному открыть корень премудрости (Ис. Сир. I, 1, 6)? «Юнѣйшіе видѣша свѣтъ и вселишася на земли, пути же хитрости (мудрости) не увѣдѣша, ни разумѣша стези ея» и проч. «И не слышася въ Ханаанѣ, ниже явися въ Ѳеманѣ: Сынове Ага-

рини взыскающіи разума, иже на земли, и баснословцы, и взыскателіе разума пути премудрости не увѣдѣша. Но вѣдый вся вѣсть ю, избобрѣте всякъ путь хитрости и даде ю Іакову, отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ него (Варухъ III, 20, 22, 23, 32, 37)». Не сдѣлалъ Онъ того никакому другому народу, и судовъ Его они не знаютъ (Псал. 147, 9)».

7) V. Если иногда народъ Божій давалъ отвратить себя отъ Его закона къ приманкамъ человѣческаго измышленія, тогда Богъ напоминалъ народу не только его ослѣпленіе, что онъ оставилъ источникъ премудрости (Вар. III, 12), но и о двоякомъ грѣхѣ, что, оставивъ источникъ живой воды, ископали себѣ кладенцы сокрушенныхъ, иже не возмогутъ воды содержать» (Іер. II, 13). А чрезъ Осію жалуется Онъ, что Его народъ живетъ въ слишкомъ большомъ согласіи съ язычниками, и прибавляетъ: «Впишу ему множество, и законная его въ чуждая вмѣнишася требища возлюбленная (Осія VIII, 12)». А что другое,—спрашиваю я,—дѣлаютъ тѣ хрістіане, въ рукахъ которыхъ денно и ночью находятся книги язычниковъ, между тѣмъ какъ священный законъ Божій оставляется ими безъ вниманія, какъ посторонняя вещь, не касающаяся ихъ? тогда какъ онъ вовсе не пустая вещь, которою можно было бы безнаказанно пренебрегать, но сама жизнь наша, какъ свидѣтельствуеть Богъ (5 Моис. XXXII, 47).

8) VI. Поэтому, истинная церковь и истинные почитатели Бога никогда не желали другой школы, кромѣ той, которая покоилась бы на словѣ Божіемъ, и изъ которой можно было бы въ изобиліи почерпать истинную, божественную премудрость, которая превосходила бы всякую мудрость мірскую. Давидъ именно говоритъ о себѣ: «Заповѣдью Твоею Ты сдѣлалъ меня мудрѣе враговъ моихъ, я сталъ разумнѣе всѣхъ учителей моихъ, ибо размышляю объ откровеніяхъ Твоихъ» и проч. (Псал. 119, 98). Въ подобномъ же родѣ говоритъ Соломонъ, мудрѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ: «Господь даетъ мудрость; изъ устъ Его—знаніе и разумъ (Прит. Сол. II, 6). Также и Сирахъ, въ введеніи къ своей книгѣ, свидѣтельствуеть, что его мудрость, безъ сомнѣнія, въ высшей степени превосходная, почерпнута изъ чтенія закона и пророковъ. Отсюда происходитъ то ликованіе святыхъ, когда они въ свѣтѣ видятъ свѣтъ Божій (Псал. 3, 10). «Блажени есмы, Израилю,

яко угодная Богу намъ разумна суть» (Вар. IV, 4). «Господи къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. VI, 68).

9) VII. Примѣры всѣхъ вѣковъ показываютъ, что, какъ только церковь отклонялась отъ этихъ источниковъ Израйля, то это становилось поводомъ къ расколамъ и ересямъ. Объ Израильской церкви это уже достаточно извѣстно изъ жалобъ пророковъ; относительно же христіанскихъ видно изъ исторіи, что пока одни апостолы и апостольскіе мужи ревностно распространяли евангельское ученіе, продолжалась и неприкосновенность вѣры, но какъ только язычники толпами проникли въ церковь, вскорѣ охладѣло первоначальное рвеніе и стремленіе отдѣлять чистое отъ нечистаго, и вслѣдствіе этого видимъ мы, что творенія язычниковъ начали читать сначала только наединѣ, но вскорѣ и публично, и что послѣдствіемъ этого было смѣшеніе и путаница ученій. Ключъ мудрости былъ отданъ тѣмъ, которые хвалились, что его можно найти только у нихъ однихъ; вслѣдствіе этого, вмѣсто членовъ символа вѣры, распространялось безконечное множество мнѣній; изъ этого произстекли несогласія и споры, конца которымъ еще и не видно; затѣмъ охладѣла любовь и угасло благочестіе; и такимъ образомъ, подъ именемъ христіанства, возродилось снова язычество и донинѣ оно господствуетъ. Ибо должна исполниться угроза Бога Іеговы, что тѣ, которые не хотятъ пешихъ говорить по слову Божію, не должны имѣть утренней зари (Ис. VIII, 20). Потому, Господь напоилъ ихъ духомъ умиленія и смежилъ очи ихъ, «да будутъ имъ вся сія словеса—подобно словесамъ запечатанной книги», и проч., ибо они «боялись Бога по законамъ и ученіямъ людей» и проч. (Ис. XXIX, 10, 11, 13, 14). О, какъ справедливо исполнится надъ ними также и то, что Святой Духъ свидѣтельствуетъ о языческихъ философахъ, что они «осутились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное сердце ихъ» (Римл. I, 21)! И потому, если церковь должна быть очищена отъ сора, то не остается никакого другого, болѣе вѣрнаго пути, какъ если мы откажемся отъ соблазнительныхъ измышленийъ людей, возвратимся къ единственнымъ чистымъ источникамъ Израйля и предадимъ Богу и Его слову какъ самихъ себя такъ и наши книги для наученія и руководства. Тогда испол-

нится то, что стоитъ въ Писаніи: «Всѣ чада церкви научены Богомъ» (Ис. XIV, 13).

10. VIII. И дѣйствительно, достоинство христіанъ (которые чрезъ Христа содѣлались дѣтьми Бога, освященными и наслѣдниками вѣчной жизни) не позволяетъ, чтобы наши книги были, такимъ образомъ, брошены въ сторону и осуждены на столь тѣсное сообщество съ нечестивыми язычниками, и чтобы мы услаждались ими. Извѣстно, что сыновьямъ королей и князей стараются давать въ воспитатели не льстецовъ, дураковъ или арлекиновъ, но достойныхъ, мудрыхъ и благочестивыхъ мужей. А мы не краснѣемъ, давая въ воспитатели малымъ чадамъ Царя-царей, меньшимъ братьямъ Христа, наслѣдникамъ вѣчности,—шутливаго *Плаута*, соблазнительнаго *Катулла*, нечистаго *Овидія*, преступнаго, издѣвающагося надъ Богомъ *Лукіана*, мерзостнаго *Марціала* и другихъ изъ той ватаги, которая отступилась отъ познанія и страха Божія! людей, которые — также точно — блуждаютъ, далекіе отъ всякой надежды на лучшую жизнь, погруженіе въ тинѣ настоящей жизни, нисколько не способные ни къ чему лучшему, равно какъ и тѣ, которые отдаются ихъ сообществу, облачаются съ ними въ однѣ и тѣ же мерзости! Довольно,—ахъ, весьма довольно, христіане, совершилось безуміе; пусть же будетъ, наконецъ, положена ему здѣсь граница! Богъ призываетъ насъ къ лучшему: достойно будетъ слѣдовать Его призыву. Христосъ, вѣчная премудрость Бога, открылъ дѣтямъ Бога въ Своемъ домѣ школу, въ которой распоряжается, въ качествѣ ректора и высшаго начальника, Самъ святой Духъ,—въ которой въ качествѣ учителей — пророки и апостолы, всѣ исполненные истинной мудрости, всѣ словомъ и примѣромъ вѣрно указующіе путь истины и спасенія, всѣ до одного святые мужи; въ которой учениками суть только одни избранники Божіи, первенцы изъ людей, искупленные Богу и Агнцу; инспекторами же и надзирателями—ангелы и архангелы, начальства и власти на небесахъ (Ефес. III, 10). А то, что тамъ предлагается, обнищаетъ мудрость, которая истиннѣе, вѣрнѣе, совершеннѣе всѣхъ теорій человѣческаго разумѣнія—и простирается на всякую пользу, какъ настоящей, такъ и будущей жизни. Ибо только одни уста Божіи суть тотъ источникъ, изъ котораго

истекають ручки истинной мудрости; только одинъ ликъ Божій есть тотъ факель, отъ котораго разливаются лучи истиннаго свѣта; только одно слово Божіе есть тотъ корень, изъ котораго пробиваются ростки истиннаго познанія. Поэтому, блаженны тѣ, которые созерцають лице Божіе, которые прислушиваются къ устамъ Его и которые рѣчи Его воспринимають въ свое сердце! Ибо этотъ путь есть единственный вѣрный путь истинной и вѣчной премудрости, кромѣ которой нѣтъ никакой другой.

11) IX. Не слѣдуетъ проходить молчаніемъ, какъ строго Богъ запрещаетъ своему народу пользоваться наслѣдіемъ, оставшимся отъ язычниковъ, и что постигло тѣхъ, которые не обратили вниманія на эту угрозу. Господь стираетъ эти племена съ глазъ Своихъ: «Кумиры боговъ ихъ долженъ ты сжечь огнемъ и не долженъ желать серебра или золота, которое на нихъ, или брать ихъ, дабы это не было для тебя сѣтью; ибо это мерзость для Господа, Бога твоего. Поэтому, не долженъ ты вносить въ домъ свой никакой мерзости (кумира), дабы не подпасть заклѣтію, подобно ему» (5 Моис. VII, 22, 25, 26). «Когда Господь, Богъ твой, истребитъ отъ лица твоего народы, тогда берегись, чтобы ты не попалъ въ сѣть, послѣдуя имъ, по истребленіи ихъ, и не искалъ боговъ ихъ, говоря: какъ служили народы сіи богамъ своимъ, такъ буду и я дѣлать. Но все, что Я заповѣдую тебѣ, старайся исполнять; не прибавляй къ тому и не убавляй отъ того (5 Моис. XII, 29, 30, 32)». Это долженъ былъ Иисусъ Навинъ напомнить Евреямъ послѣ побѣды и посовѣтовать имъ—отвергнуть чужихъ боговъ (Ис. Нав. XXIV, 23); но такъ какъ они не слушались, то языческіе остатки были для нихъ сѣтью, такъ что Евреи постоянно впадали въ идолопоклонство, до паденія обоихъ царствъ. И неужели мы не должны придти къ сознанію, не должны сдѣлаться осмотнительнѣе посредствомъ чужого примѣра?

12) «*Но книги не суть же кумиры*», скажетъ кто-нибудь. Я возражаю: это остатки отъ тѣхъ народовъ, которыхъ Господь, Богъ нашъ, истребилъ предъ лицемъ своимъ; но книги опаснѣе тѣхъ остатковъ. Ибо тамъ только *ты* дозволяли поимать себя, «сердце которыхъ было безъ ума (Иер. X, 14)»,—здѣсь же и мудрѣйшіе могутъ быть увлечены (Колос. II, 8).

Тамъ были только творенія рукъ человѣческихъ (какъ говорилъ Богъ, когда укорялъ идолопоклонниковъ въ ихъ безуміи); здѣсь же — произведенія ума человѣческаго. Тамъ плѣняли глаза блескъ золота и серебра; здѣсь всеобщее одобреніе плотской мудрости ослѣпляетъ умъ. И какъ еще? Не думаешь ли ты отрицать, чтобы языческія книги не были идолами? Что сдѣлало императора *Юлиана* отступникомъ отъ Христа? Кто совратилъ разумнѣе папы *Льва X-го*, считавшаго исторію о Христѣ за сказку? Какимъ духомъ будучи обуянъ, отклонился кардиналъ *Бэмбо* *) отъ чтенія Священнаго Писанія («такія ребячества не къ лицу были столь великому мужу»)? И что теперь ввергаетъ столько ученыхъ итальянцевъ и другихъ мужей въ атеизмъ? О, если бы въ преобразованной церкви Христовой не было людей, которые влекли бы за собою *Цицерона*, *Плавта*, *Овидія* съ ихъ сочиненіями, исполненными смертоноснаго дыханія!

13) Еслибы кто-нибудь замѣтилъ на это, что *злоупотребленіе должно относиться не къ вещамъ, но къ лицамъ*, — что *есть и благочестивые христіане, которыхъ не помрачило чтеніе языческихъ писателей*, — то я возражу вмѣстѣ съ апостолами: Мы знаемъ, что идолъ въ мірѣ ничто; но не у всѣхъ есть знаніе (именно умѣнье различать). Берегитесь, однакоже, чтобы сія свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ (1 Кор. VIII, 4, 7, 9). Хотя, такимъ образомъ, милосердый Богъ многихъ спасъ отъ паденія, все-таки не было бы извинительно съ нашей стороны, если бы мы съ знаніемъ и волею терпѣли подобные соблазны (различныя измышленія, — могъ бы я сказать, — человѣческаго ума или сатанинской хитрости), покрытые румянами утонченности въ изложеніи мыслей и въ выраженіи; такъ какъ вѣрно то, что многіе изъ нихъ, даже большая часть, были не въ своемъ умѣ и попались въ сѣти діавола. Послѣдуемъ же лучше Богу и не бу-

*) Кардиналъ *Піетро Бэмбо*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ ученыхъ первой половины XVI-го столѣтія, соединялъ въ своемъ лицѣ все, что можетъ быть названо привлекательнымъ. Онъ возстановилъ чистый латинскій стиль, а въ итальянскомъ языкѣ подражалъ Петраркѣ. Онъ былъ назначенъ папскимъ секретаремъ, какъ 38-лѣтній Джіованни ди-Медичи, этотъ великій покровитель наукъ, искусствъ и литературы, вступилъ, подъ именемъ *Леона X-го*, на папскій престолъ. Его жизнь описалъ *Джіованни Каза*.

демъ вносить въ наши дома идоловъ, дабы не ставить рядомъ съ *Дагономъ* *) ковчегъ завѣта, дабы не смѣшивать ту премудрость, что свыше, съ земною, скотскою, даже бѣсовскою мудростію,—дабы, наконецъ, не давать повода Богу возбуждаться гнѣвомъ противъ нашихъ дѣтей.

14) Сюда же принадлежитъ, можетъ быть, и то, что рассказываетъ Моисей въ одной притчѣ. Надавъ и Авіудъ, сыновья Аарона, бывшіе вновь священниками и еще не вполне свѣдующіе въ своихъ обязанностяхъ, положили въ свои кадиланицы, вмѣсто священнаго огня, чуждый, т.-е. обыкновенный огонь, чтобы поднести его Господу, но были сожжены пришедшимъ отъ Господа огнемъ и умерли предъ лицомъ Господнимъ (3 Моис. X, 1 и слѣд.). Что же другое книги христіанъ, какъ не новое священство, чтобы приносить духовныя жертвы, благопріятныя Богу (1 Петр. II, 5)? И если мы будемъ наполнять чуждымъ огнемъ кадиланицы ихъ, сердца, то не то-ли мы сдѣлаемъ этимъ, что будемъ предавать ихъ въ жертву сильнѣйшему гнѣву Божію? Развѣ для христіанской груди этотъ огонь не есть чуждый? развѣ не должно быть ей чуждо все, что приходитъ откуда-либо, кромѣ Духа Божія? Но такого-то рода большая часть пустыхъ произведенийъ языческихъ философовъ и стихотворцевъ (Римл. I, 21, 22. Колос. II, 8, 9). И не безъ основанія Іеронимъ называлъ *стихотворное искусство адскимъ виномъ*, которымъ непредусмотрительныя души опьяняются и повергаются въ сонъ, который ублаживаетъ ихъ до дремоты, посредствомъ неестественныхъ мнѣній, опасныхъ увлеченій и отвратительныхъ желаній. Итакъ, пусть тщательно всѣ оберегаютъ себя отъ подобнаго волшебнаго напитка діавола.

15) Если же мы не послѣдуемъ совѣту Бога и не будемъ готовить себѣ того, что болѣе вѣрно, то на судѣ будутъ стоять когда-нибудь противъ насъ тѣ Ефессяне, которые, какъ только проблеснули для нихъ свѣтъ Божественной премудрости, сожгли всѣ чародѣйскія книги, такъ какъ онѣ болѣе уже не были нужны имъ, какъ христіанамъ (Дѣян. Ап. XIX, 19). И хотя предки тепе-

*) *Дагонъ*, главное божество филистимлянъ, слылъ владыкою человѣческой жизни и богомъ судьбы. Онъ соответствовалъ *Ваалу* Финикіянъ.

решныхъ Грековъ считаются за ученѣйшій народъ въ мірѣ, и хотя послѣдніе обладаютъ этими философскими и поэтическими произведеніями, написанными на ихъ языкѣ,—вся же теперешняя греческая церковь запретила своимъ послѣдователямъ, подѣ страхомъ отлученія, чтеніе этихъ произведеній. Потому и случилось, что хотя греческая церковь, вслѣдствіе наплыва съ разныхъ сторонъ варваровъ, впала въ невѣжество и суевѣрія; но все же Богъ до сихъ поръ сохранилъ ее отъ нехристіанской тины заблужденій. Въ этомъ слѣдуетъ имъ непремѣнно подражать, дабы — при большемъ изученіи Священнаго Писанія—удалить оставшійся отъ язычества мракъ заблужденій, дабы мы видѣли свѣтъ только въ свѣтѣ Господа (Псал. XXXV, 10). «И нынѣ, домъ Іаковль, приидите, пойдемъ свѣтомъ Господнимъ (Ис. II, 5)».

16) Теперь посмотримъ, съ какими доводами человѣческой разумъ, извиваясь подобно змѣю, возстаетъ противъ необходимости подчиниться вѣрѣ и отдаться Богу. Онъ утверждаетъ слѣдующее:

17) «*І. Велика мудрость, вложенная въ творенія философовъ, ораторовъ и поэтовъ*». Я говорю: достойны мрака тѣ, которые отворачиваютъ глаза отъ свѣта. Безъ сомнѣнія, ночной свѣтъ и сумерки кажутся полднемъ; но родившіяся въ свѣтѣ созданія знаютъ его иначе. О, безумный человѣкъ, ищущій яснаго свѣта во мракѣ человѣческихъ теорій,—раскрой глаза! Отъ неба исходитъ истинный свѣтъ, отъ *Отца свѣта*! Если въ человѣческихъ вещахъ что-нибудь блеститъ и свѣтится, то это только искорки, которыя для находящихся во мракѣ могутъ, разумѣется, мерцать и принимать видъ чего-нибудь; но какое значеніе подобныя искорки могутъ имѣть для насъ, которымъ даны горящіе свѣтильники (именно, ярко сіяющее слово Божіе)? Ибо, положимъ, они разсуждаютъ о *природѣ*: коснутся ли они каши прежде, чѣмъ поднесутъ стекло къ губамъ *)? Но въ Священномъ Писаніи самъ Владыка природы описываетъ великія чудеса Своихъ твореній, излагая первыя и послѣднія

*) Quid nisi vitrum lambunt, pultes non attingunt? Въ этомъ выраженіи можно было бы предположить поговорку, но въ дѣйствительности ея не заключается. Смыслъ, самой по себѣ неудачной, фразы слѣдующій: Какъ надо сосудъ поднести ко рту, чтобы вкусить заключающуюся въ немъ пищу, такъ нужно познать сначала Бога, потомъ изслѣдовать природу.

условія всѣхъ существъ, какъ видимыхъ, такъ и невидимыхъ. Если философы говорятъ о *морали*, то они дѣлаютъ то, что обыкновенно дѣлаютъ птицы, когда у нихъ обмазаны крылья птичьимъ клеемъ; онѣ махаютъ ими, хотя и съ большимъ напряженіемъ, но все же не двигаются съ мѣста. Но Св. Писаніе заключаетъ въ себѣ истинныя описанія добродѣтелей, вмѣстѣ съ сильными, до мозга костей проникающими увѣщаніями, и для всѣхъ живые примѣры. Когда язычники хотятъ научать *страху Божію*, то научаютъ только суевѣрію, такъ какъ имъ невѣдомы ни познаніе Бога, ни Его воля. «Тьма покрываетъ землю и мракъ народы; но въ Іерусалимѣ явится Господь и слава Его на тебѣ узрится» (Ис. XX, 2). Итакъ, если дѣтямъ свѣта можетъ быть предоставлено ходить иногда къ дѣтямъ мрака, чтобъ замѣчать разницу, и даже тѣмъ съ большею радостію проходить путемъ свѣта, а о мракѣ другихъ скорбѣть,—то все же будетъ невыносимымъ, преступнымъ ослѣпленіемъ, какъ противъ Бога, такъ и противъ нашихъ душъ, желаніе—нести тѣ искорки впереди нашего свѣта. «Какая польза пресуспѣвать въ мірскомъ ученіи—и слабѣть въ божественномъ, гнаться за увѣчными измышленіями—и пренебрегать небесными чудесами? Слѣдуетъ предохранять себя отъ такихъ книгъ и, изъ любви къ Священному Писанію, избѣгать ихъ, снаружи блещущихъ прекраснымъ изложеніемъ, а внутри лишенныхъ добродѣтели и мудрости», говоритъ *Исидоръ*. Какая похвала книгамъ! Это скорлупа безъ зерна. *Филиппъ Меланхтонъ* разсуждаетъ такъ: «Чему учать вообще философы, хотя бы и очень хорошо, кромѣ довѣрія и любви только къ самому себѣ? *Цицеронъ* въ своемъ сочиненіи: «О границахъ добра и зла», измѣряетъ каждый родъ добродѣтели по нашей любви къ самимъ себѣ, по себялюбію. Сколько тщеславія и гордаго презрѣнія находится у *Платона*! Какъ, мнѣ кажется, трудно, чтобы изъ честолюбиваго платоническаго самолюбія не возникло что-нибудь ошибочное, если даже чтенію его предается духъ, высокій и сильный самъ въ себѣ! Способъ обученія Аристотеля въ общемъ есть извѣстная страсть спорить; почему, мы не считаемъ его достойнымъ даже послѣдняго мѣста въ ряду писателей по моральной философіи» *) и проч.

*) *Ph. Melancthonis. In theol. Hypotyp. loco de peccat.*

18) (2). Говорятъ далѣе: «Если богословіе въ языческихъ книгахъ излагается и невѣрно, то все же онѣ сообщаютъ философію, которую нельзя черпать изъ Священнаго Писанія, даннаго для цѣли спасенія нашего». Я возражаю: Источникъ премудрости—слово Божіе въ вышнихъ (Сир. I, 5), истинная философія есть ни что иное, какъ истинное познаніе Бога и Его дѣлъ, которое ни откуда не можетъ быть преподаваемо болѣе истинно, какъ изъ устъ Бога. Поэтому говоритъ *Августинъ*, возвѣщая хвалу Священному Писанію: «Здѣсь есть философія, такъ какъ происхожденіе всѣхъ существъ природы лежитъ въ Богѣ-Творцѣ. Здѣсь есть *иоика*, ибо честная и почтенная жизнь образуется не иначе, какъ подъ условіемъ дѣйствительной любви къ тому, что должно быть любимымъ, и такъ, какъ оно должно быть любимымъ,—именно къ Богу и ближнему. Здѣсь есть *логика*; ибо истина, свѣтъ разумной души, есть только Богъ. Здѣсь есть также и заслуживающее похвалы *государственное благо*, ибо государство только тогда будетъ наилучше сохраняться на основаніи и на краеугольномъ камнѣ вѣры, твердаго единодушія, когда будетъ поддерживаться всеобщее благо; высочайшее же и истиннѣйшее благо есть Богъ. Въ послѣднее время, нѣкоторые также объясняли, что основаніе всѣхъ философскихъ наукъ и познаній заключается въ Писаніи вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, такъ что вызываетъ удивленіе учительская сила Духа, который, стремясь преподавать невидимое и вѣчное, въ тоже время повсюду раскрываетъ тайны естественнаго и искусственнаго, даетъ законы для всякаго мудраго мышленія и дѣйствія. Ни тѣни изъ всего этого нечего искать у языческихъ философовъ. Одинъ изъ богослововъ совершенно вѣрно пишетъ, что прекрасная мудрость Соломона была въ немъ потому, что онъ ввелъ законъ божій въ дома, школы и синагоги, и если мы будемъ запечатлѣвать въ юношествахъ, вмѣсто языческихъ твореній, законъ Божій и изъ него заимствовать правила для каждаго рода жизни,—что можетъ помѣшать намъ надѣяться на возвращеніе къ намъ соломониной, т. е. истинной и небесной мудрости? Итакъ, употребимъ трудъ, чтобъ и въ домахъ было у насъ то, что можетъ содѣлать насъ мудрыми, а также и въ той внѣшней, такъ-называемой, общественной жизни,—именно мудрость, которую мы называемъ *философією*. Ибо, допустивъ, что были такіа несчастныя времена, когда дѣти

Израиля должны были ходить къ Филистимлянамъ оттачивать свои сошники, свои заступы, свои топоры или свои кирки, ибо нельзя было бы найти ни одного кузнеца во всей землѣ Израильской (1 Царствъ XIII, 19. 20), — неужели Израильтяне должны быть всегда такъ притѣсняемы и гонимы? И это тѣмъ болѣе, что отсюда явился бы важный вредъ; подобно тому, какъ тамъ Филистимляне, оттачивая Израильтянамъ заступы, не позволяли имъ имѣть мечей, изъ опасенія, чтобъ Евреи не обратили мечей противъ нихъ, — такъ точно и отъ языческой философіи можно было бы имѣть только всѣмъ извѣстныя умозаключенія и цвѣты краснорѣчія, но не нельзя надѣяться пріобрѣсти мечей и копій—для преодоленія безбожія и суевѣрія. Будемъ желать возвращенія къ намъ тѣхъ Давидовыхъ или скорѣе тѣхъ Соломоновыхъ временъ, когда Филистимляне лежали расprostертыми на землѣ, Израиль же властвовалъ и радовался въ своемъ богатствѣ.

19) (3). «*Но обучающіеся латинскому языку должны же иногда читать, ради слога, Теренція, Плавта и другихъ*». На это можно отвѣтить: 1) Хотимъ ли мы такъ вести нашихъ дѣтей, чтобъ они научились говорить такъ же, какъ говорятъ въ кабакахъ, харчевняхъ, шинкахъ, распутныхъ домахъ и тому подобныхъ клоакахъ? Ибо куда, спрашиваю я, какъ не въ подобныя нечистыя мѣста приводятъ юношество *Теренцій, Плавта, Катуллы, Овидій* и др.? Что представляютъ они, какъ не издѣвательства, шутки, пирушки, обжорство и пьянство, грязную любовь, блудъ, разнообразно-придуманые обманы и другія подобныя вещи, отъ которыхъ христіанскія уши и глаза должны были бы отворачиваться, даже и при случайной встрѣчѣ? И неужели мы думаемъ, что, такъ какъ человѣкъ не испорченъ самъ по себѣ, то нужно, поэтому, еще со стороны навязывать ему картины разнаго рода мерзостей, предлагать ему трутъ и раздувало, изъ безразличнаго состоянія ввергать его при удобномъ случаѣ въ бездну погибели? — Говорятъ: «Не все дурно въ тѣхъ писателяхъ». Я возражаю: Но дурное (злое) всегда легче удерживается, и потому весьма опасное дѣло—допускать юношество туда, гдѣ добро перемѣшано со зломъ. Ибо тѣ, которые желаютъ дать кому-нибудь ядъ, чтобы разрушить его жизнь, обыкновенно даютъ ядъ не въ чистомъ видѣ—это могло бы даже и неудаться имъ,—но въ

смѣшеніи съ лакомыми кушаньями и напитками; но ядъ все-таки производитъ свое дѣйствіе—и приноситъ гибель тому, кто вкусилъ его. Точно также, и тому древнему душевнѣлю людей, когда онъ хочетъ кого-нибудь опутать, нужно подслащивать свои адскіе яды сладостью пріятныхъ измышленій и красивыхъ рѣчей, а мы, сознающіе это, неужели не должны разрушить подобныя нечестивыя намѣренія?—Еще замѣчаютъ: «Не всѣ же они такіе грязные товарищи: *Цицеронъ, Виргилій, Гораций* и друг. суть почтенные и достойные уваженія люди». Я отвѣчаю: Но и они также слѣпые язычники, которые отъ истиннаго Бога отвращаютъ сердца читателей и направляютъ ихъ къ богамъ и богинямъ (къ Юпитеру, Марсу, Нептуну, Венерѣ, Фортунѣ и другимъ,—какъ бы они ни назывались, вымышленнымъ божествамъ). Богъ же говоритъ своему народу: «Соблюдайте все, что Я сказалъ вамъ; и имени другихъ боговъ не упоминайте, да не слышится оно изъ устъ вашихъ» (2 Моис. XXIII, 13.). Далѣе, какая куча находится тамъ суевѣрій, ложныхъ мнѣній, мірскихъ желаній, одно другому противорѣчащаго! Совершенно другимъ духомъ, чѣмъ каковъ духъ Христа, наполняютъ тѣ писатели своихъ учениковъ. Христосъ отзываясь отъ міра,—тѣ погружаютъ въ міръ. Христосъ учитъ самоотреченію, тѣ—себялюбію. Христосъ увѣщаетъ быть смиренными, тѣ внушаютъ высокомеріе. Христосъ ищетъ кроткихъ, тѣ дѣлаютъ строптивыми. Христосъ рекомендуетъ голубиное единокудіе, тѣ вселяютъ искусство болтать на тысячу ладовъ. Христосъ совѣтуетъ воздержаніе, тѣ погрязаютъ въ наслажденіяхъ. Христосъ любитъ покорныхъ, тѣ отличаются—какъ подозрительные, сварливые и упрямые. И, чтобъ заключить немногими, но Апостольскими словами, спрошу: «что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаломъ? или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ (2 Корин. VI, 15)? Поразительно говоритъ также *Эразмъ* (въ своихъ Притчахъ): «Отъ поблекшихъ цвѣтовъ удаляются пчелы; такъ же точно не слѣдуетъ прикасаться къ книгѣ, которая заключаетъ въ себѣ изреченія гнилаго содержанія». Равно и это: «Какъ наиболѣе безопасно спать въ клеверѣ (*in trifolio*), такъ какъ въ этой травѣ никакіе змѣи не любятъ скрываться; то также точно надо обращаться съ тѣми книгами, въ которыхъ нельзя опасаться никакого яда».

20) II. *Между тѣмъ, какое же преимущество имѣютъ столь любимые языческіе писатели передъ нашими духовными? Одни—ли они понимаютъ изящно—построенную рѣчь?* Совершеннѣйшій языковѣдецъ есть тотъ, кто насадилъ языкъ,—именно св. Духъ, слова Котораго слаще меда, рѣзче обоюдо-остраго меча, дѣйствительнѣе огня, расплавляющаго—металлы, тяжеловѣснѣе молота, разбивающаго ѹтесы,—какъ испытываютъ и возвѣщаютъ угольники Божіи. Развѣ одни язычники повѣтствуютъ достопамятныя исторіи? Наша книга (библія) полна самыми истинными и несравненно удивительнѣйшими исторіями. Развѣ тѣ только однѣ заключаютъ въ себѣ тропы, образныя выраженія, намеки, аллегоріи, загадочныя выраженія, сильные обороты? Вершина ихъ у насъ. Смѣшно предпочитать рѣки Дамасскія, Авану и Фарфаръ Иордану и водамъ Израильскимъ (4 Царствъ V, 12). Должно быть, *повреждены* глаза у того, кому Олимпъ, Геликонъ, Парнасъ доставляютъ болѣе пріятное зрѣлище для глазъ, чѣмъ Синай, Сіонъ, Ермонъ, Фаворъ и Елеонская гора. *Испорчено* должно быть то *ухо*, которому лира Орфея, Гомера и Виргилія пріятнѣе звучитъ, чѣмъ Давидова арфа; *испорченъ вкусъ*—которому вымышленныя божескія яства, нектаръ и амброзія и вода кастильскаго источника кажутся вкуснѣе, чѣмъ истинная небесная манна и источники Израильскіе; *извращено сердце*, въ которомъ имена боговъ и богинь, музъ и грацій вызываютъ большую радость, чѣмъ достойное поклоненія, многопризываемое имя Іеговы, Господа Христа и многообразныхъ даровъ Духа святаго. *Слѣпа* должна быть та *надежда*, которая охотнѣе странствуетъ по полямъ элисейскимъ, чѣмъ по садамъ райскимъ. Ибо тамъ все миеъ, тѣнь истины; здѣсь все дѣйствительность, все—сама истина.

21) III. *Но допустимъ, что языческіе авторы обладаютъ изящными формами, которыя достойны быть переселенными и къ намъ,—что они имѣютъ ораторскія выраженія, пословицы и изреченія, которыя прекрасны и нравственны:* должны-ли мы, ради этихъ цвѣтовъ краснорѣчія, допускать туда нашихъ дѣтей? Развѣ не было дозволено обворовать Египтянъ и лишить ихъ украшеній? Развѣ Богъ не дозволяетъ этого, и развѣ не соответствуетъ это Его повелѣнію (2 Моис. III, 22)? Ибо, по справедливости, все достояніе язычниковъ принадлежитъ церкви. «Итакъ»,—говорятъ,—«нужно, чтобъ мы за ними пошли и

взяли ихъ себѣ».—Я отвѣчаю: «Мужи колѣнъ Манассіи и Евраима, способные сражаться, отправились, вооруженные, покорить землю язычниковъ для Израиля, — всю же массу женщинъ и дѣтей, невоинственную толпу, они оставили позади себя, дома, въ вѣрномъ мѣстѣ (Ис. Нав. I, 14). Такъ же сдѣлаемъ и мы: мы обезоружимъ тѣ части и возьмемъ себѣ языческихъ писателей,—мы, мужи, уже укрѣпившіеся и ставшіе сильными посредствомъ образованія, мышленія и христіанскаго страха Божія; юношество же не будемъ подвергать той опасности. Ибо, что случилось бы, если бы враги наше молодое поколѣніе изрубили въ куски, или переранили бы, или увели бы въ плѣнъ? Предъ нашими глазами, увы! стоятъ печальные примѣры многихъ, которыхъ отъ Христа отторгла философія языческой толпы и ввергнула въ отрицаніе Бога. Слѣдовательно, было бы наиболѣе вѣрно выслать впередъ вооруженныхъ людей, которые отняли бы отъ проклятыхъ Богомъ все золото и серебро и все, что они имѣютъ цѣннаго, и распредѣлили добычу между наслѣдіемъ Господа. О, да пробудить Богъ геройскія души, которыя собрали бы съ тѣхъ голыхъ пустынь всѣ цвѣты краснорѣчія, изящества, и радостно пересадили бы ихъ въ сады христіанской философіи, дабы ничего болѣе не оставалось желать дома!

22) IV. Если уже, наконецъ, допустить кого-либо изъ язычниковъ, то это могли бы быть только: *Сенека, Эпиктетъ, Платонъ* и подобные имъ учителя добродѣтели и нравственности, у которыхъ меньше можно найти заблужденій и суевѣрій. Это совѣтъ великаго Эразма, стоявшаго за то, что христіанское юношество слѣдуетъ воспитывать въ истинахъ Священнаго Писанія, и который въ концѣ прибавилъ: «Если уже хотятъ придерживаться языческихъ сочиненій, то желалъ бы я, чтобъ это случилось относительно тѣхъ произведеній, которыя наиболѣе сродственны Писаніямъ». *) Но было бы хорошо передать ихъ юношеству только тогда, когда умы послѣднихъ укрѣпятся въ христіанствѣ, а предлагаемыя сочиненія будутъ исправлены устраненіемъ именъ боговъ и всего, что распространяетъ суевѣріе. Ибо только съ тѣмъ условіемъ дозволилъ Богъ брать въ жены языческихъ женщинъ, чтобъ

*) *Erasmii, Compendium Theologiae.*

у нихъ были обрѣзаны волосы и острижены ногти (5 Моис. XXI, 12). Итакъ, чтобы не быть превратно понятымъ, скажу: Я не возбраняю вообще читать книги языческихъ писателей христіанамъ; иначе я какъ будто бы не зналъ небеснаго преимущества, посредствомъ котораго Христосъ предохраняетъ своихъ вѣрныхъ (но слѣдуетъ хорошо замѣтить: *уже вѣрныхъ*), давая возможность имъ безъ вреда обращаться со змѣями и съ ядомъ (Марк. XVI, 18); но я захотѣлъ бы только, чтобы прилагалось попеченіе,—и прошу, и умоляю,—чтобы малыя дѣти, еще слабыя въ вѣрѣ, не были отдаваемы въ жертву тѣмъ змѣямъ; чтобы, по безразсудному довѣрію, не представляли имъ случаевъ вкусить ядъ. Чистымъ молокомъ слова Божія слѣдуетъ возвращать младенцевъ,—говоритъ Христовъ духъ (1 Петр. II, 2.—2 Тимоф. III, 15).

23) (4). Тѣ же, которые ведутъ противъ Христа дѣло сатаны, говорятъ: *«книги Священнаго Писанія черезчуръ трудны для юношества, и потому слѣдуетъ давать юношамъ другія книги, до тѣхъ поръ, пока не разовьется ихъ сужденіе»*.

I. Это, однако, рѣчь заблуждающихся,—тѣхъ, которые не знаютъ Писанія, не знаютъ благодати Божіей, какъ это я покажу трояко. *Вопервыхъ*. Извѣстна исторія о знаменитомъ музыкантѣ *Тимовѣ **), съ которымъ часто случалось, что онъ, принимая новаго ученика, спрашивалъ его сначала, не проходилъ ли уже онъ у другаго учителя начальныя основанія музыки? Если ученикъ отвѣчалъ отрицательно, то онъ заставлялъ его платить себѣ умѣренное вознагражденіе; но если ученикъ отвѣчалъ утвердительно, то плата была удвояема, по той именно причинѣ, что учителю предстояла двойная работа,—вопервыхъ та, чтобъ отучить ученика отъ того, что было выучено неправильно, а, во вторыхъ та, чтобъ научить истинному искусству. Такъ какъ въ Іисусѣ Христѣ мы имѣемъ возвышеннаго всему человѣческому роду Учителя и Господа, и кромѣ его никакого другого не должны искать (Матѣ. XVII, 5. XXIII, 8), а Этотъ Учитель сказалъ: «Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не препятствуйте имъ (Марк. X, 14),—неужели должны мы поступать вопреки Его велѣнію и приводить дѣ-

*) Этотъ примѣръ уже приведенъ въ XXI-й главѣ, отд. 12. Сравн. примѣчаніе 95.

тей къ другому? Но это было бы, если бы мы имѣли опасеніе, что Христу нечего съ ними дѣлать и наставляетъ онъ слишкомъ трудно въ нравахъ, почему мы сначала, какъ я уже сказалъ, и тащимъ дѣтей чрезъ чужія образовательныя мастерскія, туда и сюда, чрезъ кабаки, трактиры и тому подобныя помойныя ямы; и потомъ, послѣ такой подготовки, захотѣли бы ихъ, испорченныхъ и зараженныхъ, приводить ко Христу, дабы Онъ преобразовалъ ихъ для Своего служенія! Но кому будетъ хуже, какъ не этому достойному сожалѣнія юношеству, съ своей стороны ни въ чемъ неповинному, которому остается или бороться въ теченіе цѣлой жизни, чтобы снова отучиться отъ всего пріобрѣтеннаго въ самомъ раннемъ возрастѣ, или просто быть отвергнутымъ Христомъ и переданнымъ діаволу, для дальнѣйшаго наставленія? Что посвящено Молоху, не есть ли мерзость для Бога? Это ужасно, но болѣе—чѣмъ вѣрно. Ради милосердія Божія, прошу я, чтобы христіанскія власти и представители, церковей исполнѣ серьезно заботились о томъ и не допускали, чтобы христіанское, рожденное во Христѣ и посредствомъ крещенія посвященное Ему юношество было отдаваемо въ жертву Молоху.

24) II. Невѣрны высказываемыя жалобы, что *Писаніе слишкомъ высоко и превосходитъ силу пониманія дѣтскаго возраста*. Неужели Богъ не разумѣлъ, насколько соразмѣрно Его слово нашему духу (5 Моис. XXXI, II—13)? Не свидѣтельствуетъ развѣ Давидъ, что законъ Господа умудряетъ *простыхъ* (замѣтьте хорошенько: *простыхъ*! (Псал. XVIII, 8)? Не говоритъ развѣ Петръ, чтобы Слово Божіе, какъ молоко, было даваемо новорожденнымъ младенцамъ Бога, дабы чрезъ него они возрастали и укрѣплялись (I Петр. II, 2)? Вотъ млеко Божіе, чрезвычайно нѣжная, сладкая и здоровая пища для новорожденныхъ младенцевъ Божіихъ,—это Слово Божіе! Зачѣмъ же намъ находить удовольствіе въ противорѣчій Богу! Между тѣмъ какъ языческое ученіе представляетъ скорѣе твердую пищу, требующую зубовъ, а при случаѣ и ломающую ихъ. Поэтому, Святой Духъ, чрезъ Давида, приглашаетъ дѣтей въ свою школу: «Прійдите, дѣти, послушайте Меня,—страху Господню научу васъ (Псал. XXXIII, 12).

25) III. Я даже допускаю, наконецъ, что въ *Писаніи* *находятся глубокія мьста,—но такія, въ которыхъ «слоны тонутъ,*

а овцы плаваютъ», какъ прекрасно говоритъ *Августинъ*, желая представить различіе между мудрецами міра, дерзновенно устремляющимся въ Писаніе, и между дѣтми Христа, приступающими съ смиреннымъ, послушнымъ духомъ. И какая надобность тотчасъ же опускаться въ глубину? Вѣдь можно же и шагъ за шагомъ подвигаться впередъ. Сначала можно идти по берегу *католическаго ученія*; потомъ побродить по неглубокимъ мѣстамъ, изучая *библейскую исторію*, нравственные изреченія и тому подобное, что не превосходитъ границъ пониманія, но возвышаетъ къ послѣдующему высшему. Идя такимъ путемъ, дѣти сдѣлаются способными выплыть къ глубинамъ вѣры. Воспитываемыя такимъ образомъ съ дѣтства въ Священномъ Писаніи, они будутъ предохранены отъ мірскихъ обольщеній и умудрены въ спасеніе вѣрою во Христа Иисуса (2 Тим. III, 15). Ибо для того, кто предается Богу и, сидя у ногъ Христа, преклоняетъ свое ухо къ нисходящей свыше мудрости, это не иначе возможно, какъ если въ него войдетъ духъ благодати, дабы возжечь духъ истиннаго познанія и въ свѣтлой ясности указывать ему путь спасенія.

26) Я умолчу уже о томъ, что *тѣ писатели, которыхъ, взявъ библію, даютъ христіанскому юношеству (Теренцій, Цицеронъ, Вергилій и проч.), такого же рода, какимъ хотятъ представить Священное Писаніе, именно трудно - понимаемы и мало - доступны юношеству.* Ибо они написаны вовсе не для дѣтей, но для людей съ зрѣлымъ сужденіемъ, уже подвизающихся на поприщѣ общественной жизни. Итакъ, они не приносятъ дѣтямъ никакой пользы, какъ это вытекаетъ уже изъ самой сущности дѣла. Человѣкъ возмужалый и занимающийся житейскими дѣлами — навѣрное больше пріобрѣтетъ пользы отъ чтенія одного отрывка изъ Цицерона, чѣмъ мальчикъ, изучившій его вдоль и поперекъ. Если же это чтеніе полезно, то зачѣмъ же не отодвинуть его для тѣхъ, кому оно можетъ доставить пользу, — до надлежащей поры для его изученія? Но, какъ я уже сказалъ и что требуетъ болѣе зрѣлаго обсужденія, — въ христіанскихъ школахъ слѣдуетъ готовить гражданъ для неба, а не для міра, и поэтому ученикамъ этихъ школъ должно давать такихъ учителей, которые вселяли бы въ нихъ болѣе небесное, чѣмъ земное, болѣе святое, нежели грѣховное.

27) Итакъ, заключимъ ангельскими словами: «Не любить стоять человѣческое зданіе на томъ мѣстѣ, на которомъ создается городъ Всевышняго» (4 эзра X, 54). И такъ какъ Богъ хочетъ, чтобъ мы были древами правды и насажденіемъ Господнимъ во славу Его (Ис. LXI, 3), то, слѣдовательно, нѣтъ надобности, чтобы наши дѣти были питомцами *Аристотелева, Платонова, Платова или Тулліанова* (Шипероновскаго) питомника. Въ другомъ мѣстѣ уже было приведено изреченіе: «Всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится» (Матѣ. XV, 13). Итакъ, воздержись отъ дальнѣйшаго пустословія и не возставай противъ познанія божія (2 Корин. X, 5).

ГЛАВА XXVI.

О школьной дисциплинѣ.

1) Употребительная въ Богеміи пословица: «Школа безъ дисциплины—мельница безъ воды»,—совершенно вѣрна. Ибо если отъ мельницы отвести воду, то мельница остановится; такъ точно и въ школѣ, когда въ ней недостаетъ дисциплины, все должно придти въ безпорядокъ. И какъ на нивѣ, когда ее не выполютъ, вырастаетъ вредная для посѣвовъ, сорная трава, такъ точно и деревца, когда за ними нѣтъ надлежащаго ухода, плохо растутъ и производятъ бесполезные корневые отпрыски. *Но изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы школа должна была быть полна крикомъ, ударами, угрозами: она должна быть полна бдительности и вниманія со стороны—какъ учащихся, такъ и учащихся.* Ибо что такое школьная дисциплина, какъ не вѣрное средство сдѣлать учениковъ дѣйствительно учениками?

2) Итакъ, хорошо будетъ, если образователь коношества узнаетъ: а) *цѣль*, б) *матеріалъ* и в) *форму* школьной дисциплины, чтобы знать, *зачѣмъ, когда и какъ* примѣнять цѣлесообразно дисциплинарныя мѣры.

3) I. *Цѣль* дисциплины. Во первыхъ, — полагаю я, — всѣ твердо убѣждены въ томъ, что *школьную дисциплину слѣдуетъ*

примѣнять къ ученикамъ, которые вышли изъ общей колеи школьной жизни. Не ради, впрочемъ, сдѣланнаго проступка (ибо совершившееся нельзя сдѣлать несовершившимся), но для того, чтобы въ подобномъ же случаѣ впоследствии предупредить проступокъ. Слѣдовательно, дисциплинарныя мѣры должны быть примѣняемы безъ раздраженія, гнѣва и ненависти, но съ достоинствомъ и чистосердечіемъ, дабы тотъ, кто подвергается взысканію, убѣдился, что взысканіе примѣняется къ нему ради его блага и проистекаетъ изъ отеческаго чувства лицъ, поставленныхъ надъ нимъ, и чтобы, вслѣдствіе того, онъ принималъ бы взысканіе не съ другимъ какимъ-либо чувствомъ, но съ тѣмъ же, съ какимъ принимаютъ предписанное врачомъ горькое лѣкарство.

4. II. *Матеріалъ.* *Болѣе строгія дисциплинарныя мѣры слѣдуетъ примѣнять не ради занятій и наукъ, но въ видахъ нравовъ.* Ибо учебныя занятія, если они хорошо поставлены,—какъ уже было показано,—сами по себѣ служатъ приманкою для молодыхъ умовъ, собственною прелестію привлекаютъ и притягиваютъ къ себѣ всѣхъ (исключая развѣ чловѣческихъ выродковъ). Если же бываетъ иначе, то это вина не учащихъ, но учащихся. И если мы незнакомы со средствами привлечь умы искусствомъ преподаванія, то совершенно напрасно будемъ употреблять насиліе. Удары и колотушки не имѣютъ никакой силы, чтобы вложить въ головы дѣтей любовь къ наукамъ; отвращеніе же и неохоту къ нимъ усиливаютъ еще болѣе. И потому, если гдѣ-нибудь оказалась-бы болѣзнь ума—отвращеніе отъ умственныхъ занятій, то ее слѣдуетъ лѣчить скорѣе діетой и предложеніемъ пріятныхъ противоядій, а не усиливать ее острыми средствами. Въ пользу этого благоразумнаго совѣта представляетъ доказательство само небесное солнце. Въ раннюю весну—оно не падаетъ внезапно на молодя и нѣжныя растенія, не изсушаетъ ихъ разомъ своимъ зноємъ, но согрѣваетъ ихъ постепенно и незамѣтно, даетъ имъ подняться, окрѣпнуть, и только тогда ниспосылаетъ на нихъ всю силу своихъ лучей, когда они уже подросли, когда созрѣваютъ ихъ плоты и сѣмена. Подобную же осмотрительность употребляетъ и садовникъ, который обращается бережнѣе съ молодыми, нѣжнѣе съ нѣжными деревцами, а по отношенію къ тѣмъ, которыя еще не могутъ перенести надрѣзовъ,

не употребляет пилы и ножа. Также и музыкантъ,—когда разногласятъ струны лютни, арфы, лиры, то не бьетъ по нимъ ни кулаками, ни палками, не ударяетъ ихъ объ стѣну, но прилагаетъ искусство до тѣхъ поръ, пока не приведетъ ихъ въ гармонію. Точно такъ же должны мы вліять на учениковъ при возбужденіи въ нихъ гармоніи и любви въ занятіяхъ, если изъ равнодушныхъ не желаемъ сдѣлать упрямецъ, а изъ умовъ медленныхъ—просто глупцовъ.

5) Если же иногда и бываетъ необходимо употребить болѣе энергичное возбужденіе, то это можно произвести гораздо лучше иными способами, чѣмъ посредствомъ ударовъ: иногда болѣе строгимъ словомъ, или публичнымъ порицаніемъ, иногда же указаніемъ съ похвалою на другихъ: «Посмотри, какъ тотъ или этотъ усердно внимателенъ! Какъ онъ все вѣрно понимаетъ! А ты сидишь тутъ равнодушно! пожалуй, еще сдѣлаешься посмѣшищемъ! Ахъ, ты простота! Такой легкой вещи ты не понимаешь! Гдѣ же носятъ твои мысли?»—Могутъ быть также устроены *недѣльные* или, по крайней мѣрѣ, *тысячные*—*диспуты*, ради мѣста (въ классѣ) или похвалы, какъ я уже упоминалъ о томъ. Только при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы соревнованіе не происходило черезъ-чуръ шутивно, играючи, и не стало-бы, вслѣдствіе того, безплоднымъ, но чтобы любовь къ похвалѣ и страхъ порицанія и потери мѣста подстрекали рвеніе. Поэтому очень важно, чтобы учитель присутствовалъ при этомъ, чтобы соревнованіе было серьезно и безъ ложной напыщенности, и чтобы тѣ, которые будутъ признаны нерадивыми, получали выговоръ и были перемѣщаемы назадъ, а прилежнѣйшіе получали бы публично похвалу.

6) Но болѣе строгая и суровая дисциплина должна быть примѣняема къ тѣмъ, которые уклоняются отъ правилъ *нравственности*; именно: 1) относительно подающихъ примѣръ *нечестія*, напр., въ богохульствѣ, въ развратѣ, или въ чемъ-нибудь другомъ, совершаемомъ публично противу божественнаго закона; 2) при *упорствѣ и настойчивой злонамѣренности*, когда кто-нибудь не повинуется распоряженіямъ учителя, или иной власти, и противодѣйствуетъ ея распоряженіямъ съ сознаніемъ и волею; и 3) при *высокомѣріи и презрительномъ обращеніи* съ товарищами, а также при *зависти* и

льни; также, когда кто-нибудь изъ учениковъ, не смотря на просьбу своего сотоварища, отказывается помочь ему въ учении.

7) Ибо изъ этихъ поступковъ—пороки перваго рода оскорбляютъ величіе Божіе, поступки втораго рода подрываютъ основанія всѣхъ добродѣтелей (смиренія и послушанія), поступки третьяго рода задерживаютъ и замедляютъ быстрые успѣхи въ занятіяхъ. Совершаемое противъ Бога есть постыдное дѣло и должно подвергнуться самому строгому наказанію; погрѣшности противъ людей и самого себя представляютъ несправедливость—и должны быть исправляемы посредствомъ порицанія; «ошибки же противъ Присціана *)» суть пятна, которыя должны быть смываемы «губкою выгвора». Короче: *школьная дисциплина стремится къ тому, чтобы во всѣхъ ученикахъ по возможности возбуждать благоговѣніе къ Богу, дѣятельную любовь въ отношеніи ближнихъ и быстроту въ исполненіи работъ и занятій въ жизни, и чтобы эти качества укрѣплялись постояннымъ упражненіемъ и практикой.*

8) III. *Форма дисциплины.* Наилучшую форму дисциплины представляетъ намъ солнце: небесное, которое даетъ развивающимся существамъ: 1) *постоянно свѣтъ и теплоту*, 2) *часто дождь и вѣтеръ* и 3) *рѣдко молнію и громъ*, хотя и это послѣднее также съ цѣлію пользы.

9) Учитель, подражающій солнцу, будетъ стремиться удерживать юношество въ предѣлахъ закона: 1) *постояннымъ примромъ* во всемъ, къ чему оно должно быть приготовлено, самъ служа живымъ образцомъ. Если не будетъ этого—всѣ остальные средства тщетны. 2) *Наставленіями, увѣщаніями, иногда же и порицаніями*; при чемъ учитель долженъ особенно стараться о томъ, чтобы въ наставленіяхъ, напоминаніяхъ, приказаніяхъ, порицаніяхъ было постоянно ясно видно, что все это совершается съ отеческимъ чувствомъ, и направлено къ возвышенію всѣхъ, а не къ униженію кого-либо. Если ученикъ недостаточно хорошо замѣтилъ такое настроеніе и не вполне убѣдился въ немъ, то онъ легко почувствуетъ пренебреженіе къ школьной дисциплинѣ и энергично вооружится противъ нея. 3) Наконецъ, если кто-либо изъ учени-

*) «Погрѣшности противъ Присціана»—ошибки противъ грамматики, за-
тѣмъ—вообще всякія ошибки въ учебныхъ занятіяхъ.

ковъ имѣть столь несчастный характеръ, что мягкія средства оказываются для него недѣйствительными; то слѣдуетъ обратиться, наконецъ, къ болѣе сильнымъ мѣрамъ, дабы не было опущено никакого средства, прежде чѣмъ оставить подобнаго ученика на произволъ судьбы, какъ совершенно неудобную для обработки землю, когда на него придется смотрѣть—какъ на совершенно безнадежнаго. А можетъ быть, еще и теперь можетъ имѣть значеніе относительно нѣкоторыхъ натуръ выраженіе: «Фригіяца не исправишь иначе, какъ наказаніемъ *)». И если бы эта мѣра школьной дисциплины не принесла пользы самому виновному, то все же она была бы полезна другимъ, вызывая въ нихъ чувство страха. Но слѣдуетъ остерегаться, чтобы не прибѣгать немедленно къ суровымъ средствамъ при всякомъ случаѣ, по поводу какихъ-нибудь мелочей, дабы не сдѣлать эти средства бесполезными въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

10) Общимъ результатомъ всего, что уже сказано и что остается сказать, будетъ слѣдующее: *Школьная дисциплина должна стремиться къ тому*, чтобы въ питомцахъ, которыхъ мы воспитываемъ для Бога и церкви, образовать и безпрестанно укрѣплять, ревностнымъ попеченіемъ, то настроеніе чувствъ, котораго Богъ требуетъ отъ своихъ дѣтей, порученныхъ «школѣ Христа»,—чтобы они «радовались съ трепетомъ» (Псал. II, 11), «со страхомъ и трепетомъ совершили свое спасеніе» (Филип. II, 12), «всегда радовались въ Господѣ» (Филип. I, 4), т.-е. чтобы они научились и стали способными любить и бояться своихъ образователей, и не только охотно дозволяли вести себя, куда должны быть приведены, но ревностно желали бы этого. Это настроеніе чувствъ не можетъ быть закрѣплено иными средствами, кромѣ тѣхъ, на которыя я выше указалъ, именно путемъ — *добраго примѣра, ласковаго слова и всегда искренняго и открытаго благорасположенія*;

*) *Фригіяцы*—маленькое малоазійское племя; достигнувъ, путемъ мирныхъ занятій, до нѣкоторой степени благосостоянія, они находились все таки въ незаслуженномъ пренебреженіи, вслѣдствіе ихъ безсилія и вслѣдствіе полнѣйшей неспособности къ сопротивленію противъ какого-нибудь внѣшняго нападенія; при этомъ, слыли они за лѣнливыхъ и глупыхъ, отчего и сложилась про нихъ поговорка: *Sero sapiunt Thyrges* (Фригіяцы поздно умнѣютъ). Сюда же мѣстятъ и пословица: *Præter non nisi plagis emendatur*.

посредствомъ же суровой грозы возможно дѣйствовать только рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, при этомъ съ постоянною заботой, чтобы строгость, насколько возможно, всегда переходила въ любовь.

11) Ибо (чтобъ еще больше разъяснить сказанное примѣромъ) кто видѣлъ когда-нибудь, чтобы ювелиръ выполнялъ свои изящныя произведенія ударами молотка? Навѣрное никто. Эти произведенія часто лучше отлить, чѣмъ выковывать. Если же на нихъ окажется что-нибудь излишнее, или бесполезное, то искусный художникъ не будетъ неистово бить по нимъ молоткомъ, но будетъ слегка постукивать молоточкомъ, или отпиливать пилкою, или отламывать щипчиками, и все это дѣлать съ осторожностью, пока, наконецъ, выгладить вещь и отполируетъ. А мы, съ неразумнымъ неистовствомъ обрабатывая изображеньица (*imaguncula*) Бога живаго, — разумныя существа, — ужели можете надѣяться достигнуть цѣли? —

12) И *рыбакъ*, намѣревающийся большимъ неводомъ ловить рыбу въ глубокой водѣ, привѣшиваетъ къ своей сѣти грузъ ровно столько, сколько нужно, чтобъ она опустилась и влеклась по дну; въ то же время, онъ привязываетъ и легкіе поплавки, которые, съ противоположной стороны, поднимали бы сѣть до поверхности воды. Равнымъ образомъ и тотъ, кто намѣревается вмѣстѣ съ юношествомъ забросить тоню на глубь добродѣтели, долженъ, съ одной стороны, посредствомъ строгости, привести своихъ питомцевъ къ страху и покорному послушанію, съ другой же — ласковымъ обращеніемъ возвысить ихъ до любви и радостной бодрости. Счастливы мастера такого закала! Счастливо юношество при такихъ наставникахъ!

13) Здѣсь можетъ найти мѣсто мнѣніе одного значительнаго человѣка, — доктора *Эйльгарда Лубина*; мнѣніе это онъ высказалъ въ предисловіи къ изданному имъ греко-латинско-нѣмецкому Новому Завѣту; говоря объ исправленіи школъ, авторъ высказываетъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Другое (средство исправленія школьнаго дѣла) состоитъ въ томъ, чтобы все, что преподается юношеству, требовалось отъ учениковъ въ такомъ видѣ, благодаря которому они ничего не дѣлали бы съ отвращеніемъ и съ принужденіемъ, но дѣлали бы все — насколько возможно — охотно и по собственному побужденію, даже съ душевною радостью. Потому, я прямо выска-

зываютъ мнѣніе, что розги и палки,—эти орудія рабства, совершенно не свойственныя благородству людей,—не должны быть употребляемы въ школахъ,—напротивъ, должны быть рѣшительно удалены изъ нихъ,—какъ не годные даже и для рабовъ и для холопскихъ душъ. Послѣднія скоро выдають себя въ школахъ своимъ поведеніемъ—и должны быть удалены изъ школы,—не только вслѣдствіе тупости, которая вообще свойственна такимъ рабскимъ душамъ, но также и вслѣдствіе обыкновенно находящейся въ связи съ нею испорченности характера. Для кого розги и палки кажутся вспомогательными средствами для изученія наукъ и искусствъ, въ рукахъ тѣхъ они обратятся только въ бесполезное орудіе; но въ неистовыхъ рукахъ розги будутъ мечами, которыми наказывающіе будутъ истреблять и себя и другихъ. Существуютъ другія мѣры взысканій, которыя и могутъ быть употребляемы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и благородныхъ душъ», и проч.

ГЛАВА XXVII.

О школѣ, какъ мастерской, въ ея четверичномъ дѣленіи, соотвѣтствующемъ степенямъ возраста и развитія учащихся.

1) Ремесленники и механики назначаютъ для своихъ учениковъ извѣстное время, въ теченіе котораго долженъ быть непремѣнно пройденъ весь курсъ обученія искусству (въ два, три, или болѣе, до семи лѣтъ, смотря по трудности или разнообразію искусства), послѣ чего каждый, изучившій все относящееся до извѣстнаго искусства, дѣлается изъ ученика подмастерьемъ, а черезъ нѣсколько времени—и мастеромъ. *) Тоже должно совершиться и въ школьномъ преподаваніи; именно, чтобы для искусствъ, наукъ и языковъ были установлены извѣстные періоды, дабы *въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ было пройдено все, что входитъ въ кругъ образованія,* **) и чтобы

*) Лейтбехерово изданіе имѣетъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько лишнихъ словъ противъ текста изданія, которымъ мы пользуемся. Именно, окончаніе послѣдней фразы переводится такъ: «затѣмъ они дѣлають ученика подмастерьемъ и *предоставляють ему нѣсколько лѣтъ для упражненія, прежде чѣмъ провозгласять мастеромъ*».

**) Tota eruditionis encyclopaedia,—ср. выше прим.

изъ этихъ образовательныхъ мастерскихъ гуманности выходили истинно — образованные, истинно — нравственные и истинно — благочестивые люди.

2) Для достиженія этой цѣли, я требую для упражненія умовъ всего юношескаго возраста (такъ какъ при этомъ слѣдуетъ изучить не *одно* искусство, но всю совокупность свободныхъ искусствъ *), со всѣми науками и нѣкоторыми языками), начиная отъ дѣтства и до начала возмужанія, — слѣдовательно, до 24-го года, съ раздѣленіемъ этого промежутка времени на извѣстные отдѣлы. Сама природа даетъ указаніе для этого раздѣленія. Наблюденіе показываетъ, что человѣческое тѣло растетъ приблизительно до 25-го года жизни, не далѣе; потомъ оно начинаетъ увеличиваться въ силѣ. На этотъ медленный ростъ (тѣло самыхъ большихъ животныхъ, имѣя гораздо больший объемъ, достигаетъ своей полной величины въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или по крайней мѣрѣ въ одинъ или два года) слѣдуетъ смотрѣть — какъ на назначенный самою природою для человѣческаго организма — для того, чтобы человѣкъ располагалъ большимъ временемъ для приготовленія себя къ дѣятельности въ жизни.

3) Итакъ, раздѣлимъ годы восходящаго возраста жизни, на четыре отдѣльныя ступени: *раннее дѣтство, отроческій воз-*

*) *Artes liberales* — свободныя искусства — это выраженіе чисто римскаго происхожденія и заключаетъ, въ своемъ первоначальномъ значеніи, тѣ познанія и навыки, которые были достойны *свободнаго* человѣка, въ противоположность несвободнымъ искусствамъ. Чтобы дать понятіе о томъ, что считалось въ то время пристойнымъ или непристойнымъ, можно привести двѣ фразы изъ сочиненія Цицерона «Объ обязанностяхъ» (I кн. X, гл. 42). «Мелочной торгъ, приобретающій товаръ оптомъ и перепродающій его по мелочамъ, *есть не менѣе грязное ремесло*» (какъ и подневная работа). И далѣе: «Ко всѣмъ ремесленникамъ *пристаетъ грязь и низость*». Подобнымъ воззрѣніемъ встрѣчаются и у Платона. Средневѣковое значеніе понятія «свободныхъ искусствъ» рѣшительно отличается отъ древняго. Семью свободными искусствами средневѣковой школы были: грамматика, арифметика и геометрія (*Trivium*, которое преподавалось въ тривиальныхъ или элементарныхъ школахъ), музыка, астрономія, диалектика и риторика (*Quadrivium*, преподававшееся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ). Несвободныя искусства были *цеховыя ремесла*. Въ настоящее время понятіе «свободныхъ искусствъ» совпадаетъ съ «язычными искусствами», къ числу которыхъ относятся также гимнастическое искусство, краснорѣчіе и т. п. Даваемый нѣкоторыми университетами титулъ магистра (*Magister artium liberalium*) относится до этихъ послѣднихъ свободныхъ искусствъ.

*раств, начинающийся юношескій возрастъ и зрѣлый юношескій возрастъ *)*, и для каждой ступени назначимъ шесть лѣтъ и особенную школу, при чемъ школами будутъ служить:

I. для младенчества—*доно матери*;

II. для отрочества — *народная школа*, или *школа роднаго языка*;

III. для юношества начин.—*латинская школа*, или *гимназія*;

IV. для юношества зрѣлаго—*академія **)* и *путешествіе*.

Школа матери должна находиться въ каждомъ домѣ; *народная школа* — въ каждой общинѣ, въ каждомъ селеніи, въ каждомъ городѣ; гимназія—въ каждомъ сколько-нибудь большомъ городѣ; университетъ—въ каждой странѣ, или во всякой большой провинціи.

4) Однако мы не желаемъ, чтобъ въ этихъ, хотя и различныхъ, школахъ, преподавалось различное,—но всюду—одно и тоже, только *различнымъ образомъ*; именно,—*все* то, что въ состояніи сдѣлать человѣка истинно человѣкомъ, христіанина—дѣйствительно христіаниномъ, ученаго—подлинно ученымъ,—но соотвѣтственно ступени возраста и предшествующей, служащей поддержкою послѣдующему развитію, подготовкѣ. Ибо учебные предметы, по законамъ этой естественной методы, *нельзя раздроблять*,—напротивъ, всѣ ихъ слѣдуетъ проходить *всегда одновременно*, подобно тому, какъ дерево растетъ всегда всѣми своими отдѣльными частями вмѣстѣ, и какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ, такъ и въ сотомъ году, если оно такъ долго просуществоуетъ.

5) Но различіе преподаванія будетъ тройкое: I. Впервыхъ, *что въ низшихъ школахъ будетъ преподаваться въ болѣе общемъ видѣ и въ очеркахъ, то въ высшихъ будетъ излагаться спеціальнѣе и подробнѣе*; также какъ дерево, которое съ каждымъ годомъ пускаетъ болѣе сучьевъ и вѣтвей, даетъ имъ болѣе окрѣпнуть и приносить больше плодовъ.

*) Довольно трудно точно передать порусски названія возрастовъ, для которыхъ въ латинскомъ языкѣ существуютъ наименованія: *infantia*, *pueritia*, *adolescentia* и *juventus*. Можно было бы также перевести порусски эти названія возрастовъ слѣдующими словами: *младенчество*, *дѣтство*, *отрочество* и *юношество*. Но и этотъ переводъ не былъ бы точенъ.

**) Академія у Коменскаго принимается въ смыслѣ университета, такъ что оба эти наименованія являются равнозначащими.

Прилож. къ журн. „Семья и Школа“.

6. II. Вовторыхъ: въ материнской школѣ упражняются преимущественно *внѣшнія чувства*, дабы они привыкли останавливаться надлежащимъ образомъ на предметахъ и узнавать ихъ; въ народной школѣ должны быть упражняемы преимущественно *внутреннія чувства, воображеніе и память*, вмѣстѣ съ дѣятельными органами познанія—*рукою и языкомъ*,—посредствомъ чтенія, письма, рисованія, пѣнія, счисленія, измѣренія, взвѣшиванія—и закрѣпленія всего этого въ памяти. Въ гимназій, на основаніи уже воспринятаго чувствами матеріала, преимущественно будутъ образоваться *разсудокъ и сужденіе*, посредствомъ діалектики, грамматики, риторики и другихъ реальныхъ наукъ и искусствъ, преподаваемыхъ съ цѣлью ознакомленія какъ съ самими явленіями, такъ и съ причинами ихъ. *Университетъ* образуетъ преимущественно то, что дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на *волю* *), и достигаетъ этого посредствомъ *факультетовъ*, представляющихъ все въ гармоніи (все безпорядочное приводящихъ къ гармоніи), при чемъ *богословіе* образуетъ *сердечное настроеніе*, *философія*—*разсудокъ*, *медицина* раскрываетъ *жизненные отравленія тѣла*, а *правовѣденіе* изъясняетъ *внѣшнія блага*.

7) И это истинная метода образованія умовъ, чтобы прежде всего *самые предметы* были представляемы *внѣшними чувствами*, дабы послѣдніе наблюдали вещи непосредственно; —потомъ, чтобы возбужденныя *внутреннія чувства*, запечатлѣвшія въ себѣ, чрезъ внѣшнее ощущеніе, представленія о вещахъ, навывали снова выражать и представлять ихъ предъ собою, и при этомъ—какъ внутренно, въ себѣ, чрезъ *воспоминаніе*, такъ и наружно, внѣ себя, посредствомъ *руки и языка*. Послѣ этого выступаетъ *умъ*, который, посредствомъ тщательнаго разбора, сравниваетъ все между собою и взвѣшиваетъ одно относительно другого, чтобы научиться основательно познавать основы всѣхъ вещей, изъ чего образуются истинное *пониманіе* вещей и сужденіе о нихъ. Наконецъ, *воля* (средоточіе чело-вѣка и руководительница всѣхъ его поступковъ) пріучается распространять въ законныхъ предѣлахъ на все свое господство. Желаніе — образовать волю прежде пониманія вещей

*) У Лейбхера стоять, вмѣсто *воля, душа*; но въ текстѣ сказано: quae voluntatis. Точно также онъ отклоняется въ послѣднихъ словахъ отдѣла, поставляя, при *правовѣдѣніи*, рядомъ съ *внѣшними благами*—еще и способность воли.

(равно какъ—образовать разсудокъ прежде представленія, а послѣднее прежде чувствъ) есть потерянный трудъ. Однако, это дѣлають тѣ, которые научають мальчиковъ логикѣ, пѣтикѣ, риторикѣ и ииикѣ прежде сообщенія имъ познаній изъ области вещественнаго и чувственнаго міра; они поступаютъ подобно тому, кто захотѣлъ бы научить танцованію двухлѣтняго ребенка, только что пробующаго дражащую ногою слѣлать шагъ. Для насъ несомнѣнно то положеніе, что повсюду мы должны слѣдовать руководству природы; а такъ какъ природа обнаруживаетъ свои силы одну послѣ другой, то необходимо внимательно наблюдать, какъ эти силы постепенно развиваются.

8) Наконецъ, III-е различіе заключается въ томъ, что низшія ступени—*материнская и народная школы*—образуютъ все юношество, обоего пола, между тѣмъ какъ латинская школа образуетъ преимущественно юношей, стремленіе которыхъ направлено далѣе занятія ремеслами; а университетъ вырабатываетъ будущихъ учителей и руководителей другихъ, дабы никогда не было недостатка въ способныхъ людяхъ, управляющихъ церковью, школою и общественными дѣлами.

9) Эти четыре рода школы нѣкто не безъ основанія сравнилъ съ четырьмя временами года. Материнская школа соотвѣтствуетъ пріятной веснѣ, украшенной зародышами и почками, съ разнообразнымъ ароматомъ. Школа роднаго языка изображаетъ мѣсто, представляющее богатую жатву, изобилующее плодами. Гимназія уподобляется осени, собирающей созрѣвшіе плоды на поляхъ, въ садахъ и виноградникахъ—и складывающей ихъ въ житницы духа. Наконецъ, университетъ есть изображеніе зимы, приготавливающей собранные на жатвѣ плоды для различнаго употребленія въ теченіе остальной жизни.

10) Можно было бы также сравнить этотъ способъ тщательнаго образованія юношества съ *садоводствомъ*. Маленькія, шестилѣтнія дѣти, хорошо воспитанныя отцовскими и материнскими попеченіями, представляются имѣющими сходство съ тѣми деревцами, которые осторожно посажены, хорошо закрѣпились въ землѣ корнями и начинаютъ уже распространять свои вѣточки. Двѣнадцати-лѣтнія дѣти похожи на обросшее вѣтвями деревцо, распускающее молодую листву; то, что въ нихъ заключается,—правда, еще недостаточно замѣтно, но

не замедлить проявиться. Восемнадцатилѣтніе юноши, уже посвященные въ знаніе языковъ и искусствъ, подобны деревьямъ, стоящимъ въ полномъ цвѣту, доставляющимъ пріятный видъ зрѣнію и пріятный ароматъ обонянію, сердцу же представляющимъ въ перспективѣ вѣрные плоды. Наконецъ, молодые люди лѣтъ двадцати четырехъ или двадцати пяти, достигшіе путемъ академическихъ занятій окончанія своего образованія, изображаютъ дерево, вполне покрытое плодами, для которыхъ наступило время быть сорванными и употребленными для различныхъ надобностей.

Далѣе это будетъ изложено подробнѣе.

ГЛАВА XXVIII.

Идея материнской школы.

1) Главныя вѣтви, которыя дерево нѣкогда будетъ имѣть, оно уже въ первые годы своего существованія выпускаетъ изъ ствола, такъ что впослѣдствіи потребно только разрастаніе этихъ вѣтвей. Слѣдовательно, и мы все то, чѣмъ хотимъ снабдить человѣка на всю его жизнь, должны посадить въ него уже въ первой школѣ. Что это возможно, откроется далѣе, когда мы пересмотримъ различные роды познаваемаго. Укажемъ на это кратко, ограничивъ все двадцатью пунктами.

2) I. Такъ-называемая *метафизика* вполне здѣсь беретъ начало; ибо сначала маленькимъ дѣтямъ все представляется въ общей, слитной совокупности,—потомъ они замѣчаютъ, что существуетъ нѣчто, что они видятъ, слышатъ, вкушаютъ, осязаютъ, однако не различая еще отдѣльныхъ явленій, пока, наконецъ, не обнаружится способность различенія. Итакъ, они начинаютъ понимать общія понятія: *нѣчто, ничто; есть, нѣтъ; такъ, иначе; гдѣ, когда* и т. п., *схожее, несхожее* и т. п.,—вообще основныя понятія метафизической науки.

3) II. Въ области *физики* *) дитя, въ этомъ шестилѣтнемъ

*) Едвали нужно объяснять читателямъ, что здѣсь слово *физика*, какъ его употребляютъ Коменскій и всѣ латинскіе писатели, не имѣетъ нынѣ принятаго смысла, но обозначаетъ *естественныхъ наукъ вообще*. Но слѣдуетъ замѣтить, что этотъ древнѣйшій смыслъ слова физики вполне соответствуетъ содержанію этого

промежуткѣ времени, можетъ достигнуть ознакомленія съ тѣмъ, что такое *вода, земля, воздухъ, огонь, дождь, снѣгъ, ледъ, камень, желѣзо, дерево, растеніе, птица, рыба* и т. п. Также можетъ оно научиться названіямъ и употребленію членовъ своего тѣла, по крайней мѣрѣ наружныхъ. Все это въ дѣтскомъ возрастѣ изучается легко, а между тѣмъ это уже начатки науки о природѣ.

4) III. Когда дитя начинаетъ опредѣлять и называть *свѣтъ, мракъ, тѣнь*, главные *цвѣта*, —бѣлый, черный, красный и пр., — находить ихъ различія, то оно получаетъ начало познаній въ *оптикѣ*.

5) IV. Началомъ въ *астрономіи* будетъ служить для дитяти знаніе того, что называютъ *небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами*, и когда оно замѣтитъ, что они ежедневно восходятъ и заходятъ.

6) V. Введеніе въ *географію* будетъ имѣть мѣсто, когда дѣти научатся понимать—что такое *гора, долина, нива, рѣка, селеніе, мѣстечко, городъ*, смотря по условіямъ мѣста, въ которомъ они воспитываются.

7) VI. Основаніе для *хронологіи* полагается, когда дитя понимаетъ, что называютъ—*часомъ, днемъ, недѣлю, годомъ* и проч., *зимою, лѣтомъ* и проч.,—наконецъ, выраженія: *вчера, третьяго дня, завтра, послѣзавтра* и т. п.

8) VII. Начало въ *исторіи* будетъ сдѣлано, когда они будутъ въ состояніи припомнить и рассказать: что недавно случилось, какъ поступилъ тотъ или другой при томъ или другомъ случаѣ; только все это должно быть въ дѣтской сферѣ и рассказано по дѣтски.

9) VIII. *Арифметика* пуститъ свои первые корни, когда дитя пойметъ, что называется *многимъ* и *немногимъ*,—когда оно можетъ сосчитать *до десяти*, когда оно замѣтитъ, что *три* болѣе *двухъ*, и что *одинъ*, приложенный къ *тремъ*, составитъ *четыре*, и т. п.

10) IX. Дѣти будутъ обладать основаніями *геометріи*, когда узнаютъ, что называютъ *большимъ* и *малымъ, длиннымъ* и

понятія; между тѣмъ какъ тотъ смыслъ, который нынѣ соединяютъ съ этимъ терминомъ (ученіе о законахъ происходящихъ въ природѣ явленій и т. под.), не болѣе права имѣть на это названіе, чѣмъ и астрономія или физиологія растеній, или другая какая вѣтъ на могучемъ древѣ естественныхъ наукъ.

короткимъ, широкимъ и узкимъ, толстымъ и тонкимъ,—а также —что такое *линія, крестъ, кругъ* и проч., и когда они увидятъ какъ *мѣряютъ* то или другое посредствомъ *пяди, локтя* или *сажени* и т. п.

11) X. Также и для *статики* можетъ быть положено начало, когда дѣти увидятъ, какъ взвѣшиваютъ вещи посредствомъ *вѣсова*, или когда они сами научатся опредѣлять рукою—тяжка или легка вещь.

12) XI. Было бы положено основаніе и для *механическихъ* работъ, если бы дѣтямъ поручали всегда что-нибудь дѣлать, давъ надлежащее для этого указаніе: напр., отнести вещь въ то или другое мѣсто, такъ или иначе что-нибудь упорядочить, выстроить или разрушить, связать или развязать,—чѣмъ дѣти этого возраста охотно занимаются. Такъ какъ изъ этихъ работъ ничего бы не вышло, если бы, при воспроизведеніи извѣстныхъ искусно приготовленныхъ вещей, не принимались въ соображеніе силы находчивой головы, то эти силы нужно не только не задерживать, но, напротивъ, возбуждать и искусно направлять.

13) XII. *Диалектическое* искусство мыслительной способности также проявляется и пускаетъ свои ростки, когда дитя замѣчаетъ, что разговоры ведутся посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, и когда оно пріучится и само что нибудь спрашивать и на спрошенное отвѣчать. Слѣдуетъ только наставлять дитя спрашивать съ толкомъ и на спрошенное правильно отвѣчать, дабы оно привыкало останавливаться мыслию на спрошенномъ предметѣ, а не развлекаться при этомъ.

14) XIII. Дѣтская *грамматика* будетъ заключаться въ томъ, чтобы дѣти правильно говорили на родномъ языкѣ, т. е. чтобы они явственно и отчетливо провозносили *звуки, слоги и слова*.

14) XIII. Начала въ *риторикѣ* будутъ положены тогда, когда дѣти начнутъ подражать встрѣчающимся въ домашнемъ обиходѣ переноснымъ выраженіямъ, тропамъ и фигурамъ,—въ частности, приличной жестикуляціи между говорящими, съ соотвѣтствующею содержанію рѣчи интонаціею, при чемъ спрашивающій повышаетъ тонъ послѣднихъ словъ, отвѣчающій же понижаетъ его, и тому подобное,—чему природа почти сама собою научаетъ и что посредствомъ искуснаго настав-

ленія, при случающихся иногда ошибкахъ, легко можетъ быть исправлено.

15) XIV. Предвкушеніе *стихотворнаго* искусства будетъ дано, когда дѣти уже въ самомъ раннемъ возрастѣ выучиваютъ нѣсколько стишковъ, преимущественно нравственнаго содержанія, будутъ ли эти стишки,—смотря по особенностямъ cadaго языка,—ритмическіе или метрическіе. *)

17) XVI. Первые начала въ *музыкѣ* будутъ заключаться въ томъ, что дѣтя научится пѣнію болѣе легкихъ *псалмовъ* и духовныхъ *пѣснопѣній*, что можетъ найти мѣсто при ежедневной домашней молитвѣ.

18) XVII. Нѣкоторыя начатки *ученія о домоводствѣ* будутъ даны, когда дѣтя запомнитъ имена лицъ, изъ которыхъ состоитъ семейство,—слѣдовательно узнаетъ, кто называется *отцемъ, матерью, служанкою, прислугою, рабочимъ* и проч.; также названія частей дома: *стѣны, кухня, спальня* и проч., и домашнихъ принадлежностей: *столъ, ложка, ножъ, метла* и проч.

19) XVIII. Изъ *политики* труднѣе сообщить начальныя понятія ребенку, такъ какъ въ этомъ возрастѣ разсудокъ едва переступаетъ за предѣлы дома; но возможно и это сдѣлать, если они замѣчаютъ, что нѣкоторыя лица, засѣдающія въ городскомъ управленіи, называются *советниками*,—изъ нихъ, въ частности,—одинъ называется *бургомистромъ*, другой *городскимъ судьей*, третій *нотариусомъ* и проч.

20) XIX. Но *ученіе о нравственности* (нѣяка) должно получить здѣсь въ особенности прочное основаніе, если мы желаемъ, чтобы въ хорошо воспитанномъ юношествѣ добродѣли были какъ бы прирожденны. Напримѣръ:

*) Лейтбехеровъ переводъ въ этомъ мѣстѣ и въ слѣдующихъ пунктахъ нѣсколько отклоняется отъ нашего текста и болѣе подробенъ; именно, въ немъ находятся слѣдующія дополненія:

XV. «*Пересказыванье* маленькихъ стишковъ ... вызываетъ въ дѣтяхъ вкусъ къ поэзіи, къ *метрическому*» и проч.

XVI. «*Доставлять* дѣтямъ случай слышать *пѣніе*, музыку, и они также вскорѣ захотятъ *напѣвать и наигрывать*».

XVII.«домашнее хозяйство... когда они увидятъ, что отецъ или мать и проч. *здѣсь или тамъ что-либо дѣлаютъ, или производятъ, хвалятъ или порицаютъ*»...

XVIII. «Если при словахъ: *ратуши, бургомистры, адвокаты*, о которыхъ часто упоминается,—дѣтя спросить,—объясни, насколько окажется возможнымъ»

1) *Умѣренность*. Дитя должно наблюдать мѣру для своего желудка и не позволять себѣ ѣсть больше чѣмъ сколько необходимо для утоленія голода и жажды.

2) *Опрятность*, которую слѣдуетъ заботливо соблюдать за обѣдомъ, въ одеждѣ, въ куклахъ и въ игрушкахъ.

3) *Почтительность*, которую дитя должно оказывать къ старшимъ.

4) *Послушаніе*—при выполненіи приказаній или запрещеній должно быть скоро и точно.

5) *Правдивость*—должна господствовать во всѣхъ словахъ, и ребенку никогда не должно быть дозволяемо мать или отца обманывать, ни въ шутку, ни серьезно; ибо шутка относительно чего-либо нехорошаго можетъ, въ концѣ концовъ, переродиться въ серьезные проступки.

6) *Справедливости* научаются дѣти, когда они не приказуются, не берутъ себѣ, не удерживаютъ и не скрываютъ чужой собственности; когда они никому не дѣлаютъ никакой непріятности, никому не завидуютъ и проч.

7) Особенно же дѣти должны научиться *любви*, чтобъ они возможно скорѣе приучались со всѣми дѣлиться всѣмъ, и какъ только кто-нибудь, побуждаемый нуждою, обратится къ нимъ, чтобъ они помогали нуждающемуся даже по собственному побужденію. Ибо это есть та христіанская любовь, которая прежде всего представляется намъ духомъ Христовымъ, и воспламенять къ которой сердца, въ этомъ холодномъ эгоизмѣ міра, должно быть особенно въ интересахъ церкви.

8) Маленькія дѣти должны быть также приучаемы *къ работѣ* и постояннымъ *занятіямъ*, будутъ ли это занятія серьезные или просто игра,—чтобъ они не знали, что значить испытывать скуку.

9) Не мѣшаетъ имъ также приучаться—не всегда болтать и выказывать все, что ни взбредетъ на умъ,—но порою благо-разумно *молчать*, когда того потребуютъ обстоятельства,—именно, когда говорятъ другіе, когда присутствуетъ уважаемое лицо, или когда самая обстановка требуетъ молчанія.

10) Въ особенности же, въ этомъ первомъ возрастѣ, дѣти должны быть приучаемы къ *терпѣнію*, которое необходимо для всей жизни; дабы были искореняемы страсти, прежде чѣмъ онѣ пробьются наружу и глубоко пустятъ корни, и дабы

дѣти приучались руководить себя разумомъ, а не минутнымъ стремленіемъ,—подавлять гнѣвъ, не давать ему простора и т. д.

11) *Услужливость* и готовность *служить* другимъ представляютъ лучшее украшеніе юношества, пригодное на всю жизнь. Поэтому, слѣдуетъ приучать дѣтей къ этимъ качествамъ уже въ теченіе перваго шестилѣтняго періода ихъ жизни, дабы они были способны при каждомъ случаѣ пожертвовать собою для блага другихъ и помочь другимъ.

12) Сюда же слѣдуетъ присоединить *общественную благоприспособленность*, — чтобъ дѣти ничего не дѣлали неуклюже или неловко, но все съ приличною скромностію. Сюда принадлежать формы общественнаго обхожденія, привѣтствіе и отвѣтъ на поклонъ, соблюденіе вѣжливости, выраженіе признательности послѣ полученнаго благодаренія, съ приличнымъ поклономъ, цѣлованіемъ руки и тому подобное.

21) XX. Наконецъ, въ изученіи *религіи и благочестія* шестилѣтнія дѣти могутъ быть доведены до того, что будутъ помнить главные отрывки изъ катихизиса, основы христіанскаго вѣроученія, насколько въ дѣтскомъ возрастѣ можно будетъ его понять и насколько дѣти будутъ имѣть возможности прилагать его на практикѣ; именно, чтобъ, исполненныя чувства божественнаго величія, дѣти повсюду и всегда приучались видѣть Бога и, боясь Его, какъ Справедливаго Мстителя всякаго зла, не допускали ничего дурнаго; чтобы съ другой стороны, любя его, какъ Всеблагаго Воздаятеля добра, почитая, призывая, славословя Его и ожидая отъ Него милосердія въ жизни и за гробомъ,—не опускали случая дѣлать все хорошее, что, насколько имъ извѣстно, должно понравиться Богу,—и такимъ образомъ жили бы предъ очами Бога и приучались бы (говоря словами Писанія) «ходить съ Богомъ».

22) Такимъ образомъ, о дѣтяхъ христіанъ можно будетъ сказать то же, что говоритъ евангелистъ о Христѣ, что Онъ «преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, въ любви у Бога и у человѣковъ» (Лука II, 52).

23) Пусть это и будетъ границами и задачами материнской школы; изъяснить обстоятельнѣе все изложенное, раскрыть все посредствомъ таблицъ, съ обозначеніемъ, что и сколько могло бы быть пройдено въ отдѣльные годы, мѣсяцы и дни

(какъ это я рекомендую для народной школы и для гимназій), я не считаю здѣсь возможнымъ,—по двумъ причинамъ: во-первыхъ, невозможно, чтобы родители въ ихъ домашнихъ распоряженіяхъ могли столь же тщательно соблюсти порядокъ, какъ это бываетъ въ общественной школѣ, гдѣ больше ничего не дѣлается, какъ обучается юношество. Во-вторыхъ, разсудокъ и понятливость въ дѣтяхъ проявляются крайне неравномѣрно,—у одного раньше, у другого позже; нѣкоторые двухлѣтки говорятъ уже очень хорошо и ко всему проворны; другіе едва на пятомъ сравниваются съ ними. Итакъ, въ особенности это первое образованіе, на этой первой ступени возраста, необходимо предоставить благоразумію родителей.

24) Но здѣсь можетъ быть полезна двоякая мѣра. Во-первыхъ, пусть *будетъ составлена руководящая книжка* (*libellus monitorius*), *которая напоминала бы родителямъ и нянямъ выполнение ихъ обязанностей*. Въ краткихъ очеркахъ, здѣсь должно быть описано все, къ чему дѣти должны быть воспитаны, при какомъ случаѣ слѣдуетъ приниматься за то или другое, и какими средствами и по какакимъ правиламъ слѣдуетъ все-лять въ нихъ привычки относительно рѣчи и дѣйствій. Книгу такого рода (подъ названіемъ: *Руководитель для материнской школы* *) я предполагаю написать самъ.

25) Другое, что съ пользою послужило бы для упражненій въ этой материнской школѣ, это — *книга съ картинами* (*libellus imagnus*), которую слѣдовало бы непосредственно дать въ руки самимъ дѣтямъ. Ибо, такъ какъ здѣсь должны быть преимущественно упражняемы чувства, чтобы вызывать впечатлѣнія о встрѣчающихся вещахъ,—между же чувствами преимущественно выдается зрѣніе; то мы сдѣлаемъ дѣло, если соединимъ въ книгѣ наглядный матеріалъ изъ *физики, оптики, астрономіи, геометріи*, и если все это расположимъ въ порядкѣ познаваемого, что я выше начерталъ. Ибо здѣсь могутъ быть нарисованы: *гора, долина, дерево, птица, рыба, лошадь, быкъ, овца, люди* различнаго возраста и разнообраз-

*) Сочиненіе это появилось какъ на чешскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкахъ, и носить заглавіе: *Informatorium scholae maternae*. Въ полномъ собраніи сочиненій (стр. 198 и слѣд.) оно озаглавлено: *Schola Infantiae* etc. («Школа дѣтства, или руководство къ разумному воспитанію дѣтей въ первые шесть лѣтъ ихъ жизни»).

ной наружности; равно изображены *свѣтъ и потемки, небо съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками*,—главные *цвѣта*; далѣе—принадлежности *домашняго хозяйства и инструменты ремесленниковъ, горшки, блюда, кружки, молотки, щипцы и проч.*; не менѣе возможны изображенія должностей: *король со скипетромъ въ коронѣ, солдаты съ вооруженіемъ, крестьянинъ съ сохою, возчикъ съ тельгою, почта въ полномъ ходу*. А сверху каждой картины должно быть написано, что на ней изображено: *лошадь, быкъ, собака, дерево* и проч.

26) Книгою такого рода можно пользоваться троякимъ образомъ: 1) какъ пособіемъ для запечатлѣнія вещей во внѣшнихъ чувствахъ, о чемъ уже сказано; 2) какъ средствомъ для привлеченія слабыхъ головъ—искать въ книгѣ вещей, которыя имъ нравятся; 3) для наиболѣ легкаго наученія чтенію печатнаго. Такъ какъ надъ изображеніями предметовъ написаны и названія ихъ, то это легко положить начало чтенію.

ГЛАВА XXIX.

Идея школы роднаго языка, или народной школы *).

1) Что все юношество обоего пола должно быть посылаемо въ общественную школу, это уже было изложено въ IX-й главѣ. Теперь я прибавлю, что прежде всего въ народныя школы должно быть посылаемо все юношество, противъ чего нѣкоторые выказываютъ несогласіе. Такъ, *Цепперъ* **) (въ I-й книгѣ своего «Церковнаго Государства», гл. 9) и *Альстедъ* ***)

*) Вездѣ въ послѣдующихъ мѣстахъ перевода, вмѣсто употребленнаго Каменскимъ выраженія—*schola vernacula, школа роднаго языка*, мы употребляемъ вполне передающее смыслъ выраженія автора и болѣе подходящее къ нашему разговорному языку выраженіе—*народная школа*.

**) *Вильгельмъ Цепперъ*—проповѣдникъ въ Герборнѣ; сочиненія его были изданы въ 1594—1614 годахъ.

***) *Іоаннъ Гейнрихъ Альстедъ*, реформ. богословъ, род. въ 1588 г., въ Герборнѣ, въ Нассау; былъ профессоромъ философіи и богословія сперва въ Герборнѣ, потомъ въ Вейсенбургѣ, въ Семиградскомъ княж., и умеръ въ 1638 г. Онъ оставилъ послѣ себя большое число сочиненій. Въ своей *Encyclopaedia biblica* (*Triumphus seu Ety. etc.*, Франкф. 1623) писалъ онъ также объ искусствѣ бороться, объ искусствѣ скакать, объ искусствѣ плавать, о турнирномъ искусствѣ и др. Альстедъ былъ—въ Герборнѣ—учителемъ Коменскаго.

(въ VI-й гл. своей «Схоластики») — рекомендуютъ посылать въ начальныя школы только тѣхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые предназначаютъ себя когда-нибудь посвятить ремеслу; тѣхъ же мальчиковъ, которые, по назначенію родителей, предназначаются къ болѣе полному образованію ума, слѣдовало бы прямо посылать въ гимназію, а не въ народныя школы. Альстетъ прибавляетъ еще: «кто хочетъ, пусть будетъ другого мнѣнія; я указываю на путь и средства, примѣнимыя къ тѣмъ, которымъ я желалъ бы дать наилучшее образованіе». — Но моя дидактическая система принуждаетъ меня быть иного мнѣнія.

2) Ибо 1) я имѣю въ виду общее образованіе всякаго, кто родился человѣкомъ, ко всему человѣческому. Поэтому люди должны получить образованіе всѣ вмѣстѣ, насколько могутъ быть образованы вмѣстѣ; дабы всѣ взаимно себя возбуждали, оживляли, подстрекали. 2) Я хочу, чтобы всѣ были воспитываемы во всѣхъ добродѣтеляхъ, особенно въ скромности, согласіи и во взаимной услужливости. Поэтому дѣти не должны быть такъ рано разлучаемы одни отъ другихъ; также не слѣдуетъ давать нѣкоторымъ изъ нихъ поводъ — смотрѣть на себя съ высокомеріемъ, а на другихъ презрительно. 3) Желаніе — опредѣлять относительно шестилѣтняго ребенка, къ какому призванію онъ способенъ, пригоденъ ли онъ для научной дѣятельности, — кажется поспѣшнымъ; ибо въ этомъ возрастѣ не выказываются достаточно опредѣлительно ни духовныя силы дѣтей, ни направленіе ихъ душевной жизни, между тѣмъ какъ позже и то, и другое лучше выясняется; подобно тому, какъ и въ саду нельзя сразу узнать, какія растенія слѣдуетъ выколотъ и которыя слѣдуетъ оставить расти, — пока они еще совершенно юны, но только тогда, когда они подросли. Также не исключительно только дѣти богатыхъ, знатныхъ, сановныхъ людеи родились для высокихъ званій, чтобъ только для нихъ была открыта латинская школа, въ то время какъ другіе отстраняются отъ нея, безъ всякой надежды. Вѣтеръ вѣетъ, куда захочетъ, и не всегда начинается онъ дуть въ опредѣленное время.

3) Четвертая причина для меня та, что моя универсальная метода требуетъ не только — обыкновенно столь любимой нимфы — латыни, но отыскиваетъ путь для равномѣрнаго

усовершенствованія и въ *родномъ языкѣ* каждого народа (чтобы всякій духъ болѣе и болѣе славилъ Господа), что составляетъ стремленіе, которое не можетъ быть устранено произвольнымъ перескакиваньемъ черезъ весь родной языкъ.

4) Хотѣть учить чужому языку—прежде, чѣмъ дитя владѣть своимъ, это, вѣрнѣе, тоже, какъ если бы заставить мальчика учиться ѣздить верхомъ, прежде чѣмъ онъ умѣетъ ходить. Весьма полезно дѣлать строгое различіе въ занятіяхъ, какъ это показано въ главѣ XVI, въ 4 положеніи. Ибо, какъ утверждаетъ Цицеронъ, что тотъ не можетъ учиться произносить рѣчи, кто не умѣетъ еще говорить, такъ и моя метода высказываетъ, что тотъ не сѣмѣетъ учить по латыни, кто не знаетъ своего родного языка, такъ какъ послѣдній служить, согласно моей методѣ, руководителемъ первой.

5) Наконецъ, вшестыхъ, я требую реального образованія (*eruditionem realem*), а сообразно съ этимъ, внѣшнее обращеніе съ предметами этого образованія для учениковъ гораздо легче, если при этомъ они пользуются книгами, написанными на родномъ языкѣ, на которомъ бы дано было и наименованіе предметовъ. Когда ученики будутъ знать эти названія, тогда имъ легче будетъ учиться латыни, такъ какъ новыя названія прійдется придавать извѣстнымъ уже вещамъ и, въ сообразной съ искусствомъ постепенности, присоединять къ познанію вещей на вопросъ—*что?* еще разсмотрѣніе ихъ на вопросъ—*почему?*

6) Установивъ гипотезу о четверичной школѣ, я долженъ представить очеркъ *школы роднаго языка* (народной школы). *Цѣлью и задачей народной школы будетъ—обученіе всего юношества, отъ шестого до двѣнадцатаго (или тринадцатаго) года жизни, тому, что пригодно человеку на всю его жизнь.* Именно, народная школа должна научить учащихся:

I. *Свободно читать на родномъ языкѣ, какъ письменное, такъ и печатное.*

II. *Писать—сначала отчество, далѣе бѣгло, потомъ самостоятельно, согласно съ законами грамматики роднаго языка,* которые должны быть имъ сообщаемы въ возможно легкомъ и понятномъ видѣ и разъясняемы при упражненіяхъ.

III. *Считать—цифрами и камешками (на счетахъ),—смотря по надобности.*

IV. Правильно измѣрять различныя протяженія, *длину, ширину, разстояніе* и проч.

V. *Пѣть употребительныя мелодіи*, а для болѣе искусныхъ учениковъ также начала художественной музыки.

VI. *Усвоить памятью возможно большее число церковныхъ пѣсенъ, какія гдѣ употребляются*, дабы будучи воспитаны для прославленія Бога, умѣли (говоря вмѣстѣ съ Апостоломъ) сами себя поучать и увѣщевать псалмами, гимнами и духовными пѣснями,—воспѣвать Бога въ своихъ сердцахъ.

VIII. *Кромѣ катихизиса, точно знать важнѣйшія событія изъ исторіи, главнѣйшія изрѣченія Священнаго Писанія, такъ чтобъ могли ихъ пересказать.*

VIII. *Знать, разумѣть и полагать начало приложенію въ жизни ученія о нравственномъ, изложеннаго въ правилахъ и разясненнаго примѣрами, соответствующими познавательной силѣ дѣтскаго возраста.*

IX. Изъ науки о государствѣ и сельскомъ хозяйствѣ (De aeconomico politicopue statu) знать столько, сколько нужно для того, чтобы понимать происходящее въ повседневнои жизни, дома и въ государствѣ.

X. *Познакомить съ всеобщей исторіею міра, въ его сотвореніи, паденіи, возстановленіи и управленіи мудростію Божіею, до послѣдняго дня.*

XI. *Сообщить важнѣйшее изъ міровѣдѣнія (cosmographia), въ особенности о круглости неба, о шарообразности носящейся среди него земли, о движеніи океана, о разнообразномъ видѣ морей и рѣкъ, о частяхъ свѣта, о главнѣйшихъ государствахъ Европы, въ особенности же о городахъ, горахъ и рѣкахъ собственнаго отечества, и иное достойное замѣчанія.*

XII. *Наконецъ, изъ ремесла—знать большую часть важнѣйшихъ, хотя для той цѣли, чтобъ ученики не были въ слишкомъ большомъ невѣжествѣ относительно того, что происходитъ въ человѣческой жизни,—или же для того, чтобы въ послѣдствіи свободнѣе проявилось природное влеченіе—къ чему каждый по преимуществу чувствуетъ склонность.*

7) Если все это въ народной школѣ будетъ правильно преподавано, то не только юноши, вступающіе въ латинскую школу, но также и тѣ, которые отдаются сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности,—не повстрѣчаютъ ничего

новаго, о чемъ бы они здѣсь не получили понятія, и слѣдовательно, все, что они будутъ исполнять по роду ихъ занятій, что они услышатъ въ религіозныхъ собраніяхъ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, или что они прочитаютъ въ книгахъ, будетъ для нихъ не болѣе, какъ подробнѣйшее освѣщеніе или болѣе специальное различеніе уже прежде узнанныхъ вещей; потому и въ дѣйствительности они оказались бы гораздо способнѣе все это вѣрнѣе понимать, выполнять, обсуждать.

8) Для достиженія этой цѣли, должно употребить слѣдующія средства:

I. *Курсъ элементарной школы, который наполняется этими работами въ шесть лѣтъ, долженъ быть раздѣленъ на шесть классовъ* (гдѣ же представится возможнымъ, тамъ раздѣлить ихъ и въ помѣщеніи, чтобы они не мѣшали одинъ другому).

II. *Для каждаго отдѣльнаго класса должны быть назначены особыя книги, которыя изчерпывали бы все необходимое для этого класса* (соотвѣственно объему матеріала въ грамматикѣ, морали, религіи), такъ чтобы ученики, пока они будутъ обучаться въ извѣстномъ классѣ, не имѣли надобности ни въ какихъ другихъ книгахъ; съ помощью же своихъ пособій, несомнѣнно достигали бы предположенной цѣли. Ибо необходимо, чтобы эти книги изчерпывали также и весь родной языкъ, напр. заключали бы въ себѣ всѣ наименованія вещей, которыя дѣти, по ихъ возрасту, могутъ понять, потомъ предпочтительнѣйшіе и наиболѣе употребительные обороты рѣчи.

9) *Соотвѣственно числу классовъ,—учебныхъ книгъ, слѣдовательно, будетъ шесть, при чемъ онѣ различались бы между собою не столько по содержанію, сколько по формѣ; ибо всѣ онѣ должны трактовать обо всемъ. Но сначала предлагается въ нихъ болѣе общее, болѣе извѣстное, болѣе легкое,—позднѣе дѣлается переходъ къ уразумѣнію болѣе специальнаго, неизвѣстнаго, труднѣйшаго, или вносится новый нѣкоторый способъ разсмотрѣнія тѣхъ же вещей, представляющій духу новое удовольствіе, какъ это вскорѣ будетъ показано.*

10) *Особенно слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы здѣсь все было приспособлено къ дѣтскому уму, который, по существу*

своему, привлекается веселымъ, шутивымъ, радостнымъ,—отъ серьезнаго же и строгаго почти со страхомъ отталкивается. Слѣдовательно, для того чтобъ сдѣлать возможнымъ для дѣтей изучить серьезное, что нѣкогда будетъ полезнымъ, и въ то же время изучить легко и пріятно,—всюду полезное должно быть перемѣшано съ пріятнымъ, дабы умы какъ-бы привлекались постоянными приманками и были бы приведены туда, куда мы ихъ хотимъ привести.

11) Учебныя книги должны носить также и соотвѣтствующія заглавія, которыя привлекали бы дѣтей, но въ тоже время мѣтко обозначали бы все заключающееся въ книгахъ. Такія заглавія, полагаю, могли бы быть заимствованы изъ области *садовъ*,—пріятнѣйшаго, что только знаютъ дѣти. Ибо если школу сравниваютъ съ садомъ, то почему бы не называть книгу перваго класса—*фіалковой*, втораго класса—*розовой*, книгу третьяго—*зеленой*—*лужайкой* и т. д.?

12. Объ этихъ книгахъ, ихъ содержаніи и формѣ, будетъ въ другомъ мѣстѣ сказано подробнѣе. Здѣсь я прибавлю только слѣдующее: Такъ какъ мы пишемъ на родномъ языкѣ, то и техническія названія должны быть даны на этомъ языкѣ, а не на латинскомъ и не на греческомъ. Ибо 1) мы желаемъ такъ преподавать юношеству, чтобы оно понимало все безъ замедленія. *Но иностранное должно быть еще сначала объяснено, прежде чѣмъ будетъ понято, да и объясненное не вполне будетъ понятно; только думаютъ, что слово понято, когда извѣстно, что оно означаетъ, но слова эти съ трудомъ удерживаетъ память.* Такъ какъ на родномъ языкѣ объясняется не другое что, какъ только словомъ обозначенная вещь, то оно вскорѣ понимается и скоро запечатлѣвается въ памяти. Итакъ, удалимъ же задержки и пытки съ этой первой ступени преподаванія, чтобы все шло въ стройномъ порядкѣ. 2) Кромѣ того, мы хотимъ, *чтобы родной языкъ разрабатывался* не на манеръ французовъ, имѣющихъ массу греческихъ и латинскихъ названій, непонятныхъ народу (на что Стевинъ *) язвительно нападаетъ),—но выражая все слова-

*) *Симонъ Стевинъ* или *Стефанъ*, математикъ XVI стол., родился въ Брюгге, былъ въ Голландіи инспекторомъ плотинъ, сдѣлалъ разныя изобрѣтенія, ввелъ десятичное дѣленіе на геодезическихъ мѣрахъ и написалъ большое число сочиненій, преимущественно математическаго содержанія. Онъ умеръ въ Лейденѣ, въ 1633 г.

ми, находящимися въ общемъ употребленіи. Равнымъ образомъ, рекомендуетъ это и Стевинъ своимъ бельгійцамъ (Геогр. I книга), что прекрасно и выполняетъ онъ въ своей математикѣ.

13. Можно было бы замѣтить и показать на примѣрахъ, что не всѣ языки настолько обильны словами, чтобы на нихъ можно было одинаково успѣшно передать греческія и латинскія выраженія. Далѣе, если бы они даже и были переданы, то привыкшіе къ тѣмъ выраженіямъ ученые не отказались бы отъ нихъ. Наконецъ, было бы лучше, еслибы мальчики, начиная латынью, приучили себя къ языку ученыхъ, дабы не понадобилось имъ впослѣдствіи снова заучивать техническія названія.

14. На это я долженъ возразить: 1) это вина не языковъ, но людей, если какой-нибудь языкъ оказывается темнымъ, искаженнымъ, недостаточнымъ для выраженія необходимѣйшихъ вещей. Равнымъ образомъ, и греки и римляне сначала должны были творить себѣ вокабулы, прежде чѣмъ они вошли въ общее употребленіе, и ихъ образцы были сначала шероховаты и темны, такъ что они сами сомнѣвались, могутъ ли придуманныя ими слова быть облагоустроены; но когда слова были приняты, оказалось, что нѣтъ ничего болѣе выразительнаго. Это относится, напр., къ латинскимъ выраженіямъ: *бытіе, сущность, постоянное, случайное, количество, качество и проч.* *). Итакъ, ни въ какомъ языкѣ не было бы недостатка въ словахъ, если бы только въ людяхъ не было недостатка въ трудѣ и прилежаніи.

15. Что касается до втораго возраженія, то пусть специалисты сохраняютъ свое для себя; а такъ какъ мы должны помогать необразованнымъ, дабы они могли достигать пониманія свободныхъ искусствъ и наукъ, то понятно, что мы не должны говорить съ ними на чуждомъ имъ иностранномъ языкѣ.

16. Въ третьихъ, замѣчу я: мальчики, позднѣе изучающіе языки, встрѣчаютъ при этомъ мало затрудненій, потому именно, что они уже обладаютъ знаніемъ техническихъ выраженій

*) Это такъ-называемыя категоріи, общія понятія или группы понятій, обозначаемыя обыкновенно терминами: *ens, essentia, substantia, accidens, qualitas, quidditas etc.*

на родномъ языкѣ, и потому раньше могутъ на своемъ языкѣ назвать Бога Отцемъ, чѣмъ на латинскомъ.

17. III. Наконецъ, остается еще упомянуть о способѣ *сдѣлать эти книги легко-доступными юношеству*; объ этомъ способѣ мы сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія:

а. *На ученіе должно посвящать не болѣе четырехъ часовъ ежедневно: два часа до обѣда и два послѣ обѣда*; остальное время можетъ быть съ пользою употреблено на домашнія занятія (особенно для бѣднѣйшихъ), или на извѣстный приличный отдыхъ.

б) *Утренніе часы слѣдуетъ посвящать образованію ума и памяти,—послѣобѣденныя же часы—развитію руки и голоса.*

в) *Потому, въ утренніе часы учитель имѣетъ прочитывать и пересчитывать урокъ (pensum) соответственнаго часа, въ то время какъ ученики слушаютъ, и если что-либо потребуетъ объясненія, давать его по возможности въ общедоступной формѣ, такъ чтобы ничего не оставалось непонятымъ. Затѣмъ, онъ составляетъ учениковъ одного за другимъ прочитывать тоже самое, и въ то время, какъ одинъ прочитываетъ вслухъ ясно и понятно, другіе должны смотрѣть въ свои книги и въ молчаніи слѣдить за чтеніемъ; послѣ получасоваго занятія или немного болѣе, окажется, что болѣе способные въ состояніи будутъ и безъ книги попытаться повторить прочтенное, а за ними уже пойдутъ и слабыя головы. Ибо преподаанныя задачи будутъ довольно коротки и соразмѣрны продолжительности одного часа времени и силѣ пониманія отроческихъ умовъ.*

г) *Усвоенное можетъ быть еще болѣе укрѣплено въ послѣобѣденныя часы, въ которые я не желалъ бы, чтобы проходило что-нибудь новое, но только бы повторялось пройденное въ томъ; именно, частію чрезъ списываніе съ тѣхъ же печатныхъ книгъ, частію чрезъ соревновательныя работы, при которыхъ всякій все прежде пройденное удачнѣе удерживаетъ и передаетъ, или увѣреннѣе и лучше пишетъ, поетъ, считаетъ и т. п.*

18. *Я не безъ основанія рекомендую, чтобы всѣ ученики списывали свои печатныя книги, и притомъ столь чисто, насколько только возможно. Ибо — 1) это служить къ тому, чтобы*

правильнѣе запечатлѣть все въ памяти, когда чувство будетъ долгое время занято однимъ и тѣмъ-же предметомъ. 2) Этими ежедневными упражненіями въ письмѣ—ученики усовершенствуютъ свое чистописаніе, скорописаніе и правописаніе, что весьма полезно для дальнѣйшихъ занятій въ школѣ и въ жизни. 3) Родителямъ дѣтей это будетъ служить нагляднѣйшимъ доказательствомъ, что въ школѣ занимаются тѣмъ, чѣмъ должны заниматься, а затѣмъ, когда дѣти счастливо превзойдутъ самихъ родителей, послѣднимъ легче будетъ судить объ успѣхахъ первыхъ.

19. Нѣкоторыя частности я оставляю до послѣдующаго времени. Только объ одномъ еще упомяну: что если отдѣльные мальчики должны заниматься изученіемъ языковъ сосѣднихъ народовъ, то пусть это дѣлается приблизительно на десятомъ, одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году; именно, между народною и латинскою школами. Это успѣшно достигается, если мальчиковъ посылаютъ туда, гдѣ въ ежедневномъ употребленіи не родной языкъ, но тотъ, который они должны изучить, — и когда они книги народной школы (которыя по содержанію имъ уже извѣстны) будутъ на томъ же новомъ языкѣ читать, списывать, запечатлѣвать въ памяти, и посредствомъ упражненій, взятыхъ изъ тѣхъ же книгъ, обрабатывать ихъ словесно и письменно.

ГЛАВА XXX.

Очеркъ латинской школы.

1. Цѣль этой школы я полагаю въ томъ, чтобы съ четырьмя языками была исчерпана вся энциклопедія искусствъ. Если ученики правильно пройдутъ эти классы, то мы сдѣлаемъ изъ нихъ:

1) *Грамматиковъ*, которые будутъ въ состояніи передать основанія всякой рѣчи на латинскомъ и на родномъ языкѣ вполне, на еврейскомъ и на греческомъ — насколько будетъ нужно.

II. *Диалектиковъ*, вполне опытныхъ въ искусствѣ давать опредѣленія понятій, дѣлать различія, приводить и разбирать доказательства.

III. *Риториковъ* или ораторовъ, обладающихъ умѣньемъ о каждомъ данномъ предметѣ говорить рѣчь по всѣмъ правиламъ искусства.

IV. *Арифметиковъ* и V. *Геометровъ*,—именно, частью въ видахъ многоразличныхъ требованій жизни, частью потому, что эти науки вполне и своеобразно возбуждаютъ и подстрекаютъ духъ къ изученію другихъ наукъ.

VI. *Музыкантовъ*,—практиковъ и теоретиковъ.

VII. *Астрономовъ*, по крайней мѣрѣ въ начальныхъ основаніяхъ, чтобъ ученики хоть сколько-нибудь были свѣдущи въ астрономіи и ея вычисленіяхъ, такъ какъ безъ послѣдней будутъ темны—какъ физика, такъ и географія, и большая часть исторіи.

2. Это и будутъ, слѣдовательно, тѣ признанныя *семь свободныхъ искусствъ, знаніе которыхъ, по воззрѣнію толпы, изготавляетъ магистра философіи*. Но я желаю, чтобъ они возвысились еще болѣе, и потому требую, чтобъ ученики латинскихъ школъ были, сверхъ того,—

VIII. *Физиками* *), которые понимали бы устройство міра, силу стихій, различія между животными, силы растений и металловъ, строеніе человѣческаго тѣла и т. п., и притомъ частью вообще, какъ эти вещи существуютъ сами по себѣ и для себя,—частью въ отношеніи другихъ созданий,—для употребленія въ нашей жизни, при чемъ излагается часть медицины, сельскаго хозяйства и пр., и часть механическихъ искусствъ.

IX. *Географами*,—носящими въ головѣ карты земли, морей, и острововъ, рѣкъ, государствъ и проч.

X. *Хронологами*,—которымъ бы были извѣстны перевороты вѣковъ, отъ начала міра, въ ихъ отдѣльныхъ періодахъ.

XI. *Историками*, которымъ въ значительной части были бы извѣстны важнѣйшія перемѣны человѣческаго рода и наибо-

*) По смыслу, который соединяетъ съ этимъ словомъ Коменскій, было бы правильнѣе сказать: *натуралистами*, потому что подъ словомъ «физика» Коменскій разумѣетъ ученіе о природѣ вообще, что нынѣ называется естествовѣдѣніемъ.

лѣе выдающихся царствъ, также судьбы церкви, равно обычаи племенъ и людей, ихъ судьбы.

ХІІ. *Моралистами*, которые въ состояніи были бы тщательно подмѣчать роды и различія добродѣтелей и пороковъ, и послѣднихъ избѣгать, а къ первымъ стремиться, — именно, сколько въ общей идеѣ, столько и въ частныхъ отношеніяхъ — къ домашней, государственной, церковной жизни и т. п.

ХІІІ. Наконецъ, я желаю также, чтобъ они были *богословами*, которые не только обладали бы знаніемъ основныхъ началъ ихъ вѣроученія, но могли бы также доказать ихъ Свящ. Писаніемъ.

3. *Я требую, чтобъ ученики, послѣ того, какъ они прошли шестилѣтній курсъ, твердо стояли во всѣхъ упомянутыхъ предметахъ; а если они и не достигли въ нихъ совершенства (ибо ни юношескій возрастъ не допускаетъ совершенства, которое нуждается въ болѣе продолжительномъ упражненіи, дабы теорію укрѣпить практикою, — ни возможность, съ другой стороны, изчерпать въ шестилѣтній промежутокъ времени цѣлое море знанія), то все же — чтобы они обладали прочнымъ основаніемъ, пріобрѣтеннымъ для будущаго совершеннаго образованія.*

4. *Для хорошо-распределеннаго шестилѣтняго образовательнаго курса потребны шесть правильно организованныхъ классовъ, которые, считая снизу вверхъ, могли бы носить слѣдующія названія:*

Классы:	{	I. грамматическій,
		II. физическій,
		III. математическій,
		VI. пфическій,
		V. діалектический,
		IV. риторическій.

5. О томъ, что я ставлю впереди, какъ привратницу, грамматику, — думаю я — никто не подниметъ спора; но если что могло бы показаться необычнымъ для тѣхъ людей, которые слѣдуютъ привычкѣ — какъ своему закону, такъ это то, *что я такъ далеко за реальными науками помѣстилъ риторику и діалектику*. Однако имъ здѣсь и слѣдуетъ имѣть мѣсто. Ибо я уже доказалъ, что должно предлагать вещь прежде способа ея обра-

ботки, то-есть матерію прежде формы, и что только эта единственная метода способна доставить прочные и скорые успѣхи; точно также, какъ мы научаемся познанію вещей раньше, чѣмъ вѣрному сужденію о нихъ или умѣнью о нихъ красно говорить. И еслибъ ты даже имѣлъ наготовѣ всѣ способы и приемы къ тому, чтобъ основательно развить какой нибудь предметъ въ сложной рѣчи, но не имѣлъ бы предъ собой матеріала, который долженъ былъ бы разсмотрѣть и о которомъ долженъ былъ бы говорить; то что сталъ бы ты разслѣдывать, въ чемъ сталъ бы убѣждать? Какъ дѣвушка, не забеременѣвъ, не можетъ родить *); такъ точно невозможно, чтобы кто-нибудь разумно говорилъ о какой-нибудь вещи, не бывъ предварительно посвященъ въ познаніе этой вещи. Вещи существуютъ по себѣ и для себя, хотя бы никакой умъ, никакой языкъ не изъясняли ихъ; система и языкъ вращаются только около вещей и зависятъ отъ нихъ; безъ вещей они расплылись бы въ ничто, или стали бы звуками безъ смысла, безумной или смѣшной попыткой. И такъ какъ разумное разсужденіе и языкъ основываются на вещахъ, то очевидная необходимость требуетъ, чтобы основаніе предпосылалось впередъ.

6. *А что естественныя должно быть предпосылаемо ученію о нравственности*, это—хотя у многихъ совершается противное — рѣшительно доказывается доводами ученыхъ мужей. Такъ Липсіусъ **) въ своей «Физиологіи» (I книга, глава I) пишетъ: «Мнѣ нравится мнѣніе великихъ авторитетовъ, и я охотно къ нему присоединяюсь и подаю свой голосъ за него, — именно—что естественныя науки должны стоять, въ ряду преподаваемыхъ предметовъ, на первомъ мѣстѣ. Наслажденіе отъ этого предмета (философіи) больше и способнѣе привлекать и удерживать умы; къ тому же, его достоинство выше и его блескъ болѣе возбуждаетъ къ удивленію; наконецъ, это заня-

*) Это мѣсто въ переводѣ выходитъ грубовато, но въ подлинникѣ буквально написано: «*Ut virginem non impraegnata parere impossibile est*» etc.

**) Юстусъ Липсіусъ, род. въ 1547 г., въ Брюсселѣ,—дѣйствовалъ въ особенности въ Левенѣ, гдѣ онъ написалъ свои лучшія сочиненія, отличающіяся ученостію и умомъ. Ср. К. Шмидтъ, Ист. педаг. III, 161. Маргофъ (Polihistor. II, 1, 4, 2) въ высокой степени хвалитъ его филофскія сочиненія, а слогъ Липсіуса признаетъ неподражаемымъ.

тіе будетъ подготовленіемъ и образованіемъ ума и надежнымъ ручательствомъ успѣшнаго изученія нравственности».

7. *Относительно математическаго класса можетъ возникнуть сомнѣніе: долженъ-ли онъ слѣдовать за естественно-историческимъ (физическимъ), или предшествовать ему?* Древніе, какъ извѣстно, начинали съ математическихъ занятій разсмотрѣніе вещей, почему они и дали имъ названіе *наукъ* по преимуществу *); и Платонъ не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь изъ ἀρσμετρητων (несвѣдущихъ въ геометріи) вступалъ въ его академію. Причина очевидна: ибо математическія науки обращаются съ числами и величинами, и потому представляютъ значительную легкость и вѣрность для сосредоточенія и развитія силы воображенія, а также для приготовленія и возбужденія къ пониманію другихъ предметовъ, которые удалены отъ чувственного созерцанія.

8. Это совершенно вѣрно; но я долженъ былъ принять въ соображеніе и нѣчто другое. Именно, во первыхъ, я убѣждалъ, что уже въ народной школѣ чувства должны быть упражняемы, а умы возбуждаемы,—именно посредствомъ чувственного наблюденія, а также посредствомъ тщательнаго обученія числамъ. Слѣдовательно, нашихъ учениковъ вообще нельзя уже назвать несвѣдущими въ геометріи (ἀρσμετρητοι). Во-вторыхъ, наша метода идетъ впередъ всегда послѣдовательно: итакъ, прежде чѣмъ приступить къ высшему разсмотрѣнію величинъ, цѣлесообразно будетъ внести въ школу ученіе о конкретных предметахъ—о *тылаіз*, что послужило бы подготовкой къ абстракту, который требуетъ болѣе тонкаго разсмотрѣнія. Въ третьихъ, я соединяю съ учебною задачею математическаго класса многое изъ ремесленнаго дѣла, легкое и вѣрное пониманіе котораго не совѣмъ возможно безъ знакомства съ ученіемъ о природѣ; а потому—это послѣднее должно быть предположено первому. Но еслибы доводы другихъ

*) Названіе *наукъ* (disciplinatum, μαθημάτων),—τὸ μαθημα значитъ въ греческомъ языкѣ выученное, предметъ ученія, науку; множественное число τὰ μαθηματα означаетъ вообще науки, а въ особенности математическія. Но въ общее употребленіе, для означенія математики, вошло прилагательное τὸ μαθηματικόν, что первоначально обозначало только принадлежащее къ наукамъ искусство (τεχνη).

или ихъ практика доказали нѣчто противное, то не въ моихъ намѣреніяхъ противоdѣйствовать тому. Я организую dѣло соотвѣтственно моимъ основаніямъ.

9. Послѣ того, какъ учащіяся (съ помощью «Преддверія» и «Входной двери» *), которыя я предназначаю для перваго класса) достигли посредственнаго употребленія латинскаго языка, я рекомендую излагать ученикамъ всеобщую науку, которую называютъ *первою мудростію* (*sapientia prima*), а въ обыденномъ языкѣ—*метафизикою* (что, какъ я полагаю, вѣрнѣе было бы назвать *профизикою* или *гипофизикою*,—что предшествуетъ изученію природы, или что стоитъ выше ея **). Какъ извѣстно, она раскрываетъ первыя и послѣднія основанія природы, т. е. необходимыя принадлежности всѣхъ вещей, ихъ свойства и различія, какъ со всеобщими нормами для всѣхъ вещей, такъ со стороны опредѣленія понятій, аксіомъ, идей и порядковъ. По приобрѣтеніи этого общаго знанія (что при моей методѣ возможно очень легко), пусть будетъ разсмотрѣно все спеціальное, и такимъ именно образомъ, чтобъ оно въ большей своей части являлось уже извѣстнымъ и ничто не представлялось бы совершенно новымъ, исключая примѣненія общаго къ извѣстнымъ спеціальностямъ. Независимо отъ этого общаго, на

*) Ср. главу XXII, отдѣлъ 19.

**) *Метафизика* есть наука объ основныхъ законахъ бытія—и заключаетъ въ себѣ: 1) ученіе о началѣ и условіяхъ научнаго изслѣдованія, 2) ученіе о бытіи, или о dѣйствительно—сущемъ, при чемъ разсматриваетъ 3) вопросъ о возможности явленія вещей и нашего знанія о нихъ и 4) излагаетъ ученіе о предполагаемой связи (причинности) бытія, о пространствѣ и времени и о происхожденіи пространственной и временной формъ матеріи. Коменскому не нравится, что такой отвлеченной, теоретической наукѣ придано названіе *метафизики*. Поэтому, онъ предлагаетъ употреблять лучше названіе *профизики* (*проφισική*) или *гипофизики* (*ὑποφισική*). Первое значило бы, можетъ быть, ученіе о прежде сотворенныхъ вещахъ, а послѣднее—ученіе о вещахъ, возникшихъ послѣ бытія матеріальнаго; выраженія, которыя во всякомъ случаѣ не ближе подошли бы къ содержанію понятія метафизики. Къ этому присоединяется и то, что эти термины столько же мало соотвѣтствовали бы духу греческаго языка, какъ и самое слово *метафизика*. Вообще, это выраженіе можетъ быть объяснено не этимологически, но только исторически. Оно, какъ извѣстно, произошло оттого, что часть сочиненій Аристотеля, послѣ ихъ открытія, заключавшая въ себѣ изслѣдованія о высшихъ теоретическихъ понятіяхъ, была названа *μετὰ τὰ φυσικά*, т. е. «частію, слѣдующею за физическими книгами».

изученіе котораго пришлось бы, можетъ быть, отдѣлить четверть года (ибо дѣло должно пойти легко, потому что оно заключается въ чистыхъ принципахъ, которые каждый человѣческій разумъ, посредствомъ приращеннаго ему свѣта, свободно признаетъ и воспринимаетъ), можно было бы перейти къ разсмотрѣнію видимаго міра, дабы указанныя въ *профизикѣ* чудныя творенія природы болѣе и болѣе становились наглядными на частныхъ примѣрахъ изъ природы. Этимъ учебнымъ предметомъ займется *физическій классъ*.

10. Отъ сущности вещей (*essentia rerum*) мы переходимъ къ тщательному разсмотрѣнію случайныхъ проявленій (формы) ихъ (*accidentia rerum*),—что я называю *математическимъ классомъ*.

11. Затѣмъ явится предметомъ разсмотрѣнія для учащихся *сама челоѣкъ, съ дѣянiями его свободной воли, и въ то же время—какъ владыка вещей*; пусть ученики научатся наблюдать, что подчинено нашей власти и господству и что нѣтъ, и какимъ образомъ, по мировымъ законамъ, должна управляться вселенная *) и т. п. Это будетъ преподаваться на четвертомъ году, въ *классѣ ифики*. Новое это не должно теперь проходить только исторически, служа отвѣтомъ на вопросъ—*что?*—какъ это бываетъ при начальныхъ основанiяхъ въ народной школѣ,—но посредствомъ вопроса—*почему?*—дабы ученики уже приучались направлять свое вниманіе на причины и дѣйствiя вещей. Однако, слѣдуетъ беречься, чтобы въ эти первые четыре класса не проникло уже нѣчто спорное; ибо это мы хотимъ сохранить неприкосновенно для пятаго класса, который слѣдуетъ дальше.

12. Въ *диалектическомъ классѣ* требую я, чтобы, послѣ того, какъ сокращенно будутъ предпосланы и изложены правила умозаключенiй, были вновь просмотрѣны естественно-историческіе, математическіе и моральные учебные предметы, и если при этомъ встрѣтится тутъ что-нибудь имѣющее значеніе—что между учеными составляло спорный вопросъ, то пусть оно здѣсь подвергнется окончательному обсужденію

*) Въ словахъ «*quomodo ad leges universi administrari conveniat universa*» лежитъ тонкость, которую трудно передать порусски, и которая имѣетъ свое основаніе въ томъ, что *universum* означаетъ собственно цѣлое, совокупное, а въ переносномъ смыслѣ—міръ.

Итакъ, пусть здѣсь излагается: что служить поводомъ къ спору? въ какомъ оно находится состояніи? въ чемъ состоитъ положеніе (тезисъ) и противоположеніе (антитезисъ)? какими истинными, наивѣроятными основаніями защищается то или другое? Потомъ раскрой ошибочность утвержденія другихъ, поведи къ ошибкѣ, обманчивость ихъ основаній; а для правильного рѣшенія, укажи на силу доказательствъ и т. п.; или, если оба утвержденія заключаютъ въ себѣ что-либо истинное, то представь сравненіе ихъ между собою. Такимъ образомъ одною и тою же работою достигается весьма пріятное повтореніе прежде пройденнаго и столько же полезное разъясненіе непонятаго прежде, и такимъ образомъ, посредствомъ общедоступныхъ примѣровъ,—слѣдовательно, короткимъ, но дѣйствительнымъ путемъ,—будетъ преподаваться въ обстоятельномъ видѣ самое искусство дѣлать умозаключенія, отыскивать неизвѣстное, разъяснять темное, разрѣшать сомнительное, ограничивать общее, истинное защищать оружіемъ самой истины, уничтожать ложное, и наконецъ, приводить въ порядокъ спутанное.

13. Послѣдній классъ будетъ *риторическій*; отъ этого класса я требую, чтобы въ немъ упражнялись въ правильномъ, легкомъ и пріятномъ практическомъ примѣненіи всего до тѣхъ поръ сообразнаго; при этомъ обнаружится, что наши ученики чему-нибудь научились, и что трудъ съ ними былъ не напрасенъ. Сообразно извѣстному изрѣченію Сократа: *«Говори такъ, чтобы я тебя увидѣлъ!»*—мы сперва образовывали духъ учениковъ преимущественно въ отношеніи разумности,—а теперь хотимъ, чтобы и языкъ ихъ выработался до изящнаго краснорѣчія.

14. *Послѣ того, какъ будутъ даны краткія и возможно ясныя правила для краснорѣчія, переходятъ къ упражненіямъ въ нихъ,*—именно, къ подраженію лучшимъ мастерамъ въ краснорѣчіи. Однако, при этомъ не остаются на однихъ и тѣхъ же матеріалахъ, но опять дѣлаютъ набѣги во всѣ области предметовъ истины и разнообразія, въ долины добрыхъ нравовъ и въ райскіе сады божественной мудрости, дабы то, что ученики знаютъ за полезное, пріятное или благоприличное, они умѣли бы также прекрасно излагать и, еслибъ было нужно, то не меньше настойчиво и защищать. Для достиженія этой цѣли,

они обладают уже почтеннымъ средствомъ,—именно, прекраснымъ знаніемъ всякаго рода вещей, достаточнымъ запасомъ словъ, выраженій, пословицъ, изрѣченій, исторій и т. п.

15. Но объ этомъ, если будетъ нужно, я поговорю подробнѣе въ другомъ мѣстѣ; ибо практика сама собою научаетъ остальному. Но только одно замѣтимъ еще: *Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что знаніе прекраснѣйшихъ исторій составляетъ часть образованія, взоръ на всю жизнь; то, по моему мнѣнію, такія исторіи должны быть сообщаемы во всѣхъ классахъ шестилѣтняго періода ученія, дабы ученикамъ не оставалось неизвѣстнымъ то, что во всемъ древнемъ мірѣ было совершено и въ сказано особенно достопамятнаго.* Но остается желать, чтобы это изученіе уравнивалось съ другими занятіями,—чтобы ученикамъ не увеличить работы, а напротивъ облегчить ее, и приготовить имъ приправу для болѣе серьезныхъ занятій.

16. Я думаю объ этомъ такъ: для каждаго класса могла бы быть составлена особая книга, наполненная опредѣленнаго рода исторіями, для того именно, чтобы преподавать:

Въ классѣ	I-мъ—сокращеніе <i>библейскихъ исторій</i> ;
	II-мъ— <i>исторію естественныхъ вещей</i> ;
	III-мъ— <i>исторію искусственныхъ вещей</i> и изобрѣтеній;
	IV-мъ— <i>исторію нравственныхъ явленій</i> , славнѣйшіе образцы добродѣтелей и проч.;
	V-мъ— <i>бытовую исторію</i> , съ изложеніемъ различныхъ обычаевъ народовъ и т. п.;
	VI-мъ— <i>всеобщую исторію</i> ,—исторію всего міра;

наиболѣе значительныхъ *нородовъ*,—въ особенности же исторію своего *отечества*,—все въ краткомъ изложеніи, но не опуская необходимаго.

17. Относительно спеціальной методы, которую слѣдуетъ примѣнять въ этихъ школахъ, я ничего теперь не скажу,—развѣ замѣчу слѣдующее: *мы желали бы обыкновенные четыре публичныхъ школьныхъ часа распределить такими образомъ, чтобы два утреннихъ часа (послѣ утренней молитвы) приходились на науку или искусство, отъ которыхъ классъ имѣетъ свое*

наименованіе,—затѣмъ первый послеобѣденный часъ былъ бы занятъ исторіею, второй—упражненіями слога, голоса, руки, смотря по тому, какъ того требуетъ учебный матеріалъ каждаго класса.

ГЛАВА XXXI.

Объ университетѣ (академіи).

1) Хотя моя метода не распространяется до этого періода, но не представляется никакого препятствія указать, какъ далеко простираются въ этомъ отношеніи мои желанія. Я сказалъ уже выше, что *академіямъ съ полною справедливостію должны принадлежать завершеніе и дополненіе всѣхъ наукъ и всѣ высшіе предметы образованія.*

2) Итакъ, я желаю, чтобы здѣсь:

I. Занимались только *дѣйствительно—универсальными предметами*, такъ чтобы не было ничего ни въ наукѣ, ни въ человѣческой мудрости, что не приходилось бы здѣсь.

II. Чтобы была введена въ употребленіе *наибольше легкая и вѣрная метода*, чтобы всѣ проходящіе туда получали прочное образованіе.

III. Чтобы публичными почестями были *отличаемы только тѣ, которые счастливо достигли своей цѣли и были бы настолько искусны и достойны, чтобы имъ безъ опасенія могло быть поручено веденіе человѣческихъ дѣлъ*. Какихъ частныхъ это можетъ потребовать, я укажу вкратцѣ.

3) Чтобы академическія занятія были универсальными, для этого нужны: 1) *профессора*, которые, изучивъ и, такъ-сказать, искусившись во всѣхъ наукахъ, искусствахъ, факультетахъ и языкахъ, всѣмъ своимъ слушателямъ излагали бы и сообщали все отъ себя, какъ живые руководители; 2) избранная изъ различныхъ писателей *библіотека*, которая была бы предоставлена въ общее употребленіе.

4) *Академическія работы были бы легче и успѣшнѣе пошли бы впередъ, еслибъ, во-первыхъ, сюда посылались только*

отборнѣйшіе таланты, цвѣтъ человечества; остальные же отсылались бы къ сохѣ, къ станку, къ торговлѣ, кого къ чему влечетъ природная склонность.

5) Вовторыхъ, *если бы каждый посвящалъ себя такой отрасли знаній, для которой, судя по вѣрнымъ признакамъ, можно полагать, назначила его сама природа*. Ибо какъ, по естественному влеченію, одинъ сравнительно съ другимъ становится лучшимъ музыкантомъ, поэтомъ, естествоиспытателемъ и проч., такъ точно и одинъ способенѣе другаго для богословія, для медицины, для юриспруденціи. Но относительно этого пункта слишкомъ часто погрѣшается, когда, не заботясь о влеченіяхъ природы, хотятъ по произволу изъ каждаго обрубка дерева выточить Меркурія. Потому и случается, что многіе безъ призванія предаются какому-нибудь занятію, и не совершаютъ ничего достойнаго похвалы, и даже часто болѣе успѣваютъ въ какомъ нибудь побочномъ дѣлѣ (*in quovis парέρηφ*), чѣмъ въ томъ, которое они себѣ избрали. Поэтому можно совѣтовать, чтобъ при выпускѣ изъ классической школы ректорами школъ было произведено публичное испытаніе талантовъ, и было бы предоставлено приговору ректоровъ: которые изъ юношей должны быть посланы въ университетъ, и которые назначены для другихъ родовъ дѣятельности.

6). Втретьихъ, *высокоодаренные таланты (heroica ingenia) должны быть подстрекаемы заниматься всѣмъ*, дабы не было недостатка въ людяхъ, которые знали бы многое, даже все, и обладали полною мудростью.*)

*) *Ut ne desint πολυμαθεῖς, αὐτὰρ παντὶς ἐν ἑκάστῳ—буквально: «дабы не было недостатка въ многознающихъ, всезнающихъ, всемудрыхъ людяхъ».* Это требованіе основывается на современномъ Коменскому состояніи наукъ, когда, вслѣдствіе недостаточнаго ихъ развитія, полагали, что можно изучить всѣ области знаній человѣческихъ, и потому лица, которые приготавливали себя для высшей ученой карьеры и именно для профессорской дѣятельности въ университетѣ, старались прослушать одинъ за другимъ многіе факультеты, а при желаніи—и всѣ, чтобы приобрѣсти себѣ по каждому изъ нихъ академическую степень; почему нерѣдко встрѣчались люди, которые обладали докторскимъ достоинствомъ по всѣмъ четыремъ факультетамъ. Это было заблужденіемъ, ибо основательное и глубокое изученіе какой-нибудь одной области науки при этомъ становилось невозможнымъ.

Въ наше время думаютъ и поступаютъ въ этомъ отношеніи совершенно

7). Вчетвертыхъ,—должны быть приняты мѣры, чтобы университеты воспитывали только прилежныхъ, нравственныхъ и годныхъ людей; псевдостуденты, которые своею праздною и расточительною проматываютъ свое состояніе и время, а другимъ даютъ вредный примѣръ,—не должны быть терпимы. Ибо гдѣ нѣтъ заразы, тамъ не будетъ и зараженія, если всѣ будутъ внимательно заниматься тѣмъ, чѣмъ имъ надлежитъ заниматься.

8). Впятыхъ, *въ университетъ*,—сказалъ я,—*должны бы быть прочитаны весь цикл писателей*. Но для того, чтобы это не составило слишкомъ много труда и въ то же время приносило пользу, — было бы полезно обратиться съ просьбою къ ученымъ людямъ, филологамъ, философамъ, богословамъ, медикамъ и другимъ,—оказать штудирующему юношеству такую же милость, какую оказываютъ географы изучающимъ географію, когда изображаютъ на ландкартахъ цѣлыя страны, части земли и даже цѣлую землю, и предоставляютъ такимъ образомъ возможность однимъ взглядомъ окинуть самыя отдаленныя пространства земель и морей. Ибо, если живописцы воспроизводятъ на полотнѣ земли, города, дома и людей, а потомъ и все идеальное; то почему же не изобразить такъ же живо и вѣрно и Цицерона, Ливія, Платона, Аристотеля, Плутарха, Тацита, Геллія, Гиппократа, Галена, Цельза, Августина, Иеронима и другихъ? Только не слѣдуетъ довольствоваться извлеченными изъ этихъ писателей фразами и выраженіями, какъ это у многихъ случается,—но давать полныя, хотя бы до возможности сжатия, системы.

9) Подобное извлечение изъ классиковъ принесетъ прекрасную пользу: во первыхъ, тѣмъ, которые не имѣютъ времени изучать этихъ писателей въ полномъ объемѣ ихъ, а между тѣмъ

иначе; нынѣшній ученый долженъ обладать солиднымъ общимъ образованіемъ, полученнымъ преимущественно въ гимназій; главная же цѣль академическихъ занятій есть углубленіе въ какую нибудь одну особенную отрасль, которая, при дальнѣйшемъ восхожденіи въ высшія ученые сферы, принимаетъ все болѣе тѣсныя границы. Только вслѣдствіе такого раздѣленія работы, стало возможнымъ въ наше время проникнуть столь глубоко въ нѣдра науки и извлечь изъ нихъ неизчислимые сокровища, между тѣмъ какъ многотитулованные ученые прошлыхъ столѣтій не отличались глубиною познаній и мало вліяли на развитіе науки какъ специальности.

приобрѣтають такимъ образомъ общее свѣдѣніе о всѣхъ писателяхъ; вовторыхъ, тѣмъ, которые (по совѣту Сенеки) хотягь посвятить себя подробнѣйшему изученію духа одного изъ авторовъ, представляется возможность сдѣлать болѣе легкій и болѣе сознательный выборъ, послѣ того, какъ они многое испробовали и узнали при этомъ, къ чему они относятся сочувственнѣе. Втретьихъ, для тѣхъ, которые должны прочесть авторовъ вполнѣ, это извлеченіе представляетъ подготовительное руководство для чтенія авторовъ съ пользой,— подобно тому, какъ кто нибудь, желая предпринять путешествіе, напередъ изучаетъ по картѣ особенности страны, чтобы легче, вѣрнѣе и съ большимъ наслажденіемъ разсматривать всѣ частности, которыя впослѣдствіи представятся его глазамъ. Наконецъ, вчетвертыхъ, краткія эти обозрѣнія послужать всѣмъ для того, чтобы имѣть возможность устранивать курсовыя повторенія писателей, при чемъ всегда встрѣтится что-нибудь, что крѣпко засядетъ въ головѣ, перейдетъ въ кровь и плоть.

10). Такія извлеченія изъ сочиненій авторовъ (для употребленія бѣднѣйшими и тѣми, которые не могутъ располагать по своему произволу большими фоліантами) могли бы быть изданы особо и въ приложеніяхъ къ самимъ сочиненіямъ авторовъ, дабы каждый, кто приступитъ къ ихъ чтенію, съ самаго начала могъ приобрести общій взглядъ на цѣлое.

11) *Затѣмъ, что касается до академическихъ занятій, то я полагаю, что было бы полезно ввести общественныя собесѣдованія во время учебныхъ часовъ, организованныя по образцу Гелліановской коллегіи (Collegii Gelliani *).* Именно, когда профессоръ публично говоритъ о чемъ-нибудь, то писатели, трактующіе о томъ же предметѣ, должны быть розданы студентамъ для приватнаго чтенія. И то, что въ предъобѣденные часы профессоръ публично излагалъ, то въ послѣ-

*) Авлъ Геллій, римскій писатель, жилъ въ первой половинѣ II-го столѣтія по Р. Хр. и умеръ около 160 г. Въ Римѣ онъ изучилъ краснорѣчіе, а въ Афинахъ—философію; по возвращеніи въ свой родной городъ, онъ, независимо отъ исполненія судейскихъ обязанностей, посвятилъ себя научнымъ, въ особенности же философскимъ занятіямъ, и составилъ изъ извлеченій изъ различнѣйшихъ писателей отдѣльный сборникъ, который сохранился до нашего времени.

объденные часы того же дня могло бы опять подвергнуться публичному обсужденію предъ цѣлымъ собраніемъ. Студенты предлагали бы вопросы; при этомъ можетъ случиться, что кто-нибудь изъ нихъ не совсѣмъ вѣрно что-нибудь понялъ, или въ немъ возникли сомнѣнія, или же, если онъ въ своемъ писателѣ нашелъ фразу, заключающую въ себѣ — по основаніямъ, которыя слѣдуетъ здѣсь же и сообщить — нѣчто противорѣчивое и тому подобное. Теперь каждому изъ воспитанниковъ должно быть предоставлено (но съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка) дать отвѣтъ; другіе же при этомъ могутъ судить объ отвѣтѣ и высказывать свое мнѣніе — удовлетвори-теленъ ли отвѣтъ; а профессору, какъ предсѣдательствующему, принадлежитъ разрѣшеніе спорнаго вопроса. Такимъ образомъ, повидимому, то, что многіе читаютъ отдѣльно, могло бы быть соединено въ одно, и не только въ цѣляхъ принаровленія къ общей пользѣ всѣхъ, но и для болѣе, прочнаго запечатленія въ умахъ, въ видахъ болѣе основательныхъ успѣховъ — въ теоріи и практикѣ наукъ.

12) Посредствомъ этого коллегіальнаго упражненія, кажется, можно безъ особеннаго труда достигнуть того, что, — какъ этого я желаю, да и вообще желаютъ всѣ добрые люди, — *публичныхъ почестей удостоивались бы только достойные*. Это станетъ выполнимымъ, когда признаніе достойнымъ будетъ зависѣть отъ сужденія не того или другаго лица, но отъ общественнаго мнѣнія и общаго согласія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, еслибы учреждена была ежегодная визитація — низшихъ школъ — инспекторами, академій же — полномочными отъ короля или правительства, и при этомъ могло бы быть дознано, съ какимъ прилежаніемъ занимались наставники и всѣ воспитанники; то тѣмъ изъ нихъ, которые по преимуществу отличились своимъ рвеніемъ, должно быть присуждено публичное засвидѣтельствованіе ихъ заслугъ, докторская или магистерская шапка.

13) А чтобы это испытаніе не было пустымъ обманомъ, — было бы здѣсь весьма у мѣста, вмѣсто диспута, для пріобрѣтенія академической степени, вызвать кандидата (или вмѣстѣ нѣсколько) на середину, безъ участія предсѣдателей. Тогда выступаютъ ученѣйшіе, пріобрѣвшіе практическую опыт-

ность люди и оппонируют кандидату въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, они могутъ испытать теоретическіе и практическіе успѣхи кандидата. Напр., здѣсь могутъ быть предложены различные вопросы изъ текста (Священнаго Писанія, Гиппократа, *Corpus juris*, и проч.),—гдѣ то или другое написано;—согласенъ или нѣтъ испытуемый съ тѣмъ или другимъ пунктомъ;—знакомъ ли онъ съ писателемъ, который высказалъ противное мнѣніе, и какое именно; какіе доводы можетъ онъ противопоставить возраженію; какъ долженъ быть бы рѣшиться вопросъ, и т. д. под. Въ отношеніи же практики экзаменующаго могутъ быть предложены различные случаи—сознанія, болѣзни, процесса,—при чемъ потребуется отъ него отвѣтъ—какъ бы онъ вздумалъ поступить въ томъ или въ другомъ случаѣ, и почему именно такъ. Кандидатъ ставится въ затрудненіе, именно разнообразіемъ случаевъ, пока не обнаружится, что онъ въ состояніи судить о вещахъ умно, выходя изъ вѣрнаго основанія, и т. д. Можно ли сомнѣваться, что тѣ, кому будетъ извѣстно заранее, что имъ придется подвергнуться публичному, серьезному и строгому экзамену, приложить къ своимъ занятіямъ все стараніе?

14) *Относительно путешествій* (которымъ я отвелъ мѣсто въ теченіе этого шестилѣтняго періода, или по истеченіи его) не представляется ничего, о чемъ было бы нужно упомянуть, кромѣ развѣ того, что мнѣ нравится и согласуется съ моими убѣжденіями высказанное Платономъ мнѣніе, что юношей не прежде слѣдуетъ отпускать въ путешествіе, пока не улягутся бурные порывы тревожно-стремительнаго періода—и пока къ нимъ не придутъ нужныя для путешествій благоразуміе и сообразительность.

15) Излишне было бы упоминать, какъ необходима *школа школъ*, или *педагогическій институтъ* (*Collegium didacticum*), который слѣдовало бы открыть *); а еслибы не было на то

*) *Collegium didacticum*—институтъ для приготовленія учителей; это учрежденіе, по мысли Коменскаго, не ограничивается приготовленіемъ учителей для народной школы, какъ наши учительскія семинаріи; но его «Школа школъ» должна была готовить учителей также для гимназій и университетовъ. Это нѣчто подобное бывшему «Главному педагогическому институту», но съ тѣмъ различіемъ, что общепедагогическая его задача обнимаетъ въ себѣ приготовленіе

никакой надежды, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы, съ вѣрою и помимо всѣхъ внѣшнихъ расчетовъ, нести попеченіе объ этомъ дѣлѣ кругу тѣхъ ученыхъ, которые призваны способствовать славі Божіей этимъ трудомъ. *Соединенныя усилія этихъ ученыхъ пусть направляются къ тому, чтобы глубже и полнѣе разслѣдовать основанія наукъ, чтобы очистить свѣтъ мудрости и съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ разсѣвать его среди человеческого рода, и новыми полезными открытіями поднимать благосостояніе людей.* Ибо если мы не желаемъ всегда идти по однѣмъ и тѣмъ же колеямъ, или даже идти назадъ; то должны обращать вниманіе на дальнѣйшее успѣшное развитіе хорошо начатаго; на томъ именно основаніи, что для успѣха наукъ недостаточны усилія отдѣльнаго человѣка, ни даже отдѣльнаго вѣка, но что только многіе, соединенными силами и постепенно, могутъ подвигать впередъ начатое. Эта всеобщая коллегія (*Collegium universale*) была бы для остальныхъ школъ тѣмъ же, что составляетъ желудокъ для частей тѣла,—это жизненная мастерская, которая доставляетъ всему организму сокъ, жизнь и силу.

17) Вернемся теперь къ тому, что намъ остается еще сказать о нашихъ школахъ.

ГЛАВА XXXII.

О правильномъ устройствѣ всеобщаго точнаго порядка въ школѣ.

1) О необходимости пересоздать школы и о томъ, какъ произвести это преобразованіе, я уже выше изложилъ подробно. Казалось бы не безполезнымъ соединить здѣсь въ одинъ итогъ наши желанія и совѣты. Пусть такъ и будетъ.

2) *Я желалъ бы, чтобы метода обученія была доведена до совершенства, чтобы между нынѣ употребляемой, издавна употреблявшейся и этой новой формой обученія обнаружилось бы*

учителей въ школы всѣхъ видовъ. Лейтбехеръ это мѣсто переводить нѣсколько иначе, именно такъ: «остается еще желать, чтобы было основано въ академіи или при академіи *Collegium didacticum*, гдѣ бы будущіе учителя основательно знакомились съ методою наукъ и практически упражнялись въ ней».

такое же различіе, какое мы замѣчаемъ между прежде употребительнымъ искусствомъ размноженія книгъ посредствомъ пера—и между впоследствии изобрѣтеннымъ и нынѣ повсемѣстно употребительнымъ — книгопечатаніемъ. Именно, какъ искусство книгопечатанія, хотя оно труднѣе, дороже и утомительнѣе письма, —значительно удобнѣе для копировки книгъ—болѣе скорой, вѣрной и красивой: такъ точно и эта новая метода, хотя вначалѣ она и можетъ поразить различными трудностями, однако даетъ возможность обучать заразъ гораздо большее число учениковъ и въ то же время съ болѣе вѣрнымъ успѣхомъ и съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ это бываетъ при обыкновенной безметодности (*ἀμεθοδεία*).

3) Можно легко вообразить себѣ, какъ мало пригодной могла показаться попытка перваго изобрѣтателя шрифта въ сравненіи съ принятымъ тогда, столь свободнымъ и искуснымъ, употребленіемъ пера; но дѣйствительность показала, какія огромныя выгоды принесло съ собою это изобрѣтеніе. Ибо, *во-первыхъ*, два молодыхъ человѣка съ помощію книгопечатнаго станка могутъ изготовить въ теченіе извѣстнаго времени больше экземпляровъ одной книги, чѣмъ, можетъ быть, двѣсти человѣкъ напишутъ въ то же время перомъ. *Далѣе*, рукописнымъ способомъ изготовленныя книги всегда различались одна отъ другой, и по числу листовъ, и по формѣ страницъ, и по положенію линий; печатныя же сходны одна съ другой до малѣйшей мелочи, какъ одно яйцо подобно другому, и при томъ схожи всѣ экземпляры,—что составляетъ значительное изящество. *Втретьихъ*, правильно-ли написаны рукописныя книги или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ онѣ, ни всѣ вмѣстѣ, ни каждая отдѣльно, не провѣряются тщательно, не сравниваются съ оригиналомъ и не исправляются, чего невозможно было бы достигнуть безъ огромнѣйшаго труда и отвращенія. Въ печатныхъ же книгахъ, если одинъ экземпляръ исправленъ отъ ошибокъ, то и всѣ остальные, хотя бы ихъ было тысячи, стали чрезъ ту же корректуру безошибочны, что несвѣдущимъ въ искусствѣ печатанія хотя и можетъ показаться невѣроятнымъ, однако тѣмъ не менѣе вполне справедливо. *Вчетвертыхъ*, для письма годится не всякая бумага, но только болѣе крѣпкая, на которой бы не

расплывались чернила; для печати же пригодна и мягкая, и пропускная— бумага, ткань и т. п. Наконецъ, съ помощью книгопечатанія могутъ прекрасно изготовить книгу также и тѣ, которые не могутъ хорошо писать, ибо они производятъ работу не рукою, но посредствомъ нарочно для того искусно приготовленныхъ литеръ, не знающихъ уклоненій отъ шрифта.

4) Дѣло образованія не отстало бы отъ книгопечатанія, если бы все то, что принадлежитъ къ новой всеобщей методѣ обученія, мы уже имѣли правильно организованнымъ (ибо я не утверждаю, что эта всеобщая метода уже существуетъ (*παρρηγορεύειν*), но я только рекомендую ее),— чтобы 1) съ меньшимъ числомъ учителей было обучаемо гораздо большее число учениковъ, чѣмъ сколько ихъ обучается по нынѣ принятому способу; 2) чтобы учителя обладали большимъ образованіемъ; 3) чтобы само обученіе было устроено изящно и было полно удовольствія; 4) чтобы къ обученію допускались также и тѣ, которые одарены сравнительно слабыми способностями и незначительною восприимчивостью; 5) чтобы, наконецъ, обучали съ успѣхомъ и учителя, которыхъ природа не снабдила счастливыми задатками для учительской должности; ибо иной учитель не столько изъ своей собственной головы почерпаетъ, чему и какъ обучать, но сообщаетъ и внѣдряетъ юношеству организованное обученіе, посредствомъ заранѣе обдуманнхъ и находящихся подъ руками средствъ. Ибо, подобно тому, какъ музыкантъ свободно играетъ по нотамъ какую-нибудь музыкальную піесу, которую онъ, можетъ быть, самъ не могъ бы сочинить, ни даже повторить, голосомъ или на инструментѣ, наизусть, — и школьный учитель долженъ быть въ состояніи всему обучать, если только весь учебный матеріалъ, со всѣми способами для обученія, онъ будетъ имѣть передъ собою изложеннымъ, какъ на листѣ нотъ.

5) Но я хочу сохранить однажды принятое сближеніе обученія съ искусствомъ книгопечатанія—и съ помощью сравненія подробнѣе разсмотрѣть искусный механизмъ, дѣйствующій въ этой новой методѣ, чтобы показать, что внѣдреніе наукъ въ умы совершается почти тѣми же средствами, которыя внѣшнимъ образомъ примѣняются къ бумагѣ. Въ этомъ основаніи, новому искусству обученія, примѣняясь къ слову *типо-*

графія, можно было бы дать названіе *дидакографіи* *). Разсмотримъ самый предметъ по частямъ.

6) Искусство книгопечатанія имѣетъ свой собственный *матеріалъ* и свои особенныя дѣйствія *производства*. *Матеріалъ* состоитъ преимущественно изъ *бумаги, шрифта, краски и печатнаго станка*; *производство работы* суть: *подготовленіе бумаги, набирание шрифта по рукописи, покрытіе типографской краской, коррективное наборъ, печатаніе, сушка и проч.* Всѣ эти производства имѣютъ свой способъ отправленія, котораго и слѣдуетъ держаться, чтобы дѣло подвигалось безпрепятственно.

7) Въ дидадохрафіи (хотѣлось бы удержать это выраженіе) происходитъ то же самое. *Бумага* — это ученики, умы которыхъ должны быть отпечатаны письменами наукъ. *Литеры* (шрифтъ) суть учебники и другія для того приготовленныя пособія, дабы съ помощью ихъ, при болѣе легкомъ трудѣ, учебный матеріалъ запечатлѣвался въ умы учащихся. *Типографская краска* — это живое слово учителя, которое переноситъ смыслъ матеріала изъ книгъ въ души слушателей. *Типографскій станокъ* — школьная дисциплина, которая всѣхъ направляетъ и понуждаетъ къ воспріятію ученія.

8) *Бумага годится для печати, какого бы качества она ни была*; однако чѣмъ лучше бумага, тѣмъ лучше восприметъ она и передастъ печать. Такъ точно, и наша метода найдетъ доступъ во всѣ головы; но болѣе благопріятныя успѣхи будетъ она имѣть у болѣе одаренныхъ.

9) Качество металлическихъ литеръ имѣетъ съ нашими учебниками (какихъ мы желали бы) прекрасное сходство. Ибо, во первыхъ, какъ шрифтъ долженъ быть сначала *вылитъ, отполированъ и приспособленъ для употребленія, прежде чѣмъ начнется печатаніе книгъ*; такъ и въ новой методѣ необходимо, чтобы вспомогательныя средства ея были приготовлены прежде, чѣмъ начнется самое примѣненіе методы.

*) *Дидахоуграфія*. Если *типографія* обозначаетъ писаніе литерами, то *дидахографія* означаетъ *писаніе* (или печатаніе) *посредствомъ обученія*: изъ этого уже видно, что настоящее подражаніе въ названіи нельзя назвать удачнымъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы при словѣ *типографія* хотѣли думать не о типахъ или литерахъ, но о первоначальномъ значеніи слова *τύπος*, — именно объ ударѣ, или о чемъ-нибудь произведенномъ чрезъ ударъ или нажатіе.

10) Во-вторыхъ, въ печатаніи *необходима такой запасъ шрифта, чтобы его достало для работъ*; тоже самое требуется въ обученіи относительно книгъ и учебныхъ пособій: было бы тяжело, прискорбно и вредно — начать дѣло, а потомъ встрѣтить препятствіе къ дальнѣйшему ходу, за недостаткомъ вспомогательныхъ средствъ.

11) В-третьихъ, *полная типографія имѣетъ шрифты всѣхъ сортовъ, дабы ничего болѣе не оставалось желать изъ того, что необходимо*. Такъ точно и наши книги должны исчерпывать все, что принадлежитъ къ полной культурѣ духа; дабы то, что необходимо знать, каждый могъ найти въ этихъ пособияхъ.

12) В-четвертыхъ, при печатаніи шрифтъ, *чтобы быть готовымъ для всякаго употребленія, не разбрасывается тутъ и тамъ, но тщательно раскладывается по кассамъ и отдѣленіямъ*. Такъ точно и наши книги—не должны заключать въ себѣ въ спутанномъ видѣ учебный матеріалъ, но все должны представлять раздѣльно, распредѣленнымъ на годовые, мѣсячные, дневные и часовые уроки (pensae).

13) В-пятыхъ, *изъ кассы вынимаютъ только тѣ литеры, которыя прямо нужны для настоящей работы; остальные оставляютъ нетронутыми*. Такъ точно и ученикамъ должны быть даваемы въ руки только тѣ школьныя книги, которыя имъ нужны въ соответствующемъ классѣ, дабы они не отвлекались другими и черезъ то не спутывались.

14) В-шестыхъ, *наконецъ,—какъ книгопечатникъ имѣетъ въ своей верстатѣ наборную линейку (шпонъ), на которой онъ изъ литеръ набираетъ слова, а изъ нихъ составляетъ строки, и какъ онъ потомъ пользуется спускальной доской, на которой строки верстаются въ столбцы, дабы что-нибудь не вышло изъ своего мѣста*; такъ точно и образователю юношества слѣдуетъ дать въ руки масштабъ, которымъ бы онъ измѣрялъ свои работы, т. е. для его употребленія должны быть составлены руководящія книжки (libelli informatorii), которыя напоминали бы ему, на какомъ мѣстѣ и какимъ образомъ онъ долженъ выполнять то или другое, дабы не попасть въ дѣлѣ обученія на кривой путь.

15) Итакъ, учебники должны быть двоякаго рода: *реаль-*

ные—для учениковъ и *наставительные*—для учителей, дабы, съ помощью послѣднихъ, учителя разумѣли примѣнять къ дѣлу учебники перваго рода.

16) *Наставительная типографская краска*, сказалъ я, — *слово учителя*. Ибо если бы захотѣли печатать сухимъ шрифтомъ, какимъ онъ обыкновенно бываетъ, то на бумагѣ не осталось бы ничего, кромѣ слѣпыхъ слѣдовъ, которые потомъ опять изчели бы; если же шрифтъ покрыть краскою, то образуются совершенно явственные и почти нестираемые оттиски. Такимъ же образомъ, насколько преподаваніе *нѣмыхъ учителей—книгъ, въ дѣйствительности, нѣмо, темно и несовершенно для учениковъ, настолько то же преподаваніе, когда къ нему присоединится голосъ учителя* (который все разъясняетъ понятнымъ образомъ, сообразуясь съ познавательной силой учащихся, и все приравниваетъ къ употребленію), *становится живымъ и глубоко запечатлѣвается въ умъ*, такъ что, наконецъ, ученики дѣйствительно поймутъ то, что учать, и постигнуть то, что знаютъ. Но какъ типографская краска различна отъ чернилъ, такъ какъ готовится не изъ воды, но изъ масла (желающіе имѣть для книгопечатанія надлежаще приготовленную краску, употребляютъ тщательно очищенное масло и угольный порошокъ изъ грецкихъ орѣховъ): такъ точно и голосъ учителя, силою привлекательнаго и понятнаго способа обученія, подобно нѣжному маслу, долженъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и преподаваемое, проникать въ умы учащихся.

17) *Наконецъ, что въ книгопечатныхъ достигается посредствомъ печатнаго станка, то въ школахъ достигается единственно посредствомъ дисциплины*, настолько твердой, чтобы каждому сообщить образованіе. Ибо какъ тамъ вся бумага, которая должна войти въ составъ книги, должна пройти чрезъ станокъ (при чемъ болѣе крѣпкая бумага нажимается болѣе, мягкая—менѣе); такъ точно и тотъ, кто поступаетъ въ школу для полученія образованія, долженъ подчиниться общей школьной дисциплинѣ. Эта дисциплина имѣетъ свои ступени. Во-первыхъ, *постоянное вниманіе*. Ибо, такъ какъ на дѣтскую внимательность и невинность никогда нельзя полагаться съ достаточною увѣренностію (вѣдь потомки они Адама); то слѣ-

дуетъ внимательно слѣдить, куда они только ни обратятся. Во-вторыхъ, *попорицаніе*, — посредствомъ котораго ученики, уклонившіеся съ колеи, немедленно призываются на путь разума и послушанія. Наконецъ, *наказаніе*, примѣняемое въ томъ случаѣ, когда ученики не захотятъ подчиниться убѣжденію или напоминанію; причемъ, однако, необходимо все примѣнять съ благоразуміемъ, не имѣя въ виду никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы всѣ ученики были возбуждены, бодры, всѣ занимались съ успѣхомъ.

18 Я сказалъ еще, что необходимы также извѣстныя *дѣйствія* и извѣстный способъ ихъ выполненія; рассмотримъ также вкратцѣ и это условіе.

19) *Сколько желаютъ имѣть экземпляровъ какой-нибудь книги, столько и листовъ берутъ каждый разъ, и отпечатываютъ ихъ всѣ по одному и тому же тексту и однимъ и тѣмъ же шрифтомъ; и это число листовъ удерживается отъ начала до конца книги, не будучи ни увеличиваемо, ни уменьшаемо; въ противномъ случаѣ — образовались бы неполные экземпляры.* Подобнымъ же образомъ наша учебная метода необходимо требуетъ, чтобы весь классъ учениковъ, который долженъ быть обучаемъ однимъ и тѣмъ же предметамъ, въ одно время поступалъ къ учителю, чтобы онъ могъ обучить его послѣдовательно, отъ начала до конца, и чтобы никто послѣ начала учебнаго курса не былъ принимаемъ, никто до конца его не отпускался. Тогда можно будетъ утвердительно сказать, что и одного учителя будетъ достаточно для многочисленной толпы учениковъ и что всѣ ученики будутъ равномѣрно все учить, безъ неполноты или пробѣла. *Итакъ, необходимо, чтобы всѣ общественныя школы только однажды въ году открывались и закрывались* (мои основанія говорятъ больше въ пользу того, чтобы это совершалось осенью, а не весною или въ другое время); дабы ежегодно сполна проходилъ курсъ каждаго класса, и дабы, въ то же время, всѣ (если только не помѣшаетъ этому тупость нѣкоторыхъ учениковъ), доведенные до цѣли, въ то же время переводились въ слѣдующій классъ, подобно тому, какъ и въ книгопечатняхъ, по отпечатаніи листа *A*, переходятъ къ листу *B*, потомъ къ *C*, *D*, *E* и т. д.

20) *Наилучше отпечатанные книги имѣютъ отчетливо выполненные главы, столбцы, отдѣлы, съ известными промежутками* (будетъ ли это вслѣдствіе надобности, или просто ради общаго вида), *частію на поляхъ, частію между линіями*. Такъ точно и учебная метода—должна имѣть свои періоды труда и покоя, которые должны чередоваться надлежащимъ образомъ. Учебная метода должна имѣть свои годовыя, мѣсячныя, дневныя и часовыя задачи; если послѣднія будутъ правильно выполнены, то классъ пройдетъ весь курсъ и, такимъ образомъ, достигнетъ своей годовой цѣли. *Весьма основательно можетъ быть рекомендовано, чтобъ ежедневно опредѣлялось на публичное обученіе въ школы не болѣе четырехъ часовъ: два передъ обѣдомъ и столько же послѣ обѣда*. Если въ субботу, какъ день отдохновенія, послѣобѣденные часы будутъ освобождены отъ запятій, и все воскресеніе будетъ посвящено во славу Божію, то въ недѣлю получится 22 учебныхъ часа, въ годъ же (со включеніемъ ежегодныхъ каникулъ) около 1000, въ которыхъ—ахъ! какъ много можетъ быть преподано и выучено, если только при этомъ поступать постоянно методически!

21) *Когда шрифта набранъ, берутъ листъ бумаги и разстилаютъ ихъ, чтобъ они были подъ рукою и ничто не задерживало работы*. Равнымъ образомъ, учитель сажаетъ учениковъ предъ собою такъ, чтобъ онъ всѣхъ видѣлъ и чтобы всѣ могли постоянно видѣть и его самого. (Какъ это должно сдѣлать, я уже показалъ въ XIX-й главѣ, въ I вопросѣ).

22) *Но чтобъ сдѣлать бумагу пригоднѣе для воспринятія отписки, ее намачиваютъ и размячуютъ*. Равнымъ образомъ и въ школѣ—слѣдуетъ постоянно возбуждать учениковъ къ вниманію, и именно съ помощью средствъ, на которыя я указалъ въ томъ же мѣстѣ.

23) *Послѣ того, какъ это сдѣлано, накатывается краска на наборъ, дабы выдающаяся часть его явственнѣе отпечаталась*; такъ и учитель разъясняетъ постоянно изучаемое живымъ словомъ, прочитывая, перечитывая и разбирая урокъ по частямъ, чтобы все могло быть явственнѣе воспринято.

24) *Потомъ листы, одинъ за другимъ, кладутся подъ прессъ станка, чтобы изображеніе формы отпечаталось на каждомъ отдѣльномъ листѣ*. Такъ точно и учитель: послѣ разъясне-

нія смысла и показанія на нѣсколькихъ примѣрахъ легкости повторенія разясненнаго урока, онъ немедленно требуетъ отъ отдѣльныхъ учениковъ, дабы они повторяли тоже самое, чтобы сдѣлаться изъ учащихся знающими.

25) *Затѣмъ, отпечатанная бумага выставляется для просушки на воздухъ.* Въ школѣ также должно производиться провѣтриваніе умовъ посредствомъ *повтореній, испытаній и соревнований*, пока не приобретется увѣренность, что приобретенное вполне усвоено.

26) *Наконецъ, послѣ того, какъ всѣ листы прошли чрезъ печатный станокъ, всѣ отпечатанные листы собираются и складываются въ порядкѣ, чтобы образовались полные и цѣлые, исправные экземпляры, годные для сброшюровки, разсылки, продажи и для употребленія.* Также самое должны произвести и публичныя испытанія по истеченіи года, когда визитаторами школъ испытываются успѣхи учениковъ, узнается—прочны-ли эти успѣхи и одинаковы-ли они по всѣмъ предметамъ; все это для той цѣли, чтобы увѣриться, что учениками выучено то, что слѣдовало выучить.

27) Вотъ все, что слѣдовало высказать здѣсь вообще; особенное оставимъ для особенныхъ случаевъ. Здѣсь же достаточно высказано, что какъ чрезъ изобрѣтеніе типографскаго искусства размножены книги, эти орудія для распространенія образованія; такъ точно и чрезъ изобрѣтеніе *дидактики* или *педagogики*—можетъ быть увеличено число людей образованныхъ, съ чѣмъ вмѣстѣ соединилось бы значительное движеніе къ лучшему въ отношеніи человѣческаго благосостоянія, какъ сказано: «Множество мудрыхъ—спасеніе міру» (Кн. премудр. VI, 26). И такъ какъ я стремлюсь умножить христіанское образованіе, чтобы поселить страхъ Божій, а потомъ науки и добрые нравы во всѣ посвященныя во Христа души: то можно надѣяться на то, на что Божественное откровеніе повѣлываетъ надѣяться: «И будетъ, что вся земля наполнится вѣдѣнія Господня, какъ море покрытое водами многими» (Ис. XI, 9).

ГЛАВА XXXIII.

О необходимыхъ условіяхъ для практическаго примѣненія этой универсальной методы.

1) Едвали найдется кто-нибудь, кто, при всестороннемъ обсужденіи развитія школьнаго дѣла, не усмотрѣлъ бы, какъ счастливо было бы состояніе нашихъ христіанскихъ государствъ и странъ, если бы обучали въ такихъ школахъ, какихъ я желаю. Но къ сказанному слѣдуетъ, кажется, присоединить то, что было бы необходимо въ дѣйствительности, дабы изложенныя соображенія не оставались только соображеніями, но осуществились бы, наконецъ, въ жизни съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Ибо не безъ основанія *Іоаннъ Цецилій Фрей* удивлялся и скорбѣлъ, что въ теченіе столь многихъ столѣтій никто не отважился отмѣнить даже варварскіе обычаи въ университетахъ.

2) Во всякомъ случаѣ, въ теченіе болѣе—чѣмъ ста лѣтъ, уже много было высказано жалобъ на безпорядочность школь и методы обученія; но въ особенности въ послѣднія тридцать лѣтъ много и съ сердечнымъ сокрушеніемъ разсуждали о средствахъ улучшить дѣло образованія. Но съ какимъ успѣхомъ?—Школы рѣшительно остались такими же, какими онѣ были. Если кто-нибудь въ частной дѣятельности или въ частной школѣ и предпринималъ что-нибудь, то это не имѣло никакого послѣдствія: начинатель осмѣивался невѣждами, или терпѣлъ непріятности, которыми засыпали его недоброжелатели; или же, самъ по себѣ, лишенный вспомогательныхъ средствъ, изнемогалъ подъ тяжестью трудовъ. Такъ до сихъ поръ всѣ попытки превращались въ ничто.

3) Итакъ, нужно *отыскать и изобрѣсть такой способъ*, посредствомъ котораго *машина*, разумно построенная и приспособленная къ движенію, или по крайней мѣрѣ имѣющая быть построенною на разумныхъ основаніяхъ, *была бы приведена въ движеніе* съ помощью Божіей, а то, что давно *задерживало движеніе*, да и въ будущемъ могло бы задерживать его, *въ то же время было бы устранено* благоразумнымъ и энергичнымъ дѣйствіемъ.

4) Можно подмѣтить различныя препятствія этого рода. Впервыхъ, *недостатокъ въ людяхъ, знакомыхъ съ методомъ, которые, послѣ повсѣмѣстнаго открытія школы, были бы въ состояніи управлять ими съ прочнымъ успѣхомъ, на который я разсчитываю.* (Ибо и относительно моего сочиненія «Іаппа», которое уже введено въ школахъ, одинъ человѣкъ, съ основательнымъ сужденіемъ, высказываетъ жалобу въ письмѣ ко мнѣ, что кое-чего очень важнаго недостаетъ во многихъ мѣстахъ моего труда. Итакъ, надо способныхъ людей, которые разумѣли бы истолковывать учебникъ юношеству).

5) Вовторыхъ, если бы даже были или образовались такіе учителя, которые, сообразно съ построенною системою, умѣли бы легко вести свое дѣло, — *то гдѣ найти средство для уплаты имъ жалованья, когда въ нихъ есть потребность во всѣхъ родахъ и селеніяхъ, и вездѣ, гдѣ только родятся и воспитываются люди!*

6) Далѣе, какимъ образомъ можно устроить, чтобы дѣти и бѣдныхъ людей могли посѣщать школу?

7) *Но прежде всего, кажется, слѣдуетъ опасаться чванства и упорнаго сопротивленія со стороны тѣхъ ученыхъ стараго закала, которые, дѣйствуя на старый ладъ, съ удовольствіемъ виліяютъ туда и сюда и съ важностью пренебрегаютъ всѣмъ новымъ, и разныхъ другихъ препятствій, хотя и меньшаго значенія. Впрочемъ, противъ послѣднихъ легко найти средства.*

8) Но что во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно и недостатокъ чего можетъ сдѣлать всю машину безполезною, а присутствіе чего можетъ привести ее въ движеніе, — это именно достаточное *снабженіе школъ памметодическими сочиненіями* *). И дѣйствительно, насколько легко (при существованіи искусства книгопечатанія) найти людей, которые были бы въ состояніи воспользоваться этими сочиненіями, понимали бы ихъ и относились къ нимъ сочувственно, — даже такихъ людей, которые доставляли бы средства на составленіе и изда-

*) *Памметодическія сочиненія.* Коменскій слишкомъ поздно, именно только въ послѣднихъ главахъ настоящаго сочиненія, напалъ на мысль назвать свою новую систему *памметодиєю*, т. е. вполне методично построеннымъ способомъ обученія.

ніе хорошихъ и полезныхъ книгъ, и, наконецъ, такихъ людей, которые подобныя книги, *дешевыя по цѣнѣ, но дорогія по пользѣ*, покупали бы за нѣсколько копѣекъ; настолько легко было бы, приготовивъ вспомогательныя средства для пантодидактики *), найти для нея ревнителей, сотрудниковъ и руководителей.

9) Итакъ, поворотный пунктъ для всего дѣла лежитъ главнымъ образомъ въ *изготовленіи памметодическихъ сочиненій*. Послѣднія, въ свою очередь, обусловливаются единодушіемъ въ выполненіи столь священнаго предпріятія и въ соединеніи усилій значительнаго числа способныхъ, не боящихся труда ученыхъ людей. Ибо такое дѣло одинъ человекъ выполнить не въ состояніи, особенно если онъ имѣетъ постороннія занятія и если онъ не обладаетъ знаніемъ всего того, что должно войти въ составъ памметодики; не станетъ даже и цѣлой жизни одного лица, чтобы довести такой трудъ до безусловнаго совершенства. Итакъ, *необходимо коллегіальное собраніе для этой цѣли*.

10) Но для созыва такого собранія—необходимы: авторитетъ и щедрое содѣйствіе со стороны короля, князя, или правительства; далѣе—спокойное, удаленное отъ шума мѣсто, библіотека и вообще все, что потребывалось бы для дѣла. Необходимо также, чтобы никто не рѣшался противодѣйствовать столь святому предпріятію, добросовѣстно направленному къ возвеличенію славы Божіей и благосостоянія человѣческаго рода,—но чтобы каждый стремился быть сотрудникомъ общаго Божьяго дѣла, много возвѣщаемаго.

11) Итакъ, вы, дорогіе *родители дѣтей*, вѣрному чувству которыхъ Богъ поручилъ свое самое дорогое сокровище, свои живыя изображенія, —примите къ сердцу святое дѣло, когда услышите рѣчь о столь благодѣтельныхъ мѣрахъ! Не оставляйте призывать Бога боговъ,—для полученія счастливаго успѣха,—обращаться къ великимъ и ученымъ этого міра съ вашими неоступными просьбами и желаніями, заявленіями и убѣжденіями; а между тѣмъ, воспитывайте благочестиво дѣтей вашихъ

*) *Пантодидактика*—«искусство всѣхъ учить всему»,—какъ выражается Коменскій въ первыхъ главахъ своего труда.

въ страхѣ Господнемъ, и такимъ образомъ достойно подготовляйте имъ путь для высшаго образованія.

12) Равно и вы, *наставники юношества*, положившіе ваши силы на дѣло насажденія и орошенія растеній рая,—умоляйте горячею мольбою, чтобъ эти облегчающія ваши труды средства — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше — были приведены въ дѣйствіе и приняты къ всеобщему употребленію. Ибо что можетъ быть пріятнѣе вамъ, которые призваны насаждать небо и основывать землю (Ис. LI, 16), какъ не то, чтобы вы вскорѣ увидѣли обильнѣйшіе плоды вашихъ трудовъ? Итакъ, ваше небесное призваніе — оправдывать довѣріе, возлагаемое на васъ родителями, поручающими вамъ заложниковъ своей любви; да будетъ это довѣріе огнемъ въ вашихъ членахъ, — огнемъ, который не давалъ бы покоя ни вамъ, ни другимъ, пока въ огнѣ этого свѣта не воспламенится и не засіяетъ радостно все отечество.

13) Вы, остальные *ученые*, которыхъ Богъ одарилъ мудростью и проницательнымъ сужденіемъ, дабы вы могли судить о подобныхъ вещахъ, а хорошо продуманное разумно проводить въ жизнь,—приложите заботу о томъ, чтобъ не было промедленія и не гасли ваши искорки, но принесите ваши факелы и мѣхи, чтобъ раздувать этотъ священный огонь. Каждый да припомнитъ слово Христа: «Я пришелъ низвести огонь на землю, и какъ желалъ бы, чтобъ онъ уже возгорѣлся!» (Лук. XII, 49). Если Онъ хочетъ, чтобъ огонь разгорѣлся, то горе тому, кто могъ бы оживить это пламя, а между тѣмъ ничего не производитъ, кромѣ клубовъ дыма зависти, недоброжелательства и противодѣйствія. Припомните, какую награду Христосъ обѣщаетъ благочестивымъ и вѣрнымъ рабамъ, которые порученные имъ для роста таланты употребили на то, чтобы посредствомъ ихъ приобрести другіе таланты,—и какъ Онъ порицаетъ лѣнливыхъ, зарывшихъ свои таланты въ землю (Матѣ. XXV, 14 — 30). Итакъ, не скрывайте въ себѣ однихъ вашего образованія, но прилагайте всѣ ваши силы, чтобъ сообщить его и другимъ, да побудитъ васъ примѣръ Сенеки, который говоритъ: «Я желалъ бы, чтобы все, что я знаю, излить на другихъ». И еще: «Если бы мудрость сообщалась только подъ условіемъ, чтобъ я содержалъ ее замкну-

току въ себѣ и никому не долженъ былъ сообщать ее, то я отказался бы отъ этой мудрости» *). Итакъ, не отказывайте всему христіанскому народу ни въ мудрости, ни въ наукѣ; лучше скажите съ Моисеемъ: «О еслибы всѣ въ народѣ господнемъ были пророками!» (Моис. 11, 29). Ибо *нести надлежащее попеченіе о юношествахъ значитъ тоже, что совершенствовать и вновь образовывать церковь и государство*; и неужели мы, которымъ это извѣстно, могли бы оставаться праздными въ то время, какъ другіе принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

14) Да одушевить насъ всѣхъ,—молю я,—одинъ общій духъ, чтобъ все, что каждый могъ бы принести для общей и полезной цѣли, въ видѣ совѣта, предостереженія, увѣщанія, исправленія, понужденія,—каждый не замедлил бы съ ревностью исполнить по мѣрѣ силъ, для Бога и для потомства,—и чтобъ никто не думалъ, что это до него вовсе не касается. Ибо, если бы кто-нибудь и считалъ себя рожденнымъ не для школы, или если бы его удерживали занятія по церковному, государственному или врачебному призванію; то все же онъ поступилъ бы дурно, еслибы полагалъ, что онъ свободенъ отъ этой всеобщей заботы. Ибо, если ты убѣжденъ, что можешь доказать вѣрность и твоему призванію, и тому, кто тебя призвалъ, и тѣмъ, къ кому ты посланъ; то, при всѣхъ обстоятельствахъ, ты будешь исполненъ ревностью не только въ служеніи себѣ, Богу, церкви и отечеству, но также станешь предусмотрительно думать о томъ, что есть люди, которые по твоему примѣру сдѣлаютъ тоже самое. Сократъ заслужилъ себѣ похвалу за то, что, когда ему представился случай быть полезнымъ государству исправленіемъ государственной должности, предпочелъ посвятить себя воспитанію юношества; ибо, сказалъ онъ, *«больше будетъ пользы государству, если онъ многихъ содѣлаетъ искусными къ управленію общественными дѣлами, чѣмъ если самъ будетъ управлять государствомъ.»*

15) Ещё прошу и молю, ради Бога, дабы не пренебрегъ этимъ дѣломъ какой-нибудь представитель высокой учености, потому только, что починъ дѣла приходится отъ менѣ посвя-

*) Senec. Ep. XXVI.

щенного въ науки человѣка; ибо «иногда и огородникъ высказывалъ нѣчто годное». «Чего ты не знаешь, знаетъ, можетъ быть, осленокъ», говорить *Хризиппъ* *). А Христосъ говоритъ: «Вѣтеръ дуеъ, куда хочетъ, и ты слышишь явственно его заываніе, но не знаешь, откуда онъ приходитъ и куда направляется». Я свидѣтельствую предъ лицомъ Бога, что увлекаетъ меня предпринять это дѣло не самолюбіе мысли, не желаніе славы и не другая какая-либо личная выгода, но любовь къ Богу и желаніе улучшить общественныя и частныя отношенія людей побуждаютъ меня, чтобъ я не осмѣливался скрывать въ тиши то, что постоянное и тайное влеченіе заставляетъ меня высказать. Итакъ, если бы кто-нибудь, имѣя возможность оказать содѣйствіе осуществленію высказанныхъ мною желаній, стремленій и предпріятій, сталъ бы противодѣйствовать имъ и оспаривать ихъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ объявляетъ войну не мнѣ, а Богу, своей совѣсти и общему закону природы, который требуетъ, чтобы общественныя блага составляли общее достояніе по праву и употребленію.

16) И къ вамъ также обращаюсь я, *богословы*, отъ которыхъ, какъ я очень хорошо предвижу, много будетъ зависѣть, чтобъ мое предпріятіе, при вашей поддержкѣ, получило движеніе, или задержку. Если вы пожелаете послѣдняго, то исполнится то, что часто говаривалъ *Бернардъ* *): «Христосъ не имѣлъ болѣе вредныхъ враговъ, какъ тѣхъ, кото-

*) *Хризиппъ*, послѣдователь стоической философіи, родился въ Тарсѣ, родинѣ апостола Павла, около 282 до Р. Х., и умеръ въ 208 или 209 г. Онъ развивалъ стоическое ученіе и въ особенности извѣстенъ—какъ прилежный писатель, оставившій послѣ себя 705 сочиненій. У *Диогена Лаэртія* находится полный ихъ перечень. Одно изъ нихъ «О провидѣніи» было недавно найдено при раскопкѣ *Геркуланума*.

*) *Бернардъ*, по прозванію *ос-Крево*, по аббатству, въ которомъ онъ былъ представителемъ, съ 1115 г. Участіе этого могучаго оратора, строгаго учителя нравственности и осмотрительнаго посредника въ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ—имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ несчастный третій крестовый походъ, который состоялся по его настояніямъ. Приведенная *Коменскимъ* фраза объясняется изъ прямого участія, которое *Бернардъ* принимаетъ въ раздорахъ о папскомъ престолѣ и въ различныхъ вопросахъ о еретикахъ и о преслѣдованіяхъ ихъ.

рые были около него, а изъ числа послѣднихъ тѣхъ, которые имѣли первенство». — Но я ожидаю отъ васъ лучшаго и болѣе отвѣчающаго вашему достоинству. Припомните, что Господь поручилъ Петру пасти не только овецъ, но и агнцевъ Его, и агнцевъ прежде овецъ (Іоан. XXI, 15). Понятно: ибо пастухамъ легче пасти овецъ, чѣмъ ягнять, такъ какъ первыя уже приучены къ жизненному пастбищу, порядку стада и дисциплинѣ пастушескаго посоха. Если кто-нибудь предпочитаетъ совершенно необразованныхъ слушателей, то изъ этого поистиннѣ обнаруживается его невѣжество. Какой золотыхъ дѣлъ мастеръ не будетъ радъ, когда онъ изъ плавки получить совершенно очищенное золото? Какой башмачникъ не желаетъ имѣть для работы вполнѣ отдѣланную кожу? Итакъ, будемъ также дѣтьми свѣта, благоразумными въ нашемъ дѣлѣ, и пожелаемъ, чтобъ школы доставляли намъ вполнѣ образованныхъ слушателей.

17) Но да не возстанетъ недоброжелательство въ сердцахъ ни одного изъ васъ, служители Бога Живого! Ибо вы для другихъ путеводители къ любви, которая не гнѣвается, не отвергаетъ, не ищетъ своего, не стремится нанести вредъ и проч. Итакъ, не коситесь, когда другіе будутъ дѣлать то, что не приходило вамъ на умъ; будемъ лучше брать примѣръ одинъ съ другого, дабы, какъ говорить *Григорій*, всѣ мы, исполненные вѣры, отзывались Богу, какъ орудія истины.

18) Къ вамъ теперь приступаю я, къ вамъ именемъ Божіимъ говорю, — *повелители народовъ, политическія власти; къ вамъ въ особенности направлены мои слова.* Ибо вы суть *Нои* (vos estis Noe), которымъ при этомъ потопѣ, поглотившемъ весь міръ, было поручено построenie ковчега, для сохраненія святаго сѣмени (I Моис. 6). Вы *тѣ князья*, которые для построения святыни должны трудиться впереди другихъ, дабы художники, отъ Господа исполненные духомъ для художественнаго изобрѣтенія, не были нерадивы въ своемъ дѣлѣ (II Моис. 36). Вы *Давиды и Соломоны*, которымъ предлежитъ созывать строителей для построения храма Господня и доставлять имъ все для того необходимое (I Царств. VI, 1. Паралип. 29). Вы *тѣ сотники*, которыхъ избереетъ Христосъ,

если вы будете любить малыхъ Его и постройте имъ школы (Лук. VII, 5).

19) Христомъ прошу васъ, правители народовъ, спасеніемъ нашего потомства, если такое будетъ, заклиная васъ, преклоните слухъ вашъ! Велико, ахъ! чрезвычайно велико то дѣло, которое соединяетъ въ себѣ славу Божию и общее благо народовъ. Я убѣжденъ, отцы отечества, въ вашей любви къ нему; еслибъ нашелся кто-нибудь, кто обѣщалъ бы дать совѣты, какъ съ небольшими издержками можно укрѣпить всѣ наши города, обучить всѣхъ молодыхъ людей военному дѣлу, сдѣлать всѣ наши рѣки судоходными, обезпечить благосостояніе всей массы народа и отдѣльныхъ лицъ торговлею и богатствомъ, или какимъ бы то ни было образомъ довести ее до большаго процвѣтанія и безопасности: вы не только открыли бы слухъ вашъ этому совѣтнику,—вы остались бы, кромѣ того, благодарны ему, что онъ съ такою ревностію заботится о благѣ вашемъ и вашихъ ближнихъ. *Но здѣсь есть нечто большее.* Здѣсь указывается путь, истинный, надежный, вѣрный, какимъ можно создать массу людей, которые, открытіями и изображеніями, подобными помянутымъ, могли бы одинъ за другимъ служить отечеству до безконечности. Если, поэтому блаженной памяти Лютеръ увѣщаетъ нѣмецкіе города повсюду открывать школы, то онъ совершенно вѣрно пишетъ: «Если на постройку городовъ, замковъ, памятниковъ и арсеналовъ обращается одинъ дукатъ, то сотни ихъ слѣдуетъ употребить на то, чтобы надлежащимъ образомъ образовать одного юношу, который, ставъ мужемъ, могъ бы быть для другихъ путеводителемъ ко всему благу. Ибо добрый, мудрый человѣкъ есть драгоцѣннѣйшее сокровище всего государства,—сокровище, въ которомъ заключается болѣе, чѣмъ въ блистающихъ дворцахъ, болѣе, чѣмъ въ кучахъ золота и серебра, болѣе, чѣмъ въ мѣдныхъ воротахъ и желѣзныхъ засовахъ и т. д.» (Съ этимъ согласно и сказанное Экклез. IX и слѣд.). Если мы, говорю я, признаемъ истину сказаннаго, *что не слѣдуетъ щадить никакихъ издержекъ для того, чтобы надлежащимъ образомъ воспитать хотя только одного юношу:* то не должны ли будемъ отстаивать это, такъ какъ этимъ всеоб-

шимъ средствомъ отворится дверь для общаго образованія всѣхъ, для вѣрнаго образованія умовъ; такъ какъ Богъ обѣщаетъ излить на насъ Свои дары не по каплямъ, но подобно ручьямъ; такъ какъ нынѣ, повидимому, приближается прославление Его, дабы Его слава обитала вмѣстѣ съ нами на землѣ нашей.

20) Поднимите, князья, врата ваши; поднимитесь, двери вѣчныя: да войдетъ Царь Славы (Псал. XXIII, 7)! Принесите Господу вы, сыны могущественныхъ, — принесите Господу честь и поклоненіе! Да будетъ каждый изъ васъ тѣмъ Давидомъ, который клялся Господу и давалъ обѣтъ сильному Іакова, — который не хотѣлъ войти въ шатеръ дома своего, ни возлечь на ложе, — который не хотѣлъ дать сна очамъ своимъ, ни вѣждамъ своимъ дреманія, доколѣ не найдетъ мѣста Господу, жилища Сильному Іакова (псал. CXXXI, 1 — 5). Не обращайтесь вниманія на издержки: давайте Господу, и Онъ вамъ воздастъ въ тысячу разъ больше. Ибо, хотя Онъ и Своего права требуетъ, говоря: Мое серебро, и Мое золото (Агг. II, 9), — но, по благоугодію Своей прибавляетъ (когда увѣщаетъ народъ къ строенію храма): «Испытайте меня, — не раскрою ли я вамъ бездны неба и не пошлю ли на васъ до избытка благословеніе? (Мал. III, 10).

21) (6) Ты же, Господь Богъ нашъ, дай намъ сердце радостное служить Твоей славѣ, насколько кто можетъ. Ибо Твое и величіе, и сила, и слава, и побѣда. Все, что на небѣ, Твое; Твое, о Господи, царство, — и Ты — надъ всѣми царями. Твое богатство, Твоя слава, сила и держава; отъ Твоей десницы зависитъ сдѣлать все сильнымъ и крѣпкимъ. Ибо что такое мы, все получившіе только отъ твоей руки! Чужеземцы и гости на землѣ, — мы и всѣ отцы наши. Какъ тѣнь исчезаютъ наши дни на землѣ и нѣтъ имъ остановки. Господи, Боже нашъ! все, что мы пріемлемъ къ прославленію Твоего святаго имени, — все это отъ руки Твоей. Дай премудрымъ Твоимъ сердце праведное, дабы они творили все, что уготовано для Твоей славы (I Царствъ, 30). Утверди, Боже, то, что Ты содѣлалъ для насъ (Псаломъ LXVII, 29). Да явится на рабахъ Твоихъ

дѣло Твое и на сынахъ ихъ слава Твоя. И да будетъ
благоволеніе Господа Бога нашего на насъ, и въ

дѣлѣ рукъ нашихъ споспѣшествуй намъ

(Псал. 89, 16, 17). На Тебя, Гос-

поди, мы уповаемъ, да

не постыдимся

во вѣки.

Аминь.

Когда въ такомъ видѣ написано было это сочиненіе въ первый разъ, я показаль его на родинѣ немногимъ лицамъ и молчаливо сохраниль его для будущаго употребленія; но для того, чтобъ оно не стало напраснымъ трудомъ, принялся я, руководствуясь изложенными здѣсь новыми принципами, составлять и упомянутыя тамъ спеціальныя сочиненія (учебники), дабы все было наготовѣ, если Богъ возвратитъ лучшія судьбы нашему отечеству.

Итакъ, я принялся, говорю, писать:

I. *Наставленія для материнской школы*, для лучшаго воспитанія юношества дома, родителями, и для подготовленія дѣтей въ общественныя школы.

II. *Книги, которыя должны были бы служить для народной школы*, дабы всему народу, также и низшему классу его, внушить спасительное ученіе, истинный страхъ божій и добрыя нравы.

III. Наконецъ, книги, которыя должны были бы служить для *латинскихъ школъ*, чтобы этому языку, до сихъ поръ столь необходимому для насъ—европейцевъ, легче и лучше было обучать и обучаться.

Школа для маленькихъ дѣтей (заключающая въ себѣ наставленія родителямъ) была переведена съ чешскаго языка на нѣмецкій, въ 1633 году, когда графъ Рафаиль въ Лешнѣ, ко-

ролевскій воевода въ Бѣльцѣ *), захотѣлъ улучшить школьное дѣло въ своей провинціи. Она тамъ же была и напечатана, и посвящена названному покровителю, по порученію и по желанію котораго было приступлено къ изданію и этой «Дидактики», которая вскорѣ затѣмъ была снова напечатана въ Лейпцигѣ и Торнѣ, на польскомъ языкѣ, а въ 1653 году появилась для употребленія въ Венгріи, на латинскомъ языкѣ.

Хотя я теперь, перечитавши снова это сочиненіе, вполне ясно усматриваю, что многое могло бы быть сказано подробнѣе (ибо и доселѣ одинъ день учить другой); но рѣшился выпустить его въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть; ибо могу надѣяться, что оно и въ такомъ видѣ принесетъ пользу. Затѣмъ предоставляется другимъ обсуждать его послѣ меня, дополнять и исправлять.

*) Графъ *Рафаилъ Лещинскій*, покровитель Коменскаго, получилъ отъ польскаго короля Сигизмунда III многія кастелянства и староства; былъ воеводою въ Бѣльцѣ и былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ приверженцевъ реформаціи. Умеръ въ 1636 г. Съ его правнукомъ, королемъ Станиславомъ, вымерла фамилія Лещанскихъ.